ГОДЪ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 19.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года мая 7-го дня.

XLVII
БИБЛІОТЕКИ
Братства св. Вас.
ЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО
Отд. №

Содержаніе: Въ день открытія Государственной Думы.—Голосъ народа.—Къ вопросу о двоебрачіи священниковъ.—Изъ религіозной жизни Запада.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: „О забастовкахъ".

Инв. № 100692

Въ день открытія Государственной Думы [1]).

Почитаю за особенное счастье привѣтствовать васъ, братіе, съ этого священнаго мѣста со днемъ открытія Государственной Думы, который отнынѣ долженъ стать великимъ общенароднымъ праздникомъ нашего возрожденія къ новой политической и гражданской жизни.

Въ настоящую торжественную минуту я желалъ бы, чтобы все современное поколѣніе русскихъ людей, предъ которыми наша исторія открываетъ новую, быть можетъ—самую блестящую свою страницу, сумѣло подняться до ин-

[1]) Рѣчь, произнесенная въ храмѣ Кіевской духовной семинаріи предъ молебствіемъ 27 апр.

тересовъ славнаго нашего Русскаго государства, до интересовъ многомилліоннаго народа, націи, а мы съ вами—до интересовъ нашей Церкви, нашей вѣры.

Я желалъ бы, чтобы свободные избранники страны, нынѣ представляющіеся Государю, сумѣли оцѣнить по достоинству дарованное имъ право непосредственнаго участія въ строительствѣ Русской земли и принялись за это сложное дѣло въ полномъ сознаніи той великой отвѣтственности, которая отнынѣ будетъ давить плечи не одного Монарха, но и всякаго свободнаго русскаго гражданина.

Я желалъ бы, чтобы они, забывъ взаимныя недоразумѣнія и оставивъ всякія партійныя притязанія, прониклись достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ и политической мудростью для того, чтобы даровать нашей родинѣ миръ внутренній и внѣшній и обезпечить ей такія условія жизни, благодаря которымъ всѣ могли бы легко дѣлать добро и избѣгать зла.

Я желалъ бы, чтобы всѣ мы и особенно наши представители въ Государственной Думѣ прониклись сознаніемъ, что залогъ благоденствія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ въ правдивости, честности, благородствѣ мыслей и поступковъ, что только отвращеніе ко всякой лжи во всѣхъ ея проявленіяхъ, только негодованіе противъ всякой неправды ведетъ къ истинному благополучію, что въ общественной и политической дѣятельности долженъ господствовать не иной законъ, кромѣ закона Божіей правды...

Братіе, вы вступаете въ жизнь на зарѣ новой эпохи, новаго періода нашего историческаго бытія. Вы увидите нашу дорогую родину въ новомъ сіяніи славы и могущества; вы увидите многое, чего мы и предвидѣть не можемъ. Мы завидуемъ этой счастливой вашей долѣ, и о, если бы вы въ настоящій день почувствовали свое преимущество. Но преимущество ваше соединено съ вашими обязанностями предъ нашимъ народомъ. Вы должны будете отдать ему свои силы, чтобы возвысить, прославить его. Дай Богъ, чтобы каждый изъ

васъ въ этотъ день далъ торжественный обѣтъ послужить ему честно и мужественно. Дай Богъ, чтобы всѣ вы, когда вступите въ ряды полноправныхъ русскихъ гражданъ, сознали себя обязанными соединять интересы народа съ интересами Церкви, чтобы всѣ вы способствовали нашему великому народу быть народомъ славнымъ, могущественнымъ, честнымъ, и вмѣстѣ—православно-христіанскимъ...

Соединимъ всѣ сердца въ горячей молитвѣ, чтобы Царь царствующихъ и Господь господствующихъ исполнилъ во благихъ настоящія наши пожеланія въ той мѣрѣ, въ какой они соотвѣтствуютъ намѣреніямъ Божіимъ о насъ.

Свящ. *Н. Гр.*

Голосъ народа.

Давно уже въ нашей духовной и отчасти свѣтской періодической прессѣ выдвинутъ и обсуждается вопросъ о матеріальномъ положеніи духовенства. Вопросъ обсуждался всесторонне, съ различныхъ точекъ зрѣнія, и часто вызывалъ горячую полемику. Всѣ согласно признавали матеріальное положеніе нашего, главнымъ образомъ сельскаго, духовенства крайне тяжелымъ, даже невыносимымъ. Но тогда какъ одни причину тяжелаго положенія видѣли только въ матеріальной необезпеченности, другіе все зло полагали въ способѣ матеріальнаго обезпеченія, считая таковой крайне унизительнымъ для духовенства, угнетающимъ и парализующимъ его духовную энергію, и настойчиво требовали немедленной реформы существующаго способа матеріальнаго обезпеченія духовенства. Однако противъ послѣднихъ горячо возставали, повидимому, не менѣе убѣжденные защитники традиціоннаго способа обезпеченія духовенства.

Вообще защита status quo, въ какой бы то ни было области жизни или мысли, чаще всего имѣетъ своею скрытой причиной инерцію духа, страшащагося всякихъ новшествъ;

но обычно защитники традиціоннаго способа обезпеченія духовенства приводили и приводятъ въ защиту и оправданіе этого послѣдняго соображенія высшаго порядка. Говорятъ, что существующій способъ обезпеченія духовенства, ставя послѣднее въ необходимую зависимость отъ прихожанъ ео ipso сближаетъ духовенство съ прихожанами, заставляетъ вникать его во всѣ нужды послѣднихъ, живо чувствовать всѣ ихъ горести и радости, жить одною съ ними жизнью. Съ особою силою указываютъ, что существующій способъ освященъ вѣками и что онъ соотвѣтствуетъ исторически сложившемуся укладу жизни народа и отношеній его къ своимъ пастырямъ. Измѣнять этотъ вѣками освященный и коренящійся не только въ бытѣ, но и въ психологіи народной, способъ обезпеченія духовенства, по меньшей мѣрѣ неосновательно и легкомысленно...

Ссылка на исторію и народную психологію является самымъ сильнымъ, повидимому, аргументомъ въ пользу традиціоннаго способа. Конечно, для тѣхъ, кому приходилось непосредственно наблюдать или самимъ переживать всю унизительность, всю нравственную тяжесть „поборовъ“ „съ живыхъ и мертвыхъ“, сборовъ въ великіе дни христіанскихъ праздниковъ, денежныхъ разсчетовъ въ святѣйшія минуты совершенія таинствъ,—для тѣхъ самыя высокія соображенія отпадаютъ, самые сильные аргументы теряютъ свое значеніе; но они только устраняются чисто психологическими мотивами, но не опровергаются. Ссылка же на исторію и особенно на народъ все же остается, по крайней мѣрѣ до сего времени оставалась, неотразимымъ и неопровержимымъ аргументомъ, неопровержимымъ не по внутренней своей силѣ и логической состоятельности, а по простой невозможности опровергнуть, какъ, впрочемъ, и доказать, послѣдній. Къ этому аргументу прибѣгали, какъ и теперь еще прибѣгаютъ, всѣ, кому что-нибудь нужно было доказать, прибѣгали какъ къ послѣднему аргументу, не требующему дальнѣйшихъ доказательствъ. А народъ молчалъ,—молчалъ и былъ для всѣхъ

сфинксомъ, таинственной загадкой, которую каждый разгадывалъ по-своему. Правда, раздавались отдѣльные голоса изъ народа, но какъ отдѣльные, разрозненные, не приведенные въ гармонію звуки, они звучали слабо и не имѣли авторитетнаго значенія, или вѣрнѣе—имъ не придавали такового значенія.

Но вотъ, наконецъ, народъ заговорилъ послѣ долгаго молчанія; и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, тревожною чуткостью прислушиваются къ его голосу. Съ организаціей народнаго представительства мы получимъ возможность слышать голосъ народа—и уже не можемъ игнорировать его. Извѣстный общественный дѣятель и спеціалистъ по общественно-экономическимъ вопросамъ, бывшій профессоръ, нынѣ членъ Государственной Думы г. Максимъ Ковалевскій, описывая предвыборныя собранія въ предѣлахъ Харьковской губерніи, между прочимъ сообщаетъ: „На предвыборныхъ собраніяхъ, когда мнѣ приходилось излагать предъ избирателями мою программу, весь интересъ моихъ слушателей сосредоточивался, какъ и можно было ожидать, на земельномъ вопросѣ... *Говорили они (крестьяне) и о томъ, какъ унизительно для священника и тяжело для его паствы то требованіе, что ребенокъ не можетъ родиться, крестьянинъ—вступить въ бракъ, а старикъ—отойти въ вѣчность безъ того, чтобы на крестьянскій дворъ не наложено было подчасъ непосильнаго денежнаго побора. Не мѣшало бы,—говорили они,—положить батюшкѣ постоянное жалованье, а насъ освободить отъ платы за требы*“ [1]) („Страна“, № 39).

Въ этихъ словахъ, въ объективности передачи которыхъ нѣтъ основаній сомнѣваться, мы слышимъ голосъ народа, который началъ заявлять о своихъ нуждахъ, заговорилъ о томъ, что долго хранилъ въ своемъ наболѣвшемъ сердцѣ. Этимъ заявленіемъ полагается конецъ всѣмъ разсужденіямъ о популярности и національно-историческомъ значеніи традиціоннаго способа обезпеченія нашего духовенства. А съ

[1]) Курсивъ нашъ.

другой стороны—это заявленіе народа открываетъ намъ нѣкоторыя, хотя еще далекія, перспективы будущаго и освѣщаетъ настоящее. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, съ разныхъ сторонъ доносятся извѣстія объ усиленной агитаціи въ крестьянской средѣ противъ духовенства; постоянно приходится читать въ газетахъ или слышать о единичныхъ и коллективныхъ отказахъ крестьянъ платить за требы, объ агитаціи противъ духовенства на предвыборныхъ собраніяхъ (въ губерніи Кіевской, Вятской, Воронежской и др.). Хотя изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ и даже изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ идутъ и совершенно противоположныя извѣстія (напр., относительно выборовъ въ губ. Воронежской, Вятской, Тверской), однако весьма многіе, обобщая всѣ эти факты и явленія, дѣлаютъ заключеніе о возрастающемъ народномъ движеніи противъ духовенства. И одни съ нескрываемой радостью, другіе съ затаенной тревогой смотрятъ на будущее. Эту тревогу вызвалъ у многихъ еще т. н. крестьянскій съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ осенью минувшаго года. На съѣздѣ ярко выразилось враждебное отношеніе къ духовенству. На этомъ съѣздѣ докладчикъ Стааль говорилъ: все духовенство должно быть выборнымъ. Духовенство развращаетъ народъ на толкованіи христіанства. Мы не вводимъ въ программу безвѣрія; но должны ввести требованіе, чтобы духовенство не назначалось. Тогда среди нашихъ делегатовъ будетъ много священниковъ, а нынѣшніе священники останутся за штатомъ“ („Рус. Слово“ отъ 11-го ноября). „Про священниковъ, говорилъ харьковскій делегатъ, я скажу словами Спасителя: древо, не приносящее плода, нужно извергнуть. Нужно такъ: если ты скривишь, то вотъ тебѣ что—(жестъ казни). Сѣкира при корнѣ—вотъ присяга“. „Въ этихъ словахъ, писалъ проф. Мышцынъ, слышится не одна простая угроза, но грозное предостереженіе... На эти рѣчи наше духовенство, особенно сельское, должно обратить серьезное вниманіе. Свои угрозы крестьяне безъ особаго труда могутъ привести въ исполненіе. Средствъ бороться съ

ними у нашего духовенства нѣтъ никакихъ. У крестьянъ же, кромѣ могучаго оружія—лишенія содержанія, есть еще болѣе тонкое, но столь же дѣйствительное средство, къ которому они иногда прибѣгаютъ, когда хотятъ добиться чего-нибудь отъ епископа". Опредѣляя значеніе съѣзда для будущаго, проф. Мышцынъ говорилъ: „никто, конечно, не сочтетъ крестьянскій съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ, за выраженіе общекрестьянскаго движенія. Тѣмъ не менѣе было бы непростительною наивностью совершенно игнорировать его значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что взгляды съѣзда будутъ энергично распространяться среди народа и, если не будутъ поняты и приняты цѣликомъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ несомнѣнно привлекутъ къ себѣ крестьянскія симпатіи" [1]). Послѣднія слова оправдались въ дѣйствительности, п. ч. агитація противъ духовенства ведется и имѣетъ успѣхъ тамъ, гдѣ существуютъ организаціи крестьянскаго союза, руководящагося программой крестьянскаго съѣзда. Но не менѣе оправдались и первыя слова: ясно, что крестьянскій съѣздъ совсѣмъ не былъ выраженіемъ общекрестьянскаго движенія; ясно, что голоса, на немъ раздававшіеся, совсѣмъ нельзя принимать за голосъ народа. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить только что приведенныя слова „харьковскаго делегата" съ заявленіемъ харьковскихъ же крестьянъ на предвыборныхъ собраніяхъ. Это сравненіе (мы не приводимъ другихъ) до очевидности ясно показываетъ, что гг. Тесленки, Богоразы et tutti quanti—эти „делегаты отъ крестьянъ" свой голосъ выдавали за голосъ народа. Настоящее же, трудовое крестьянство думаетъ, чувствуетъ и разсуждаетъ поиному. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только заявленіе харьковскихъ крестьянъ, но и многія другія заявленія и факты, имѣвшія мѣсто во время выборовъ и до выборовъ [2]).

---

[1]) *Мышцынъ Вас.*, проф. „По церковно-общественнымъ вопросамъ". Вып. 2-й, стр. 33, 36.

[2]) Не приводя ихъ теперь, мы думаемъ къ нимъ возвратиться потомъ, привести ихъ въ иной связи и иномъ освѣщеніи.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что настоящее не такъ безотрадно-мрачно, какъ оно рисуется въ сознаніи многихъ.

Какія же перспективы открываются въ будущемъ?

Мы не назовемъ ихъ розовыми, но онѣ не такъ ужъ и мрачны. Для насъ несомнѣнно, что голосъ харьковскихъ крестьянъ является подлиннымъ голосомъ преобладающаго большинства нашего трудового крестьянства. Къ этому голосу должны, юридически и нравственно обязаны прислушиваться—и не только прислушиваться, но и руководствоваться имъ—всѣ избранники народа, всѣ, кого народъ облекъ своимъ довѣріемъ и послалъ въ Думу защищать его интересы, выражать его нужды и желанія. Къ этимъ избранникамъ и теперь принадлежитъ подавляющее большинство членовъ Думы; въ будущемъ же, при реформѣ избирательнаго права на демократическихъ началахъ, оно должно не уменьшиться, а увеличиться; ибо крестьянство составляетъ 90% всего населенія. Слѣдовательно, если стать на идеальную точку зрѣнія, то открываются очень заманчивыя дали. Но, какъ извѣстно, дѣйствительность всегда далека отъ идеала: и мы не обольщаемъ себя иллюзіями. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что интеллигентная часть Думы, примыкающая къ лѣвому блоку, въ вопросахъ церковно-приходской жизни не будетъ слѣдовать голосу народа; несомнѣнно, напр., что она будетъ вотировать противъ назначенія духовенству жалованья изъ суммъ государственнаго казначейства, потому что это противорѣчитъ конечному идеалу партій лѣваго блока по церковному вопросу; а таковымъ идеаломъ, который теперь, въ тактическихъ видахъ, замалчивается въ партійныхъ программахъ, является отдѣленіе Церкви отъ государства, или же прямо сознательное антихристіанство и атеизмъ [1]). Судя же по выборамъ, можно съ несомнѣнностью заключить, что лѣвый блокъ бу-

[1]) Очень мѣткую и вѣскую характеристику лѣвыхъ партій съ этой стороны даетъ *проф. С. Булгаковъ* въ статьѣ „Религія и культура“ („Полярная Звѣзда“, № 13-й).

детъ имѣть большое значеніе въ Думѣ; нѣкоторые приписываютъ ему даже руководящую роль въ Думѣ.

По офиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, изъ 179 избранныхъ въ первую очередь, въ мартѣ мѣсяцѣ, членовъ Государственной Думы—99 крестьянъ, т. е. большинство. Съ вѣроятностью можно заключить, что въ Думѣ будетъ крестьянское большинство. По вычисленію „Страны“, изъ 179 избранныхъ въ первую очередь членовъ Думы къ лѣвымъ партіямъ принадлежитъ—111; изъ нихъ крестьянъ—45; остальные крестьяне—почти всѣ—безпартійные или центра. По предположительному вычисленію „Нашей жизни“ въ Думѣ представителей лѣвыхъ партій будетъ 275, правыхъ 87, безпартійныхъ—100. По-видимому, перевѣсъ будетъ на сторонѣ тѣхъ, которые отрицательно или, по меньшей мѣрѣ, индифферентно должны относиться къ Церкви и духовенству. Но эти, особенно послѣднія, цифры не должны особенно смущать и вселять опасеніе за будущее: вѣдь онѣ только предположительны; да и вообще сужденія о будущей группировкѣ по политическимъ убѣжденіямъ довольно проблематичны. Эти убѣжденія, въ сущности, очень мало еще кому извѣстны, и принадлежность извѣстнаго лица къ той или иной партіи далеко еще не опредѣляетъ его убѣжденій. Дифференціація по убѣжденіямъ и группировка по партіямъ, которыя сами должны еще рѣзче опредѣлиться, произойдетъ въ самой Думѣ. Когда будутъ поставлены на очередь острые вопросы, затрогивающіе самые насущные, живые интересы различныхъ классовъ населенія, тогда одни снимутъ маски, въ которыя они рядились въ цѣляхъ тактическихъ, другіе примкнутъ къ тѣмъ, съ кѣмъ ихъ связываетъ общность интересовъ и одинаковость убѣжденій. Самый же неотложный и самый острый вопросъ, который требуетъ немедленнаго разрѣшенія и долженъ быть поставленъ на первую очередь—вопросъ крестьянскій. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что крестьяне, когда дѣло коснется ихъ наболѣвшихъ нуждъ, составятъ од-

ну компактную массу, тѣсно сплоченную группу, объединенную однородными интересами, и будутъ дѣйствовать за одно. Въ газетахъ уже промелькнуло извѣстіе объ этомъ, да и выборы съ достаточною ясностью обнаружили тенденцію крестьянъ дѣйствовать за одно, сплоченно, и самимъ отстаивать свои интересы. Но церковный вопросъ вообще (какъ и частный вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства), по справедливому замѣчанію проф. С. Булгакова, „затрогивающій и народные религіозные интересы многомилліоннаго православнаго населенія и вліятельнаго—въ особенности въ деревнѣ—духовенства“, не можетъ не быть близокъ сердцу крестьянина; и онъ дѣйствительно близокъ крестьянству—по собственному сознанію послѣдняго.

И такъ, не обольщая себя призрачными надеждами на немедленное радикальное разрѣшеніе больного вопроса о матеріальномъ обезпеченіи, не утѣшаясь иллюзіями, духовенство можетъ бодро смотрѣть въ будущее; но оно должно само подготовлять это будущее; оно должно принять участіе въ великомъ дѣлѣ культурнаго строительства жизни и обновленія нашей изстрадавшейся родины.

Оно близко къ народу; и народъ вѣритъ ему, быть можетъ, только ему... *А. М—з.*

Къ вопросу о двоебрачіи священниковъ.

Въ ряду вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе очередныхъ и экстренныхъ епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, а также и пастырскихъ собраній минувшаго года, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ (напр., Омской и др.) былъ не только возбужденъ, но и положительно рѣшенъ вопросъ о двоебрачіи священниковъ въ нашей Русской Церкви. Отцамъ епархіальныхъ съѣздовъ, безъ сомнѣнія, не безызвѣстны были 17, 18 и 26 апост. правила, 3 и 6 правило шестого вселенскаго

собора, 10 правило Анкирскаго собора, а также 1 и 6 прав. Неокес. собора, рѣшающія данный вопросъ отрицательно. Если же не смотря на это, вопросъ о двоебрачіи священниковъ былъ поставленъ на обсужденіе епарх. съѣздовъ, то это объясняется ничѣмъ другимъ, какъ крайне тяжелымъ положеніемъ вдовыхъ священниковъ.

Дѣйствительно, едва ли что можетъ быть остро-больнѣе въ жизни священника, какъ ниспосланное ему отъ Верховнаго Распорядителя судебъ скорбное, мучительное и всякой жалости достойное раннее лишеніе лучшаго, несравненнаго, незамѣнимо вѣрнаго и преданнаго друга и товарища жизни,—жены; особливо, если послѣдняя оставляетъ на единоличное попеченіе своего несчастнаго супруга нѣсколько малолѣтнихъ или неустроенныхъ въ жизни дѣтей, требующихъ обученія и воспитанія. Пусть повѣдаютъ о тяжести этого креста сами крестоносцы—вдовые священники, пусть они скажутъ, какъ трудно и часто непосильно для нихъ нести бремя этого невыразимо тяжелаго испытанія... Благо тому пастырю-вдовцу, который не потеряется въ столь великомъ несчастіи, не падетъ духомъ, не предастся унынію, не возропщетъ на Бога и на Его Святое Провидѣніе; напротивъ, сознавая и соглашаясь своей вѣрующей душой, что только *многими скорбми подобаетъ въ царствіе Божіе внити*, что только *претерпѣвшій искушеніе пріиметъ вѣнецъ славы,* что жизнь *полна страданій* (Іов. 14, 1), возвергнетъ печаль свою на Господа, смирится подъ крѣпкую руку Божію и самыя скорби, слезы, рыданія приметъ, какъ наслѣдіе Своего Божественнаго Пастыреначальника, съ покорностію, достойной истиннаго послѣдователя Христова. Такой пастырь, являя себя крѣпкой стѣной вѣры, живымъ воплощеніемъ христіанскаго упованія, явится лучшимъ, убѣдительнѣйшимъ учителемъ христіанской вѣры и терпѣнія; такой пастырь и себя самго сохранитъ для жизни временной и вѣчной. Въ сердечной молитвѣ къ Богу, въ благоговѣйномъ чтеніи Откровеннаго Слова Его, ревностномъ служеніи немощному и

страждущему человѣчеству—вотъ гдѣ такой пастырь-крестоносецъ будетъ искать и дѣйствительно найдетъ себѣ отраду, покой и утѣшеніе.

Но горе пастырю-вдовцу, который не найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы устоять подъ тяжестію ниспосланнаго ему жизненнаго креста, который предается унынію, ропоту, отчаянію. Такіе спутники могутъ довести куда угодно, только не къ тихой пристани. Удивительно ли, что всѣ, вставшіе на этотъ скользкій путь ропота и отчаянія, трагически кончаютъ свою скорбную жизнь.

Не послѣднимъ врагомъ въ жизни пастыря-вдовца является и его собственная плоть, въ борьбѣ съ которой побѣда часто остается на сторонѣ вражеской. Сколько такъ называемыхъ „вдовьихъ“ дѣлъ проходитъ чрезъ горнило духовнаго слѣдствія, о томъ пусть скажутъ наши духовныя консисторіи. Говоримъ это отнюдь не срамляя нашихъ возлюбленныхъ собратьевъ (Боже насъ сохрани!), но исключительно въ цѣляхъ выяснить, какъ часто несчастные крестоносцы, не отличающіеся величіемъ и твердостію духа, падаютъ подъ бременемъ непосильнаго имъ креста. И что удивительнаго, если многіе изъ нихъ не находятъ въ себѣ ни силъ, ни умѣнья стать для своихъ дѣтей и отцомъ, и матерью, и нянькой, и дѣлаются жертвой отчаянія со всѣми его ужасными спутниками, до насильственной смерти включительно.

Намъ кажется, что ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ этихъ печальныхъ условіяхъ и проявленіяхъ жизни многихъ вдовыхъ священниковъ и нужно искать причины не только постановки на епарх. съѣздахъ вопроса о второбрачіи священниковъ, но и рѣшенія его въ положительномъ смыслѣ, хотя бы даже вопреки прямымъ вышеупомянутымъ каноническимъ правиламъ.

Но если на канонической почвѣ не можетъ быть двухъ рѣшеній по этому вопросу, то не такъ обстоитъ дѣло съ рѣшеніемъ этого вопроса съ точки зрѣнія требованій и ин-

тересовъ самой жизни. Здѣсь рѣшающіе голоса дѣлятся на два совершенно противоположные лагеря. Въ то время какъ одни въ интересахъ главнымъ образомъ семьи требуютъ узаконить возможность двоебрачія для священниковъ, другіе, исходя изъ тѣхъ же интересовъ, приходятъ къ обратному рѣшенію вопроса.

Въ № 7 „Церк. Вѣстн.“ за текущій годъ напечатано письмо, писанное, какъ говоритъ редакція, видимо одной сельской матушкой на имя высокопреосвященнаго митрополити Антонія. Своей правдивостію, вѣрнымъ пониманіемъ жизни и ея потребностей, не холоднымъ, эгоистическимъ умомъ мужчины, а чуткимъ, вѣщимъ сердцемъ, какимъ можетъ быть только сердце женщины-матери, это письмо вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ ознакомиться не въ извлеченіи и передачѣ его содержанія, но цѣликомъ и дословно. Отсылая желающихъ того къ указанному источнику, мы приведемъ здѣсь лишь главные пункты письма автора.

Черезъ все письмо, какъ, конечно, и слѣдовало ожидать, красной нитью проходитъ то твердое положеніе, по которому вдовые іереи ни въ какомъ случаѣ не должны вступать во второй бракъ. Въ двоебрачіи священниковъ авторъ письма видитъ 1) мужской эгоизмъ и 2) непокорность волѣ Божіей, а какъ необходимыя слѣдствія двоебрачія, предусматриваетъ пониженіе уровня нравственности въ духовенствѣ, обѣдненіе семьи (при дѣтяхъ отъ двухъ женъ), а главное—ея разложеніе, отчужденіе дѣтей отъ перваго брака не только отъ мачехи, но и отъ отца, который, конечно „на первомъ планѣ поставитъ молодую жену“ и, т. обр., отниметъ отъ первыхъ дѣтей своихъ послѣднее и единственное сокровище ихъ въ семьѣ—„живую душу отца“.—Вотъ почему авторъ письма наболѣвшимъ сердцемъ взываетъ къ облагодатствованному разуму нашихъ святителей. „Разсудите, благочестивые святители, говоритъ онъ, все, и если не хотите губить по одному изъ семьи, т. е. отца, то не губите

3—4—5 дѣтей, а ихъ-то жизнь впереди и составитъ цѣлое поколѣніе съ дѣтства забитыхъ".

Одновременно съ этимъ въ томъ же № „Церк. Вѣстн." ниже помѣщено письмо одного вдоваго священника К. по тому же самому вопросу. Отецъ К., какъ говоритъ онъ, овдовѣлъ на 30-мъ году своей жизни, имѣя двухъ дѣтей: мальчика 6-ти лѣтъ и дѣвочку 3-хъ лѣтъ. Служба на пріискахъ требовала разъѣзда на 300 верстъ. Дѣти плакали, не хотѣли оставаться одни. Приходилось уѣзжать обманомъ. Съ трудомъ, наконецъ, онъ перевелся въ К. округъ. Въ дорогѣ приходилось быть и отцомъ, и матерью, и нянькой для дѣтей. На новомъ мѣстѣ, когда узнали о семейномъ положеніи вновь прибывшаго батюшки, его всюду встрѣчали вздохами, сожалѣніями и даже слезами. Всѣ спрашивали: „какъ будете жить?" И вотъ какъ описываетъ свое настроеніе самъ батюшка-вдовецъ. „Мое вдовство заставляетъ меня постоянно носить камень въ груди; это горе охватило все мое существо, отвлекаетъ меня отъ заботы по приходу, убило всю мою дѣятельность, я не могу найти себѣ покоя нигдѣ и ни въ чемъ, я считаю себя живымъ мертвецомъ. Мысли о горѣ не покидаютъ меня даже за службой". Далѣе авторъ говоритъ о собственныхъ бореніяхъ съ плотію, дѣтскихъ искаиіяхъ себѣ матери и въ концѣ приходитъ къ тому убѣжденію, что „вдовымъ (священникамъ) непремѣнно нужно разрѣшить вступать во 2-й бракъ".

Такимъ образомъ авторы двухъ упомянутыхъ писемъ, исходя изъ одного и того же источника—искренней скорби и сердечной заботливости о судьбѣ сиротъ вдоваго священника, освѣщаютъ вопросъ съ разныхъ сторонъ и діаметрально расходятся въ указаніи пути, какъ улучшить участь дѣтей. Въ то время какъ одинъ во второмъ бракѣ видитъ чуть не панацею всякихъ вдовьихъ золъ, другой во второбрачіи усматриваетъ еще большее зло, нежели самое вдовство.

Гдѣ же, на которой сторонѣ истина?

Для насъ она несомнѣнной представляется на сторонѣ, отвергающей двоебрачіе. Главнымъ основаніемъ для такого рода рѣшенія вопроса, по нашему мнѣнію, является незамѣнимость для дѣтей родной матери никѣмъ другимъ, а тѣмъ болѣе мачехой. Возьмите самую идеальную мачеху, и та никогда не замѣнитъ собою даже плохой матери родной. Для мужа, быть можетъ, она и будетъ сносной женой, но хорошей матерью будетъ развѣ одна на тысячу. Мы знаемъ немало примѣровъ, когда дѣти отъ первой жены въ семьѣ двоеженцевъ терпѣли и терпятъ всякія притѣсненія, оскорбленія, даже побои отъ своей мачехи, и съ этимъ зломъ не въ силахъ бороться даже лучшіе отцы. Справедливо говоритъ авторъ-матушка въ своемъ письмѣ къ высокопреосвященному Антонію, что „жена всегда будетъ на первомъ планѣ“. Да и что можетъ сдѣлать даже лучшій отецъ, который поставитъ выше всего интересы дѣтей? Защищая своихъ отъ первой жены дѣтей отъ нападокъ мачехи, онъ можетъ вооружить ее противъ себя и черезъ это лишиться и второй жены, не найдя матери для дѣтей. Вотъ почему одни изъ двоеженцевъ-отцовъ безъ всякой борьбы отдаютъ своихъ дѣтей въ жертву произвола мачехи; другіе, послѣ тщетныхъ усилій оградить ихъ отъ обидъ, дѣлаютъ то же, что и первые, или стараются размѣстить дѣтей въ семьяхъ родителей или родственниковъ первой жены.

Такимъ образомъ, мачеха почти никогда, развѣ за весьма рѣдкими исключеніями, не приноситъ съ собой въ семью тѣхъ благъ, какихъ отъ нея ожидали: ни согрѣвающаго материнскаго сердца, ни ласкающей и ухаживающей за дѣтьми женской руки. Вотъ почему лучшіе отцы-вдовцы даже изъ нашихъ псаломщиковъ, не смотря на дозволенность имъ двоебрачія, отказываются отъ второго брака въ пользу своей семьи.

Поучительный, интересный и образный отвѣтъ даетъ одинъ изъ нихъ на предложеніе свахи-сосѣдки вступить во второй бракъ.

Видала-ль ты траву,
Что „мати—мачихой“ зовутъ?
Растетъ она на рѣчкѣ тамъ,
По топкимъ глинистымъ мѣстамъ.
Трава та подлинно чудна:
Большія листья; сторона,
Что кверху смотритъ, зелена,
Блеститъ, но только холодна;
А та, что книзу сторона,
Не такъ гладка и не свѣтла
За то мягка, нѣжна, тепла,
Ласкаетъ будто бы она.
Трава та теплой стороной,
Подобна матери родной;
А той, что къ солнышку глядитъ,
Не грѣетъ, только лишь блеститъ,
Что такъ красива, зелена,
Есть злая мачеха она.
Ну что, сосѣдка, поняла
Урокъ, что травка намъ дала [1])?

Пусть эта замѣчательная травка дастъ урокъ и всѣмъ дорогимъ собратьямъ-пастырямъ, коихъ Господь посѣтилъ, или имѣетъ посѣтить великимъ несчастіемъ вдовства; пусть та же травка дастъ и ключъ къ рѣшенію вопроса о двоебрачіи священниковъ. Свящ. *Василій Изюмовъ*.

1906 г. 7 марта.

---

[1]) „Степанычъ-Старичокъ“. Біографическій очеркъ сельскаго дьячка. Аполлосъ Благовѣщенскій.

Изъ религіозной жизни Запада.

(Взглядъ католиковъ и протестантовъ на отношеніе духовенства къ политикѣ. Церковное положеніе во Франціи. Вопросъ о вѣроисповѣдныхъ школахъ въ Англіи и въ Пруссіи. Этическое движеніе среди нѣмецкаго студенчества. Сужденія нѣмецкаго писателя по вопросамъ религіозной жизни въ Россіи).

Одинъ изъ жгучихъ вопросовъ, выдвинутыхъ у насъ переходнымъ характеромъ эпохи, является вопросъ объ отношеніи Церкви, въ лицѣ ея представителей, къ политикѣ. Вопросъ этотъ, вызвавшій въ короткое время довольно значительную литературу, не можетъ все-таки считаться получившимъ такое разрѣшеніе, которое бы удовлетворило всѣхъ. Въ виду этого, полагаемъ, не безполезно будетъ припомнить, какъ рѣшается названный вопросъ на Западѣ, съ точки зрѣнія католичества и протестантства.

Какъ извѣстно, католицизмъ рѣзко различаетъ область Церкви и область общей государственной и экономической жизни. По католическому воззрѣнію, въ этомъ мірѣ только Церковь есть Божественное учрежденіе, имѣющее абсолютный авторитетъ; все же остальное, принадлежащее міру, представляетъ собою нѣчто нечистое, грѣховное. Такова, прежде всего, государственная власть. „Кому неизвѣстно", писалъ въ одномъ изъ своихъ посланій папа Григорій VII, „что цари и князья получили свою власть отъ тѣхъ, которые, не зная Бога, посредствомъ высокомѣрія грабительства, вѣроломства, человѣкоубійства и, наконецъ, почти всевозможныхъ злодѣяній, при содѣйствіи князя міра сего, діавола, съ слѣпою жадностью и нестерпимымъ домогательствомъ добились господства надъ равными себѣ людьми"? Столь же низко въ воззрѣніяхъ представителей католицизма стоитъ собственность и трудъ, — основы общественной жизни: собственность, по мнѣнію Ѳомы Аквината, есть только слѣдствіе грубаго, несправедливаго захвата, а трудъ —печальная необходимость. Конечно, въ настоящее время эти

взгляды, царившіе во всей своей силѣ въ средніе вѣка, значительно смягчены. Но общее воззрѣніе на мірское, какъ на царство грѣха и демоновъ, сохраняется въ католичествѣ и доселѣ. Въ католическомъ чинѣ хиротоніи и доселѣ возносится молитва о томъ, чтобы Богъ очистилъ посвящаемаго отъ заботъ о мірской жизни, и посвящаемый призывается оставить ignominiam saecularis habitus, безчестіе мірского бытія.

Съ указанной точки зрѣнія высшій нравственный идеалъ католицизма состоитъ въ полномъ отреченіи отъ всего, что принадлежитъ къ области міра, въ осуществленіи монашескихъ идеаловъ цѣломудрія, бѣдности и послушанія. Но этихъ идеаловъ могутъ достигнуть не многіе; большинство же людей, по необходимости, должно жить въ мірѣ, въ области, гдѣ господствуетъ грѣхъ и сатана. И вотъ, здѣсь возникаетъ для Церкви, какъ учрежденія Божественнаго, не только право, но и обязанность очистить мірскую область и внести въ нее божественное начало. По воззрѣнію католицизма, это можетъ быть осуществлено при господствѣ Церкви надъ міромъ, съ одной стороны, и при безусловномъ подчиненіи церковному авторитету мірской власти, съ другой. Въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что не подлежало бы церковному контролю, что могло бы стоять внѣ церковнаго вліянія и что не должно бы быть измѣнено въ случаѣ требованія Церкви. Указанныя права Церкви принадлежатъ, конечно, прежде всего, папѣ, но затѣмъ и всему клиру. Поэтому, если епископы или, съ ихъ одобренія, священники преслѣдуютъ извѣстную политику, выставляютъ извѣстные соціальные принципы и экономическія требованія, то они не только не преступаютъ границъ своего призванія, но прямо осуществляютъ свой долгъ. Особенно широкое участіе католицизма въ политикѣ относится къ среднимъ вѣкамъ. Это было время, когда католическая Церковь фактически осуществляла свой идеалъ всемірнаго теократическаго государства, когда папы возводили на престолъ и низводили королей, издавали законы,

объявляли войны и заключали миръ, когда духовенство было привиллегированнымъ сословіемъ и оказывало самое сильное вліяніе на ходъ общественной жизни. Свѣтская власть, однако, не могла примириться съ положеніемъ, въ которое она была поставлена Церковью, и вотъ, между католическою Церковью и государствомъ на Западѣ возникла вѣковая борьба. Постепенно крѣпшее государство стало все болѣе успѣшно отражать притязанія папъ и католическаго клира и все болѣе расширяло область, въ которую не допускало церковнаго вмѣшательства. Къ XIX в. свѣтская власть принадлежала папамъ только уже въ Италіи, въ т. н. Церковной области, гдѣ глава католической Церкви оставался неограниченнымъ монархомъ, а католическіе кардиналы и прелаты выступали въ роли министровъ, дипломатовъ, финансовыхъ дѣльцовъ и т. п. Въ другихъ странахъ католическая Церковь къ этому времени уже не могла быть тѣмъ, чѣмъ она была въ средніе вѣка. Съ 1870 г. прекратила свое существованіе и Церковная область. Но отъ средневѣковыхъ идеаловъ, отъ притязаній на господство католическая Церковь не отказалась и доселѣ. И донынѣ она самымъ энергичнымъ образомъ всюду вмѣшивается въ государственную жизнь. Въ Бельгіи, во Франціи, въ Германіи—всюду есть особая католическая политика, отличная отъ правительственной, и особыя католическія парти, руководимыя главнымъ образомъ католическимъ духовенствомъ. Такъ какъ въ конституціонныхъ государствахъ направленіе политики зависитъ отъ результатовъ выборовъ, то католическое духовенство обыкновенно принимаетъ въ выборахъ самое живое участіе. Въ періодъ выборовъ во Франціи въ 1889 г. католическіе священники совершали повсюду молитвословія, произносили горячія рѣчи, а епископы разсылали посланія, разъясняющія значеніе выборовъ. Желая возможно больше вліять на выборы, епископы Реннскій, Гренобльскій и Орлеанскій даже въ курсы катехизиса, преподаваемаго въ ихъ епархіяхъ, внесли вопросъ объ обязанностяхъ христіанскаго избирателя. И очевидно, все это ока-

зывало весьма большое вліяніе, такъ какъ правительство, не желая клерикаловъ въ парламентѣ, рѣшительно протестовало противъ образа дѣйствій духовенства и прибѣгло даже къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ нѣкоторыхъ епископовъ, подъ благовиднымъ предлогомъ ограженія свободы выборовъ...

Сознавая, далѣе, какимъ могущественнымъ средствомъ вліянія на общественную жизнь можетъ быть школа, католическое духовенство во всѣхъ странахъ старается не выпускать изъ своихъ рукъ школы. Извѣстно, какъ много усилій должно было потратить французское правительство въ борьбѣ съ католичествомъ изъ-за школы. И это, конечно, потому, что школа являлась проводникомъ того клерикальнаго духа, который давалъ себя знать и на выборахъ, и въ парламентѣ... Когда на Западѣ сталъ расти соціализмъ, католическое духовенство сразу оцѣнило значеніе этой силы и сдѣлало попытку привлечь ее на свою сторону. Явился такъ наз. „католическій соціализмъ“. Аббаты Констанъ и Шантомъ, еп. Кеттелеръ, свящ. Кольпингъ, еп. Дутрелу, абб. Потье, кард. Гиббонсъ, Монсиньеръ Айрландъ, кард. Моннингъ выступили въ качествѣ руководителей рабочаго движенія, учрежденій рабочихъ союзовъ и поборниковъ соціальныхъ реформъ. Въ 1891 г. на эти реформы указалъ и самъ папа въ энцикликѣ Rerum novarum, потребовавъ отъ духовенства энергичной работы на пользу народа.

Но католическое духовенство не только ведетъ свою политику, но и умѣетъ вести ее съ замѣчательной настойчивостью. Изъ многочисленныхъ доказательствъ этого достаточно напомнить о нѣкоторыхъ фактахъ изъ эпохи культуркампфа въ Германіи. Въ 1872—75 г. въ Пруссіи, по иниціативѣ Бисмарка, изданъ былъ рядъ „майскихъ законовъ“ имѣвшихъ цѣлью подчинить католическую церковь государственному контролю. Такъ, у духовенства былъ отнятъ надзоръ за школами, установленъ извѣстный правительственный цензъ для кандидатовъ священства, введены королевскіе суды

по церковнымъ дѣламъ, изданы особыя постановленія объ опредѣленіи духовныхъ лицъ на должности, объ управленіи вакантными епархіями и т. д. Католическое духовенство, находя указанные законы посягательствомъ на права Церкви, рѣшительно отказалось ихъ признавать. Во главѣ протестующихъ стали епископы. „Ничто не можетъ“, заявили они въ „памятной запискѣ“ 1873 г., „насъ удержать отъ нашего права защищать чистоту церковнаго ученія и строя всѣми предписанными въ церковныхъ канонахъ средствами... Мы надѣемся, что при помощи Божіей у насъ достанетъ силъ такъ же радостно потерпѣть самыя жестокія гоненія за свободу Церкви, какъ показали намъ примѣръ въ минувшія времена наши безчисленные предшественники и соработники по епископскому служенію“. Епископы рѣшительно отказались допускать введенную закономъ ревизію своихъ семинарій свѣтскими властями, продолжали назначать на церковныя должности безъ сношеній съ гражданской властью, игнорировали королевскій судъ и т. п. Правительство прибѣгло къ репрессивнымъ мѣрамъ: оно стало налагать штрафы на виновныхъ, не признавало священниковъ, поставленныхъ безъ соблюденія закона, и запечатывало церкви, къ которымъ они назначены; наконецъ, цѣлый рядъ епископовъ заключило въ тюрьму. Но всѣ эти мѣры не достигли цѣли. Къ началу 1880 г. изъ 12 прусскихъ епархій оставались вакантными 9, болѣе тысячи приходовъ было закрыто, и мірянамъ самимъ приходилось совершать церковныя требы. Но католическое духовенство не уступало своей позиціи, и папа частыми посланіями поддерживалъ его стойкость. Католическая партія центра въ парламентѣ рѣшила не пропускать ни одного закона, не поддерживать ни одного бюджета до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены майскіе законы. Въ концѣ концовъ Бисмаркъ долженъ былъ идти въ Каноссу и устроивать примиреніе съ католицизмомъ.

Иныхъ взглядовъ на вопросъ объ отношеніи духовенства къ политикѣ держатся протестанты. Протестантство не счи-

таетъ возможнымъ смѣшивать церковную область съ государственной и охраняетъ ихъ раздѣльность. Церковь, разсуждаетъ Ричель, авторъ одной изъ новѣйшихъ работъ, по затронутому нами вопросу, не есть внѣшнее учрежденіе, подобное государству, а представляетъ собою невидимое общество вѣрующихъ. Поэтому и въ своей дѣятельности она имѣетъ дѣло только съ личностями, а не съ учрежденіями. Евангелическая Церковь исключительно желаетъ того, чтобы силы евангелія Христова стали дѣйственными для внутренней жизни человѣка, чтобы возбуждалась, углублялась и очищалась вѣра людей, которая и проявится во внѣ. Церковь не имѣетъ полномочій самой заняться упорядоченіемъ государственной жизни и разрѣшить вопросы соціальной политики. Христіанской или евангельской политики нѣтъ, какъ не можетъ быть христіанской или евангельской медицыны. Церковь, какъ Церковь, не можетъ сказать: *эта экономическая система лучше, а та хуже. Писаніе* даетъ цѣнныя указанія относительно *понятій о собственности*, трудѣ, заработной платѣ. Но всѣ эти указанія характера этическаго, а не экономическаго; они имѣютъ въ виду только личное отношеніе христіанина, даютъ руководство къ тому, какъ мы, въ качествѣ христіанъ, должны обсуждать существующія отношенія и жить среди нихъ. Величайшимъ соціальнымъ бѣдствіемъ времени появленія христіанства было рабство. Если бы христіанство ставило своей задачей соціальную реформу, то именно оно должно бы было указать задачи ея въ отношеніи къ рабству. И однако же въ Новомъ Завѣтѣ, который часто говоритъ о рабствѣ, нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы во имя евангелія выставлялось требованіе отмѣны института рабства. Замѣчательно въ этомъ отношеніи посланіе ап. Павла къ Филимону. Онисима, убѣжавшаго раба, ап. Павелъ опять отсылаетъ къ его господину. *Соціальнаго* отношенія раба къ своему господину апостолъ не касается. Господинъ остается господиномъ, рабъ остается рабомъ. Христіанство не отмѣняетъ классовыхъ и сословныхъ различій, но оно уравниваетъ

ихъ этически. Павелъ проситъ Филимона смотрѣть на Онисима, какъ на возлюбленнаго брата, не обращая вниманія на то, что онъ попрежнему остается рабомъ. Христіанство, такимъ образомъ, не заповѣдало отмѣнить законнымъ образомъ институтъ рабства, но оно уничтожило его внутреннимъ обновленіемъ людей.

Разсуждая съ точки зрѣнія указанныхъ принциповъ объ отношеніяхъ пасторовъ къ политикѣ, названный авторъ представляетъ эти отношенія такъ. За священникомъ должно признать полное право имѣть собственныя политическія убѣжденія и защищать ихъ, гдѣ нужно. Но вопросъ въ томъ, можетъ ли священникъ соединять съ своимъ саномъ политическую агитаціонную дѣятельность безъ вреда для своего непосредственнаго служенія. Въ послѣднія десятилѣтія въ Пруссіи считалось совершенно естественнымъ, что всякій добросовѣстный священникъ долженъ защитать политику офиціозной Kreuzzeitung, а при выборахъ составлять главное ядро консервативныхъ выборщиковъ въ мѣстномъ населеніи. По мнѣнію Ричеля, этимъ принесено было много вреда, и Церковь была низведена на степень полицейскаго государства. Возложеніемъ на священниковъ защиты правительства посѣяно было много недовѣрія къ Церкви, потому что въ этомъ случаѣ христіанская вѣра разсматривалась, какъ лучшее средство quieta non movere, а Библія обращалась „въ руководство для полицейскихъ, въ оній для носильщиковъ тяжестей и въ книгу для удержанія бѣдныхъ въ порядкѣ“. Но, полагаетъ Ричель, подобный же результатъ, то же недовѣріе къ Церкви, получился бы и въ томъ случаѣ, если бы пасторы выступали въ качествѣ сторонниковъ соціалъ-демократической партіи. Соціалъ-демократы разсматриваютъ всякую христіанскую политику, которую могли бы защищать пасторы, какъ пустую игру въ любовь, и отзываются о ней съ насмѣшкой и презрѣніемъ. Пріобрѣсти соціалъ-демократовъ для христіанской вѣры можно не посредствомъ уступокъ имъ въ соціально-политической области, а только тогда,

когда личною дѣятельностью найдешь путь къ ихъ сердцу и совѣсти. Вообще, священникъ принадлежитъ всему обществу, и онъ не можетъ защищать интересовъ одного класса вопреки интересамъ другого. Землевладѣлецъ, купецъ, промышленникъ такъ же, какъ и простой рабочій, можетъ желать и требовать, чтобы священникъ былъ его довѣреннымъ лицомъ. Но онъ не можетъ быть таковымъ, если выступитъ, какъ человѣкъ партіи, въ классовой борьбѣ нашего времени. Отсюда, по мнѣнію Ричеля, священникъ, чувствующій склонность къ политической дѣятельности и имѣющій способности къ ней, долженъ выбрать одно изъ двухъ—или пастырство, или политику, такъ какъ совмѣстить и то и другое на долгое время невозможно. Доказательствомъ этого служитъ то, что пасторы, отдавшіеся политической дѣятельности, силою вещей вынуждены были отказаться отъ священства, каковы—Ф. Науманъ, П. Гере, Стеккеръ, Венкъ, Виттенбергъ, Блюмартъ и др.

Равнымъ образомъ, пасторы, стоявшіе доселѣ во главѣ евангелическихъ рабочихъ союзовъ, по мѣрѣ того какъ эти союзы превращаются въ классовыя организаціи и начинаютъ вести политическую борьбу, чувствуютъ себя не на мѣстѣ и покидаютъ свои предсѣдательскіе посты.

Священникъ долженъ всѣмъ безъ различія возвѣщать одно и то же евангеліе, и тамъ, гдѣ сердце ощущаетъ духовную нужду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ муками совѣсти, стоя, напр., у постели больного или у ложа умирающаго, тамъ всякая политика, всѣ соціальныя различія должны отступить на задній планъ предъ однимъ великимъ вопросомъ пастырства. Задача священства, заключающаяся въ проповѣди, наученіи, душепопеченіи вообще настолько велика, что она захватитъ всѣ силы служителя Церкви.

Проф. *В. Рыбинскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года мая 14-го дня.

Содержаніе: Соціализмъ и соціальный вопросъ.—Къ вопросу о возрожденіи прихода.—Изъ религіозной жизни Запада (продолженіе).—О программѣ испытаній на священно-церковнослужительскія должности.—О призрѣніи калѣкъ-воиновъ.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: „О сохраненіи лѣсовъ“.

Соціализмъ и соціальный вопросъ.

Сравнительно еще такъ недавно со словомъ *соціализмъ* у насъ непремѣнно соединялось представленіе о разныхъ кровавыхъ переворотахъ, о революціяхъ, анархіи и другихъ, страшныхъ общественныхъ потрясеніяхъ. Такое смѣшеніе понятій и проистекающее отсюда подозрительное, боязливое отношеніе не только къ соціализму, но и къ соціальному вопросу вообще, можетъ быть, не совсѣмъ еще исчезло и въ настоящее время; но во всякомъ случаѣ теперь уже всѣ просвѣщенные элементы общества признаютъ неотложно необходимымъ разсѣять туманъ, окружающій этотъ вопросъ, и сдѣлать все, что только возможно, для скорѣйшаго и наилучшаго разрѣ-

шенія его. Демократизація нашихъ политическихъ и гражданскихъ учрежденій, сдѣлавшая въ послѣднее время столь крупные успѣхи, способствовала такому крайнему обостренію соціальной проблемы, что, быть можетъ, очень недалеко то время, когда всякое, не говоримъ презрительное, но лишь недостаточно внимательное отношеніе къ ней со стороны общественнаго мнѣнія будетъ угрожать опасностью полнаго провала всей нашей многовѣковой культурѣ. Сознать это самымъ отчетливымъ образомъ и принять соотвѣтствующее участіе въ мирномъ разрѣшеніи соціальныхъ задачъ переживаемаго нами историческаго момента не только за страхъ, но и за совѣсть—неустранимый долгъ каждаго честнаго гражданина, сугубо же святой долгъ нашихъ пастырей Церкви, которые ни на минуту не должны забывать этой высоконазидательной евангельской картины: „Іисусъ, вышедши, увидѣлъ множество народа, и сжалился надъ ними, потому что они были, какъ овцы, не имѣющія пастыря; и началъ учить ихъ много“ (Мрк. 6, 34). Объ этомъ возможно чаще нужно напоминать и на этомъ настаивать, такъ какъ среди пастырей почему-то упорнѣе держится чрезмѣрное и неосновательное предубѣжденіе противъ соціальнаго вопроса въ той формѣ, въ какой онъ ставится современнымъ соціализмомъ.

Въ періодическомъ органѣ одесскаго духовенства „Христіанская жизнь“ (№ 8) свящ. Пл. Петровъ вотъ что говоритъ о соціализмѣ „съ христіанской точки зрѣнія“. „Соціализмъ—дитя грубаго антихристіанскаго матеріализма, и потому его отношеніе къ христіанству таково, какъ тьмы къ свѣту. Кое общеніе?... Проповѣдники соціализма могутъ, конечно, находить себѣ сторонниковъ, но едва ли среди нихъ будетъ искренно вѣрующій христіанинъ. Задачи соціализма не представляютъ для христіанина ничего новаго. Христіанинъ самъ понимаетъ необходимость борьбы со зломъ, и онъ будетъ бороться, зная, гдѣ истинный корень зла“ (—въ природѣ человѣка, испорченной и поврежденной грѣхомъ).

Эти слова справедливы въ разсужденіи соціализма, какъ опредѣленной системы политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ воззрѣній, осуществляемой соціалъ-демократіей западно-европейской; но они не отдѣляютъ отъ соціализма тѣхъ соціальныхъ фактовъ, которые сообщаютъ муе жизнь, и которые христіанство всегда считало объектомъ своего воздѣйствія, а пастыри Церкви, если игнорировали иногда безсознательно, а иногда сознательно, то только по недоразумѣнію, чѣмъ нанесли дѣлу Христовой Церкви немалый вредъ. Соціальные факты, принимающіе по временамъ угрожающій видъ, неотступно стоятъ предъ христіанскимъ сознаніемъ и требуютъ къ себѣ самаго серьезнаго, вдумчиваго отношенія. И если дѣйствительность до сихъ поръ не создала того, что могло бы быть названо христіанскимъ, церковнымъ соціализмомъ, то эта ошибка рано или поздно будетъ исправлена. Для кого теперь не ясно, что въ вопросѣ объ отношеніи христіанства вообще и пастырей Церкви въ частности къ соціальнымъ движеніямъ времени защищать status quo—по существу значитъ защищать голыми руками крѣпость, со всѣхъ сторонъ обстрѣливаемую самыми усовершенствованными орудіями.

Соціальный вопросъ есть вопросъ о томъ, какъ обезпечить каждому трудящемуся человѣку не только достаточный кусокъ насущнаго хлѣба, но при этомъ и такія еще условія жизни, которыя удовлетворяли бы потребностямъ разумнаго существа, чтобы онъ могъ выполнить свое назначеніе. Соціальный вопросъ, такимъ образомъ, различными сторонами своими соприкасается съ вопросами—политическимъ, экономическимъ и религіознымъ, включая въ себя всѣ элементы, изъ которыхъ созидается т. н. міровоззрѣніе человѣка. Но съ какой бы изъ этихъ сторонъ мы ни разсматривали его, въ конечномъ результатѣ онъ всегда приводитъ къ христіанству, только въ евангельскомъ ученіи находя свое наилучшее, согласное со всѣми запросами времени, разрѣшеніе.

Государство имѣетъ своею существенною задачею обезпеченіе внѣшняго—международнаго и внутренняго—соціальнаго мира, въ которомъ, по сознанію всѣхъ людей, заключается первое, самое необходимое условіе благодѣнствія, благополучія человѣческихъ обществъ. Разрѣшеніе этой великой задачи у насъ въ настоящее время стремится захватить въ свои руки народъ. Нарождается демократія. Но, какъ показываетъ исторія, демократія успѣшно можетъ противодѣйствовать развитію вражды только между отдѣльными народностями, составляющими самостоятельныя государства; внутри же государства она развиваетъ такую партійную борьбу и способствуетъ такому приниженію идей, что никогда не въ состояніи обезпечить соціальнаго мира даже при самыхъ разумныхъ законодательныхъ реформахъ! „Демократія, говоритъ Шарль Секретанъ, враждебно относится ко всякимъ выдающимся дарованіямъ и тѣмъ самымъ понижаетъ общій уровень (просвѣщенія). Являясь органомъ народныхъ страстей, она плохо мирится съ безпристрастіемъ правосудія и въ высшей степени угрожаетъ свободѣ частныхъ лицъ". Противъ этого зла дѣйствительнымъ должно оказаться лишь то средство, при помощи котораго можно было бы заставить людей уважать свободу каждой личности и во имя справедливости ограничивать собственную свободу для огражденія свободы другихъ отъ преступнаго насилія. А такимъ средствомъ не могутъ служить никакія внѣшнія мѣропріятія, потому что въ концѣ концовъ послѣднія должны быть санкціонированы волею народа. Одно только нравственное обновленіе людей въ связи съ поднятіемъ уровня просвѣщенія даетъ надежду на свѣтлое будущее, а это уже есть дѣло исключительно христіанства, дѣло Церкви и по преимуществу—дѣло пастырей.

Такая же великая нравственная миссія выпадаетъ на долю пастырства и въ вопросѣ экономическомъ, имѣющемъ для громаднаго большинства несравненно болѣе жизненное значеніе, чѣмъ вопросъ политическій, съ которымъ онъ,

однако, весьма тѣсно связанъ. Раціональное, въ духѣ справедливости и нашихъ нравственныхъ обязательствъ предъ достигнутой усиліями многихъ вѣковъ цивилизаціей, разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и работодателей, объ улучшеніи условій труда, объ обезпеченіи рабочихъ классовъ и вообще о смягченіи участи всѣхъ бѣдныхъ путемъ наилучшаго распредѣленія богатствъ—также не можетъ быть достигнуто никакими внѣшними мѣрами, если къ послѣднимъ не присоединится улучшеніе нравовъ и поднятіе просвѣщенія. Усиливающаяся съ каждымъ днемъ вражда между различными группами населенія и взаимное ихъ недовѣріе до тѣхъ поръ будутъ служить источникомъ односторонняхъ, въ духѣ партійномъ, съ обидою для большинства, рѣшеній соціальнаго вопроса, пока эта вражда и недовѣріе не исчезнутъ, или, по крайней мѣрѣ, не будутъ ослаблены чувствомъ христіанской любви, взаимнаго благожеланія. Такимъ образомъ и экономическій вопросъ ставитъ главнѣйшею задачею настоящаго момента нравственное перерожденіе, обновленіе личности; и съ этой стороны обращаются весьма настойчивыя призывы о помощи къ христіанству, въ частности—къ православному пастырству.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что мы безъ нужды напоминаемъ здѣсь о такихъ азбучныхъ истинахъ, которыхъ никто не оспариваетъ. Но вопросъ весь въ томъ, достаточно ли ясно сознаемъ мы органическую связь предъявляемой къ намъ задачи нравственнаго обновленія людей съ задачами спеціально пастырскаго нашего служенія и имѣетъ ли православное духовенство тенденцію осуществить свои обязанности въ отношеніи соціальной проблемы какими-либо новыми средствами, въ соотвѣтствіи съ совершившеюся перетасовкою условій политической и экономической жизни нашего народа.

Господь сдѣлалъ насъ соработниками Своими въ мірѣ, поставилъ строителями Своей Церкви, домостроителями въ ней таинъ Божіихъ — для того, чтобы всѣхъ привести въ

единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова,—чтобы водворить на землѣ царство Божіе, которое прежде всего есть правда, миръ и радость о Святомъ Духѣ, которое—слѣдовательно—сначала открывается въ сердцѣ каждаго вѣрующаго и уже отсюда распространяется на все внѣшнее, на всю тварь, съ надеждою ожидающую откровенія славы сыновъ Божіихъ. Короче сказать—Господь поручилъ намъ, подъ страхомъ великой отвѣтственности, дѣло возрожденія и спасенія душъ человѣческихъ и дѣло созиданія Тѣла Его, Церкви, въ которой всѣ должны быть едино. Осуществленіе этого Божественнаго служенія во всей его полнотѣ, кромѣ личнаго непосредственнаго воздѣйствія пастыря на внутренній душевный міръ каждаго вѣрующаго, кромѣ того—что называется пастырскимъ попеченіемъ о душѣ, требуетъ съ его стороны также и общественной, соціальной дѣятельности. Чтобы грѣшника сдѣлать праведнымъ христіаниномъ, сознательнымъ членомъ Церкви Христовой и дѣятельнымъ работникомъ въ царствѣ Божіемъ (къ такой новой жизни и возрождается благодатью Божіей всякій вѣрующій),—для этого необходимо окружить его человѣческими условіями существованія, необходимо освободить его отъ давленія такихъ обстоятельствъ матеріальной, соціальной и моральной жизни, при которыхъ онъ легко забываетъ о Богѣ, о спасеніи, о душѣ своей, о совѣсти. А это уже предполагаетъ со стороны пастыря дѣятельность соціальную въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—дѣятельность, не ограничивающуюся облегченіемъ бѣдности посредствомъ благотворительности, но поставляющую своимъ идеаломъ устраненіе самыхъ источниковъ бѣдности, предотвращеніе ея.

Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ одному и тому же заключенію, и объ этомъ заключеніи мы должны возможно чаще напоминать другъ другу, такъ какъ есть нѣкоторыя опасенія, что наши пастыри Церкви хотятъ остаться при тѣхъ пріемахъ пастырскаго воздѣйствія на людей, которые съ успѣхомъ практиковались въ доброе старое время,

но теперь въ большинствѣ случаевъ должны быть признаны несоотвѣтствующими дѣйствительному положенію вещей и потому болѣе не достигающими цѣли. Многіе пастыри Церкви искренно убѣждены, что современная проблема соціализма съ христіанской точки зрѣнія благополучно можетъ быть разрѣшена только пастырскою проповѣдью—о томъ, что соціальное неравенство людей есть дѣло воли Божіей, что страдающіе отъ этого неравенства получатъ возмездіе въ загробной жизни, гдѣ первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми, что причиною соціальныхъ бѣдствій очень часто являются наши собственные пороки и ошибки, которыя мы и должны искупить. Въ злоупотребленіи этими благотворными христіанскими идеями, не имѣющемъ ничего общаго съ законнымъ ихъ употребленіемъ, до сихъ поръ продолжаютъ обвинять наше православное духовенство. „Если бы мы, говоритъ Эрнестъ Навиль, изъ этихъ истинъ сдѣлали тотъ выводъ, что по отношенію къ бѣднымъ достаточно ограничиться лишь наставленіями и утѣшеніями, въ родѣ того, что они должны примириться съ положеніемъ, какое имъ назначило Провидѣніе, что ихъ нищета есть слѣдствіе ихъ пороковъ, что они за свои страданія получатъ блаженство въ будущемъ мірѣ,—если бы мы ограничились лишь подобными словами и ничего не дѣлали для облегченія положенія бѣдняковъ, то эти слова были бы лишь лицемѣріемъ,—скрытою лѣностью и эгоизмомъ“. Наши проповѣди на темы соціальныя въ настоящее время враги наши и клеймятъ дѣйствительно лицемѣріемъ, какъ бы они ни были искренни. Очевидно, для своего нравственнаго воздѣйствія проповѣдь нуждается въ подкрѣпленіи соотвѣтствующею практическою дѣятельностью проповѣдника, а безъ такого подкрѣпленія она легко раждаетъ мысль о фатализмѣ, столь же противномъ христіанству, какъ и атеизмъ, и потому часто отталкиваетъ отъ церковной каѳедры.

Чтобы мы могли, въ цѣляхъ наилучшаго разрѣшенія соціальнаго вопроса нашего времени, произвести христіанскую реформу въ идеяхъ, въ убѣжденіяхъ людей, а затѣмъ

уже въ нравахъ и обычаяхъ, намъ необходимо прежде всего заставить себя слушать, внушить довѣріе къ своему слову. „А чтобы заслужить довѣріе, нужно доказать, что мы его заслуживаемъ; это же доказательство можетъ состоять только въ дѣлахъ... Только тѣ проповѣдники истины могутъ надѣяться, что народъ будетъ ихъ слушать, которые докажутъ ему не своими разсужденіями, а своими личными жертвами, всею своею жизнью, что отъ души ему преданы. Общественная проповѣдь должна состоять въ дѣлахъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; частная—въ заботливости и тепломъ чувствѣ по отношенію къ опредѣленнымъ лицамъ“ (Секретанъ).

На Западѣ проповѣдники христіанства давно уже сознали необходимость такой дѣятельной проповѣди и въ противовѣсъ атеистическому соціализму, разрушающему всякую религію, создали особое направленіе въ разрѣшеніи соціальной проблемы, извѣстное подъ названіемъ „соціальнаго христіанства“, или „мессіанизма“. Съ теоретическою и практическою стороною этого „мессіанизма“, представляющаго собою явленіе весьма поучительное для насъ, православныхъ пастырей, мы постараемся ознакомить нашихъ читателей въ слѣдующей статьѣ. Свящ. *Н. Гр.*

Къ вопросу о возрожденіи прихода.

Устроеніе прихода—общины на твердомъ законѣ, читаемъ въ опредѣленіи Св. Синода (отъ 18 ноября 1905 г.), не можетъ тотчасъ совершиться; для сего потребуется работа законодательная, которая поведетъ къ перемѣнамъ въ существующемъ строѣ. А между тѣмъ время быстро идетъ, требуетъ безотлагательно принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ сохраненію и укрѣпленію православной вѣры, огражденію св. Церкви отъ всякаго зла, къ благоустроенію и умиротворенію прихода и вообще всей страны нашей.

Потому, св. Синодъ, не дожидаясь гражданскаго законодательства, преподалъ временныя правила,—общія указанія,—съ цѣлію тѣснѣйшаго объединенія прихожанъ съ пастыремъ и между собою и изысканія способовъ для удовлетворенія главныхъ приходскихъ нуждъ въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ. Вотъ въ общихъ краткихъ чертахъ сущность опредѣленія св. Синода.

Какая трудная задача предстоитъ всякому сельскому священнику при проведеніи въ жизнь новыхъ учрежденій, намѣченныхъ въ опредѣленіи св. Синода! Сколько требуется отъ пастыря знанія и искусства, преданности и любви къ своему пастырскому служенію; сколько придется затратить труда и употребить усилій, чтобы церковно-приходской совѣтъ не только самъ по себѣ окрѣпъ, но и сдѣлался бы центромъ, сердцемъ, душою прихода во всѣхъ отношеніяхъ: бытовомъ, религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ, благотворительномъ, сталъ бы силой, направляющей къ животу и благочестію, обновленную сельскую общину.

Отъ пастыря на первыхъ порахъ потребуется не только тактъ, благоразуміе, соединенное съ умѣренностью и спокойствіемъ духа, но и положительно творчество, вдохновеніе, чтобы пересоздать, устроить жизнь по-новому; направить дѣло такъ, чтобы оно сразу же не ощупью, а твердою поступью пошло къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, не захирѣло, не зачахло, а возрасло, окрѣпло, расцвѣло и принесло плодъ по роду своему; чтобы потомъ, съ теченіемъ времени, разрослось въ великое дерево, подъ сѣнью котораго могли бы укрыться, найти утѣшеніе и облегченіе въ своихъ нуждахъ и печали люди обездоленные и обремененные жизнью, чтобы оно дѣйствительно послужило къ обновленію, оживленію приходской жизни, тѣснѣйшему объединенію пастыря съ пасомыми на благо Церкви, укрѣпленію и утвержденію въ народѣ вѣры православной и истиннаго благочестія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякій пастырь, тѣмъ болѣе молодой, малоопытный, малознакомый съ нуждами своихъ прихожанъ, съ ихъ требованіями и запросами, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности, повстрѣчаетъ, по новизнѣ дѣла и отсутствію общихъ руководящихъ правилъ, очень много затрудненій и недоумѣній. Отсюда могутъ послѣдовать промахи и ошибки, которые не только способны будутъ подорвать авторитетъ его въ глазахъ прихожанъ и ослабить ревность въ членахъ совѣта и ихъ вѣру въ пользу новаго учрежденія. Правда, пастырь можетъ обмѣниваться мыслями съ своими собратами на пастырскомъ собраніи, можетъ воспользоваться ихъ совѣтами, разъясненіями при затрудненіяхъ и недоумѣніяхъ, а также—указаніями мѣстнаго благочиннаго и даже самого преосвященнаго, можетъ исправлять свои промахи и ошибки. Но дорого начало, хорошій первый шагъ; отъ него главнымъ образомъ зависитъ дальнѣйшій ростъ, процвѣтаніе всякаго дѣла, какъ и, наоборотъ, отъ неудачнаго перваго шага нерѣдко зависитъ гибель самаго вѣрнаго предпріятія. А потому всякій пастырь, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному шагу,—къ созванію цер.-пр. собранія и учрежденію цер.-пр. совѣта, долженъ хорошо взвѣсить, обсудить дѣло, точно, ясно, опредѣленно представить себѣ свою будущую дѣятельность, составить для себя программу, нарисовать, такъ сказать, схему своихъ дѣйствій. Словомъ, отъ пастыря потребуется подготовительная работа. Онъ заблаговременно долженъ подготовить и своихъ прихожанъ, для чего и съ церковной каѳедры и въ частныхъ бесѣдахъ онъ долженъ раскрывать, выяснять важность дѣла, указывать на его великую пользу, возвышенную конечную цѣль, возбуждать и воспитывать любовь къ нему и, лишь заручившись симпатіею прихода, его готовностью придти на помощь, приступить къ проведенію въ жизнь сего благодѣтельнаго новаго учрежденія. Не даромъ въ опредѣленіи св. Синода сказано, что новыя учрежденія „отнюдь не должны быть вводимы съ принужденіемъ“.

Выборные члены совѣта сами, конечно, на первомъ же собраніи, если не обратятся съ прямымъ вопросомъ, то во всякомъ случаѣ будутъ ждать отъ пастыря-предсѣдателя указаній, разъясненій того, что имъ дѣлать, каковы ихъ обязанности, съ чего начинать созидательную работу. Это съ одной стороны. А съ другой стороны,—необходимо, чтобы члены совѣта не на бумагѣ только числились обязанными являться на собраніе въ извѣстное время, а сдѣлались бы дѣятельными членами совѣта, сотрудниками, помощниками пастыря въ дѣлѣ устроенія, оживленія ц.-пр. жизни и удовлетворенія ею разнообразныхъ приходскихъ нуждъ.

Итакъ, что же необходимо, чтобы обезпечить положеніе новаго учрежденія и дать ему развитіе, чтобы оно не влачило жалкаго существованія, какъ большинство ц.-пр. попечительствъ, не числилось бы открытымъ на бумагѣ только, а обслуживало бы надлежащимъ образомъ всѣ приходскія нужды, хотя бы то въ скромномъ размѣрѣ?

Для этого, какъ всякій легко можетъ догадаться, помимо, конечно, преданности, любви къ дѣлу, воодушевленія, постояннаго воздѣйствія со стороны пастыря на приходъ и проч., необходимы постоянныя и достаточныя денежныя средства, въ видѣ ежегоднаго обложенія съ земли или съ приходской души, или какой-либо другой вѣрный и надежный источникъ дохода. Ибо, не говоря уже объ удовлетвореніи нуждъ въ просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ, надо признать, что и для возбужденія, воспитанія, развитія и поддержанія самаго религіознаго чувства необходимы матеріальныя средства. Но это вопросъ будущаго, когда приходъ—приходская община, будетъ представлять изъ себя юридическое лицо,—мелкую земскую единицу. А въ настоящее время трудно предполагать, да и немыслимо даже, чтобы прихожане на первомъ цер.-приход. собраніи указали и предоставили въ распоряженіе ц.-пр. совѣта вполнѣ достаточныя денежныя средства для обслуживанія нуждъ прихода. Уже по тому одному, что они, не имѣя предъ глазами

живого примѣра, не видя на дѣлѣ дѣйствій ц.-пр. совѣта, не въ состояніи обсудить великія задачи, достиженіе которыхъ составляетъ цѣль новаго учрежденія.

Однако, не должна смущать пастыря на первыхъ порахъ недостаточность средствъ, и онъ отнюдь не долженъ откладывать учрежденія и открытія ц.-пр. совѣта до выхода „положенія“ о церковно-приходской общинѣ,—какъ мелкой земской единицѣ. Вѣдь и при небольшихъ вначалѣ средствахъ, которыя, какъ намъ думается, могутъ найтись во всякомъ даже небогатомъ приходѣ, возможно, при умѣломъ веденіи дѣла, достигнуть нѣкоторыхъ благихъ результатовъ, а главное воспитать любовь и возбудить интересъ прихода къ новому учрежденію. Убѣдившись на дѣлѣ въ его несомнѣнной пользѣ для себя, прихожане окажутся болѣе щедрыми въ предоставленіи средствъ ц.-пр. совѣту; все дѣло, главнымъ образомъ, зависитъ отъ любви, преданности, неослабной энергіи какъ самого пастыря, такъ и его сотрудниковъ—членовъ совѣта.

Въ настоящія смутныя времена, переживаемыя родиной, всякій пастырь и вновь учрежденный ц.-пр. совѣтъ должны особенное вниманіе обратить на просвѣтительную дѣятельность въ приходѣ. Надо отвѣтить назрѣвшимъ запросамъ прихожанъ—утолить пробудившуюся жажду къ чтенію и къ знанію,—а также—заручиться сильнымъ оружіемъ для борьбы съ распространившимися вредными идеями, стремящимися въ корнѣ подорвать православную христіанскую вѣру и нравственность. Для осуществленія этой цѣли необходимо и желательно было бы учрежденіе хорошо обставленной библіотеки съ читальней. Для этого, конечно, потребны немалыя средства; но, намъ думается, на первыхъ порахъ можно въ данномъ случаѣ ограничиться небольшимъ. Достаточно, по нашему разумѣнію, если каждый членъ совѣта будетъ получать, по крайней мѣрѣ, по одному журналу или газетѣ, по выбору и указанію священника-предсѣдателя. Независимо отъ сего, слѣдуетъ выписывать нужныя и полезныя книги и бро-

шюры для распространенія въ народѣ въ противовѣсъ подпольнымъ листкамъ и изданіямъ съ завѣдомо вреднымъ направленіемъ. Каждый членъ на чтеніе журнала приглашаетъ слушателей изъ своего округа и обмѣнивается своимъ журналомъ съ другими членами. По окончаніи года всѣ журналы и книги поступаютъ въ церковную библіотеку.

Всякій воскресный день, послѣ торжественно отслуженной вечерни и собесѣдованія, открывается собраніе совѣта. На немъ прежде всего подвергаются обсужденію замѣченныя членами совѣта выдающіяся ненормальныя явленія въ приходѣ, такъ или иначе угрожающія вѣрѣ и нравственности, и вырабатываются средства борьбы съ ними. Затѣмъ происходитъ обмѣнъ мыслей по поводу прочитанныхъ журнальныхъ статей. Замѣчательная чѣмъ-либо статья духовно-нравственнаго ли содержанія, или практическаго характера (напр., касающаяся вопросовъ объ улучшеніи породы скота, садоводства, огородничества, пчеловодства и проч.) подвергается также обсужденію, при чемъ изыскиваются способы проведенія полезныхъ совѣтовъ и указаній въ жизнь. О дѣйствіяхъ, постановленіяхъ, желательныхъ мѣропріятіяхъ собраній дѣлаются записи въ журналъ, которыя, по истеченіи извѣстнаго срока, прочитываются на церковно-приходскомъ собраніи. По одобреніи большинствомъ прихожанъ на ц.-пр. собраніи тѣхъ или другихъ мѣропріятій, составляется журнальное постановленіе за подписью всѣхъ явившихся на собраніе, каковое, смотря по возможности, можетъ быть препровождено и въ сельское управленіе для окончательнаго обсужденія его на полномъ сельскомъ сходѣ.

При такой постановкѣ и веденіи дѣла, члены цер.-пр. совѣта сразу войдутъ въ роль дѣйствующихъ лицъ, сознаютъ великую пользу его для себя, для Церкви и для прихода. А сознаніе приносимой пользы даетъ человѣку силу и возбуждаетъ бо́льшую энергію. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ организуется „настоящая община“, какъ мелкая земская

единица, цер.-пр. совѣтъ не только подготовитъ для нея почву, но и обрѣтетъ довѣріе къ себѣ въ приходѣ [1]).

Священникъ *Григорій Лебедевъ.*

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ приходахъ Орловской епархіи, какъ намъ извѣстно, уже организованы ц.-приходскіе совѣты, и дѣятельность ихъ небезуспѣшна. Въ селѣ Парамоновѣ Болховскаго уѣзда, церковно-приходскій совѣтъ выработалъ такую широкую программу дѣятельности. 1. Изыскать средства и выписать книги и журналы религіозно-нравственнаго содержанія для чтенія населенію. Въ праздники не работать. Устроить хоръ. 2. Выбрать блюстителя изъ членовъ совѣта за обученіемъ дѣтей и особенно слѣдить за обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей въ духѣ Православной Церкви. 3. Изыскать возможность и средства устроить медицинскій пунктъ, такъ какъ Парамоново на болотистомъ мѣстѣ, и здѣсь бываютъ частыя заразныя заболѣванія. 4. Всѣми мѣрами стараться ограждать населеніе отъ смутъ, уясняя ему о правахъ личныхъ и общественныхъ. Примирительно воздѣйствовать при недоразумѣніяхъ земельныхъ и рабочихъ. 5. Призрѣвать нищихъ, убогихъ стариковъ и старухъ, бездомныхъ, сиротъ. Изыскивать средства къ устройству богадѣленъ и яслей. 6. Открыть мелкій банкъ, потребительскую лавку, а пока подъ посѣвы и дома давать ссуды изъ церковныхъ суммъ безъ процентовъ. 7. Пріобрѣтать всѣ хозяйственныя орудія, лучшія сѣмена и племенныхъ животныхъ. 8. Члены совѣта обязаны объявить населенію идти въ совѣтъ съ своими нуждами и пожертвованіями. 9. Въ цѣляхъ большей пользы и удобствъ труды между членами подраздѣлить на три группы по 4 члена, и каждой группѣ указать дѣятельность, а о храмѣ должна быть забота общая, какъ и всѣ другія если въ томъ будетъ надобность. 10. До открытія банка и лавки нести труды безплатно, а съ открытія пользоваться 20% чистой прибыли, по равной части трудящимся, 80% же пойдутъ въ фондъ предпріятій совѣта. (См. объ этомъ „Совр. Лѣтопись“ № 15 т. г.). *Ред.*

Изъ религіозной жизни Запада.

(Продолженіе [2]).

Въ настоящее время, какъ извѣстно, во Франціи приводится въ исполненіе вступившій съ января мѣсяца въ си-

[2]) См. № 19-й за 1906 г.

лу законъ отъ отдѣленіи Церкви отъ государства, и заграничная печать внимательно слѣдитъ за всѣмъ, что относится къ новой „духовной революціи“. Созданное закономъ положеніе пока еще не успѣло выясниться. Что касается католицизма, то онъ, по обычаю, не уступаетъ своей позиціи безъ борьбы. На изданіе новаго закона многіе католическіе епископы сразу же отвѣтили устраненіемъ изъ богослуженія молитвы за республику (Domine salvam fac rempublicam), чѣмъ, впрочемъ, доставили врагамъ только лишній поводъ къ издѣвательствамъ надъ Церковью. Другіе стали совѣтовать отказаться отъ предоставленныхъ закономъ для пользованія церковныхъ зданій и, оставивъ, такимъ образомъ, народъ безъ храмовъ, возбудить раздраженіе противъ правительства и вызвать народную войну. Въ народѣ велась сильная агитація, при чемъ крестьянамъ указывалось на то, что отношеніе церковныхъ имуществъ есть только первый шагъ въ политикѣ правительства, и что дальше правительство приступитъ къ конфискаціи уже земель крестьянскихъ. Результатомъ всего этого было то, что опись церковныхъ имуществъ, къ которой приступило правительство, всюду встрѣтила сильный протестъ, и во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до баррикадъ, вооруженныхъ столкновеній и большихъ безпорядковъ. Къ назначенному для описи времени церковь оказывается обыкновенно занятою молящимися или просто толпою обывателей подъ предводительствомъ священниковъ, а всѣ входы закрытыми. Въ Парижѣ въ церкви св. Оомы Аквината, послѣ первой неудавшейся попытки комиссара приступить къ описи, прихожане дежурили днемъ и ночью, чтобы не допустить правительственныхъ агентовъ. Въ безпорядкахъ при этомъ принимали участіе и изящные ковалеры, и свѣтскія дамы. Въ газетахъ названы имена: бывшей королевы Сербской Наталіи, кн. Сикста де-Бурбона, барона Тель, маркиза Макъ-Магонъ, викон. дю-Барроль, семидесятилѣтняго генерала Рекамле и др. видныхъ представителей французкой аристократіи. Мно-

гіе офицеры при этомъ отказались оказывать гражданской власти содѣйствіе при производствѣ описи, за что и были привлечены къ суду. Главнымъ поводомъ къ безпорядкамъ, между прочимъ, служило требованіе предъявить всѣ церковныя принадлежности, не исключая и дарохранительницъ, для описи сосудовъ со святыми дарами. Это требованіе оскорбило даже людей индиферентныхъ; католиками же оно было принято, какъ возмутительное святотатство, и нѣкоторые епископы тотчасъ же обратились къ настоятелямъ церквей съ посланіями, предписывающими не допускать вскрытія дарохранительницъ. 3-го марта въ Парижѣ состоялся большой митингъ клерикаловъ, собравшій около 6 т. человѣкъ. Предсѣдательствовалъ на митингѣ извѣстный писатель Коппе. Митингъ постановилъ продолжать борьбу съ правительствомъ и съ этою цѣлью основать „Лигу католическаго сопротивленія“. Въ то же время клерикальная печать настойчиво призываетъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ правительства. Конечно, нѣтъ недостатка и въ протестахъ противъ подобнаго фанатизма. Болѣе умѣренные католики изъ сферы духовенства и изъ мірянъ (абб. Клейнъ, Леруа-Болье, Брюнетьеръ) стараются разъяснить, что упорство со стороны клерикаловъ на руку только радикаламъ, и что, благодаря этому упорству, можно даже потерять и то, что̀ оставлено еще для Церкви. Съ рѣшительнымъ протестомъ противъ епископскаго запрещенія молиться за государство выступилъ Хеммеръ, викарій при одной изъ церквей въ Парижѣ. Другіе въ видахъ успокоенія духовенства и общества указываютъ на тѣ благотворныя послѣдствія, которыя могутъ произойти для Церкви отъ новаго закона. Такъ, извѣстный Сабатье отмѣчаетъ значеніе закона для низшаго клира. Современные французскіе епископы, по его мнѣнію, слишкомъ въ большей степени суть „префекты“, слишкомъ далеки отъ народа и слишкомъ высоко стоятъ надъ священниками. Руководствомъ для нихъ въ отношеніи къ клиру и паствѣ служитъ правило: „епископъ

не разсуждаетъ и не опровергаетъ—онъ осуждаетъ". Захвативъ все въ свои руки, эти сановники, говоритъ Сабатье, всякую иниціативу, когда она исходитъ отъ другаго, считаютъ чуть ли не хулой противъ Св. Духа. Въ низшемъ клирѣ, въ то же время, господствуетъ система доносовъ, преслѣдующая многихъ священниковъ, какъ призракъ. Такъ какъ новый законъ не признаетъ іерархіи въ ея начальственныхъ функціяхъ и завѣдываніе дѣлами общины предоставляетъ *всей* общинѣ, то, отсюда, по мнѣнію Сабатье, можно ожидать въ будущемъ сближенія высшаго духовенства съ низшимъ и съ мірянами.

Большинство однако же, не удовлетворяясь приведенными и другими соображеніями, ждало разъясненій и руководственныхъ указаній отъ папы. И вотъ, 17 февраля была опубликована папская энциклика, посвященная обсужденію новаго закона. Энциклика, конечно, осуждаетъ рѣшительно новый законъ и заявляетъ, что папскій престолъ никогда съ нимъ не примирится. Энциклика подчеркиваетъ, что законъ ставитъ Церковь въ недостойное положеніе, могущее быть гибельнымъ и для религіи, и для государства. Касаясь самой идеи отдѣленія Церкви отъ государства, энциклика признаетъ ее абсолютно ложной и считаетъ тяжкимъ оскорбленіемъ для Бога, Который, какъ создатель и охранитель человѣческихъ обществъ, долженъ быть прославляемъ не только частнымъ культомъ, но и общественнымъ. По мнѣнію св. отца, новый французскій законъ, подъ фирмой свободы вѣры, установляетъ зависимость Церкви отъ свѣтской власти. Вопреки Писанію и Преданію, онъ отнимаетъ управленіе Церковью отъ іерархіи и передаетъ его ассоціаціи мірянъ. Этой ассоціаціи даются права юридическаго лица, ей предоставляется пользованіе храмами и имуществами, и она поставляется надъ епископами и пресвитерами. Нарушая Писаніе и Преданіе, новый законъ, кромѣ того, попираетъ право собственности; лишая Церковь ея имѣній, нарушая волю да-

рителей и завѣщателей. Обращаясь къ католикамъ, папа убѣждаетъ не предаваться чрезмѣрной печали и не отчаяваться, а помнить о Божественномъ Промыслѣ. Духовенство папа приглашаетъ усилить свою пастырскую дѣятельность, а мірянъ твердо держаться вѣры, сохранять единеніе и быть щедрыми по отношенію къ священнослужителямъ. Вмѣстѣ съ этимъ энциклика предлагаетъ всѣми силами бороться за истину и справедливость, обѣщая въ удобное время дать подробныя инструкціи для этой борьбы.

Какъ видно, энциклика на даетъ ничего опредѣленнаго и не указываетъ выхода изъ тяжелаго положенія, созданнаго новымъ закономъ для католической Церкви. Не удивительно поэтому, что она никого не успокоила и вызвала только разочарованіе. Между тѣмъ, протестъ, оказываемый повсюду при описи церковныхъ имуществъ, принялъ такія формы, что правительство не можетъ съ нимъ не считаться. Возраженія противъ дѣйствій правительства въ парламентѣ повели уже къ паденію министерства Рувье. 8-го марта министръ внутреннихъ дѣлъ Клемансо долженъ былъ сдѣлать новое подробное сообщеніе о безпорядкахъ, происшедшихъ по поводу введенія церковнаго закона. Министръ старался доказать, что эти безпорядки въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вызваны злонамѣренной агитаціей, но что министерство все-таки надѣется осуществить законъ безъ кровопролитія и насилій. Клемансо предписалъ префектамъ продолжать опись церковныхъ имуществъ. Но опытъ примѣненія закона, повидимому, привелъ правительство къ убѣжденію, что нужно считаться съ настроеніемъ народныхъ массъ. Поэтому новое министерство рекомендуетъ префектамъ осторожность и предписываетъ насилія вообще не употреблять, а тамъ, гдѣ будетъ оказываемо при описи имуществъ сопротивленіе, ограничиваться составленіемъ протокола. Во вниманіе къ общему настроенію, правительство также очень снисходительно отнеслось къ тѣмъ офицерамъ, которые въ С. Сервенѣ отказались содѣйствовать власти при взломѣ цер-

ковныхъ дверей. Эти дѣйствія правительства клерикалы разсматриваютъ какъ свою побѣду, а отчасти, какъ ловкій маневръ, въ виду предстоящихъ парламентскихъ выборовъ, на которыхъ клерикалы много могутъ повредить. Въ народѣ указанныя распоряженія правительства также успокоенія не внесли, и раздраженіе въ немъ растетъ. Оно подогрѣвается еще тѣмъ, что въ отвѣтъ на католическія манифестаціи выступили съ манифестаціями антиклерикалы. Напр., 20 марта въ одной деревнѣ близь Нанси толпа соціалистовъ осадила церковный домъ и стала угрожать живущимъ тамъ двумъ викаріямъ. Дѣло дошло до того, что священники вынуждены были забаррикадироваться и отстрѣливаться. Принимая во вниманіе всѣ подобныя обстоятельства, нѣкоторые не вѣрятъ даже въ осуществленіе новаго закона. Извѣстный французскій критикъ и публицистъ Мельхіоръ де-Вогюэ, обсуждая положеніе дѣлъ во Франціи въ одной изъ передовыхъ статей Figaro, такъ резюмируетъ свои заключенія: „Истинное отдѣленіе Церкви отъ государства во Франціи въ настоящее время является миражемъ, иллюзіей, призракомъ, которому непрестаннымъ повтореніемъ одного и того же слова думали придать реальное значеніе. Вопреки законамъ, декретамъ и постановленіямъ въ нашей новой организаціи или вѣрнѣе— дезорганизаціи, отдѣленіе останется лишь на бумагѣ и возбудитъ только раздоры между двумя нераздѣльными организаціями, скованными другъ съ другомъ новыми отношеніями. Получается нѣчто въ родѣ супружества, которое послѣ офиціальнаго развода оказалось бы вынужденнымъ жить подъ однимъ кровомъ, совмѣстно вѣдать постоянно сталкивающіеся интересы, ежедневно встрѣчаться и ссориться, — словомъ, продолжать прежнюю жизнь, въ которую разводъ внесъ лишь новую причину для постоянной вражды. Во Франціи при современномъ положеніи умственнаго и нравственнаго развитія ея населенія отдѣленіе Церкви отъ государства можетъ быть лишь пустой формулой, не имѣющей ни малѣйшаго отношенія къ реальной дѣйствительности“.

Хотя католики и пытаются отстоять свое прежнее положеніе, но тѣмъ не менѣе они энергично приготовляются и къ жизни на новыхъ началахъ. Всѣ общины прежде всего озабочиваются опредѣленіемъ матеріальныхъ средствъ, которыми онѣ могутъ располагать. Для нѣкоторыхъ приходовъ вопросъ этотъ разрѣшается просто, такъ какъ они располагаютъ большими суммами. Затруднительно будетъ положеніе бѣдныхъ общинъ, и вотъ изыскиваются способы помочь имъ. Парижскій архіепископъ кард. Ришаръ, между прочимъ, рѣшилъ ввести прогрессивный налогъ на содержаніе священниковъ и въ пользу фабричныхъ церквей своего района.

Подобно католикамъ, французскіе протестанты, лютеране и реформаторы, также усердно работаютъ надъ образованіемъ вѣроисповѣдныхъ общинъ и надъ выясненіемъ своихъ матеріальныхъ средствъ. 4 го февраля въ Парижѣ состоялось собраніе лютеранъ. По свидѣтельству газ. Témoignage, „это было рожденіе лютеранской церкви“ въ Парижѣ. Снѣжная буря, поднявшаяся въ этотъ день, не воспрепятствовала членамъ общины собраться въ церквахъ. Предварительно были разосланы листки, на которыхъ требовалось выразить свое согласіе принадлежать къ учреждаемой культовой ассоціаціи и обозначить опредѣленную сумму ежегоднаго взноса на церковныя нужды. Всѣ обнаружили и преданность религіи, и щедрость. Всѣми выражено было также желаніе сохранить вѣру, стремиться къ поддержанію Церкви и принести для нея жертвы, какія только потребуются.

Не меньшую приверженность къ своему исповѣданію обнаружили и реформаты. Самыя маленькія общины тотчасъ же добровольными взносами покрыли сумму, выдававшуюся ранѣе изъ государственнаго казначейства, а богатыя общины выразили желаніе прійти на помощь бѣднымъ. „Отдѣленіе“, свидѣтельствуетъ одинъ изъ реформатскихъ пасторовъ южной Франціи, „вызвало у насъ прекрасные примѣры великодушія, оно послужило ободреніемъ для пасторовъ, оно сдѣлалось для насъ благомъ“. Проф. *В. Рыбинскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

О программѣ испытаній на священноцерковно-служительскія должности.

Существующія законоположенія, какъ извѣстно, разрѣшаютъ епархіальнымъ архіереямъ рукополагать во священники и діаконы, а также опредѣлять на псаломщическія должности лицъ, не получившихъ соотвѣтствующаго образованія, въ случаѣ, если окажется недостатокъ въ прямыхъ кандидатахъ на священно-церковнослужительскія мѣста. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, наше церковное законодательство не оставляетъ требовать отъ лицъ, не прошедшихъ полной школы, тѣхъ научныхъ и практическихъ знаній, которыя необходимы,—и особенно теперь, когда самою жизнью предъявлены къ духовенству повышенныя требованія,—при прохожденіи той или другой церковной должности (опред. св. Синода 19—28 февр. 1885 г. и позднѣйшія). Во многихъ епархіяхъ (напр., Тамбовской, Астраханской и др.) учреждены въ настоящее время особые экзаменаціонные комитеты, которые, по порученію мѣстнаго епископа, производятъ испытанія для лицъ, ищущихъ священно-церковнослужительскаго мѣста въ предѣлахъ извѣстной епархіи, и о результатахъ испытаній докладываютъ архіерею, руководствующемуся докладами комитета при опредѣленіи просителей на мѣста. Общей для всѣхъ епархій программы испытаній не существуетъ; программы вырабатываются отдѣльно въ каждой епархіи и иногда опубликовываются въ официальныхъ отдѣлахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, при чемъ на нѣкоторыхъ программахъ замѣтно отражаются мѣстныя условія церковной жизни, что, конечно, вполнѣ естественно и даже необходимо. Сколько знаемъ, епархіальныхъ программъ опубликовано до сихъ поръ не много, поэтому рѣшаемся предложить вниманію читателей одну изъ новѣйшихъ программъ, составленную въ руководство экзаменаціонному комитету *Костромской* епархіи, въ надеждѣ, что она можетъ помочь при составленіи подобныхъ же программъ и въ другихъ епархіяхъ, гдѣ ощущается недостатокъ

въ правоспособныхъ кандидатахъ священнаго и церковнаго служенія, и приходится восполнять пробѣлъ лицами изъ неокончившихъ полнаго курса семинаріи и училища. Не можемъ, однако, при этомъ не обратить вниманіе на черезчуръ по мѣстамъ общій и не совсѣмъ опредѣленный характеръ требованій костромской программы, какъ напр., въ рубрикѣ о Св. Писаніи для кандидатовъ священства. Программа требуетъ знанія Свящ. Писанія въ размѣрахъ семинарскаго курса, но для Ветхаго Завѣта указываемъ только „толкованіе на пареміи“ преосв. Виссаріона. Не наведетъ ли это желающаго экзаменоваться на мысль, что для него нужно знаніе лишь тѣхъ мѣръ Св. Писанія, которыя читаются въ Церкви, за богослуженіемъ, а прочее—необязательно? Но зачѣмъ же тогда программа говоритъ объ испытаніи въ размѣрѣ семинарскаго курса? Конечно, нельзя не согласиться, что черезчуръ строгія требованія къ экзаменуемымъ въ епархіальныхъ коммиссіяхъ непримѣнимы: надо считаться съ тѣмъ, что они не прошли законченной богословской школы и являются къ экзаменаціонному столу въ большинствѣ случаевъ уже въ почтенномъ возрастѣ, прослуживъ предварительно иногда долгіе годы на низшихъ церковныхъ должностяхъ. Но это-то обстоятельство и заставляетъ какъ можно опредѣленнѣе и, такъ сказать, примѣнительнѣе къ лицамъ излагать экзаменаціонныя требованія, не забывая при этомъ, разумѣется, и интересовъ церковныхъ... Мы возразили бы и противъ такихъ большихъ по объему „пособій“, какъ указанныя въ программѣ: „Толкованіе Евангелія“ Б. И. Гладкова и „Пособіе къ изученію устава Богослуженія Прав. Церкви“ прот. К. Т. Никольскаго. Посильны ли эти книги, при всемъ ихъ достоинствѣ, а первая и по дешевизнѣ, усвоенію кандидата священства изъ „неученыхъ“? Едва ли, и лучше, кажется, было бы замѣнить ихъ руководствами болѣе краткими и вслѣдствіе этого—легче усвояемыми, въ родѣ тѣхъ, какія указаны въ той же программѣ по богословію и церковной исторіи... Нельзя, повторяемъ, предъявлять къ ищущимъ должностей

церковныхъ такихъ же строгихъ требованій относительно научныхъ познаній, какія предъявляются ученикамъ въ семинаріи; важнѣе требовать отъ нихъ знаній практическихъ, а также добрыхъ нравственныхъ качествъ, которыя особенно цѣнятся народомъ въ служителяхъ Церкви и алтаря.

Вотъ „программа“ Костромской епархіи, опубликованная въ официальной части № 7 за т. г. Костр. еп. вѣдомостей.

А. Для полученія мѣста псаломщика.

1. Молитвы наизусть (утреннія, вечернія и въ продолженіе дня), находящіяся въ книгѣ: „Сокращенный Молитвословъ“, и объясненіе ихъ (Пособіе: 1) Агоѳодора, еп. Ставропольскаго,—Толковый молитвенникъ. Объясненіе избранныхъ молитвъ, 2) Чельцовъ Г.—Законъ Божій. Объясненіе Символа вѣры, молитвъ и заповѣдей съ подготовительными къ нему разсказами изъ свящ. исторіи).

2. Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта по программѣ для мужскихъ духовныхъ училищъ. (Учебныя книги: 1) прот. Д. Соколова—Священная исторія Ветхаго завѣта и Священная исторія Новаго завѣта; 2) прот. П. А. Смирнова—Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта въ объемѣ гимназическаго курса).

3. Катихизисъ по „Пространному Христіанскому Катихизису“ Филарета, митроп. Московскаго (пособіе: свящ. П. Песецкаго—„Пособіе къ изученію пространнаго христіанскаго катихизиса“).

4. Уставъ богослуженія св. Прав. Церкви и краткое изъясненіе церковныхъ службъ, по программѣ для мужскихъ дух. училищъ (Учебная книга: Николаевскій В.—„Руководство къ изученію церковнаго устава съ краткимъ изъясненіемъ богослуженія Прав. Церкви“).

5. Краткія свѣдѣнія изъ общей и русской церковной исторіи (Учебная книга: прот. П. А. Смирнова—„Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи Церкви“).

6. Толковое по-церковно-славянски чтеніе и церковное пѣніе наизусть и по нотному обиходу на гласы и особые распѣвы важнѣйшихъ пѣснопѣній литургіи, всенощнаго бдѣнія, великопостной и пасхальной службъ.

7. Церковное письмоводство (свѣдѣнія о немъ изъ книги П. Нечаева: „Практическое руководство для священнослужителей“).

Б. Для полученія мѣста діакона.

1. Библейская Исторія по программѣ для духовныхъ семинарій (Учебное Руководство: „Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта“,—прот. М. Богословскаго).

2. Церковная исторія по программѣ для городскихъ училищъ (Учебное Руководство прот. Рудакова: „Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ“).

3. Св. Писаніе: свѣдѣнія о богодухновенности Библіи, составѣ ея, раздѣленіи и внѣшнихъ особенностяхъ, о происхожденіи, содержаніи, богослужебномъ употребленіи свящ. книгъ каждой въ отдѣльности (Руководство: прот. І. Соловьева,—„Пособіе къ доброму чтенію Св. Библіи“).

4. Христіанское православное вѣро и нравоученіе примѣнительно къ програмѣ гимназическаго курса (Учебная книга: Платона, арх. Костромскаго,—„Краткое православное ученіе о вѣрѣ и нравственности христіанской“).

Примѣчаніе. Сверхъ сего, для діакона обязательно знаніе по программѣ для псаломщика.

В. Для полученія мѣста священника.

1. Св. Писаніе по программѣ для духовныхъ семинарій (Пособія: 1) „Толкованіе на пареміи“,—Еп. Виссаріона; 2) Толкованіе Евангелія—Б. И. Гладкова; 3) Толковыя евангелія воскресныя и праздничныя“ и „Толковыя чтенія изъ апостола воскресныя и праздничныя“,—прот. Свирѣлина).

2. Богословіе по программѣ гимназическаго курса (Учебное руководство: „Основныя начала религіи и нравственности въ связи съ ученіемъ о нихъ прав. христіанской вѣры“—свящ. І. Тихвинскаго).

3. Каноническое и пастырское богословіе по программѣ для духовныхъ семинарій (Пособіе: „Практическое руководство для священнослужителей“, П. Нечаева).

4. Литургика по программѣ для духовныхъ семинарій (Пособіе: прот. К. Никольскаго,—„Пособіе къ изученію устава богослуженія Прав. Церкви“).

5. Гомилетика. Краткія свѣдѣнія о церковной проповѣди, видахъ ея, содержаніи, изложеніи, достоинствѣ и недостаткахъ (Руководство: „Опытъ полнаго курса гомилетики“—М. Чепика).

6. Церковная исторія по программѣ гимназическаго курса (Учебная книга: прот. П. А. Смирнова,—„Исторія христіанской Православной Церкви“).

Примѣчаніе. Сверхъ сего, требуется написать проповѣдь на заданную тему и обязательно знаніе по программамъ для псаломщика и діакона.

О призрѣніи калѣкъ-воиновъ.

Въ Могилевскихъ епарх. вѣдомостяхъ (№ 2-й т. г.) *свящ. А. Скромновъ* поднимаетъ важный вопросъ о необходимости духовенству бѣлому и монашествующему принять участіе въ улучшеніи печальнаго положенія возвратившихся съ театра военныхъ дѣйствій калѣкъ-воиновъ, проливавшихъ кровь за отечество, но теперь потерявшихъ способность къ крестьянскому тяжелому труду. Въ самомъ дѣлѣ, кто поможетъ несчастнымъ калѣкамъ?

На починъ со стороны крестьянства, справедливо разсуждаетъ о. А. Скромновъ, расчитывать не приходится: оно

живетъ безъ иниціативы. Плохо расчитывать и на крестьянскія управленія—по той же причинѣ: они не откажутся отъ помощи, но предварительно надо кому-либо со стороны или вѣрнѣе—свыше, возбудить объ этомъ вопросъ. Общественная благотворительность имѣетъ одинъ большой недостатокъ: пока пойдутъ всякія отношенія, распоряженія, собиранія свѣдѣній, калѣки натерпятся много горя, прежде чѣмъ дождутся помощи. Не ошибусь, если скажу, что первый починъ въ дѣлѣ облегченія участи калѣкъ-воиновъ принадлежитъ намъ, духовенству и бѣлому и черному. Это его долгъ, это же и честь его! И главное, не такъ трудно устроить дѣло помощи при наличности тѣхъ средствъ, какія имѣются въ распоряженіи духовенства, въ частности — приходскихъ священниковъ.

Пришелъ въ село съ войны солдатъ безъ руки или ноги, солдатъ холостой, не семейный. У него есть и отецъ, и мать, и братья въ одной нераздѣльной семьѣ. Понятно, его не выгонятъ изъ избы и не отгонятъ отъ чашки со щами, но все-таки будутъ посматривать на него, какъ на дармоѣда, мало или совсѣмъ не заслуживающаго этого обѣда; придетъ и время, когда не постѣснятся сказать ему объ этомъ въ глаза. Этого не было бы, если бы мѣстный священникъ самъ предложилъ ему, напр., мѣсто сторожа въ школѣ или при церкви, а еще лучше—то и другое вмѣстѣ. Правда, есть нѣкоторые неудобства, если церковный или школьный сторожъ однорукій, одноногій, но ради высокой цѣли такое неудобство все-таки терпимо. За то совершенно мѣняется положеніе въ семьѣ такого калѣки: 2—3 рубля мѣсячнаго жалованья, какія онъ приноситъ домой, служатъ ему гарантіей его душевнаго спокойствія и ежедневнаго питанія. А батюшкѣ полная чистосердечная благодарность!

Возьмите этого калѣку въ другомъ положеніи. Онъ семейный, у него жена, 2—4 дѣтей и надѣлъ земли: какъ калѣка, онъ плохой работникъ на своемъ надѣлѣ и слѣд. плохой и ненадежный кормилецъ своей семьи. 2—3 рубля

ежемѣсячно избавляютъ его отъ многаго. — Онъ доволенъ и никому не въ тягость. Если такой калѣка семейный и къ тому же еще и безземельный, то распространяться о томъ, что́ для него составятъ эти 2—3 рубля, излишне.

Что касается такихъ жалкихъ калѣкъ, какъ, напр., совершенно слѣпыхъ, безрукихъ и безногихъ, словомъ, такихъ, которые безъ посторонней помощи не могутъ существовать и дня, то попеченіе о нихъ тоже лежитъ на обязанности духовенства, но только уже не бѣлаго, не приходскихъ священниковъ, ибо у нихъ рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ для выполненія этой задачи, а монашествующаго, монастырей какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Никто не станетъ утверждать, что монастыри существуютъ лишь для того, чтобы тамъ находили пріютъ и кровъ нѣсколько человѣкъ монаховъ, пользующихся, кромѣ казеннаго (въ нѣкоторыхъ монастыряхъ) жалованья, и кружечными доходами отъ богомольцевъ, а еще и землями и при томъ иногда въ изрядномъ количествѣ—и ничего, или мало дѣлающихъ на пользу близкихъ и славу отечества, кромѣ Могилевскаго архіерейскаго дома (я говорю лишь про Могилевскую епархію и ея духовенство), по иниціативѣ и указанію нашего энергичнаго Владыки устроившаго у себя пріютъ-лѣчебницу для раненыхъ воиновъ.

Если долгъ приходского священника заботиться о ближнихъ, то тѣмъ болѣе это—долгъ монашествующихъ, никакими дѣлами и заботами не обремененныхъ и поставившихъ цѣлью всей своей жизни труды ради Христа и для своего спасенія. Вотъ прекрасный случай къ этому. Пусть каждый монастырь возьметъ себѣ двухъ-трехъ несчастныхъ и жалкихъ калѣкъ-воиновъ; содержаніе ихъ монастырю будетъ стоить не дорого. Безъ сомнѣнія, въ каждомъ монастырѣ найдется 2—3 свѣтлыя личности, которыя примутъ на себя уходъ за безногимъ, безрукимъ или слѣпымъ солдатомъ, а въ случаѣ, если не найдется такихъ почтенныхъ мужей и

женъ, то монастырское начальство вправѣ назначить ухаживать за калѣкой кого либо, какъ послушаніе.

Нельзя не согласиться съ справедливостью мыслей автора, но справедливость же требуетъ ограничить упрекъ его по адресу монастырей. Уже многіе изъ нихъ, кромѣ Могилевскаго архіерейскаго дома, приняли на себя попеченіе о больныхъ и раненыхъ воинахъ, а въ Кіево-Печерской Лаврѣ, напр., это дѣло поставлено настолько хорошо, что остается радоваться и благодарить Бога, внушившаго лаврской братіи столь доброе начинаніе.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. И. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года мая 21-го дня.

Содержаніе: Благолѣпіе древности.— Современное значеніе монастырей въ народной жизни (продолженіе). — Изъ религіозной жизни Запада (окончаніе).

Благолѣпіе древности.

Разъ признана необходимость реформы въ области нашего богослуженія, какъ и вообще—въ области культа, и принято, что реформа должна быть произведена на научныхъ началахъ и подготовлена компетентными людьми, остается пожелать еще, чтобы пастыри въ бо́льшей или меньшей степени были освѣдомлены относительно метода реформаціонныхъ работъ, а также относительно источниковъ, откуда почерпаются тѣ или иныя научныя представленія о всемъ томъ, что въ совокупности своей опредѣляется терминомъ православно-христіанскаго культа.

И прежде всего, конечно, необходимо пожелать, чтобы *наука* о правосл.-христіанскомъ культѣ—церковная археоло-

гія и литургика была введена въ программу преподаванія въ новой богословской школѣ, ставящей себѣ цѣлью подготовлять кандидатовъ пастырскаго служенія, наряду съ другими богословскими и церковно-историческими науками. Пастырь Церкви въ нынѣшнее время обязанъ знать то, что окружаетъ насъ въ храмѣ, и понимать, что совершаетъ онъ, какъ священнослужитель, знать и понимать такъ, какъ указываетъ наука. Между тѣмъ, существуетъ взглядъ, будто въ нарождающейся богословской школѣ совершенно излишне преподаваніе науки о древностяхъ церковныхъ и православномъ богослуженіи; достаточно, говорятъ, для будущаго священника умѣть отслужить любую службу и распорядиться необходимыми богослужебными книгами. Храмъ выстроитъ безъ него епархіальный архитекторъ: внутренней отдѣлкой храма займутся художники или просто живописцы, которыхъ и теперь есть достаточно, а дальше будетъ еще больше, благодаря учрежденію иконописныхъ школъ. Храмъ и выстроятъ и украсятъ безъ содѣйствія священника, а онъ войдетъ въ храмъ, когда уже тотъ будетъ совершенно готовъ, чтобы облачиться и начать служить... Сторонники подобнаго взгляда должны отвергнуть необходимость всякой реформы въ области религіознаго культа, такъ какъ должны крѣпко держаться за status quo или принуждены будутъ предоставить дѣло реформы всякимъ случайнымъ лицамъ, если допускаютъ ея необходимость. Но отрывать реформу отъ науки, отъ историческихъ данныхъ, значитъ заранѣе обрекать дѣло на погибель. Наука—вотъ истинная почва, на которой только можетъ вырости что-нибудь доброе. И къ наукѣ, повторимъ, должны быть обращены умы теперяшняго поколѣнія юношей, имѣющихъ со временемъ вступить въ ряды духовенства.

Не секретъ, что въ нынѣшней семинаріи нѣтъ науки о христіанскихъ древностяхъ, какъ и науки о православномъ богослуженіи. Вмѣсто науки ученикамъ преподаются скудныя „историческія свѣдѣнія“, разрозненныя и сухія. Все вниманіе сосредоточено на усвоеніи механизма церковныхъ

служб. Для воспитанниковъ усвоеніе однихъ схемъ—„порядка“ служб до крайности утомительно. Не даетъ оно и наставнику того простора для работы мысли и чувства, которая является залогомъ благотворнаго воздѣйствія на слушателей. Механическое изученіе порядка службъ церковныхъ и таковое же перечисленіе богослужебныхъ принадлежностей храма и алтаря невольно пріучаетъ учениковъ холодно относиться къ храму, а достоинства богослуженія оцѣнивать, въ лучшемъ случаѣ, пожалуй, почти исключительно съ точки зрѣнія „чинности“ и точности исполненія предписаннаго въ уставѣ.

Мы какъ будто забыли, что главное „благолѣпіе“ нашего культа—это его сѣдая древность. И устройство храмовъ, и ихъ орнаментація, и принадлежности богослужебныя, и живопись, и молитвословія съ пѣснопѣніями въ ихъ „чинѣ“, и все въ храмѣ носитъ на себѣ печать самой глубокой христіанской старины, если иногда не воспроизводитъ древность первыхъ временъ христіанства. То особенно и отрадно сердцу христіанина, что въ храмѣ его окружаетъ особая обстановка, та же, что была и во времена давнія, когда были въ Церкви мужи, блиставшіе на подобіе свѣтильниковъ, по выраженію Василія Великаго, и являвшіе во всѣмъ, во внѣшности даже, образъ истиннаго благочестія. Вотъ почему всякую вещь церковную, всякую принадлежность богослужебную, всякій „чинъ“ и „послѣдованіе“, какъ и весь храмъ вообще, необходимо облекать „благолѣпіемъ“ древности, когда излагается ученіе о культѣ, если хотимъ, чтобы оно заставило молодыхъ слушателей тѣсно, полнотою силъ, сродниться съ храмомъ и богослуженіемъ. Надо, чтобы предъ ихъ взорами предстали величественные памятники древнихъ христіанскихъ сооруженій, архитектура которыхъ воспроизводится въ нынѣшнихъ сооруженіяхъ, надобно, чтобы они увидѣли (пусть хоть на рисункахъ) и Софію константинопольскую, и Софію кіевскую, и церкви великаго Новгорода и младшаго брата его, стараго Пскова, и Влади-

міра съ Суздалемъ, и Москвы и много другихъ византійскихъ и русскихъ храмовъ. Надобно, чтобы ученики вошли (пусть хоть мысленно) во внутренность старыхъ святилищъ, взглянули на живопись, которой покрыты стѣны древнихъ церквей, на мраморъ, на мозаику, на колоннады, на хоры, на куполъ, на иконостасъ, на алтарь, престолъ и все, что на немъ. Пусть они проникнутся благоговѣніемъ предъ тѣмъ геніемъ, который не щадилъ силъ и посвящалъ лучшія созданія своего творчества Богу... А сокровищницы христіанской молитвенной поэзіи: стихирари, служебники, евхологіи..., воспроизводящія намъ службы того свѣтлаго періода духовной жизни, когда въ богослужебныхъ своихъ собраніяхъ христіане горячо молились и отдыхали душой отъ повседневныхъ заботъ и напастей, собирая силы „на завтра“: развѣ эти пергаментные свитки и книги не должны быть развернуты, когда мы желаемъ объяснить любую изъ нынѣшнихъ службъ такъ, чтобы въ нашемъ объясненіи вылилась, какъ живая, ихъ исторія?... Положимъ, большинству изъ насъ нельзя отказать въ непосредственномъ ощущеніи благолѣпія православнаго нашего культа, но во сколько разъ онъ возвысился бы въ нашихъ глазахъ, если бы мы воочію, такъ сказать, увидѣли многовѣковую исторію и перелистовали страницы, на которыхъ записана его долгая жизнь, какъ развитіе или какъ временная задержка, помраченіе творческаго христіанскаго генія...

Мы забываемъ, что изученіе древностей является лучшимъ средствомъ, какъ и необходимымъ условіемъ, чтобы правильно понять настоящее и разумно относиться къ нему въ смыслѣ критической оцѣнки. Нельзя понять и оцѣнить настоящее внѣ связи его съ прошедшимъ. Разумѣется, реформаторы современнаго типа разсуждаютъ не такъ. Они хотятъ создать новую жизнь на „развалинахъ“ прошлаго. Они вѣрятъ исключительно въ свой смыслъ и презираютъ мудрость отцовъ и завѣты старины. Но еще древній египетскій жрецъ предостерегалъ законодателя аѳинянъ—Солона

отъ ошибки, въ которую легко могъ впасть самонадѣянный греческій геній: „Вы, греки“, говорилъ жрецъ, обращаясь къ Солону,—„вѣчныя дѣти, и нѣтъ между вами старика; душа у васъ всегда юношеская: въ ней нѣтъ древняго вѣрованія, основаннаго на воспоминаніяхъ старины, нѣтъ ученія, посѣдѣвшаго отъ времени!..“ [1]).

Не думаемъ, чтобы высказываемое уваженіе къ старинѣ подало поводъ читателю заподозрить насъ въ той же приверженности къ буквѣ и формѣ, которыми отличаются враги церковныхъ реформъ, защищающіе неприкосновенность status quo. Полагаемъ—понятно, что знаніе старины и уваженіе къ ней не ведутъ непремѣнно къ возвращенію назадъ; то и другое помогаетъ лишь сдѣлать выборъ изъ представляющагося разнообразія созданій и формъ—а также даетъ матеріалъ и пособіе при созданіи новаго. Василій Великій восхвалялъ одного епископа, блюстителя церковной старины, который изображалъ въ самомъ себѣ видъ древней церкви и приводилъ ввѣренную ему паству къ древнему состоянію, „какъ бы къ нѣкоему священному образу“; но вмѣстѣ съ тѣмъ св. отецъ ставилъ въ заслугу восхваляемому епископу еще и то, что онъ умѣлъ износимыя изъ сокровищницы своего сердца *ветхая ветхихъ* ставить предъ лицемъ *новыхъ*, подобно Моисею (Лев. 26, 10) [2]). Созданіе новыхъ художественныхъ комбинацій, и особенно—въ области культа, въ несравненно бо́льшей степени облегчается для человѣка освѣдомленнаго въ исторіи, чѣмъ просто для человѣка талантливаго...

Въ наше время много говорятъ о воспитаніи духа церковности въ воспитанникахъ духовной школы. Но ничто такъ не способно воспитать это чувство церковности, какъ именно сознательное отношеніе къ памятникамъ церковной старины

---

[1]) У Платона въ діалогѣ „Тимей“. См. *П. А. Ташкарева*—„Право церковное...“ изд. 2, К. 1889, стр. 10—11.

[2]) См. 28 письмо.

и знаніе исторіи православнаго богослуженія. Въ наше время надо прежде всего вліять на *сознаніе,* чтобы затѣмъ вызвать чувство. Пусть же наука покажетъ изучающимъ ее, что въ православномъ культѣ не чувствуется тлѣнія, и смрадъ разлагающагося трупа не душитъ и не заражаетъ человѣка; напротивъ — здѣсь жизнь богатая и благоухающая; здѣсь вѣчное стремленіе христіанскаго духа къ творчеству и самое творчество,—вѣчная волна, выбрасывающая перлы.

Чѣмъ дороже сокровище, тѣмъ бережнѣе обращаются съ нимъ. Какъ же не показать, и прежде всего—на школьной скамьѣ кандидатамъ священства, что Православная Церковь въ своемъ культѣ имѣетъ несравнимое ни съ чѣмъ богатство творчества и вдохновенія, богатство не одного, не двухъ поколѣній, а длиннаго ихъ ряда,—богатство, которое, въ значительной части скрывается еще въ нѣдрахъ земли и въ потаенныхъ мѣстахъ, куда не дошелъ заступъ, не попала лопата, не проникъ взоръ кропотливаго изслѣдователя,—и кто знаетъ, что̀ можетъ оказаться тамъ, какіе самоцвѣтные камни спрятаны въ глубинахъ, соотвѣтствующихъ лучшей порѣ христіанства!.. Родъ православія древенъ—древнѣе католическаго. У насъ поэтому должно быть больше родовыхъ драгоцѣнностей. Но посмотрите, кто больше дорожитъ стариной—католичество или православіе? Гдѣ все вымѣрено, съ точностью высчитано, опредѣлено и ни на іоту не измѣняется въ теченіе ряда вѣковъ, какъ не при дворѣ римскаго папы, который не иначе является предъ взоръ толпы духовныхъ своихъ чадъ, какъ въ „благолѣпіи“ гордой эпохи среднихъ вѣковъ? На взглядъ православія многое въ блестящемъ католичествѣ—мишура. Православіе цѣнитъ настоящіе, неподдѣльныя драгоцѣнности — сокровища творческаго духа. Почему же мы до сихъ поръ скрываемъ подъ спудомъ, почему не вынемъ и не покажемъ міру созданій своего религіознаго генія? Какъ будто приспѣла уже пора обнаружить произведенія художественнаго творчества православія во всей ихъ полнотѣ... Говорятъ, въ культѣ христіанскомъ *прежде всего*—

символизмъ и назидательность. Безъ того и другого ничего нельзя представить въ храмѣ; и только то умѣстно здѣсь, что удовлетворяетъ требованію назидательности... Но не слѣдуетъ забывать, что символизмъ и назидательность въ христіанскомъ культѣ основаны всегда на фактѣ и дѣйствительности, и цѣль первыхъ тѣмъ лучше и скорѣе достигается, чѣмъ богаче и содержательнѣе вторые. Выходитъ, что фактъ и дѣйствительность стоятъ впереди, ибо они даютъ матеріалъ и служатъ основой какъ для назиданія, такъ и для воплощенія извѣстной религіозной идеи. Вотъ этотъ-то фактъ и эту-то дѣйствительность прежде всего необходимо установить, чтобы имѣть возможность говорить, насколько они удовлетворяютъ цѣлямъ назиданія и въ совершенствѣ ли воплощаютъ извѣстную идею. Къ объясненію культа нельзя приступать съ однимъ только желаніемъ извлечь изъ религіозныхъ формъ назиданіе; это желаніе необходимо сочетать съ другимъ стремленіемъ — открыть первоначальный смыслъ и значеніе того или другого священнаго предмета. И второе должно предшествовать первому. Бѣда наша доселѣ состояла въ томъ, что у насъ не было научнаго отношенія къ культу, и поэтому, напр., объ „истовости“ богослуженія мы склонны бывали судить и рядить каждый посвоему, не сообразуясь съ наукой и не имѣя даже въ распоряженіи того историческаго матеріала, который помогъ бы намъ установить нетвердо стоящее и первоначальное-то понятіе „истовости“. Отсутствіе и слабость необходимыхъ научныхъ свѣдѣній является причиною того печальнаго факта, что у насъ нѣтъ *и теперь прочно установившагося* и общепринятаго взгляда на главную книгу, регулирующую de jure наше богослуженіе — типиконъ, такъ какъ мы не знаемъ исторіи образованія его, какъ не знаемъ и тѣхъ многообразныхъ вліяній, которымъ онъ подчинялся, когда принималъ теперешній свой видъ.

Какъ же, не зная культа, мы можемъ правильно оцѣнивать достоинства тѣхъ или другихъ церковно-богослужеб-

ныхъ формъ, давать предпочтеніе однѣмъ, отвергать другія? Никто, вѣдь, не рискнетъ взять на себя роль музыкальнаго критика, если чувствуетъ себя профаномъ въ музыкѣ. Совершенно то же слѣдуетъ сказать и о культѣ. Надо сначала *изучить* его, а затѣмъ толковать о той или другой въ немъ реформѣ.

Когда мы изучимъ исторію православнаго нашего культа, когда приблизимъ къ уму и сердцу все разнообразіе памятниковъ церковной и богослужебной старины и послѣ этого посмотримъ на нынѣшніе церковно-богослужебные уставы и порядки,—многое изъ нихъ, можетъ быть, представится для насъ въ совершенно иномъ и гораздо лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ оно показалось намъ сначала, а съ другой стороны—исторія дастъ намъ полную возможность произвести всѣ необходимыя поправки и улучшенія въ культѣ, нужда въ которыхъ, безъ сомнѣнія, есть и—не малая.

Но прежде всего, думаемъ, необходимо питомцевъ духовной школы, будущихъ блюстителей чистоты и охранителей благолѣпія святыни храма и богослуженія, ввести въ науку исторіи древностей церковныхъ и православнаго богослуженія. Необходимо указать молодымъ умамъ на завѣщанное намъ древностью церковное сокровище и научить распознавать достоинства завѣщаннаго посредствомъ воспитанія серьезною наукою вкуса къ церковной старинѣ.

Въ наше время вѣра требуетъ воспособленія себѣ со стороны науки; этого же требуетъ нынѣ и культъ, при томъ требуетъ тѣмъ съ бо́льшею настойчивостью, чѣмъ бо́льше онъ былъ въ разобщеніи съ наукой.

Н. Пальмовъ.

Современное значеніе монастырей въ народной жизни.

(Продолженіе [1]).

Не слишкомъ ли увлеклись высказавшіеся о „новой эрѣ“ въ жизни монастырей, провозглашая, что участіе монастырей въ дѣлѣ народнаго врачеванія, выразившееся въ такой, правда, прекрасной, формѣ, какъ это дѣлается въ больницѣ при Покровскомъ монастырѣ, составляетъ новую эру въ жизни монастырей; что дѣятельность Покровскаго монастыря первый шагъ, за которымъ, естественно, послѣдуютъ и другіе шаги? Несомнѣнно, увлеклись, и объ этомъ своемъ увлеченіи они сами говорятъ. Именно, они сами свидѣтельствуютъ, что православные монастыри наши и раньше участвовали и теперь участвуютъ въ дѣлѣ народнаго врачеванія, что они прежде этимъ (конечно, здѣсь преувеличеніе) стяжали себѣ въ народѣ славу, что во многихъ монастыряхъ уже есть больницы, въ другихъ возникаютъ, а мы, къ этому позволимъ себѣ добавить, что почти во всякомъ монастырѣ, хоть сколько-нибудь обезпеченномъ, есть больницы для братіи и приходящихъ богомольцевъ, что въ тяжелые годы повальныхъ болѣзней монастыри,—есть вѣдь факты самаго недавняго времени, — приходили на помощь городамъ весьма широко, настолько, насколько они только могли. Если же такъ, то почему же зашла рѣчь о „новой эрѣ“, чѣмъ же объяснить призывъ врачей, обращенный къ монастырямъ,—идти по пути Покровскаго монастыря? Трудно объяснить это чѣмъ-либо инымъ, какъ только увлеченіемъ, съ одной стороны, дѣятельностію Покровскаго монастыря, а съ другой—„все возрастающимъ матеріализмомъ современной цивилизаціи“. Дѣйствительно, и трудно не увлечься и не преклониться предъ дѣятельностію Покровскаго монастыря въ разсматриваемомъ

[1]) См. № 15-й за 1906 г.

отношеніи. Здѣсь дѣло помощи больнымъ поставлено такъ совершенно, здѣсь ежедневно проявляется такъ много самоотверженія и готовности служить ближнему въ его горѣ, что трудно при видѣ всего этого не впасть въ односторонность и изъ-за видимыхъ, для всѣхъ поучительныхъ подвиговъ уразумѣть сущность всего совершающагося,—именно то, во имя чего это совершается,—именно ту сущность, которая даетъ извѣстному учрежденію право именоваться монастыремъ. Между тѣмъ иное получилось бы, если бы сами увлекающіеся новой, а вѣрнѣе—мнимой эрой, поставили предъ собою такіе вопросы: что придаетъ особенную цѣну въ глазахъ больныхъ „бѣлой“ больницѣ,—не то ли, что дѣятельность ея совершается подъ кровомъ монастыря? И еще—можно ли дѣятельность Покровскаго монастыря, какъ извѣстно, находящагося въ особыхъ, даже исключительныхъ условіяхъ, созданныхъ самоотверженнымъ служеніемъ благу людскому самой Августѣйшей учредительницы монастыря, и всего, что въ немъ есть,—*можно ли ставить въ образецъ, который должны* осуществлять въ своей жизнедѣятельности и всѣ остальные монастыри, достанетъ ли у этихъ монастырей, даже самыхъ богатыхъ изъ нихъ, не говоримъ—средствъ матеріальныхъ, но, что всего главнѣе, нравственныхъ и иныхъ, почерпаемыхъ Покровскимъ монастыремъ въ той исключительной обстановкѣ, которой онъ пользуется? Намъ думается, что эти вопросы удержали бы врачей отъ такихъ разсужденій, какъ высказанное профессоромъ Подвысоцкимъ, именно, что „ни для кого не тайна, что въ нынѣшней дѣятельности монастырей и въ организаціи монастырской жизни идеалъ (а не заповѣдь?) христіанства—любовь къ ближнему и къ страждущему не находитъ себѣ того широкаго осуществленія, которое она, естественно, могла бы встрѣтить, при иной организаціи монастырской жизни, со стороны людей сильныхъ духомъ и отказавшихся отъ міра“. Тѣмъ болѣе возможно было удержаться отъ такого разсужденія, что оно, какъ будто, не можетъ быть поставлено и въ логическую связь съ пре-

дыдущимъ указаніемъ того же автора,—именно съ указаніемъ на то, что „съ теченіемъ времени, съ развитіемъ свѣтской культуры и съ сосредоточеніемъ врачебнаго искусства въ рукахъ врачей и подъ управленіемъ свѣтской власти, роль монастырей, какъ врачебныхъ центровъ, постепенно исчезла". Это послѣднее указаніе должно было бы, повидимому, привести автора его къ мыслямъ не объ оскудѣніи христіанскихъ идеаловъ въ монастыряхъ, а къ тому историческому процессу, который должны были пережить вмѣстѣ съ отечествомъ и монастыри. Исторія намъ говоритъ, что на зарѣ русской, какъ и всякой другой, жизни, когда зачиналась только еще сознательная жизнь народа, когда въ послѣднюю только еще вкладывались первыя сѣмена христіанской культуры, учрежденіямъ, призваннымъ сѣять на нивѣ народной доброе, прекрасное и святое, приходилось быть всѣмъ и трудиться за всѣхъ. И Церковь, во всемъ своемъ составѣ, и всѣ ея учрежденія въ отдѣльности должны были учить народъ словомъ и примѣромъ не только истинамъ Христовой вѣры и христіанской жизни, но и многому „свѣтскому" тому, что не входитъ въ прямую обязанность ихъ, что относится къ дѣламъ гражданскаго благоустроенія. И въ числѣ этихъ не прямыхъ обязанностей было не только врачеваніе больныхъ, но и обученіе усердному и правильному земледѣлію, искусству строительному, плотничьему, гончарному и всякому другому ремеслу. Но проходятъ времена, посѣянное въ душѣ народной начинаетъ понемногу давать плоды, люди постепенно научаются сами многое понимать и дѣлать, духъ человѣческій, освобожденный отъ оковъ мрака, просвѣтленный и вызванный къ свободному и всестороннему развитію свѣтомъ Христова ученія и настойчивымъ ученіемъ Церкви и ея учрежденій, началъ быстро и разносторонне проявлять свою дѣятельность,—сталъ создавать „свѣтскую культуру". А какъ извѣстно, эта культура очень многообразна, и потому, естественно, она постепенно внесла въ жизнь народную то, что называется, на языкѣ этой же культуры,—раздѣленіе труда, раздробленіе въ

былое время соединеннаго въ одно на множество спеціальностей, каковое раздробленіе, напр., въ современной медицинѣ дошло до того, что появились отдѣльные врачи ушей, носа, мало что изъ другихъ областей своей же науки знающіе. По мѣрѣ постепеннаго наростанія знаній, совершенствованія опытовъ и средствъ для улучшенія и упорядоченія жизни человѣческой, естественно, Церковь и ея учрежденія тоже постепенно сокращали свою всесторонность и все больше и больше сосредоточиваютъ вниманіе на томъ, что первѣе всего должно подлежать ихъ вѣдѣнію. Мы думаемъ, что, если бы въ настоящее время всѣ монастыри выступили съ своимъ прежнимъ „баннымъ и врачебнымъ“ искусствомъ, не малому бы они подверглись насмѣшливому гоненію со стороны представителей современной медицины. А научить всѣхъ монаховъ современному врачебному искусству едва ли возможно; современные же врачи едва ли отрекутся отъ міра и уединятся въ монастыряхъ, особенно захолустныхъ, гдѣ, кромѣ монаховъ, другихъ паціентовъ быть не можетъ.

Но подчиняясь требованіямъ процесса историческаго развитія народной жизни, Церковь и ея учрежденія ни на минуту не оставляли и не забывали заповѣди Христовой—учить людей добру, проводить въ жизнь людскую словомъ и примѣромъ законъ любви христіанской къ Богу и людямъ, ближнимъ своимъ. Въ этихъ цѣляхъ Церковь словомъ своимъ возжигала въ людяхъ любовь къ жертвамъ на общественную пользу и въ частности на дѣло устроенія больницъ и самыхъ разнообразныхъ убѣжищъ для нуждающихся въ нихъ. Присмотритесь къ тому, что совершается и совершалось въ средѣ общественной благотворительности, вникните въ тѣ дѣйствительно могучія побужденія, которыми люди подвизаются подвигомъ добрымъ на скорую и широкую помощь другимъ людямъ, въ томъ или иномъ отношеніи обездоленнымъ,—и вы увидите, что все созданное и созидаемое въ этомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ наглядное выраженіе ученія Церкви и ея учрежденій, проникающаго въ душу людскую ви-

димо для всѣхъ и, чаще всего, невидимыми путями. Многіе люди, конечно, склонны приписывать себѣ, своей иниціативѣ, какъ первичному и основному источнику, совершаемое ими добро; но безпристрастный анализъ всѣхъ своихъ сокровенныхъ движеній души всегда можетъ привести и такихъ самообольщающихся людей къ убѣжденію, что, не слышавши постоянно и въ слухъ всѣхъ Церковію возвѣщаемаго Христова ученія—„люби ближняго, какъ самого себя“, они остались бы глухи къ горю ближняго; что, не зная заповѣди Христа о любви къ Богу, какъ единственномъ основаніи для любви къ ближнему, они и не понимали бы необходимости дѣятельно любить ближняго и не находили бы въ себѣ достаточно сильныхъ побужденій къ этому. Исторія всего христіанскаго періода жизни человѣчества намъ указываетъ на это, какъ на несомнѣнную истину.

Усердно и настойчиво словомъ паучая своихъ чадъ дѣятельной христіанской любви, Церковь и ея учрежденія, несмотря на крайнее раздробленіе человѣческихъ занятій и таковое же осложненіе своихъ прямыхъ обязанностей, не только не устраняютъ себя отъ обязанности учить своихъ чадъ добру дѣломъ, примѣромъ, но, напротивъ, всегда шли и идутъ впереди свѣтскихъ учрежденій въ этомъ направленіи. *„Придите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: болѣхъ и посѣтисте Мене“; „почитай врача противу потребъ честію его: ибо Господь созда его, отъ Вышняго бо есть исцѣленіе и отъ Царя пріиметъ даръ“:* эти слова Спасителя и премудраго Сираха съ первыхъ минутъ существованія Церкви на землѣ были не только ей извѣстны, но и особенно близки ея сердцу, и она съ тѣхъ же самыхъ первыхъ дней своей жизни всемѣрно старалась осуществлять заповѣдь Христову, а органомъ наилучшаго осуществленія избрала монастыри, въ которыхъ раньше всѣхъ и въ наилучшихъ формахъ стала оказываться помощь больнымъ и вообще всѣмъ страждущимъ. Насколько близко Церковь принимала къ сердцу

дѣло врачеванія больныхъ, видно уже изъ того, что она даже внесла по этому предмету слѣдующее требованіе въ свой уставъ: „Подобаетъ тщатися больнымъ на врачевство или въ монастырѣ живущимъ, или страннопришедшимъ, въ тяжкихъ недузѣхъ скораго просящимъ исцѣленія. Аще пріидетъ кто, абіе недужнаго призирати и подавати ему здравіе. Врачемъ убо въ монастыри быти. Старымъ же и всякія помощи не имущимъ одры поставляти на покой имъ“ [1]). И это требованіе всегда исполнялось и исполняется. Исполнялъ это и архіепископъ Ефремъ, когда устроялъ „банное и врачевое строеніе и больницы всѣмъ приходящимъ и безмездное врачеваніе въ своемъ градѣ и по инымъ своимъ градамъ митрополькимъ“; исполнялъ это и Печерскій монастырь, считающій въ числѣ своихъ иноковъ и подвижниковъ не малое количество „весьма хитрыхъ“ врачевателей; исполняли и исполняютъ всегда это требованіе и всѣ другіе монастыри. Въ особенно роскошной и совершенной формѣ въ настоящее время приведенное требованіе устава Церковнаго выполняется въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Но такая форма выполненія устава церковнаго, какъ извѣстно, заключающаго въ себѣ много и другихъ требованій, ни въ какомъ случаѣ не можетъ возвѣщать какую-то „новую эру“ въ жизни монастырей. *М. Гн.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Уст. гл. 46, 50 л. на оборотѣ и 51.

Изъ религіозной жизни Запада.

(Окончаніе [2]).

Новыя теченія въ отношеніяхъ западно-европейскаго общества къ религіи и Церкви, замѣтныя всюду, въ настоящее время особенно ярко выступаютъ въ спорахъ о низшей народной школѣ. Школа, безъ сомнѣнія, составляетъ самое

[2] См. № 20-й за 1906 г.

могучее средство воздѣйствія на народъ. Поэтому для Церкви естественно желаніе взять ее въ свои руки. Со стороны же противниковъ религіи вполнѣ понятно стремленіе всячески ограничить церковное вліяніе на школу. Отсюда споры изъ-за школы—давнее явленіе въ жизни западно-европейскихъ государствъ. Въ настоящее время споры эти возгораются, повидимому, въ Англіи и въ Пруссіи.

Въ Англіи, послѣ недавняго перехода власти къ либераламъ, вырабатывается въ настоящее время билль объ измѣненіи школьнаго закона 1902 г. Въ силу этого послѣдняго въ англійскихъ низшихъ школахъ существуетъ конфессіональное обученіе Закону Божію, признается необходимымъ конфессіональный составъ учащихъ и конфессіональный надзоръ за школой, т. е. дѣло обученія и воспитанія ведется въ духѣ той религіозной общины, которая учредила школу. Въ настоящее время новое правительство проектируетъ измѣнить этотъ законъ и вмѣсто исповѣднаго преподаванія Закона Божія ввести общехристіанское, иначе говоря,—ограничить преподаніе однимъ чтеніемъ Библіи. Либеральные церковники рекомендуютъ при этомъ даже совсѣмъ устранить Законъ Божій изъ круга обязательныхъ предметовъ. Проектъ правительства и пожеланія либераловъ, однакоже, встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе со стороны религіозныхъ общинъ, въ особенности со стороны англиканъ и католиковъ. Консервативные круги выступаютъ на защиту конфессіонализма въ школѣ. Противники нововведенія справедливо указываютъ на то, что общаго безысповѣднаго христіанства нѣтъ, и что христіанство можетъ быть только исповѣднымъ. Въ пользу права общинъ вести религіозное обученіе въ духѣ исповѣданія общины ссылаются далѣе на то, что школьныя зданія, стоющія въ общей сложности милліоны, построены на средства общинъ, у которыхъ поэтому нельзя отнять право на надзоръ за школой. Родители учащихся при этомъ прямо обращаются въ парламентъ съ петиціями, въ которыхъ ходатайствуютъ о томъ, чтобы дѣтямъ было обезпечено обуче-

ніе той религіи, которая излагается въ катихизисахъ. Особенно энергично за конфессіональную школу выступаютъ, конечно, католики. Пока нельзя сказать, будетъ ли имѣть успѣхъ протестъ консерваторовъ противъ упраздненія конфессіональной школы. Но, судя по составу новаго англійскаго правительства, скорѣе можно въ этомъ успѣхѣ сомнѣваться.

Вопросъ о конфессіональной школѣ выдвинутъ въ самое послѣднее время и въ Пруссіи. Прусское правительство стоитъ за школу конфессіональную, и въ этомъ духѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія составленъ новый школьный проектъ. Противъ этого проекта выступила съ протестомъ группа профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній. Она опубликовала письмо, направленное противъ правительственнаго проекта, и приглашаетъ подписываться всѣхъ сочувствующихъ протесту. Въ письмѣ указывается на то, что обученіе дѣтей учителями ихъ исповѣданій не только неосуществимо практически въ мѣстахъ съ смѣшаннымъ и разновѣрнымъ населеніемъ, но не допустимо и принципіально. Единственною цѣлью обученія должно быть сообщеніе знанія, а для этого не имѣетъ значенія вѣроисповѣданіе преподавателя. По мнѣнію профессоровъ, религіознопсповѣдная окраска обученія будетъ предлогомъ къ тому, что все обученіе будетъ распредѣлено по исповѣданіямъ, и въ школѣ воцарится не только религія, но прямо религіозный партикуляризмъ. Почтому авторы письма приглашаютъ протестовать противъ проекта конфессіональной школы всѣхъ, кому единство и свобода народа дороже, чѣмъ увѣковѣченіе конфессіональныхъ противорѣчій. „Мы разсматриваемъ вопросъ“, продолжаютъ авторы письма, „не какъ только прусскій. При общемъ проникновеніи конфессіонализма ни одному свободомыслящему человѣку въ нѣмецкомъ отечествѣ не должно быть безразличнымъ, что именно въ Пруссіи изгоняются лучшія преданія фридриховскаго времени, и открывается впервые законный доступъ давно уже угрожающему вліянію

клерикальнаго духа. Поэтому мы считаемъ дѣломъ чести возвысить голосъ въ этотъ критическій моментъ и потребовать отъ прусскихъ народныхъ представителей отклоненія конфессіональныхъ опредѣленій школьнаго проекта".

„Въ этомъ протестѣ", замѣчаетъ „Еван. Лютер. Церк. Газета" по поводу приведеннаго письма, „виденъ истинно нѣмецкій, мы сказали бы—наивный идеализмъ, который не имѣетъ представленія о дѣйствительной жизни и строитъ воздушные замки". По мнѣнію газеты, единая національная школа, гдѣ бы не было исповѣдныхъ споровъ, царили миръ и согласіе, есть воздушный замокъ. Во многихъ областяхъ преподаванія вѣроисповѣдный принципъ, конечно, не при чемъ. Но за то въ нѣкоторыхъ этотъ принципъ выступаетъ съ полной ясностью. Напр., исторія реформаціи иначе будетъ преподаваться католикомъ, который будетъ ругать Лютера, и иначе протестантомъ, который будетъ критиковать католическую Церковь. Вѣроисповѣдный принципъ не можетъ, по мнѣнію названной газеты, не отразиться даже на преподаваніи нѣмецкой литературы, такъ какъ классическіе нѣмецкіе писатели не скрываютъ своихъ антипатій къ Риму, и для того, чтобы сдѣлать нѣмецкую литературу нейтральной, слишкомъ сильно нужно будетъ ее урѣзать. Да и вообще, по мнѣнію газеты, нейтральное обученіе, если оно должно быть воспитывающимъ, есть нѣчто невозможное. Дѣти приносятъ изъ школы духъ учителя, и этого духа нельзя изгнать изъ школы. Учитель религіозный невольно будетъ и естествознаніе и исторію преподавать иначе, чѣмъ учитель невѣрующій. Равнымъ образомъ въ преподаваніи будетъ сказываться католикъ и протестантъ. „Если хотятъ школу сдѣлать нейтральной, то нужно запретить доступъ къ педагогическому поприщу всѣмъ религіозно-настроеннымъ людямъ. Но будетъ ли тогда нѣмецкій народъ лучше, утверждать это не всѣ подписавшіеся найдутъ мужество". Что касается, въ частности, обученія религіи, то здѣсь безконфессіональность можетъ повести только

къ невѣрію. Школа, въ которой бы обучались религіи совмѣстно христіане, іудеи и язычники, скоро должна бы была придти къ необходимости отказаться совсѣмъ отъ обученія религіи и, по французскому образцу, ограничиться обученіемъ моральнымъ. Но это была бы школа религіозной нетерпимости, школа стѣсненія свободы вѣры.

Изложенныя мысли, полагаемъ, не безполезно принять къ свѣдѣнію и нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ защитниковъ свободной школы.

—

Послѣдній номеръ „Всеобщ. Еванг.-Лютеранской Церковной Газеты“ съ чувствомъ отрады отмѣчаетъ усиленіе среди студенчества движенія, направленнаго къ улучшенію нравовъ. Это движеніе проявляется въ томъ, что традиціонные, свято соблюдавшіеся нѣмецкими буршами пьянственные обычаи перестаютъ считаться обязательными. Тотъ же принципъ воздержанія начинаетъ далѣе признаваться необходимымъ и въ сферѣ половой жизни. Нѣмецкое студенчество предприняло борьбу противъ „двойной морали“, которая разрѣшаетъ безпрепятственно мущинѣ то, чего никогда не прощаетъ женщинѣ. Еще въ 1904 г. въ Берлинѣ основанъ академическій союзъ „Этосъ“, поставившій цѣлью содѣйствовать болѣе глубокому и болѣе благородному пониманію половой жизни, борьбѣ противъ разврата и выясненію истиннаго понятія о чести. Союзъ этотъ быстро сталъ расширяться, такъ что въ настоящее время филіальные отдѣлы его есть уже въ Марбургѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Штутгартѣ, Шарлотенбургѣ, а отдѣльные члены имѣются во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ мартовскомъ нумерѣ „Академ. Ежемѣсячника“, органа студенческихъ корпорацій, съ горячей статьей въ защиту идей союза выступаетъ бывшій студентъ. Онъ требуетъ, чтобы корпорація, какъ воспитательное учрежденіе, систематически и всѣми средствами вела борьбу противъ алкоголя и разврата, такъ какъ они являются главными врагами нѣмецкой молодежи и нѣмецкой націи. Привѣтствуя

начинающееся движеніе, газета напоминаетъ, что академическая свобода, предоставленная студенчеству, должна быть не разнузданностью, а серьезнымъ сознаніемъ нравственной отвѣтственности.

Иностранная печать въ послѣднее время усиленно интересуется всѣмъ, что дѣлается у насъ въ Россіи. Вниманіе церковныхъ газетъ и журналовъ при этомъ привлекаютъ, конечно, особенно вопросы нашей религіозно-церковной жизни. Для характеристики отношенія къ этимъ вопросамъ нашихъ западныхъ сосѣдей мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ статьи *І. Лепсіуса*, напечатанной въ ноябрьской книгѣ нѣмецкаго журнала „Царство Христово“ (Das Reich Christi), подъ заглавіемъ: „Евангеліе въ Россіи“.

11 сентября 1905 г.. по порученію правленія „Нѣмецкой восточной миссіи“ Лепсіусъ предпринялъ поѣздку въ Россію съ намѣреніемъ лично ознакомиться съ современнымъ положеніемъ штундисткаго движенія. „Для меня“, говоритъ авторъ, „на первомъ планѣ стали три вопроса. 1) Значится ли только на бумагѣ объявленная манифестомъ 17 апрѣля свобода религій, или она есть фактъ? 2) Положены ли уже основы для русско-евангелической церкви, или же должны еще только быть положены? 3) Что можетъ сдѣлать евангелическая церковь въ Германіи, чтобы содѣйствовать дѣлу евангелія въ Россіи“? По словамъ автора, нѣмецкая восточная миссія имѣетъ горячій интересъ къ этимъ вопросамъ, потому что съ 1900 г. она работу въ Россіи включила въ свою программу; соработникъ ея Стефановичъ нѣсколько лѣтъ уже посѣщаетъ штундистскіе круги, а съ января 1905 г. въ миссіонерской семинаріи уже обучаются русскіе питомцы.

Описаніе своего путешествія Лепсіусъ начинаетъ съ размышленій о переживаемой нами эпохѣ. Размышленія эти оказываются для насъ довольно утѣшительными. „Я вынесъ изъ Россіи“, пишетъ Лепсіусъ, „убѣжденіе въ несокрушимой жизненной силѣ русскаго народа. Россія пораженіями стала велика. Зимній походъ Наполеона, Крымская война, сомни-

тельный исходъ войны русско-турецкой, катастрофа въ восточной Азіи: столѣтіе пораженій. Но всѣ они могли только на время остановить ростъ азіатской міровой державы; могучихъ жизненныхъ силъ государственнаго организма они никогда не потрясали. Они даже послужили поводомъ только къ тому, что исполинское тѣло пробуждало бродящія въ немъ, но еще не использованныя жизненныя силы, и вызывалось къ болѣе сильному укрѣпленію своего мірового положенія".

Непосредственной цѣлью путешествія Лепсіуса въ Россію было с. Астраханка, куда штундистскіе вожаки приглашали его на общую „конференцію", устроенную по случаю празднованія столѣтія молоканской секты. Но по пути Лепсіусъ посѣтилъ с. Захаровку, гдѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ друзей, очевидно, подобно ему, задавшихся цѣлью содѣйствовать „евангельскому движенію" въ Россіи: здѣсь былъ шведскій миссіонеръ Гойеръ, финскій „евангелистъ" Свенсонъ и „хронистъ исторіи штундистскихъ преслѣдованій" Ивановъ. Три дня пребыванія въ Захаровкѣ прошли въ непрерывныхъ почти разговорахъ при посредствѣ Стефановича. Предметомъ разговоровъ были, конечно, религіозные вопросы, разрѣшавшіеся на основаніи Библіи. Общее впечатлѣніе автора отъ разговоровъ—въ пользу сектантовъ. „Дни, которые я", замѣчаетъ онъ, „провелъ среди этихъ мужественныхъ людей и серьезныхъ вѣрующихъ христіантъ зрѣлаго пониманія и основательнаго опыта, были для меня полны назиданія". На основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ отъ собесѣдниковъ, Лепсіусъ излагаетъ, затѣмъ, для нѣмецкихъ читателей краткую исторію молоканства до появленія новомолоканства или штундизма. При этомъ подчеркивается попытка баптистовъ овладѣть штиндистскимъ движеніемъ и ихъ усиленная агитація. Общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ на основаніи своихъ наблюденій надъ штундизмомъ и баптизмомъ такой: „Все, что я видѣлъ и слышалъ въ южно-русскихъ общинахъ, укрѣпило меня въ убѣжденіи, что баптизмъ не способенъ захватить руководство евангелическимъ движеніемъ въ Россіи,

что онъ представляетъ собою чуждое тѣло, которое проникло въ штундистское движеніе, когда оно было ослаблено преслѣдованіемъ, и что здоровый ростъ и организація евангельскихъ общинъ побѣдятъ опасность отъ баптизма"... „Тихіе дни, которые я провелъ на уединенномъ хуторѣ, создали во мнѣ спокойную увѣренность, что во времена преслѣдованія въ послѣднія десятилѣтія сила штундистскаго движенія не сломлена; хотя вовнѣ она задержана и оттѣснена, но по существу, въ корнѣ, она окрѣпла. Движеніе, которое выдвинуло столькихъ вождей, испытанныхъ характеровъ, какъ я узналъ ихъ, истинно-евангельскихъ людей, столь же рѣшительныхъ, сколь и основательныхъ, ясныхъ въ ученіи, твердыхъ въ дѣйствіяхъ, полныхъ проникновенія въ условія здравой христіанской общественной жизни,—движеніе, которое создало не только эфемерныя общины, но твердо укоренившіяся жизнеспособныя общества, находится на самомъ вѣрномъ пути къ тому, чтобы сдѣлаться національной Церковью".

Изъ Захаровки Лепсіусъ отправился въ Астраханку для участія въ празднованіи столѣтняго юбилея молоканъ. Здѣсь онъ засталъ уже много „старыхъ и новыхъ" знакомыхъ которымъ, повидимому, мы обязаны успѣхами у насъ „евангелическаго движенія". Изъ нихъ Лепсіусъ называетъ американскаго миссіонера Еастона, шведскаго миссіонера Сарве, бар. Николаи, Зиновьева, гр. Корфа, „духовнаго сына лорда Редстока", г. Яковлева, „ревностнаго руководителя московскаго кружка", „одного изъ почтенѣйшихъ людей (дѣятелей) движенія". Юбилейное торжество, къ участію въ которомъ собрались гости изъ 20-ти губерній, депутаціи отъ сосѣднихъ меннонитскихъ общинъ, состояло въ собраніяхъ, имѣвшихъ, по выраженію Лепсіуса, „интернаціональный вселенскій характеръ". Авторъ подробно описываетъ эти собранія Отъ всѣхъ, начиная съ губернатора, и отъ всего, происходившаго на собраніяхъ, онъ въ восторгѣ. Въ рѣчахъ, произносившихся на собраніи, проповѣдывалось только „чистое, ясное евангеліе", гимны, пѣвшіеся собравшимися, бы-

ли трогательны и умилительны. „Русскіе“, замѣчаетъ просвѣщенный иностранецъ, „такой музыкальный народъ, что Православная Церковь своему удивительному пѣнію, которое въ большихъ кафедральныхъ соборахъ отличается глубиною и яркостью голосовъ, силою и мягкостью выраженія и истинно художественнымъ характеромъ, больше всего обязана тѣмъ, что даже образованное общество все еще терпѣливо переноситъ суевѣрное иконопочитаніе и внѣшнюю пышность русскаго культа. Душою русскаго народа овладѣетъ тотъ, кто съ евангеліемъ въ сердцѣ будетъ пѣть для нея, по-русски, а не по-немѣцки, не по-англійски или по-американски“. Разумѣется, самому Лепсіусу пришлось много ораторствовать въ собраніяхъ. Въ качествѣ образчика своего искусства говорить съ русскимъ народомъ и умѣнья приспособляться къ его пониманію, почтенный авторъ приводитъ краткую рѣчь, сказанную имъ по вопросу о крещеніи. „Кто не иллюстрируетъ мысль“, назидаетъ Лепсіусъ своихъ нѣмецкихъ читателей, „тотъ едва ли убѣдитъ крестьянина. Русскіе обыкновенно чай наливаютъ такъ, что сначала льютъ изъ чайника густой чайный экстрактъ, а потомъ подливаютъ изъ самовара горячую воду. По ошибкѣ мнѣ сначала налили воды. Когда нужно было подлить чаю, то я остановилъ, взялъ другой стаканъ, въ которомъ былъ только чай, и не было еще воды, и сказалъ: здѣсь мы имѣемъ крещеніе водное и крещеніе вѣрою. Мы, считающіе крещеніе дѣтей согласнымъ съ Писаніемъ, вливаемъ сперва воду, а потомъ, какъ въ данномъ случаѣ чай, приходитъ вѣра. Меннониты и баптисты, считающіе согласнымъ съ Писаніемъ болѣе позднее крещеніе, наливаютъ сперва чай, а потомъ подливаютъ воду. Послѣ этого я наполнилъ оба стакана и вывелъ заключеніе: вы видите, любезные братья, что результатъ одинъ и тотъ же,— потомъ выходитъ, что и крещеніе и вѣра соединяются“. Какъ велико искусство Лепсіуса говорить съ народомъ русскимъ, судить объ этомъ предоставляемъ читателю.

Но почтеннаго агента „евангелическаго движенія“ въ Россіи занималъ все-таки главнымъ образомъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли существуетъ въ Россіи свобода вѣры. И вотъ, случай помогъ ему убѣдиться въ этомъ. Между гостями конференціи, разсказываетъ Лепсіусъ, неожиданно появился пожилой господинъ съ черной бородой и въ золотыхъ очкахъ.---Это Скворцовъ,—зашептали со всѣхъ сторонъ,—правая рука Побѣдоносцева. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ чиновниковъ св. Синода, издатель духовной газеты, былъ извѣстенъ многимъ штундистскимъ братьямъ далеко не съ самой лучшей стороны. Къ его обязанностямъ принадлежало наблюдать за штундистскимъ движеніемъ и, когда нужно, предавать суду вождей его“. Дѣйствительному статскому совѣтнику было оказано подобающее уваженіе, и онъ былъ посаженъ на почетное мѣсто около каѳедры, съ которой ораторствовалъ молодой проповѣдникъ изъ Владимірской губ. Рѣчь, тѣмъ не менѣе, была составлена ad hominem и не безъ огорченій для почетнаго гостя. Проповѣдникъ съ глубокимъ чувствомъ разсказывалъ о двухъ братьяхъ, которые четыре года тому назадъ были сосланы на Ледовитое море, и въ заключеніе вознесъ горячую молитву за братьевъ и за ихъ преслѣдователей. Рѣчь, по словамъ Лепсіуса, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе, все помѣщеніе наполнили громкія рыданія, и „даже у господина въ золотыхъ очкахъ выступили слезы на глазахъ“. Въ отвѣтъ на рѣчь юнаго проповѣдника выступилъ съ краткимъ словомъ почетный гость. „Братья и сестры“, такъ передаетъ содержаніе рѣчи В. М. Скворцова Лепсіусъ: „вамъ нечего бояться, что я пришелъ съ инымъ намѣреніемъ, а не съ тѣмъ, чтобы радоваться вмѣстѣ съ вами. Привѣтствую васъ съ свободой, которая дана вамъ волей Императора. Я слышалъ жалобы о томъ, что относится къ прошлому. Забудьте то, что прошло, настали иныя времена. Дай Богъ возвратиться намъ къ единенію“. Рѣчь оказалась очень убѣдительной для Лепсіуса и доставила ему „сильнѣйшее дока-

зательство“ того, что свобода вѣры въ Россіи стала фактомъ, и что св. Синодъ считается съ этимъ, какъ съ фактомъ неизмѣннымъ. Пріятное впечатлѣніе почтеннаго нѣмца увеличилось еще полученнымъ отъ бывшаго противника „евангелическаго движенія“ лестнымъ приглашеніемъ навѣстить его „въ его виллѣ въ Гурзуфѣ на прекрасномъ берегу Чернаго моря“, и онъ отбылъ изъ Россіи, очевидно, совсѣмъ утѣшеннымъ. По его убѣжденію, дѣло евангелической Церкви въ Россіи стоитъ твердо. „Духъ Божій обладаетъ этимъ евангелическимъ народомъ (штундистами). Смиренная оцѣнка собственныхъ силъ, чистая истина въ словахъ и дѣлахъ, твердая вѣра и ясныя цѣли, ничего излишняго, но простой здравый, освященный разумъ и воля, знающая, чего она хочетъ. Таковъ характеръ евангелическаго общества, въ руки котораго Богъ вложилъ несравнимо великую задачу „по отношенію къ Россіи“. Суммируя свои впечатлѣнія, вынесенныя съ юбилейнаго торжества, Лепсіусъ въ заключеніе говоритъ: „то, что мы пережили, было часомъ рожденія русско-евангелической Церкви“.

Такъ преломляются въ сознаніи нѣмецкаго писателя лучи нашей религіозной дѣйствительности.

Проф. *В. Рыбинскій.*

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. № 22. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года мая 28-го дня.

Содержаніе: О наградахъ духовнымъ лицамъ.—Алтарный сосудъ для сакраментальныхъ омовеній въ восточной и западной церквахъ.—Нѣсколько словъ по поводу замѣтки относительно проповѣдническихъ приложеній къ „Руководству для сельскихъ пастырей“, помѣщенной въ № 8-мъ Томскихъ еп. вѣд. за текущій годъ.—Исполненіе долга.—Къ вопросу объ избраніи благочинныхъ.—Электрическая охрана церквей.

О наградахъ духовнымъ лицамъ.

Неоднократно уже поднимался на собраніяхъ духовенства въ разныхъ епархіяхъ и отчасти даже въ печати обсуждался (напр. въ Ярославскихъ еп. вѣдомостяхъ за прошедшій годъ) вопросъ о наградахъ священно-церковнослужителямъ, но однако до сихъ поръ среди духовенства не установилось опредѣленнаго и строго обоснованнаго взгляда на существо дѣла. Вопросъ поставленъ такъ: слѣдуетъ ли признать существующій порядокъ, по которому лица духовнаго званія имѣютъ право на удостоеніе за заслуги наградами какъ духовными, такъ и свѣтскими, нормальнымъ или, наоборотъ, слѣдуетъ признать этотъ порядокъ не нормальнымъ

и позаботиться о скорѣйшей отмѣнѣ его. Въ отвѣтъ на такъ поставленный вопросъ раздаются голоса и *за* и *противъ*. Одни не видятъ особенныхъ побужденій настаивать на отмѣнѣ права бѣлаго духовенства на награды, но другіе настойчиво проводятъ мысль, что награды портятъ людей, развивая въ нихъ честолюбіе, заставляютъ добивающихся ихъ „угождать“ начальству въ ущербъ пастырскому дѣлу, и что вообще неприлично достоинства пастырскаго служенія отмѣчать тѣми же внѣшними знаками отличій, какими отмѣчаются заслуги военныхъ и чиновниковъ...

Если справедливо, что награды дѣйствуютъ развращающимъ образомъ, то, конечно, слѣдуетъ позаботиться объ ихъ уничтоженіи и, при томъ, не для однихъ лишь духовныхъ, но вообще для всѣхъ. Вредъ, разъ онъ признанъ, заставляетъ принимать противъ него не частныя, а общія мѣры. Различія между свѣтскими и духовными быть не можетъ, коль скоро доказано, что награды сопровождаются дурными послѣдствіями какъ для дѣла, такъ и для награждаемыхъ лицъ. Итакъ, кто ратуетъ за отмѣну того порядка вещей, по которому служебныя заслуги отмѣчаются внѣшними знаками, пусть возвышаетъ свой голосъ не только противъ наградъ духовнымъ, но и вообще противъ наградъ кому бы то ни было. Нельзя, между тѣмъ, не отмѣтить интереснаго факта, что въ обществѣ чрезвычайно рѣдко говорятъ противъ всеобщей отмѣны знаковъ отличій, но говорятъ объ отмѣнѣ ихъ почему-то только для одного духовенства.

На сколько, однако, справедливо утвержденіе, будто награды приносятъ вредъ, и что отъ причиняемаго ими вреда нельзя иначе освободиться, какъ уничтоживъ самые знаки отличія—награды?—Конечно, нельзя отвергать случаевъ проявленія страсти честолюбія подъ вліяніемъ существующей системы наградъ, но относить эти случаи всецѣло на счетъ системы было бы несправедливо. Страсть честолюбія—глубже, чѣмъ внѣшнія обстоятельства, отъ которыхъ, безспорно, можетъ зависѣть развитіе страсти. Она коренится въ душѣ,

являясь одною изъ темныхъ сторонъ ея. Внѣшнія условія могутъ благопріятствовать развитію страсти честолюбія, но нельзя забывать, что къ внѣшнимъ благопріятствующимъ условіямъ слѣдуетъ относить не только опредѣленные знаки отличія—награды, но къ нимъ же въ сущности надо причислять всякія вообще проявленія расположенія и сочувствія къ нашей дѣятельности со стороны оцѣнивающихъ ее не только офиціальныхъ, но даже и частныхъ лицъ. Аплодисменты публики и крики одобренія, выпадающіе на долю какого-нибудь артиста въ театрѣ или оратора предъ большимъ собраніемъ, развѣ не способны вліять на присущую каждому струнку честолюбія и не заставляютъ пріятно сжиматься сердце, когда затрогивается эта струнка? А особенная внимательность начальства на „пріемѣ“ и разные знаки расположенія къ подчиненному—развѣ это не тоже своего рода награды и развѣ не могутъ такія награды въ нѣкоторыхъ лицахъ вызывать честолюбивыхъ помысловъ? Надо человѣку совсѣмъ освободиться отъ условій внѣшнихъ отношеній, отъ неизбѣжности то одобряющаго, то порицающаго отношенія къ нему и къ его дѣятельности другихъ людей, надо человѣка поставить въ рамки новой жизни,—сначала нужно это сдѣлать, а затѣмъ уже возражать противъ того, что теперь, въ данныхъ условіяхъ жизни, неизбѣжно. Пока человѣкъ подчиненъ условіямъ дѣйствительной жизни, неизбѣжно онъ будетъ подвергаться оцѣнкѣ со стороны своихъ собратій, которые въ его общественной работѣ, какъ и вообще жизнедѣятельности будутъ находить одно заслуживающимъ одобренія и уваженія, а другое—достойнымъ порицанія и осужденія. Будутъ одобрять или порицать въ человѣкѣ и его самого и дѣятельность, съ которой неразрывно соединено имя человѣка. Естественность такого порядка признана Свящ. Писаніемъ. Ап. Павелъ говоритъ, что прилежащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести сподобляются, и тотъ же апостолъ предостерегаетъ злодѣя отъ достойнаго возмездія со стороны власти, указывая, что она не безъ ума, т. е. не безъ цѣли, мечъ носитъ. Ра-

зумѣется, можно возражать противъ справедливости оцѣнки извѣстной дѣятельности того или другого лица. Но это вызываетъ только пожеланіе, чтобы *судъ* принадлежалъ компетентнымъ и безпристрастнымъ судьямъ, а не лицу какому-нибудь случайному или—еще хуже —толпѣ.

Ни одинъ человѣкъ не избѣгаетъ людскаго суда, а тѣмъ болѣе—общественный дѣятель. Да для него самаго этотъ судъ необходимъ. Всякому дѣятелю свойственно ошибаться,—ибо тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ,—и для всякаго чрезвычайно важно и дорого, чтобы его ошибка во-время была замѣчена со стороны и скоро была имъ исправлена. Затѣмъ, каждый общественный работникъ нуждается въ признаніи его дѣятельности тѣми, на пользу кого онъ трудится. Въ сочувствіи общества онъ почерпаетъ энергію и силу для дѣятельности еще болѣе плодотворной. Только тогда можно хорошо работать, когда чувствуешь за собою силу нравственной поддержки лицъ, которымъ вѣришь, и не только силу одной этой нравственной поддержки, но и *силу поддержки* внѣшней, въ которой бываетъ часто большая необходимость. Обратите вниманіе на заграничные страны, гдѣ широко развито *народное представительство*. Министерскій кабинетъ существуетъ тамъ и работаетъ до тѣхъ только поръ, пока пользуется общественными симпатіями, но онъ немедленно выходитъ въ отставку, разъ обнаруживается, что общество не на его сторонѣ. Конечно, что̀ имѣетъ значеніе относительно цѣлой коллегіи дѣятелей, то имѣетъ значеніе и относительно каждаго дѣятеля порознь и, при томъ, дѣятеля какой угодно величины. Всѣ нуждаются въ поддержкѣ, когда дѣлаютъ общественное дѣло, чѣмъ бы ни выражалась эта поддержка—однимъ ли словомъ сочувствія, или вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнимъ знакомъ благоволенія. Вотъ почему въ старыя времена былъ обычай при награжденіи извѣстнаго лица указывать подробно и полно, за что это лицо удостояется награды. Митр. Филаретъ московскій, когда представлялъ проф. академіи А. В. Горскаго къ важному въ тѣ времена

ордену Владиміра 4-й ст., то въ письмѣ къ оберъ-прокурору А. П. Ахматову указывалъ, что онъ считаетъ достойнымъ Горскаго такой высокой награды: „за соединенную съ пожертвованіемъ любовь къ наукѣ, за отличные въ ней успѣхи и за успѣшное въ ней руководство значительнаго числа студентовъ академіи, которые теперь уже служатъ наставниками“ (п. отъ 14 апр. 1853 г.) [1]). А въ другой разъ, представляя того же А. В. Горскаго въ санѣ уже протоіерея и должности ректора академіи къ награжденію митрой, м. Филаретъ въ письмѣ къ тому же А. П. Ахматову (отъ 26 ноября 1862 г.) заявляетъ, что этимъ—„однимъ изъ высшихъ для бѣлаго духовенства духовныхъ отличій“ прот. Горскій „согласно съ справедливостью можетъ быть украшенъ“ [2]). Неудивительно, что дѣятели знаменитой „филаретовской“ эпохи, ободряемые вниманіемъ къ ихъ трудамъ со стороны такого строгаго, но вмѣстѣ и справедливаго судіи, какимъ былъ м. Филаретъ, употребляли всѣ усилія, чтобы оправдать доброе мнѣніе о себѣ митрополита и преуспѣвали болѣе и болѣе въ своей дѣятельности. И можно ли о нихъ сказать, что полученныя ими награды не пользу приносили, а вредили дѣлу и имъ самимъ?.. Самъ владыка Филаретъ смотрѣлъ на награды, какъ на средство поощренія полезной дѣятельности труждающагося. При представленіи, напр., ректора волынской семинаріи архим. Филоѳея къ наградѣ, въ письмѣ къ оберъ-прокурору П. А. Протасову (отъ 30 дек. 1845 г.), м. Филаретъ излагаетъ: „Находя служеніе его во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ особеннаго благоволенія начальства, долгомъ поставляю свидѣтельствовать о семъ предъ В. С—вомъ и покорнѣйше просить, дабы Вы, м. г., благоволили сего достойнаго члена дух.-учебной службы утѣшить и поощрить представленіемъ во всемилостивѣйшее Е. И. В.

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Моск. и Коломен..., т. *дополнительный*, с. 331.

[2]) Ibid. т. V, с. 354—355.

вниманіе и исходатайствованіемъ сопричисленія его къ ордену Анны 2-й ст.“ [1]). Запоздавъ почему-то однажды съ представленіемъ въ св. Синодъ о наградахъ и опасаясь, какъ бы не пострадали вслѣдствіе этого представляемые, м. Филаретъ пишетъ извинительное письмо къ оберъ-прокурору А. П. Ахматову (отъ 23 февр. 1865 г.): „Благоволите ходатайствовать у св. Синода, чтобы простили мою медлительность, дабы отъ нея не послѣдовало непріятнаго для достойныхъ служителей моихъ“. А о наградахъ прот. Н. А. Сергіевскому и свящ. М. И. Богословскому онъ особенно ходатайствуетъ и, указывая на заслуги ихъ, говоритъ: „особенно желательно, чтобы представленіе мое о сихъ священникахъ удостоено благосклоннаго вниманія св. Синода“ [2]).

Служа выраженіемъ благоволительнаго вниманія начальства и давая побужденіе къ новому труду, награды тогда, пожалуй, могутъ оказаться „вредными“, когда сами по себѣ являются *цѣлью* и заставляютъ человѣка работать только для того, чтобы получить возможность похвалиться потомъ предъ другими полученнымъ знакомъ отличія. Страсть честолюбія можетъ сдѣлать „идола“ изъ награды, подобно тому, какъ другія страсти, приковывающія сердце человѣка къ внѣшнимъ предметамъ, создаютъ каждое своихъ „идоловъ“. Богатство, напр., становится идоломъ у скупого. Но какъ неосновательно было бы возражать противъ богатства самого по себѣ внѣ пристрастія къ нему богача, такъ точно было бы нерезонно отвергать награды только потому, что нѣкоторые, при посредствѣ ихъ, находятъ возможность удовлетворять присущую имъ страсть честолюбія. О богатствѣ хорошо сказалъ въ свое время Климентъ Александрійскій, рѣшавшій вопросъ: „Кто изъ богатыхъ спасется?“ Онъ говорилъ: „Богатство есть не больше какъ орудіе, и зло или

[1]) См. Письма м. Филарета въ „Душен. Чт.“ 1885 г. т. III, с. 500

[2]) Письма м. Филарета къ А. П. Ахматову. См. „Русскій Архивъ“ 1890 г. кн. 3, с. 363.

добро не въ немъ, а въ томъ, какъ кто будетъ употреблять его. Если орудіе употреблять съ умѣніемъ и какъ слѣдуетъ, оно будетъ полезно; но въ дурныхъ рукахъ оно можетъ и вредить, хотя само и не виновато будетъ". Тоже слѣдуетъ сказать и о наградахъ. Если хотите искоренить зло, соединяющееся съ ними, то обратитесь къ корню зла—къ душѣ, зараженной страстью честолюбія, и постарайтесь исторгнуть эту страсть изъ души, но не уничтожайте предмета, который можетъ вызывать не одни дурныя только чувства. Да, впрочемъ, и невозможно было бы уничтожить все, способное вызвать въ человѣкѣ страсть честолюбія, достойную осужденія. Не въ одномъ, такъ въ другомъ честолюбивый человѣкъ найдетъ возможность потѣшить себя. Въ селѣ какой-нибудь кулакъ-міроѣдъ никакихъ знаковъ отличія не получаетъ, но нельзя сказать, чтобы желаніе почета со стороны мужиковъ никогда не заявляло у него о себѣ.

Можно видѣть одну дурную сторону въ наградахъ, но лучше останавливаться на хорошей, которой отвергнуть никакъ нельзя, и постараться извлечь изъ нея возможную пользу. Приснопамятный м. Филаретъ, поздравляя А. Н. Муравьева съ Монаршею милостью, преподалъ ему, между прочимъ, такое назиданіе: „Почести иногда искушаютъ; сего надобно беречься: но поелику онѣ введены въ устроеніе общества, то иногда помогаютъ полезному вліянію на людей и дѣла, и къ сему надобно употреблять ихъ" [1]). Среди писемъ м. Филарета есть замѣчательное письмо владыки къ еп. Дмитровскому Иннокентію, посвященное, въ значительной части своей, выясненію вопроса о наградахъ—орденахъ духовенству, каковой вопросъ, видимо, не мало интересовалъ Иннокентія. Самъ склонный смотрѣть на нихъ отрицательно, преосв. Иннокентій повергаетъ, однако, свое мнѣніе на судъ великаго ума святителя Филарета. До нѣкоторой степени

[1]) Письмо отъ 6 іюня 1836 г. См. Письма м. моск. Филарета къ А. Н. Муравьеву. Кіевъ. 1869, с. 35.

Иннокентій находитъ у м. Филарета сочувствіе. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ подъ руками только отвѣтъ Филарета, но не знаемъ содержанія письма преосв. Иннокентія; поэтому для насъ представляется неяснымъ, съ чѣмъ собственно въ мнѣніи Иннокентія соглашался м. Филаретъ. Но во всякомъ случаѣ основной взглядъ на награды духовенству самого Филарета остается тотъ же самый, какой высказанъ имъ и въ письмѣ къ Муравьеву. Въ письмѣ къ преосв. Иннокентію м. Филаретъ пишетъ (отъ 8 янв. 1828 г.): „Съ разсужденіемъ Вашимъ объ орденахъ я согласенъ. Вы, конечно, слышали, что Платонъ представлялъ о семъ блаженныя памяти императору Павлу. По духъ вѣка сего поставилъ на своемъ. Когда уже есть обычай общій: частному лицу надлежитъ употреблять его въ пользу, въ каковую только можно, и не дѣлать изъ него страсти. Въ старые годы, конечно, бывало, что когда царь скажетъ архіерею ласковое слово, или пришлетъ подарокъ, то и бояре лучше смотрятъ на архіерея и внимательно слушаютъ его: теперь ласковое слово—рескриптъ, а подарокъ—лента. И теперь можно принять это въ духѣ любви, и прежде прежнее можно было принять въ духѣ честолюбія. И сіе говорю я не для защиты, а для терпимости“ [1]). Послѣднія слова м. Филарета, какъ намъ представляется, даютъ ключъ къ разгадкѣ недоумѣнія преосв. Иннокентія: по всей вѣроятности, послѣдняго, какъ и митр. Платона во времена имп. Павла, смущали, какъ архіерея и монаха, свѣтскіе знаки отличія, даваемые при Высочайшихъ рескриптахъ. И если м. Филаретъ не нашолъ ничего особенно предосудительнаго въ полученіи архіереемъ „рескрипта“ и „ленты“, то тѣмъ болѣе нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ для лицъ бѣлаго духовенства. Ихъ можно принять „въ духѣ любви“, какъ пожалованные Государемъ православнымъ, „первымъ сыномъ“ Русской Церкви и верховнымъ главою государства, можно принять имѣя въ виду ту пользу лучшаго

[1]) См. Прибавл. къ Твор. св. отцовъ 1871 г., с. 484—485.

пастырскаго воздѣйствія на сильныхъ міра сего, которую отмѣтилъ и м. Филаретъ, но и кромѣ того у бѣлаго духовенства есть еще причина, почему не полезно было бы ему отказываться отъ свѣтскихъ наградъ—орденовъ.

Дѣло въ томъ, что съ извѣстными орденами, по нашему гражданскому законодательству, соединяются особыя гражданскія права. Такъ, орденъ св. Анны даетъ потомственное почетное гражданство лицу, не имѣющему высшихъ правъ; Владиміръ 4-й ст. сообщаетъ личное дворянство, а тотъ же орденъ 3-й ст.—дворянство потомственное. Важно ли это для бѣлаго духовенства?—Безъ сомнѣнія, важно, такъ какъ оно, по рускимъ законамъ, поставлено на извѣстную сословную ступень, какъ и потомство, происходящее отъ лицъ духовнаго званія. Священнослужители, т. е. священники и діаконы, пользуются сами и ихъ жены правами личнаго дворянства, а псаломщики (безъ средняго образованія) съ женами ихъ—правами личнаго почетнаго гражданства, если, конечно, не имѣютъ высшихъ правъ. Сообразно съ этимъ, и дѣти священнослужителей при поступленіи на службу получаютъ права потомственнаго почетнаго гражданства, а дѣти псаломщиковъ считаются въ разрядѣ мѣщанъ, если сами не пріобрѣтутъ высшихъ правъ [1]). Такимъ образомъ, разъ бѣлое духовенство и его потомство въ существующемъ законодательствѣ занимаютъ извѣстную сословную степень, а съ другой стороны разъ сословныя различія не отмѣнены законодательнымъ порядкомъ и съ ними приходится считаться и преимущественно—дѣтямъ духовныхъ родителей при вступленіи на военную или гражданскую службу, то почему же духовенству не позаботиться о пріобрѣтеніи высшихъ гражданскихъ правъ, вмѣсто отреченія отъ нихъ? — Право на пріобрѣтеніе сословныхъ преимуществъ духовенство, безъ сомнѣнія, имѣетъ полное, такъ какъ его служеніе государству приноситъ пользу, во всякомъ случаѣ, не меньшую, чѣмъ

[1]) См. т. IX Св. Зак. (изд. 1899 г.), ст. 402 и 501.

служеніе чиновниковъ, удостоиваемыхъ наградъ и повышеній въ извѣстномъ ихъ порядкѣ. Конечно, пользу для государства и общества со стороны духовнаго служенія не всѣ склонны признавать, и большинство изъ отрицающихъ необходимость свѣтскихъ наградъ для духовенства принадлежитъ къ числу именно этихъ, непризнающихъ государственнаго значенія за служеніемъ духовенства, но серьезный взглядъ долженъ это признать равно какъ и право духовенства на внѣшнія гражданскія преимущества, даваемыя за службу государству.

Знаемъ, что нѣкоторые дворянскіе кружки съ крѣпостническими завѣтами не съ особеннымъ удовольствіемъ принимаютъ въ свою среду дворянъ изъ „колокольныхъ“, какъ любятъ выражаться ревнивые оберегатели дворянской сословной неприкосновенности; знаемъ также и то, что не съ такимъ предубѣжденіемъ смотрятъ они на чиновниковъ, заслужившихъ потомственное дворянство чиномъ или орденомъ, даже на тѣхъ, которые не такъ давно удостоивались дворянскаго званія послѣ сорокалѣтней въ совокупности службы въ классныхъ чинахъ дѣда и отца, незначительныхъ чиновниковъ [1]),—знаемъ все это, но не смущаемся. Вѣдь лучшимъ показателемъ дѣйствительной, а не номинальной лишь принадлежности къ тому или другому обществу, партіи и пр.

[1]) До 28-го мая 1900 г. существовалъ законъ: „Когда дѣдъ и отецъ *состояли въ чинахъ, приносящихъ дворянство личное, не менѣе 20 лѣтъ* каждый, то сыну, по достиженіи 17-ти лѣтняго возраста и по вступленіи равномѣрно въ службу, дозволяется просить дворянства потомственнаго“. Т. IX, ст. 24. И выше, въ той же статьѣ: „Когда дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству ихъ дозволяется просить дворянства потомственнаго“. По дѣйствующему праву личное дворянство соединяется для военныхъ съ первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ, а для гражданскихъ чиновниковъ съ чиномъ *девятаго* класса (титулярнаго совѣтника) (Св. Зак. т. IX, ст. 49, п. 1). До 1845 г. (манифъ. отъ 11 іюня 1845 г.) личное дворянство давалось и гражданскимъ чиновникамъ съ первымъ чиномъ — *четырнадцатаго* класса (коллежск. регистратора) (ibid. ст. 52, п. 3).

служитъ та степень вѣрности интересамъ, завѣтамъ и цѣлямъ, которые стоятъ предъ всякимъ союзомъ и—тѣмъ болѣе—сословіемъ. Высшее сословіе ставитъ себѣ идеаломъ служеніе тѣмъ началамъ русской жизни, которыя освящены исторіей и близки сердцу каждаго русскаго человѣка. И съ точки зрѣнія вѣрности этимъ идеаламъ сословія, а не съ внѣшней стороны—записи въ пятую или шестую часть родословной книги—надо цѣнить человѣка, какъ дѣйствительно, правду надо сказать, и оцѣниваютъ тѣ, кто впереди ставитъ идеалъ, а не „кость“ и „кровь“.

Надо пожалѣть, что бѣлому духовенству чрезвычайно туго давались гражданскія преимущества. Не отъ того ли отчасти и „интеллигенція“, вышедшая преимущественно изъ высшаго у насъ сословія, пошла въ разрѣзъ съ Церковью, что представителей ея видѣла у себя почти всегда только въ „переднихъ“, дальше которыхъ „господа“ рѣдко допускали пастырей, опасаясь, какъ бы своимъ „невѣжествомъ“ и „мужичествомъ“ они не нарушили общаго впечатлѣнія „аристократизма“, которымъ вѣяло отъ внутреннихъ барскихъ покоевъ? Ксендзы и пасторы имѣли свободный доступъ въ „общество“, и это чрезвычайно благопріятно отражалось на ихъ духовномъ служеніи. А православные пастыри все продолжали считаться на ряду съ мужиками и подвергались сплошь да рядомъ той же горькой участи, какую претерпѣвали „мужики“. Интеллигенція не позаботилась поднять общественный рангъ духовнаго сословія и ввести его въ среду высшую. А между тѣмъ какимъ бы великолѣпнымъ объединяющимъ звеномъ оно могло явиться между „бариномъ“ и „мужикомъ“!..

Переходъ въ высшее сословіе для дѣтей духовенства возможенъ былъ почти исключительно при условіи вступленія на гражданскую службу, гдѣ можно было надѣяться хоть за 35 лѣтъ получить Владиміра или чинъ, дающій потомственное дворянство. Для бѣлаго духовенства дворянскій орденъ былъ

великою рѣдкостію. О немъ могли мечтать только выдающіеся и видные по служебному положенію пастыри. При имп. Александрѣ III, по личной Его иниціативѣ, стали удостоивать Владиміра 4 ст. священниковъ за 50 лѣтъ службы, и этотъ порядокъ существуетъ доселѣ, хотя послѣ 1900 г. Владиміръ 4 ст. потерялъ прежнее значеніе и сообщаетъ награжденному только права личнаго дворянства и, слѣд., не даетъ священнику больше того, чѣмъ онъ владѣетъ по своему сану. Свѣтскія лица, получающія и теперь этотъ орденъ за 35 л., также лишены привиллегіи переходить въ разрядъ дворянъ потомственныхъ. Съ 1900 г. отмѣненъ и законъ о дворянствѣ внука за 40 лѣтъ службы дѣда и отца. Переходъ въ высшее сословіе сдѣланъ затруднительнымъ для свѣтскихъ, а для духовенства—еще больше. Надо дослужиться до Владиміра 3 ст. Гдѣ же это мыслимо для священника въ селѣ, если и изъ городскихъ далеко не всѣ дослуживаются до такого важнаго ордена!

Неудивительно, что обдѣляемое наградами духовенство, и особенно сельское, какъ бы въ отчаяніи хочетъ совсѣмъ отказаться отъ нихъ. По нашему мнѣнію, отказываться отъ наградъ и хлопотать объ ихъ уничтоженіи не слѣдуетъ, а надо позаботиться, чтобы награды давались у насъ щедрѣе и главное, чтобы не нарушался при этомъ законъ справедливости, по которому удостоивались бы наградъ только тѣ, которые дѣйствительно заслужили ихъ. Процентъ награждаемыхъ по епархіи въ настоящее время чрезвычайно ограниченъ, и неудивительно, что награды выпадаютъ на долю прежде всего городского духовенства и изъ него—наиболѣе виднымъ по служебному положенію лицамъ. До сельскихъ батюшекъ очередь доходитъ очень не скоро. Въ каждой епархіи можно найти священниковъ, которые послѣ 30 лѣтъ службы еле-еле доходятъ до камилавки. Чтобы получить сельскому священнику протоіерейство, въ большинствѣ случаевъ надо прослужить свыше 50 лѣтъ, да и то далеко не всѣ такіе

ветераны уходятъ въ могилу протоіереями [1])... Малый процентъ наградъ заставляетъ бѣлое духовенство чрезвычайно зорко слѣдить за тѣмъ, кто награжденъ въ нынѣшнемъ году, и пускаться въ догадки, почему извѣстное лицо удостоено награды, а другое, повидимому, болѣе достойное, обойдено наградой. Конечно, и при увеличеніи процента наградъ тѣ, которымъ ввѣрено дѣло награжденія, не должны отступать отъ закона справедливости, памятуя древнее изреченіе Платона, приведенное м. Филаретомъ въ одномъ изъ его писемъ: „милость къ незаслужившимъ ее есть несправедливость и обида достойнымъ“; не должны также, по выраженію м. Филарета, „расточать“ награды, дѣлая ихъ чрезъ то „презрительными“ [2]), но, во всякомъ случаѣ, тогда меньше поводовъ будетъ обижаться и скорбѣть тѣмъ, кого награда интересуетъ.

Надо также пожелать, чтобы бѣлому духовенству было возвращено дарованное имп. Александромъ III право на полученіе потомственнаго дворянства хотя бы за 50 лѣтъ службы. Положимъ, Владиміръ 3 ст. награда очень большая, но и пятидесятилѣтній срокъ службы не такъ малъ, чтобы можно было очень дорожить этимъ орденомъ, а особенно въ виду того, что Владиміръ 4 ст. потерялъ теперь для духовенства прежнее значеніе. Почему бы, далѣе, діаконовъ-юбиляровъ не награждать Владиміромъ 4 ст. вмѣсто Анны 3 ст., дарующей потомственное почетное гражданство, которое интересно только псаломщику, не обладающему этимъ правомъ?

---

[1]) Въ „Церк. Вѣд.“ за т. г. (№ 11) напечатанъ некрологъ свящ. Тульск. еп. о. Матѳія Соколова, 52 года прослужившаго въ одномъ приходѣ. Въ некрологѣ, между прочимъ, сказано: „Только въ 1902 г. ко дню пятидесятилѣтняго юбилея мѣстный преосвященный вспомнилъ, что „добрый воинъ“ не имѣлъ ни одной изъ мірскихъ наградъ, и только къ этому дню ему были даны тѣ награды, которыя онъ заслужилъ несчетное количество разъ“.—„Много, много, къ прискорбію“, справедливо замѣчаетъ „Христ. Жизнь“ (№ 8 т. г.), „въ *нашемъ духовномъ вѣдомствѣ* такихъ случаевъ невѣдомства и забвенія... добрѣ трудящихся пресвитеровъ“...

[2]) Письмо къ Гавріилу арх. Тверскому. См. „Душеп. Чт.“ 1870 г. дек. изв. и зам. с. 126.

Почему бы, вмѣсто дорого стóящей золотой медали, псаломщикамъ-юбилярамъ не давать ордена Анны 3 ст., соединяющагося съ только что указаннымъ правомъ и возводящаго потомство псаломщика въ нѣсколько высшее состояніе?

Думается, что духовенство вполнѣ заслуживаетъ этихъ наградъ и имѣетъ право на гражданскія преимущества, съ ними соединяющіяся, разъ эти преимущества остаются въ нашемъ государственномъ строѣ. *П. Пальмовъ.*

Алтарный сосудъ для сакраментальныхъ омовеній въ восточной и западной церквахъ (θάλασσα, θαλασσίδιον, mare, piscine).

(Къ вопросу объ очищеніи чаши и омовеніи рукъ священнослужителей послѣ литургіи).

Церковь христіанская всегда заботилась объ огражденіи Св. Таинъ Христовыхъ отъ униженія, возможнаго при неосторожности обращенія съ ними, небрежности или нечаянности (напр., пролитіе св. Крови или оброненіе частицъ Тѣла Христова на престолъ, на церковную утварь или на землю). Эта забота присуща нашей Церкви и нынѣ, что видно изъ подробныхъ наставленій Учительнаго Извѣстія, приложеннаго къ служебнику. Здѣсь предусмотрѣны многіе случаи нечаяннаго соприкосновенія или смѣшенія Св. Таинъ съ предметами недостойными (напр., при паденіи въ чашу съ Божественною Кровію насѣкомаго, при пролитіи ея на доску, на голую землю, камень, престольную индитію, антиминсъ, покровецъ, св. одежду, подножное сукно или коверъ) и указывается въ каждомъ случаѣ, какъ нужно тщательно очищать Божественную Кровь водою или огнемъ, и куда ссыпать пепелъ или сливать воду послѣ этого (обычно подъ престолъ, рѣже—въ текущую воду, или еще—„идѣже омовеніе рукъ бываетъ“) [1]). О потребленіи Св. Даровъ въ служебникѣ го-

[1]) См. „О случаяхъ недостаточества служащаго священника“ (Учит. Извѣстіе).

ворится: „священникъ, по прочтеніи заамвонной молитвы, входитъ въ алтарь св. дверьми, и отшедъ въ предложеніе, глаголетъ молитву, „внегда потребити Святая“. Діаконъ же, вшедъ и самъ сѣверною страною, потребляетъ Святая со страхомъ и со всякимъ утвержденіемъ“. Затѣмъ: „потребившу же діакону Святая со всякимъ опасеніемъ, яко ничесому отъ зѣло дробнѣйшихъ насти крупицъ, или остатися, наліявъ въ святую чашу вина и воды, и потребивъ, и сопрятавъ губою всю мокроту. Таже слагаетъ святая сосуды вкупѣ“ и проч. „И омываетъ руки на обычномъ мѣстѣ, и поклонився, вкупѣ со священникомъ творятъ отпустъ, и благодаряще Бога о всѣхъ, исходятъ“.—Въ служебникѣ не указано, гдѣ именно совершается омытіе рукъ священнослужителями. Обычно оно бываетъ въ алтарѣ, въ сторонѣ отъ престола надъ блюдомъ; вода же послѣ омовенія выливается подъ полъ въ пономарнѣ. Въ западной церкви вообще для сакраментальныхъ омовеній св. сосудовъ и рукъ священнослужителей съ древнихъ временъ устрояется особый неподвижный сосудъ—piscine. Впрочемъ, подобное сооруженіе, кажется, не чуждо было и церкви восточной въ древности. По крайней мѣрѣ такое сооруженіе мы видимъ въ константинопольскомъ храмѣ св. Софіи. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о западной piscine, скажемъ о соотвѣтствующемъ ей алтарномъ сооруженіи на востокѣ.

У византійскихъ писателей IX—XV вв. встрѣчаются извѣстія объ устроеніи императоромъ Юстиніаномъ въ храмѣ св. Софіи (освященномъ 27 дек. 537 г.) такъ называемаго *моря св. трапезы,* θάλασσα τῆς ἁγίας τραπέζης или θαλασσίδιον τῆς ἁγίας τραπέζης, которое было богато украшено золотомъ и драгоцѣнными камнями. Такъ, Анонимъ и Кодинъ Куропалата сообщаютъ объ устройствѣ алтаря св. Софіи между прочимъ и слѣдующее: τήν τε θάλασσαν τῆς ἁγίας τραπέζης ἐξατιμήτων λίθων πεποίηκε, κατεχρύσωσεν αὐτήν, т. е. онъ (императоръ Юстиніанъ) соорудилъ также море св. трапезы (или престола) изъ драгоцѣнныхъ камней и обложилъ

его золотомъ [1]). Что-жъ это было за сооруженіе? Какой имѣло видъ? Какое положеніе занимало въ отношеніи къ св. трапезѣ, или престолу? Какое наконецъ имѣло назначеніе? Отвѣты на всѣ эти вопросы можно дать, къ сожалѣнію, лишь гадательные. Названіе „море“ (θάλασσα, θαλασσίδιον, mare) даетъ основаніе ставить это сооруженіе въ параллель съ тѣмъ мѣднымъ моремъ, которое царь Соломонъ, по описанію 3 книги Царствъ (7, 23—47) и 2 кн. Паралипоменонъ (4, 2—6) устроилъ въ Іерусалимскомъ храмѣ при жертвенникѣ всесожженій для омовенія жрецовъ. Это былъ большой мѣдный чанъ 30 локтей въ окружности, 5 локтей высоты и въ 4 пальца толщины въ стѣнкахъ, вмѣщавшій не менѣе 400 гектолитровъ (гектолитръ = приблизительно 32 ведра) воды и стоявшій на 12 мѣдныхъ волахъ. По преданію, священники пользовались водою снизу, при помощи особенныхъ отверстій, которыя могли быть если не въ пастяхъ воловъ, то въ стѣнкѣ самаго бассейна между группами воловъ, такъ что совершавшій омовеніе священникъ могъ быть невидимъ народу за статуями воловъ. Образчикомъ такого моря можетъ служить такъ называемое „Амаѳонское море“, найденное на о. Кипрѣ и хранящееся въ Луврскомъ музеѣ: это большой каменный чанъ или котелъ, сфероидальной формы, съ изображеніями въ верхней части стѣнокъ четырехъ воловъ подъ арками. Море въ храмѣ Соломона, сдѣланное изъ мѣди, было вдвое больше и великолѣпнѣе Амаѳонскаго. Послѣднее было приспособлено къ стоянію на каменномъ полу, тогда какъ Соломоново стояло на двѣнадцати статуяхъ воловъ [2]). Отсюда, по

[1]) См. у Дюканжа Historia Byzantina... Constantinopolis christiana, ib. III, Ecclesia Sanctae Sophiae, pag. 32.—Anonimi, Descriptio S. Sophiae, apud Banduri, Imper. Oriental., lib. IV.—Georgii Codini Curopalatae, De officiis magnae ecclessiae et aulae Constantinopolitanae, съ примѣч. и прилож. Я. Гоара, 1648.

[2]) Рисунки реставраціи „моря“ храма Соломонова и „моря“ Амаѳонскаго, равно какъ и свѣдѣнія о томъ и другомъ „моряхъ“ даны въ книгѣ б. проф. Кіевск. д. акад. А. А. Олесницкаго, СПБ., 1889 г., стр. 323—333.

аналогіи съ мѣднымъ „моремъ“ ветхозавѣтнаго храма, можно также предположить,—какъ и дѣлаютъ нѣкоторые западные и наши ученые,—что „моремъ“ св. трапезы въ Юстиніановомъ храмѣ св. Софіи былъ устроенный при св. трапезѣ (престолѣ) резервуаръ съ водою для мытья св. сосудовъ и омовенія рукъ священнослужителей [1]).

Въ какомъ отношеніи было это „море“ къ св. трапезѣ въ св. Софіи и какой имѣло видъ? По положенію мѣднаго „моря“ вблизи жертвенника всесожженій можно полагать, что и въ храмѣ св. Софіи „море“ было недалеко отъ св. трапезы; называется же оно „моремъ св. *трапезы*“ потому, что составляло какъ бы прибавленіе къ трапезѣ. Для сужденія о формѣ θαλασσίδιον'а мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Въ сочиненіи императора Константина Багрянороднаго De cerimoniis aulae Byzantinae (кн. I, 1, 33) говорится, что царь, послѣ облаченія въ хламиду въ октагонѣ, входитъ въ храмъ св. Софіи чрезъ Августей; въ великихъ вратахъ храма стоитъ кубикулярій, держащій на плечахъ мѣшокъ со ста фунтами золота. Слѣдуя за свитою царскою, онъ у алтаря передаетъ свою ношу чрезъ препозита царю, который полагаетъ мѣшокъ съ деньгами ἐν τῷ πεζουλίῳ τοῦ θαλασσιδίου τῆς ἁγίας τραπέζης, а по спеціальному обряду Великой Субботы, τίθησιν αὐτὰς (т. е. χρυσίου λίτρας ρ′) ἐν τῷ βασιδίῳ, ἐν ᾧ βασιλεὺς ἵσταται [2]). Πεζούλιον и βασιδίον значатъ: скамейка, лѣстница, ступеньки. Ученый Рейске, издавшій сочиненіе императора Константина Багрянороднаго De cerimoniis aulae Byzantinae съ превосходными къ нему примѣчаніями, принимаетъ πεζούλιον τοῦ θαλασσιδίου τῆς ἁγίας τραπέζης за скамейку, на которой ставились сосуды, которые нужно было мыть. Но второе названіе того же предмета βασιδίον,

[1]) Д. Ѳ. Бѣлаевъ, Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по Византійскимъ древностямъ. Кн. II. СПБ. 1893. Стр. 225—226.

[2]) Мѣсто это взято изъ II кн. Byzantina, Д. Ѳ. Бѣлаева. СПБ. 1893. Стр. 225, примѣч. I.—De cerim aulae Byzantinae... I, 35, 182.

ἐν ᾧ βασιλεὺς ἵσταται располагаетъ къ признанію подъ нимъ ступенекъ престола и устроеннаго при немъ „моря“. Далѣе подъ θαλασσίδιον тотъ же Рейске предполагаетъ впалый камень при св. трапезѣ, въ который выливались остатки вина и освященной воды, которые уже были болѣе не нужны [1]). Проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ не соглашается съ такимъ представленіемъ „моря св. трапезы“ въ св. Софіи. „Хотя, говоритъ онъ, есть предположеніе, что возлѣ престола былъ сосудъ для воды, служившій для омовенія св. сосудовъ и рукъ священнослужителей, но едва ли вѣроятно, чтобы словомъ θαλασσα называлась сточная труба для выливанія остатковъ вина, которое, къ тому же, едва ли когда либо выбрасывалось“ [2]). Что пониманіе Рейске „моря св. трапезы“ слишкомъ односторонне, видно и изъ „Евхологія“ Я. Гоара, гдѣ въ чинѣ великаго ангельскаго образа говорится, что вечеромъ наканунѣ постриженія приносятся въ алтарь священныя одежды лица, имѣющаго принять святое постриженіе, и складываются въ морѣ св. трапезы (ἀποτίθονται ἐν τῷ θαλασσιδίῳ τῆς ἁγίας τραπέζης) [3]). Едва ли можно предположить, что для освященія одежды клались въ отверстіе водосточной трубы; да и Юстиніанъ едва ли сталъ бы украшать такъ отверстіе водосточной трубы, какъ онъ украсилъ θαλασσίδιον (драгоцѣнными камнями и золотомъ). Однако всѣ эти возраженія имѣютъ силу лишь настолько, насколько понятіе θαλασσίδιον ограничивается представленіемъ впалаго камня при св. трапезѣ для стока вина и воды. Иное дѣло, если θαλασσίδιον представлять сосудомъ съ болѣе сложнымъ устройствомъ, приспособленнымъ не только для сливанія и стока вина и воды, но и для помѣщенія всего необходимаго при омовеніи св. сосудовъ и рукъ (напр., платковъ и полотенецъ). Туда же могли быть пола-

[1]) (Lapis cavus, in quem reliquiae vini aut aquae benedictae, quibus amplius opus non erat, effundebantur).

[2]) Byzantina, кн. II, стр. 225—226.

[3]) Historia Byzantina... Du Cange. Constantinopolis christiana, lib. III. Ecclesia S. Sophiae. 1729. Cap. LVI. Mane Pag. 32.

гаемы наканунѣ постриженія въ великую схиму и одежды постригаемаго. Намъ кажется, что это предположеніе можетъ найти себѣ поддержку и разъясненіе въ устроявшихся издавна и понынѣ еще не совсѣмъ вышедшихъ изъ архитектурной практики на западѣ piscin'ахъ, къ которымъ мы теперь и переходимъ [1]).

1. *Происхожденіе* современной piscine въ западной церкви несомнѣнно связано съ потребностію *очищенія чаши и омовенія перстовъ священнослужителей* послѣ литургіи. Предписываемый римскимъ миссаномъ (служебникомъ) обрядъ—по причащеніи сначала очищать чашу виномъ, а затѣмъ омывать персты водою и виномъ, и потреблять самому священнодѣйствующему какъ вино, такъ и воду—есть обрядъ сравнительно поздняго происхожденія. Древнѣйшія западныя литургіи и уставы ничего не говорятъ объ очищеніи чаши. Только 6-й Римскій уставъ (ordo), относящійся къ началу XI в., замѣчаемъ, что діаконъ, при папской мессѣ, долженъ заботиться о томъ, чтобы никакая частица не осталась на дискосѣ или въ чашѣ, а священнодѣйствующему три аколуѳа должны подавать колѣнопреклоненно воду для омовенія рукъ, т. е. одинъ изъ нихъ долженъ былъ лить на руки воду, другой держать чашку для пріема стекающей воды, а третій—подавать полотенце [2]). Какимъ образомъ совершалось очищеніе чаши, здѣсь не указано. Нѣкоторое разъясненіе этого вопроса даетъ Іоаннъ Авраншскій († 1079 г.), который пишетъ: „послѣ потребленія части, оставшейся въ чашѣ, священнослужащій передаетъ чашу діакону для очищенія. Этотъ послѣдній вмѣстѣ съ иподіакономъ на лѣвой сторонѣ престола потребляетъ то, что еще осталось въ чашѣ. Затѣмъ они очищаютъ и тотъ и другой сосуды (чашу и дискосъ) и

[1]) Пользуемся здѣсь прекрасной статьей Падерборнскаго свящ. Беды Клейншмидта, подъ заглавіемъ: Piscine, помѣщенной въ пастырскомъ католическомъ журналѣ Pastor bonus, XVI Jahrg. 4 Heft. Ianuar, 1904. Оттуда же заимствуемъ и цитаты первоисточниковъ.

[2]) Ordo VI, n. 12 и послѣд. Migne 78, 994.

вышиваютъ омовеніе [1]). Иподіаконъ пособляетъ діакону въ очищеніи чаши и дискоса. Потомъ аколуѳъ приноситъ священнослужащему другую чашу для очищенія перстовъ". Водою или виномъ производилось очищеніе чаши, и непосредственно ли на престолѣ, или въ другомъ мѣстѣ оно совершалось, здѣсь такъ же, какъ и выше, не отмѣчено. На одинъ шагъ далѣе къ рѣшенію вопроса ведетъ насъ 10-й Римскій чинъ (ordo), относящійся къ тому же самому времени, указывая, что папа въ Великую Пятницу и въ заупокойныхъ мессахъ долженъ самъ потреблять очищеніе, т. е. то, чѣмъ вымывалась внутри чаша [2]). Тѣмъ болѣе это долженъ былъ совершать простой священникъ, не только въ торжественныхъ мессахъ, но и въ частныхъ, гдѣ діаконъ не совершалъ омовенія. Это предположеніе подтверждается распоряженіемъ *Вестминстерскаго* собора 1200 г., чтобы священникъ, которому приходилось служить въ одинъ день двѣ мессы, не совершалъ при первой мессѣ *очищенія чаши виномъ*, кромѣ случая, если бы былъ тамъ діаконъ или служитель, который могъ бы потребить омовенія. Замѣчательно, что здѣсь очищеніе чаши виномъ не только предписывается, но еще представляется и *древнимъ обычаемъ*. Слѣдовательно, съ начала 2-го тысячелѣтія христіанской эры, если даже не раньше, въ разныхъ мѣстахъ употребляемое для очищенія чаши вино было потребляемо при частной мессѣ священнослужащимъ, а при торжественной сослужителями его (діакономъ и иподіакономъ), или тоже священнослужащимъ [3]). Папа Иннокен-

---

[1]) Iohannes Åbricens. De officiis eccles. Migne 147, 3

[2]) Hefele, Konzilien-Geschichte, V 2, 796.

[3]) Вмѣстѣ съ тѣмъ можно бы признать правильнымъ мнѣніе французскихъ археологовъ и литургистовъ, что до XII в. очищеніе чаши совершалось въ piscin'ѣ.—Первое извѣстіе объ ablutio digitorum—омовеніи перстовъ священнослужителей послѣ пріобщенія Св. Таинъ находится въ жизнеописаніи епископа Бонифація Клермонскаго († 709 г.), составленномъ почти современникомъ его; ablutio (омовеніе перстовъ) совершалось водою. См. объ ablutio digitorum въ настоящее время. Франца, Die Messe (1902 г.). S. 106 ff., гдѣ есть рѣчь и объ извѣстныхъ суевѣрныхъ обы-

тій III обезпечилъ этому обряду дальнѣйшее распространеніе. На вопросъ клириковъ Магелонскихъ (Magnelonne), какъ поступать при очищеніи чаши, онъ въ 1204 г. отвѣчалъ: „священнослужащій долженъ очищать чашу виномъ, и самъ потреблять“ [1]).

Но гдѣ оставалась вода, которою священнослужащій омывалъ свои персты, если онъ не могъ потребить ее? Папа Иннокентій III объ этомъ даетъ извѣстіе въ своей книжкѣ о св. мессѣ, когда говоритъ: „Послѣ принятія Евхаристіи священникъ моетъ и высушиваетъ руки, чтобы на нихъ отъ прикосновенія къ Божественнымъ Тайнамъ какъ-нибудь чего-либо не осталось... Эта вода омытія должна быть пристойнымъ образомъ вылита въ одно чистое мѣсто, дабы достойно почтить высокое преимущество сего Таинства [2]). Подъ этимъ омытіемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть вообще теперь обычнаго *омовенія рукъ* по окончаніи мессы, которое въ ту пору совершали, по замѣчанію Durandus'a von Mende († 1296 г.), только „нѣкоторые“, но омовеніе перстовъ послѣ причащенія [3]). Иво Шартрскій (Ivo von Chartres, 1117 г.) ясно говоритъ объ этомъ: „Прежде чѣмъ священникъ, послѣ причащенія, обратится къ народу (чтобы привѣтствовать словами Dominus vobiscum), онъ моетъ руки, а воду выливаетъ въ одно особо для этого назначенное мѣсто“ [4]). Это мѣсто для воды омовенія послѣ причащенія было *piscine*.

чаяхъ, связанныхъ съ водою омытія. Часто ее считали цѣлебнымъ средствомъ. Водою омовенія св. Бонифація, говорятъ, многіе больные получили исцѣленіе. Подобное мы читаемъ и о многихъ святыхъ

[1]) „На желаніе получить отъ Апостольскаго престола письменное наставленіе относительно того, когда *священнику при мессѣ* нужно омывать чашу виномъ, отвѣчаемъ: священникъ долженъ омывать (чашу) всякій разъ по принятіи таинства Евхаристіи, кромѣ того случая, когда въ тотъ же день ему нужно совершать другую мессу, чтобы *принятіе вина* омовенія не воспрепятствовало совершенію какого-либо священнодѣйствія“. Innocentii Registr. c. 7. n. 150, Migne 215, 442.

[2]) De s. altaris misterio I. 6, c. 8. Migne 317, 910.

[3]) Durandus rationale l. 4, c. 55.—Edit Lugdun. 1515, Fol. 78.

[4]) Sermo 5. Migne 162, 520. Чтобы ablutio digitorum у престола происходило непосредственно по причащеніи,—это не считалось предписа-

Задолго ли до Иво Шартрскаго установился обычай сливать воду въ особое мѣсто, опредѣлить трудно; вѣроятно, это произошло уже въ древности. Первое упоминаніе о piscine видятъ въ сакраментаріѣ *Григорія Великаго*, въ которомъ говорится, что епископъ долженъ вылить воду, не употребленную на освященіе престола ad basem altaris (къ подножію престола) [1]). Такъ какъ не пристойно было бы выливать эту воду на ступени престола, то, должно быть, здѣсь идетъ рѣчь о piscine. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно о ней свидѣтельствуется въ соборномъ постановленіи, приписываемомъ папѣ Льву IV († 865 г.), гдѣ говорится: „Пусть будетъ приготовлено въ секретаріѣ [2]) или подлѣ престола мѣсто, куда могла бы выливаться вода, когда омываются священные сосуды, и пусть тамъ виситъ чистое льняное полотенце съ водою, дабы тамъ онъ (священникъ) умывалъ руки послѣ причащенія". Подобное же постановленіе издано было въ слѣдующемъ, IX столѣтіи Ратеріемъ Веронскимъ и аббатомъ Regino Прюмскимъ [3]). *П. Петрушевскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ніемъ обязательнымъ. Въ исходѣ XV ст. въ этомъ были еще различные обычаи. Магистры Egeling и Gabriel Biel предоставляютъ на волю священника—омывать персты тотчасъ по причащеніи или только по окончаніи мессы.

[1]) Sacrament. Gregor. Ordo ad eccles. dedicandum. Migne 77, 158. Тоже гласитъ одно мѣсто въ Готскомъ миссалѣ Migne 72, 329.

[2]) Secretarium въ католическомъ храмѣ есть особое помѣщеніе при алтарѣ для ризницы или для духовника.

[3]) Leonis Homilia n. 10. Migne 115, 677. Ratherii opp. pars I. Synod. ad presbyteros n. 415. Migne 136. 559. Regin. Prum. De ecclesiast disciplinis 1, 7, can. 8. Migne 132, 187.

Нѣсколько словъ по поводу замѣтки относительно проповѣдническихъ приложеній къ „Руководству для с. пастырей“, помѣщенной въ № 8-мъ Томскихъ епарх. вѣдом. за текущій годъ.

Кружокъ сельскихъ пастырей Томской епархіи чрезъ мѣстный епархіальный органъ (см. ст. подъ заглавіемъ: „Ревнителямъ православія“ въ указанн. № епарх. вѣдом.) обращается къ собратіямъ—пастырямъ съ призывомъ учить своихъ пасомыхъ „вѣрѣ и нравственности *своею жизнію и своимъ живымъ словомъ*“ (курсивъ нашъ). Призывъ, заслуживающій полнаго одобренія! „Нужно сказать правду“,—со скорбію сознаются авторы коллективной статейки,—что проповѣдывать мы не умѣемъ, „а умѣемъ готовое читать, какъ Путятина, Шумова и друг. (въ томъ числѣ, конечно, и проповѣди, помѣщаемыя въ книжкахъ—приложеніяхъ къ „Руков. для с. пастырей“)... „Но и тутъ недоразумѣніе: что читать? Одни (?) проповѣди написаны для городскихъ слушателей, иные (?) хотя для сельскихъ, но не сибирскихъ, гдѣ самъ народъ и складъ его жизни совсѣмъ иной, чѣмъ Россійскихъ, для кого они написаны; а нѣкоторые (?) написаны въ 1870 годахъ или еще когда, но не теперь. Мы либо старое, либо запоздалое читаемъ... Какъ бы намъ-пастырямъ, при всемъ нашемъ желаніи, не оказаться назади? Неужели Сибирь бѣдна проповѣдниками? Гдѣ вы, пастыри-товарищи? Откликнитесь и помогите своимъ собратіямъ своими поученіями, какими питаете народъ! Неужели мы всѣ безгласны и творить живое слово о Богѣ и Его законѣ не можемъ“?... О проповѣдяхъ-приложеніяхъ къ „Руков. для с. пастырей“ коллективная статейка выражается, что проповѣди эти „въ большинствѣ своемъ шаблонны и къ жизни сибиряковъ не примѣнимы“...

Мы не можемъ, конечно, съ точностію сказать, насколько Сибирь бѣдна или богата хорошими проповѣдниками, „творящими живое слово о Богѣ и Его законѣ“... Не объ этомъ

наша рѣчь, равно какъ и не о томъ, каковы проповѣди, „написанныя въ 70-хъ годахъ или еще когда“... Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу обвиненія въ „шаблонности“, высказаннаго по адресу проповѣдническихъ, приложеній къ „Руков. для с. пастырей“. Авторы коллективной статейки называютъ проповѣди „Руководства“ въ большинствѣ *шаблонными* въ томъ, конечно, смыслѣ, что большинство этихъ проповѣдей носятъ обще-христіанскій характеръ, раскрываютъ истины обще-христіанскаго вѣро-и нравоученія и не отвѣчаютъ спеціальнымъ нуждамъ и потребностямъ жителей различныхъ мѣстностей, а въ частности—нуждамъ и потребностямъ „сибиряковъ“... Но, во-первыхъ, и населеніе Сибири нуждается, конечно, (и даже болѣе, чѣмъ простолюдины другихъ россійскихъ мѣстностей) въ простомъ и общепонятномъ изложеніи и раскрытіи истинъ христіанской вѣры и нравственности, нуждается въ назидательныхъ урокахъ обще-христіанскаго характера (въ этомъ отношеніи проповѣди „Руководства“ для сибирскихъ пастырей будутъ всегда весьма полезны). А во-вторыхъ, редакція „Руководства“, предлагая вниманію пастырей-проповѣдниковъ готовыя поученія на дни воскресные, праздничные и т. п., отнюдь не смотритъ на эти поученія, какъ на нѣчто, не подлежащее измѣненію, что должно быть произносимо въ томъ видѣ, въ какомъ напечатано. Нѣтъ, это—лишь готовый проповѣдническій матеріалъ, который можетъ и долженъ быть подвергаемъ разнаго рода передѣлкамъ, измѣненіямъ, дополненіямъ приспособительно къ нуждамъ и потребностямъ мѣстной паствы. Такъ, конечно, и поступаютъ тѣ пастыри-проповѣдники (безъ сомнѣнія, и въ Сибири), которые съ полною серьезностію относятся къ великому дѣлу церковнаго проповѣдничества и всегда *внимаютъ себѣ* и, своему *стаду*. Да, наконецъ, редакція „Руководства“, въ заботахъ о жизненности своихъ проповѣдей-приложеній, постоянно обращается (въ концѣ книжекъ приложеній) ко всѣмъ пастырямъ-подписчикамъ журнала съ просьбою—присылать свои проповѣдническіе тру-

ды-поученія на дни *воскресные*, *праздничные*, *высокоторжественные* и проч., выражая пожеланіе, чтобы поученія эти составлялись приспособительно къ нуждамъ и потребностямъ народа, и напечатанныя поученія всегда оплачивая соотвѣтствующимъ гонораромъ. На этотъ разъ мы обращаемся съ подобною покорнѣйшею просьбою къ пастырямъ сибирскихъ мѣстностей--не отказаться *подѣлиться* съ редакціей своими опытами „живого проповѣдническаго слова о Богѣ и Его законѣ“, отвѣчающаго нуждамъ и потребностямъ „сибиряковъ“,— будемъ весьма благодарны! *N.*

Исполненіе долга.

29-го марта какіе-то злодѣи напали на подмосковный Перервинскій монастырь въ надеждѣ проникнуть въ покои настоятеля, чтобы поживиться у него монастырскими сбереженіями. Съ обычными угрозами—стрѣлять изъ револьверовъ они принудили сторожа монастыря безмолвно вести ихъ къ келліи настоятеля. Сторожъ послушался, указалъ имъ желанную келлію. Но въ этой келліи злодѣи встрѣтили 75-лѣтняго келейника—человѣка долга. И вотъ что произошло здѣсь.

Келейникъ о. архимандрита, кр. Рязанской губерніи, Скопинскаго уѣзда, Константинъ Яковлевъ, при видѣ злодѣевъ не растерялся; оставшись одинъ съ разбойниками, онъ спросилъ ихъ:

— Что вамъ угодно?

— Веди насъ къ архимандриту!

— Хорошо, сію минуту, пойдемте за мною,—отвѣтилъ келейникъ.

Съ этими словами онъ повелъ разбойниковъ въ переднюю келлій о. архимандрита, а оттуда по узкой каменной лѣстницѣ всѣ спустились внизъ; келейникъ, затворилъ за собою дверь, и приперевъ ее своимъ плечемъ, сталъ стучать

въ дверь кухни, гдѣ спали рабочіе, крича: „Братцы, отворитесь и идите сюда!“..

Злодѣи поняли, что келейникъ ихъ обманулъ... Съ ругательствами стали они стрѣлять сквозь дверь въ беззащитнаго старика изъ револьверовъ. Семь пуль попало несчастному старику въ животъ, грудь, спину и ноги; онъ упалъ, дверь отворилась, и одинъ изъ разбойниковъ кинжаломъ нанесъ ему глубокую рану въ правый бокъ, причемъ внутренности оказались порѣзанными. Истязаніе несчастнаго келейника продолжалось нѣсколько минутъ. Перепуганные повара выскочили чрезъ окна на улицу и скрылись.

Злодѣи, оставивъ келейника истекающимъ кровью, вышли изъ комнаты на дворъ, позабывъ на мѣстѣ преступленія котиковую шапку и 4 мѣшка изъ холста съ тесемками, приспособленые, очевидно, для укладки денегъ.

Скоро несчастный келейникъ былъ найденъ сбѣжавшимися на выстрѣлы братіями и рабочими въ лужѣ крови на погребицѣ, куда онъ ползкомъ добрался изъ столовой, гдѣ надъ нимъ было произведено истязаніе. Въ крови на полу этой комнаты были найдены 7 пуль, выпущенныхъ разбойниками въ несчастнаго. Келейника немедленно перенесли въ одну изъ келлій, гдѣ прибывшимъ врачемъ ему было подано первоначальное пособіе.

Невинный страдалецъ былъ келейникомъ у о. архимандрита Викентія болѣе 25 лѣтъ и отличался необыкновеннымъ смиреніемъ, кротостью и послушаніемъ.

Вотъ истинное геройство! Вотъ рѣдкій примѣръ самоотверженнаго служенія и исполненія долга не только предъ своимъ о. архимандритомъ, но и передъ родиной. Да, и передъ родиной, потому что несомнѣнно и этотъ одинъ случай можетъ охладить пылъ любителей чужой собственности, которые такъ разгулялись за послѣднее время по лицу земли Русской. („Божія Нива“, № 53. Нашъ дневникъ).

Къ вопросу объ избраніи благочинныхъ.

Говоря объ условіяхъ, обезпечивающихъ избраніе лучшаго кандидата на благочинническую должность, С. А. Л. въ Нижегор. Ц.-Общ. Вѣстникѣ (№ 7) указываетъ, что если въ выборѣ достойнаго человѣка одинаково заинтересованы и епархіальный епископъ и окружное духовенство, то пусть та и другая сторона помогаютъ другъ другу въ дѣлѣ избранія. Епископъ, руководствуясь однѣми только клировыми, можетъ ошибиться въ выборѣ. Но и духовенство, каждый въ отдѣльности, не можетъ знать всѣхъ по округу собратій, а знаетъ хорошо только священниковъ-ближайшихъ сосѣдей; отъ этого во время выборовъ можетъ быть распря. Кромѣ того, на духовенство въ выборѣ благочинныхъ могутъ вліять совсѣмъ посторонніе доводы: родственныя связи, дружба, сосѣдство и т. п. Можетъ произойти и такой случай, что бываетъ всегда при выборахъ въ другія должности,—что лучшій-то человѣкъ изъ-за своей скромности, изъ-за великой отвѣтственности благочиннаго не выставитъ своей кандидатуры. Во избѣжаніе всего этого пусть духовенство округа избираетъ своихъ кандидатовъ никакъ не менѣе трехъ, изъ нихъ уже выбираетъ и утверждаетъ благочиннаго епископъ. Избранный благочинный утверждается въ должности на три года, а затѣмъ вновь избираются духовенствомъ кандидаты. Но и при такомъ избраніи при каждомъ благочинномъ долженъ быть совѣтъ, состоящій изъ іереевъ, выбранныхъ духовенствомъ округа. При такомъ ходѣ дѣла благочинный не будетъ начальникомъ, формалистомъ, не будетъ тяготѣть только къ верху и оттуда ждать себѣ земныхъ благъ, относиться къ духовенству свысока, сухо или даже надменно. Если онъ и будетъ „архіерейскими очами“, то очами не близорукими и испорченными, но вполнѣ ясно, точно и правильно воспринимающими впечатлѣнія окружающей среды.

Жаль, что С. А. Л. оставилъ безъ уясненія причинную связь между рекомендуемымъ въ его статьѣ способомъ из-

бранія благочинныхъ съ одной стороны и „полною ясностью, точностью и правильностію воспріятія впечатлѣній окружающей среды“ у избранныхъ такимъ образомъ благочинныхъ—съ другой.

Электрическая охрана церквей.

Таковая охрана заведена въ одной изъ церквей г. Смоленска (Архангельской—Свирской) и, по сообщенію свящ. П. Горанскаго въ мѣстныхъ епарх. вѣдомостяхъ, состоитъ въ томъ, что у дверей, ящиковъ и у кассы устроены контакты и соединены съ проводами, проведенными въ сторожку. Если открыть двери или ящикъ въ церкви, звонки въ сторожкѣ немедленно даютъ объ этомъ знать. Если порвать проволоку, звонъ не остановится впредь до исправленія. Кромѣ дверей, ящиковъ и пр., можно устроить охрану и на окна. Стоимость охраны съ точностью опредѣлить нельзя: это зависитъ отъ того, сколько потребуется контактовъ, проволоки и пр. Содержаніе охраны обходится 18 коп. въ мѣсяцъ. Устройство охраны настолько просто, что ею свободно можетъ завѣдывать церковный сторожъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 23

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года іюня 4-го дня.

Содержаніе: Братское слово къ пастырямъ.– Современное значеніе монастырей въ народной жизни (продолженіе).—Алтарный сосудъ для сакраментальныхъ омовеній въ восточной и западной церквахъ (окончаніе).—Полезныя правила.—Заботливость архипастыря о бѣдныхъ духовнаго званія.

Братское слово къ пастырямъ.

„Любите, якоже Азъ возлюбихъ“ ..

Въ эти тревожные дни государственнаго нестроенія, когда открыто предъявляетъ требованія человѣческій эгоизмъ, прикрываясь идеей общаго блага, когда люди, повидимому, совершенно забыли объ *общемъ* благѣ, а видятъ лишь только свое, когда

„Міръ стонетъ отъ бранныхъ походовъ,
И въ райскомъ уютѣ родимой земли
Устроилась бойня народовъ.
И гдѣ умягчился-бъ дикарь и злодѣй—

Свирѣпствуютъ добрые люди;
Гдѣ звѣрь укротился-бъ, тамъ люди людей
Привѣтствуютъ ядрами въ груди,
Кровавой вражды возникаютъ огни,
Свинцомъ оглушительно свищутъ,
И сердца въ груди другъ у друга они
Штыками и копьями ищутъ;
Наводятъ ружья или пушки жерло,
И глазъ человѣческій мѣтитъ
Не въ образъ ли Божій, коль мѣтитъ въ чело,
Гдѣ разумъ божественный свѣтитъ?...
(Бенедиктовъ)

въ эти скорбные дни чарующей музыкой звучатъ слова Божественнаго Страдальца: „любите, якоже Азъ возлюбихъ“... Всѣ какъ будто забыли объ этихъ словахъ, а между тѣмъ сколько добра принесло бы людямъ исполненіе этого совѣта!

Вмѣсто того, чтобы искажать свои лица злобою, вмѣсто того, чтобы обагрять свои руки въ братской крови, хотя бы и во имя идеала,—вмѣсто всего этого, достаточно хоть отчасти исполнять Божественную Заповѣдь... „Любите, яко же Азъ возлюбихъ...“ Но злобное ослѣпленіе слишкомъ велико. Всѣ, повторяю, забыли о великомъ Проповѣдникѣ мира и любви, забыли Его спасительное ученіе. Рѣкою льется кровь. Подъ гнетомъ стонутъ люди. Ищутъ всѣ выхода, стремятся къ чему-то высшему, лучшему, но... все напрасно. И ропотъ людской, ропотъ безсильной, свирѣпой злобы является главной пѣснью нашихъ дней, звучитъ все громче и громче.

Нѣкогда, во тьмѣ временъ, предъ пришествіемъ въ міръ Спасителя „все ждало истины“, человѣчество жадно искало свѣта, воздуха, томилось въ предсмертной агоніи. „И скоро отъ востока пришельцы новое ученье принесли“, ученье мира и любви, ученье жизни, не прежней безсознательной и безпринципной жизни, а новой, во имя добра и правды. Предъ взоромъ человѣчества открылся чудный, огромный горизонтъ

царства Христова. Но съ теченіемъ времени горизонтъ этотъ сузился, затемнился, покрылся тучами, и родъ людской опять очутился во „тьмѣ и сѣни смертнѣй“; давно рѣшенные евангеліемъ и безъ него неразрѣшимые вопросы опять волнуютъ умы, опять настоятельно требуютъ рѣшенія. „Слово истины евангельской“ опять нуждается въ проповѣдникахъ, ждетъ людей, которые бы вынесли его изъ-подъ спуда и поставили на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ...

Кому же, какъ не пастырямъ, явиться въ роли апостоловъ? Кто, какъ не пастырь, съ любовью долженъ пойти на встрѣчу страданіямъ людскимъ съ горячимъ, искреннимъ словомъ евангельской правды? „Любите, якоже Азъ возлюбихъ“... Любите и съ любовью въ сердцѣ идите „въ міръ весь, проповѣдуйте евангеліе всей твари“.

Прискорбнымъ фактомъ, знаменіемъ нашего времени является отдѣленіе интеллигенціи отъ Церкви, пренебрежительное отношеніе образованныхъ классовъ общества къ представителямъ этой Церкви, обидное недовѣріе къ словамъ людей Церкви; но еще прискорбнѣе, еще печальнѣе то обстоятельство, что такое ненормальное взаимоотношеніе между Церковью и обществомъ не ограничивается одними интеллигентными классами этого общества, а проникаетъ и дальше, замѣчается въ деревнѣ, разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на массу народную. Для примѣра сошлемся на письмо крестьянина, напечатанное въ одной изъ прогрессивныхъ нашихъ газетъ. Въ этомъ письмѣ есть замѣчательная фраза, прекрасно характеризующая отношенія между пастыремъ и пасомыми. „Сильно жаденъ нашъ и попъ“, пишетъ грамотный крестьянинъ: „все обѣщаетъ намъ будущее блаженство, а себѣ оставляетъ настоящее“... Само собою разумѣется, это пасомымъ не понравилось. Они вздумали было сами завоевать себѣ *здѣсь* блаженство. Отъ священника полетѣлъ доносъ, а тамъ и слѣдствіе и ссылка пишущаго крестьянина въ мѣста не столь отдаленныя... Прискорбное явленіе!..

Отцы сопастыри! „Любите, яко же Азъ возлюбихъ“, говоритъ намъ Христосъ. Любите, согрѣйте этой любовью народную душу, съ любовью и терпѣніемъ ведите этого „младенца разумомъ“ къ истинѣ, къ свѣту, „пасите, еже въ васъ стадо Божіе“, пасите „волею“, а не „по нуждѣ“. Время тревожное, многіе потеряли, какъ говорится, голову. Зло и неправда торжествуютъ, прикрываясь личиной любви къ людямъ. А родина страждетъ. Спитъ и стонетъ во снѣ „крестьянскій людъ“...

О.о. духовные! Помните завѣтъ Христовъ! Любите и *своею любовію зовите всѣхъ къ празднику жизни*, зовите къ воскресенію отъ дѣлъ неправедныхъ, зовите къ весеннему пробужденію отъ долгаго, тяжелаго кошмара.

„Заступи, спаси, помилуй, *возстави* и сохрани насъ Боже, твоею благодатію“. *И. И.*

Современное значеніе монастырей въ народной жизни.

(Продолженіе [1]).

Монастырямъ, какъ и другимъ церковнымъ учрежденіямъ, такъ наз. „*новая эра*“ *извѣстна съ первыхъ временъ* ихъ существованія, а „первые шаги“ сдѣланы ими назадъ тому болѣе полуторы тысячи лѣтъ; нашими же русскими монастырями— почти девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Если и нужно было говорить о *необходимости подражанія высокой дѣятельности Покровскаго монастыря, то, думается намъ, не по адресу монастырей, а больше всего по адресу „свѣтскихъ учрежденій“* этого характера. Дѣло въ томъ, что между врачебною дѣятельностію Покровскаго монастыря, какъ и всѣхъ другихъ монастырей, и таковою же дѣятельностію „свѣтскихъ“

[1]) См. № 21-й за 1906 г.

больницъ есть разница и не малая. Въ самоотверженныхъ заботахъ о больныхъ въ лѣчебницѣ Покровскаго монастыря мы прежде всего видимъ, что онѣ, заботы, предпринимаются здѣсь во имя заповѣди Христовой, несутся всѣми съ веселіемъ и радостію, какъ богоугодный подвигъ, исцѣляющій человѣка не только тѣлесно, но и духовно; а потомъ—и мы и всѣ больные не можемъ не видѣть во всѣхъ этихъ заботахъ, во всей обстановкѣ врачебнаго дѣла, что здѣсь всѣ труждающіеся имѣютъ своею самою главною задачею помочь человѣку, имѣютъ въ виду человѣка, ближняго своего, разсматриваютъ его не какъ носителя только той или другой болѣзни, не какъ объектъ врачебной науки и искусства, а какъ живую личность со всѣми ея, ей только свойственными особенностями духовной и тѣлесной жизни. А вѣдь это много, много значитъ для опредѣленія сущности совершающагося у всѣхъ на глазахъ, вѣдь это полагаетъ значительную разницу между „монастырскимъ“ врачеваніемъ и „свѣтскимъ“ лѣченіемъ больныхъ. И никто такъ хорошо сердцемъ своимъ не чувствуетъ этой разницы, какъ врачующійся. Не умаляя никого и ничего и не превознося того, что въ этомъ не нуждается, мы спросимъ только, почему эта слава о „бѣлой“ больницѣ несравненно быстрѣе и шире распространяется по городамъ и весямъ Русской земли, чѣмъ слава о такомъ прекрасномъ учрежденіи въ томъ же г. Кіевѣ, какъ больница для чернорабочихъ? Мы, знаемъ, какъ хорошо поставлено дѣло въ этой больницѣ, знаемъ, съ какимъ благородствомъ и усердіемъ здѣсь всѣ труждаются на пользу бѣдныхъ и неимущихъ, знаемъ, какъ много вниманія и жертвъ эта больница привлекаетъ къ себѣ со стороны многихъ благотворителей кіевскихъ, но мы въ то же время знаемъ, что это глубоко симпатичное учрежденіе, тоже вѣдь переполненное всегда больными, не пользуется такою широкою популярностію, какъ лѣчебница въ Покровскомъ монастырѣ. Почему же это? Думаемъ, что причина въ томъ, на что мы выше указали, именно въ томъ особенномъ характерѣ врачеванія,

которое составляетъ отличительную черту вообще „монастырскаго“ врачеванія, и если бы „бѣлая больница“ не была въ монастырѣ, то мы не сомнѣваемся, что ея популярность была бы нисколько не шире популярности больницы для чернорабочихъ и ей подобныхъ, что народъ не говорилъ бы о „бѣлой“ больницѣ съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ онъ говоритъ теперь.

Все, что намъ пришлось высказать, конечно, далеко не ново, и все это должно было бы легко обратить вниманіе и тѣхъ, кто во врачебной дѣятельности Покровскаго монастыря усмотрѣлъ „новую эру“. Но тѣмъ не менѣе на это не обращено вниманія. И въ этомъ, думаемъ, виновато не одно только увлеченіе дѣятельностію лѣчебницы Покровскаго монастыря, а нѣчто и другое, съ чѣмъ особенно нужно считаться въ настоящее время.

Дѣло въ слѣдующемъ: никто не станетъ отрицать, что опытныя науки къ концу XIX вѣка сдѣлали громадные успѣхи и внесли въ практическую жизнь человѣка много не только новаго, но и весьма полезнаго для благоустроенія этой жизни. Но далеко не всѣ не только люди науки, но еще болѣе просто „образованные люди“ способны признать, что совершающееся просвѣтительное движеніе въ современномъ человѣчествѣ отличается односторонностію, что въ этомъ движеніи замѣчается игнорированіе другой, внутренней жизни человѣка, что стремленіе науки господствующаго направленія свести все въ жизни къ одному знаменателю, опредѣляемому науками опытными, исключающими „всякую метафизику и философію“, породило много и способно породить еще больше печальныхъ явленій въ жизни человѣка. Напротивъ, въ настоящее время есть очень много, къ сожалѣнію, людей и науки и просто „образованныхъ“, которые только и вѣрятъ въ эту науку, только въ ней одной видятъ средство спасенія людей отъ всѣхъ невзгодъ ихъ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ и средство возвеличенія человѣка во вселенной. Останавливаясь на этой точкѣ зрѣнія, они не замѣчаютъ, что вносятъ въ

жизнь все мертвящій матеріализмъ, даже болѣе—сознаютъ, что вносятъ его, но только называютъ его не мертвящимъ, а оживляющимъ. Съ этой же точки зрѣнія разсматриваемыя, жизнь и дѣятельность многихъ отдѣльныхъ людей и иныхъ цѣлыхъ учрежденій нерѣдко вызываютъ неудовольствіе людей науки и образованнаго общества, вызываютъ и разнаго рода пожеланія реформировать эту жизнедѣятельность. Все, что не можетъ быть измѣрено масштабомъ извѣстной науки, что не подходитъ подъ мѣрило понятнаго, ощутимаго для всѣхъ утилитаризма,—все это или безполезно, и ли вредно. Мы здѣсь не намѣрены останавливаться и повторять то, что пишется, говорится и желается, въ цѣляхъ приведенія всѣхъ и всего къ матеріалистическому знаменателю, относительно Церкви и ея учрежденій: эти писанія, говоры, тайныя и явныя вожделѣнія всѣмъ, навѣрно, извѣстны. Что такое монастырь, его жизнь и дѣятельность въ сознаніи современнаго образованнаго человѣка и общества, тоже всѣмъ извѣстно. Вотъ было бы отлично, иначе особенно полезно для общества, думается многимъ, если бы существующіе монастыри, разъ уже они должны быть, выступили на поприщѣ дѣйствительно полезной дѣятельности, къ разряду каковой, напр., нужно отнести и врачебную дѣятельность. Разбросанные на обширномъ пространствѣ всѣхъ губерній, обладающіе въ большинствѣ случаевъ достаточными средствами, они могли бы много принести пользы народу. Авторитетнымъ побужденіемъ въ этомъ отношеніи долженъ, или можетъ служить Покровскій монастырь. И дѣятельность Покровскаго монастыря на пользу врачеванія больныхъ въ данномъ случаѣ разсматривается только съ одной стороны,—именно со стороны лѣченія больныхъ, и совершенно выпускается изъ виду, гдѣ это лѣченіе происходитъ и какъ происходитъ. Всего предыдущаго довольно, кажется, для того, чтобы понять крайнюю односторонность пожеланій ревнителей „новой эры“. Но мы считаемъ необходимымъ къ сказанному добавить еще нѣсколько соображеній.

Мысль—обратить монастыри на службу исключительно матеріальнымъ нуждамъ народа и государства у насъ не нова. Извѣстно, что великій преобразователь Россіи Петръ I—во время и послѣ Шведской войны раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ въ большомъ количествѣ посылалъ въ монастыри; извѣстно, что монастыри бывали и мѣстами для ссылки неудобныхъ въ политическомъ или просто въ партійномъ отношеніи людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе извѣстно, каковы были слѣдствія всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ мѣропріятій для монастырей и ихъ жизнедѣятельности. Конечно, распоряженія Петра Великаго, когда всѣ силы государства были истощены, когда воины, проливавшіе кровь свою и отдававшіе за отечество свое здоровье не только не пользовались солидными эмеритальными окладами, но и удовлетворительнымъ жалованьемъ,—эти распоряженія понятны, но отъ этого худыя послѣдствія для монастырей нисколько не улучшились. Думаемъ, что и теперь, если бы монастыри, покорные велѣніямъ „свѣтской культуры,“ обратились къ воздѣлыванію „новой эры,“ хотя бы и съ затаеннымъ желаніемъ, „чтобы среди все возрастающаго матеріализма современной цивилизаціи укрѣпить за собой и сохранить высокій авторитетъ и то культурное значеніе, которое они въ доброе старое время стяжали себѣ въ народѣ“,—думаемъ, что все это не привело бы ни къ чему хорошему какъ для жизни самихъ монастырей и ихъ авторитета, такъ и для жизни народной. Въ доброе старое время (на этотъ только разъ, конечно, пріятное для людей науки) монастыри стяжали себѣ „культурное значеніе“ вовсе не лѣчебною своею дѣятельностію, а главнымъ образомъ тѣмъ, что они были разсадниками исключительно духовнаго просвѣщенія, что въ стѣнахъ ихъ жили духовные богатыри, которые пришли на смѣну богатырямъ физической силы и которые, по сознанію народному, премного выше послѣднихъ, что въ нихъ приходящіе находили духовное утѣшеніе въ скорбяхъ, таковое же исцѣленіе отъ духовныхъ недуговъ, что въ нихъ человѣкъ находитъ отдох-

новеніе отъ житейскихъ дрязгъ, что во всѣхъ учрежденіяхъ монастырскихъ, какого бы характера они ни были, онъ видѣлъ душу человѣческую, работающую исключительно для души же человѣческой и т. д. Народъ и теперь тысячами идетъ по монастырямъ, какъ святымъ мѣстамъ, а не какъ лѣчебнымъ станціямъ. И народная душа въ данномъ случаѣ, несмотря на всю свою простоту, сравнительно съ „образованною“ душою, лучше и болѣе совершенно понимаетъ, что долженъ дать ей монастырь. Остановитесь на минуту мыслію и представьте себѣ, что монастыри—Печерскій, Сергіевскій, Александро-Невскій, Соловецкій, Митрофаніевскій, Оптинъ и другіе всѣмъ являющимся въ нихъ богомольцамъ прежде всего и въ наипривлекательнѣйшемъ видѣ предложили бы свои больницы,—что бы почувствовали всѣ эти тысячи богомольцовъ, чѣмъ наполнилось бы ихъ сердце при видѣ прекрасныхъ больницъ вмѣсто глубокочтимыхъ обителей? Если бы такое показываніе прелестей врачебнаго искусства повторилось въ монастыряхъ нѣсколько разъ, то пошли ли бы въ эти монастыри богомольцы, мечтали ли бы они о своемъ путешествіи, какъ о богоугодномъ дѣлѣ,—и эти мечты продолжали ли бы служить для наболѣвшей души тѣмъ цѣлительнымъ бальзамомъ, который, дѣйствительно, спасъ много душъ, много человѣческихъ жизней? И не потеряли ли бы монастыри весь свой и всяческій авторитетъ? Мало этого,—во что бы превратились сами монастыри, если бы они дѣйствительно послѣдовали призыву „новой эры“, если бы все ихъ вниманіе обращено было на лѣченіе больныхъ, на уходъ за слѣпыми, глухими, умалишенными и т. д.? Конечно, во что угодно, но только монастырей-то уже не было бы [1]). Далѣе, была ли бы особенно ощутительна въ жизни народной монастырская врачебная лепта, если бы только монастыри свою

[1]) Не было бы и того, что такъ привлекаетъ въ монастыряхъ современныхъ намъ поклонниковъ „новой эры“,—не было бы и матеріальныхъ средствъ, ибо народъ не понесъ бы своихъ копеекъ въ жертву больницамъ.

врачебную дѣятельность поставили превыше всего? Намъ кажется, что думающіе такъ выпускаютъ изъ виду одно и притомъ весьма важное. Нѣтъ сомнѣнія, нужда народная во врачеваніи велика, больницъ для удовлетворенія этой нужды крайне мало. Но вѣдь этимъ не исчерпывается вопросъ. Думаемъ, лѣченіе всякихъ болѣзней по меньшей мѣрѣ будетъ не особенно благотворно для жизни народной, если не будетъ одновременно вестись борьба съ причинами болѣзни, съ источниками всевозможной заразы. Знаменитый профессоръ Захарьинъ чуть ли не съ отчаяніемъ говорилъ, напр., что русскій народъ гніетъ, что заразительныя болѣзни, въ корень подрывающія народное здравіе, неимовѣрно быстро распространяются, чему не мало способствуетъ и другая болѣзнь—народное пьянство. Представьте теперь, что существуетъ множество больницъ, и всѣ монастыри работаютъ дружно на этомъ культурномъ поприщѣ, кое-какъ излѣчиваютъ больныхъ отъ ихъ болѣзней и выпускаютъ... опять въ ту же среду нравственную и матеріальную, въ которой больные пріобрѣли себѣ болѣзни. Что же изъ этого выйдетъ? Необходимо при этомъ вспомнить, что по мѣрѣ роста фабричной промышленности, развитія матеріализма и, что всего страннѣе и страшнѣе, по мѣрѣ развитія современной культуры болѣзненность и при томъ самая злокачественная,—и въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ,—все усиливается и усиливается, и что это усиленіе идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ развиваются врачебныя силы странъ и народовъ, что жизнь человѣческая сокращается самымъ очевиднымъ образомъ. И намъ думается, что хотя бы общество мобилизовало всѣ свои силы, въ томъ числѣ и монастырскія для цѣлей врачебной помощи, но при этомъ совершенно оставило бы въ сторонѣ нравственную сторону дѣла, то оно весьма малаго бы достигло.

М. Гн.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алтарный сосудъ для сакраментальныхъ омовеній въ восточной и западной церквахъ (Θάλασσα, Θαλασσίδιον, mare, piscine).

(Продолженіе [1]).

2. *Какъ была устрояема piscine въ средніе вѣка?* Въ отвѣтъ на это приходится обращаться по преимуществу къ архитектурнымъ памятникамъ, такъ какъ литургическія сочиненія не даютъ намъ разъясненія. Древнѣйшія piscine были, кажется, очень просты, если можно дѣлать общее сужденіе о нихъ по единственному экземпляру изъ временъ *Каролинговъ* (VIII—X в.). Онъ находится въ Орлеанѣ, въ криптѣ св. Авита, и состоитъ изъ двухъ простыхъ нишъ въ стѣнѣ, дно которыхъ нѣсколько выдолблено и имѣетъ дыру съ трубкой для стока воды [2]).

Романское искусство мало заботилось о болѣе богатомъ устройствѣ piscine. Оно иногда придавало ей четырехугольную форму, но чаще piscine была только *простой нишей въ стѣнѣ*, съ круглой аркой вверху и колонками по краямъ. Равно также она имѣла часто форму маленькаго, стоящаго отдѣльно или прислоненнаго къ стѣнѣ *столба*, съ расширеннымъ верхомъ или головой, выдолбленной вверху для пріема воды. По всей длинѣ его шелъ каналъ для стока воды. Иногда также piscine является въ видѣ простого *водоема или умывальника*, вдѣланнаго въ стѣну или пилястръ, иначе говоря, въ формѣ каменнаго бассейна для св. воды (какъ это можно видѣть и теперь при входѣ въ костелъ). Такая умывальная piscine видна, напр., въ абсидальныхъ капеллахъ въ С.-Дени (St. Denis), недалеко отъ Парижа, которыя навѣрное происходятъ еще отъ временъ знаменитаго монаха и государственнаго мужа Сугерія (ок. 1140 г.). Если церковь имѣла

---

[1]) См. № 21-й за 1906 г.

[2]) Rohault de Feleury, La Messe III, 141.

шедшую вдоль стѣны каменную скамью съ колонками или безъ нихъ, то часто въ этой скамьѣ продѣлывалась впадина, снабженная сточной дырой и закрывавшаяся крышкой. Такое устройство можно видѣть, напр., въ Монреальской церкви во Франціи [1]).

Надъ писциной висѣлъ обыкновенно, какъ предписано и въ выше приведенномъ постановленіи папы Льва IV, рукомойникъ, въ формѣ либо металлическаго котла съ двойною трубкою для стока воды, или—фантастическаго звѣря, каковые сосуды можно найти почти въ каждомъ собраніи древностей на западѣ. Далѣе у piscine висѣло полотенце для вытиранія рукъ. Священникъ послѣ причащенія отходилъ отъ престола и омывалъ въ piscine свои руки. Между тѣмъ какъ престолъ, говоритъ *Дурандъ* и еще раньше его Гонорій Аутунскій, означаетъ Христа, piscine знаменуетъ состраданіе Христа,—въ ней омываются руки, чтобы показать, что мы при крещеніи и покаяніи очищаемся отъ грѣховной скверны [2]).

Дошедшія да насъ отъ 2-й половины романскаго періода piscine имѣютъ большею частію не одну, а *двѣ особыя сточныя трубочки*. Какое же было побужденіе къ этому нововведенію? Думаемъ, что для нѣкоторыхъ могло казаться непристойнымъ выливать воду, послужившую для омовенія перстовъ и очищенія чаши, въ которой, быть можетъ, находились еще частицы Божественной Крови,—въ ту самую писцину, въ которую была выливаема вода, употреблявшаяся для другихъ цѣлей. Отсюда—уставы нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ предписываютъ орденскимъ сочленамъ потреблять вино, служившее для очищенія не только чаши, но и для омовенія перстовъ. Древніе Клюнійскіе „обычаи“, записан-

---

[1]) Изображеніе смотри у Reussens'a, Archéologie chretienne, ed. 2, 1. 436.

[2]) Durandus, Rationale I. 1, c. 1. ed. cit. fol. III. Honorius Augustod. Gemma animae. I 1. c. 136. Migne 172, 587.

ные въ началѣ 2-й тысячи лѣтъ отъ Р. Хр., предписывають священнослужителю омывать чашу виномъ два раза, персты— одинъ разъ, и самому все это потреблять [1]); послѣднее, т. е. омовеніе перстовъ, долженъ дѣлать и діаконъ, если онъ касался Св. Вида, т. е. Тѣла и Крови Христовыхъ. Многіе старались инымъ образомъ устранить непочтеніе къ Св. Тайнамъ. Они дѣлали piscine двойную: одну ея часть для литургійныхъ омовеній, а другую для прочихъ омовеній. Такимъ образомъ, при мессѣ (на литургіи) чаша была очищаема виномъ, и это послѣднее было потребляемо священнослужащимъ, вода же, употреблявшаяся для омовенія рукъ, была выливаема въ piscine. Съ XII в. стали устраиваться большею частію, особенно въ каѳедральныхъ и монастырскихъ храмахъ (по деревнямъ рѣже) двойныя писцины [2]). Въ piscine, если вѣрить древнему ритуалу церкви Шалонской на Марнѣ, во время св. мессы долженъ былъ возжигаться огонь [3]).

Piscine, устраивавшіяся въ стѣнѣ (двойныя), находились большею частію одна возлѣ другой; иногда онѣ были осѣняемы арками и раздѣлялись тонкимъ столбомъ или только одною колонкою. Одна изъ самыхъ красивыхъ двойныхъ писцинъ изъ романской эпохи сохранилась въ Каенѣ (Caen) во Фран-

---

[1]) Martène, De Monachorum ritibus col. 182. Тоже гласятъ „обряды“ Дижонскихъ бенедиктинцевъ. ibi col. 184. Но „обрядамъ“ („Ritus“) цистерсійцевъ, священнодѣйствующій, кромѣ вина, совершалъ еще омовеніе перстовъ и *водою*; именно, въ древнихъ цистерсійскихъ „обрядахъ“ говорится: „Священникъ, взявши снова чашу, пусть опрыскиваетъ свои персты (виномъ) въ самой чашѣ, которую потомъ поставивъ на престолѣ, пусть идетъ къ piscine, чтобы омыть свои персты въ водѣ. Послѣ вытиранія ихъ о средину полотенца, нарочито для сего приготовленнаго, пусть возвратится къ престолу, чтобы принять вино, которое онъ оставилъ въ чашѣ. Послѣ принятія его, пусть омоетъ чашу виномъ снова“, l. c. col. 186. Подобный католическому обрядъ омовенія перстовъ виномъ послѣ литургіи и потребленія этого вина самими священнослужителями *мы лично наблюдали и въ Сирійской*, Яковитской церкви въ Іерусалимѣ, въ придѣлѣ при Кувукліи Животвор. Гроба Господня.

[2]) Ср. о двойной писцинѣ Gossnier, въ Bulletin monumental XV, 55.

[3]) Migne, Handbuch der Kathol. Liturgie, S. 720.

ціи. Каждая изъ двухъ четырехугольныхъ нишъ представляетъ одну сильно профилированную арку изъ песчанника; арки поддерживаются съ обѣихъ наружныхъ сторонъ приличными колонками; средина, гдѣ онѣ соединяются, покоится на одной общей колоннѣ [1]).

Своей красивѣйшей отдѣлкой piscine обязана *готическому* искусству. Хотя форма ея оставалась въ существѣ таже самая, но отдѣлка ея дѣлалась богаче и изящнѣе. Разумѣется, что при выдающихся по искусству памятникахъ этого рода встрѣчаются и совершенно простые. Наиболѣе излюбленной была piscine въ видѣ ниши. Простую piscine въ формѣ водосвятной чаши (или сосуда) имѣла, напр., капелла на военномъ дворѣ Кёльнѣ, отъ 1295 г. [2]). Гораздо болѣе изящное исполненіе представляетъ подобная piscine въ Марбургской церкви св. Елизаветы, изъ 2-й половины XIII ст.; надъ водоемомъ здѣсь поднимается сводъ въ видѣ трилистника [3]).

Piscine стѣнная обыкновенно съ каждой стороны обставлялась одною или двумя колонками и увѣнчивалась фронтономъ—wimperge съ краббами [4]). Дно ея было выдолблено въ видѣ многоугольника или круглой впадины и снабжалось сточною трубкою. Вода, стекая внизъ, терялась либо въ почвѣ подъ церковью, либо отводилась въ находившуюся близко усыпальницу [5]). Очень часто писцина съ лицевой стороны заканчива-

---

[1]) Изображеніе см. у Rohault de Fleury pl 247.

[2]) Изображеніе см. у Bock'a, Rheinlads Kunstdenkmale. I. Kamperhofkapelle. Fig. 3.

[3]) Изображеніе см. у Schmidt'a, Der christl. Altar, 304.

[4]) Wimperge – это фронтоны, въ готическомъ стилѣ, надъ прорѣзомъ дверей или оконъ, съ двумя остроконечными башенками (Fialen) по бокамъ, усаженные по щипцамъ краббами (Krabbe), т. е. особыми раковидными цвѣтами (Krichblätter), украшенные по полю (среди щипцовъ) гладкой или рельефной мозаикой, а на верхушкѣ увѣнчанные цвѣтами въ видѣ креста или статуями. См. Meyers Conversation Lexicon, Wort *Architectur*.

[5]) Ср. Didron въ Annales archéologiques. IV Pl.

лась вверху сквознымъ геометрическимъ орнаментомъ — Masswerk [1]). Такого рода piscine находится, напр., въ крестовой церкви въ Стромбергѣ въ Вестфаліи. Она имѣетъ необыкновенную ширину (1,29 метр.), вверху прямолинейное окончаніе и богатый, особенный геометрическій орнаментъ— Masswerk между тонкими колоннами [2]).

Большая часть сохранившихся памятниковъ суть двойныя писцины. Заканчиваясь остроконечной аркой, ниши писцинъ по большей части увѣнчиваются сверху обычнымъ готическимъ фронтономъ—*Wimperge*, украшеннымъ по краямъ *краббами*. При томъ каждая изъ нишъ часто имѣетъ кверху еще свое особенное художественное завершеніе. Иногда она дѣлится поперекъ доской, которая служитъ для поставленія сосудовъ, употребляемыхъ при мессѣ (Messkänchen). Если piscine была въ формѣ колонны, то сосудъ, служащій для резервуара, приставлялся непосредственно къ головѣ (верхушкѣ) колонны. Прекрасною колонною—piscine, представляющею четырехлистникъ со связкою колоннъ (1,06 м. высоты), владѣетъ древнѣйшая церковь бенедиктинцевъ, въ *Маріенфельдѣ*, въ Вестфаліи [3]). Если церковная стѣна вблизи престола была снабжена аркадою, то piscine получала мѣсто между двумя столбами аркады; если были двѣ piscine, то тогда онѣ обѣ получали обычную архитектурную рамку вокругъ; тогда она образовывала очень хорошее украшеніе стѣны. Такою, напр., великолѣпною двойною piscine въ стѣнѣ между аркадою владѣетъ каѳедральный соборъ въ Аміенѣ [4]).

---

[1]) Masswerk—это сложный геометрическій орнаментъ, составленный изъ круговъ и полукруговъ, употребляемый въ готической архитектурѣ для украшенія высокихъ оконъ или парапетовъ, или же—какъ рельефъ для украшенія стѣнъ и фронтоновъ. Meyers Conversation-Lexicon, W. Architektur.

[2]) Ludorff, Bau-und Kunstmäler von Westfalen. Kreis Becum (1897). Tafel 62.

[3]) Nordhoff. Kunst-und Geschichtsdenkmäler des Kreises Warendorf (1886). S. 144.

[4]) Изображеніе см у Mallet, Archéologie religiense II 6, 225.

Въ большихъ церквахъ даже всякая капелла въ отдѣльности по большей части имѣла свою собственную piscine. Въ аббатской церкви въ *Альтенбургѣ*, близъ Кёльна, было семь piscine въ алтарныхъ абсидахъ, и всѣ онѣ были питаемы водопроводомъ изъ ближняго горнаго источника [1]).

Изъ готическихъ писцинъ въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ храмахъ назовемъ здѣсь еще piscine главной „окружной“ церкви въ Кильбургѣ въ Эйфелѣ. Она—двойная, ранней готической архитектуры, имѣетъ форму ниши, углубленной на 0,47 м.; двумя остроконечными арками, покоющимися на тонкихъ колоннахъ, она дѣлится на двѣ одинаковыхъ части. Надъ обѣими арками сводъ въ видѣ четырехлистника, а ниши кверху заканчиваются одною вообще сильно профилированною аркою, которая снабжена готическимъ фронтономъ въ формѣ Wimperge [2]). Далѣе прекрасной piscine ранне-готическаго времени владѣетъ Петро-Павловская церковь въ *Вейссенбургѣ* въ Эльзасѣ. Надъ двойной нишей съ остроугольной аркой художникъ помѣстилъ очень кстати рельефное изображеніе ангела, держащаго утиральникъ [3]). Довольно простая двойная piscine отъ 1295 г. въ доминиканской церкви въ Фризахѣ (Friesach) въ Кернтенѣ (Karnten) [4]). Богатымъ фронтономъ съ геометрическими сквозными орнаментами (Masswerk) владѣетъ двойная piscine въ видѣ ниши въ стѣнѣ, въ задней сторонѣ алтаря, въ францисканской церкви отъ 1237 г. въ Эсслингенѣ, въ Вюрттембергѣ [5]).

Въ позднеготическихъ храмахъ двойная piscine дѣлалась все рѣже. Основаніе къ этому нужно искать въ измѣнившемся обрядѣ очищенія сосудовъ. Обычай, чтобы священнослужащій

---

[1]) Otte, Kunst-Acheologie I 5, 264.

[2]) Bock, Kyllburg und seine Kirchliche Bauwerken Fig. 11, S. 51.

[3]) См. изображеніе у Kraus'a, Kunst-und Alterthum in Elsass-Lottaringen, I, 606.

[4]) См. изображеніе въ Mittheilungen der K. K. Zentralkommission. XVIII. 111.

[5]) Keppler, Württembergs Kunstalterthümer, 595.

самъ потреблялъ какъ омовеніе чаши, такъ и омовеніе перстовъ, постепенно дѣлался все болѣе и болѣе общимъ, и поэтому довольно уже было и *одной* piscine. Между тѣмъ,— какъ это замѣчаетъ 14-й Римскій уставъ, относящійся къ 1-й половинѣ XIV в.,—папа, по причащеніи, омываетъ свои персты водою, которая должна быть вылита въ „чистое мѣсто". По XV уставу (ordo), относящемуся ко времени раньше 1400 года; на персты папы возливаются вино и вода, которыя онъ самъ и потребляетъ [1]). Мало по-малу терялось изъ виду то, что piscine должна устраиваться вблизи престола. Ее начали переносить то въ ризницу, то въ другое какое-*либо мѣсто. Но и при этомъ она еще во многихъ случаяхъ* не была лишаема художественной отдѣлки. Такъ стѣнная piscine въ ризницѣ въ Кидерихѣ заключена въ полукруглой аркѣ съ готическими носами, переходящими въ красиво обработанныя лиліи [2]).

Хотя обычай мыть руки въ piscine по нѣкоторымъ мѣстамъ продолжалъ существовать до папы Пія V (1566—1572), который предписалъ теперь повсюду принятый обрядъ омовенія [3]), а въ нѣкоторыхъ церквахъ Франціи, напр. въ Орлеанѣ,

[1]) Ordo XIV, n. 5. XV, n. 85. Migne 78, 1168. 1333. Подъ конецъ отмѣченное мѣсто гласитъ: „духовникъ вливаетъ вино, а аколуѳъ воду въ чашу съ *колѣнопреклоненіями предъ папою; и владыка папа омываетъ* уста и изъ помянутой выше чаши потребляетъ вино (и воду).

[2]) Luthmer, Bare-und Kenstmäler des Rheingau (1902), S. 194.

[3]) По нынѣшнему чинопослѣдованію римско-католической литургіи, священникъ передъ освященіемъ св. Даровъ „отходитъ къ лѣвой сторонѣ престола, гдѣ умываетъ руки, именно оконечности перстовъ большого и указательнаго", съ произнесеніемъ пс. 25, 6—12. Этими перстами онъ потомъ держитъ при освященіи Св. Жертву. Принявъ во время причащенія всю Кровь съ частицею, положенною въ чашу, священникъ, по причащеніи другихъ, подаетъ чашу клирику, а на торжественной литургіи иподіакону, который вливаетъ въ него немного вина. Священникъ очищаетъ свои уста, выливая вино, съ молитвою: „Тѣло Твое, Господи, которое я принялъ, и Кровь, которую испилъ, да приложится къ существу моему" и проч. Затѣмъ священникъ опускаетъ нѣсколько внутрь чаши

Шартрѣ, Ліонѣ онъ удерживался даже до XVII ст. [1]), однако эпоха Возрожденія придавала писцинамъ мало значенія. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, представляютъ прелестныя формы. По большей части это суть piscine въ нишахъ. Арабески, головки ангеловъ съ крыльями, сирены, баллюстерныя колонки, висячіе плоды и т. п. орнаменты, въ стилѣ Возрожденія, составляютъ отдѣлку этихъ памятниковъ. Прекрасная piscine изъ времени Возрожденія находится въ церкви въ Моретѣ, во Франціи [2]).

Послѣ эпохи Возрожденія piscine потеряла еще больше своей красоты и въ настоящее время, по отзывамъ католическихъ ученыхъ, „имѣетъ не только бѣдный видъ, но сверхъ того, такъ какъ нынѣ она оставлена на попеченіе церковнослужителей, то часто содержится въ небрежности. При новыхъ постройкахъ и реставраціяхъ храмовъ, на устройство ея не обращалось почти никакого вниманія“ [3]). Впрочемъ, въ наше время на этотъ предметъ стали обращать снова вниманіе въ разныхъ мѣстахъ католическаго міра. Авторъ статьи о piscine Beda Kleinschmidt (изъ Paderborn'a) рекомендуетъ вездѣ при новыхъ постройкахъ и реставраціяхъ храмовъ давать piscine достойную и изящную форму во всѣхъ частяхъ (резервуаръ, колонны, арки, ниши и пр.).

—

Представивъ исторію piscine и показавъ ея устройство и значеніе въ западной церкви, мы не можемъ не отмѣтить здѣсь весьма близкаго и очевиднаго сходства ея съ „моремъ“— θάλασσα, θαλασσίδιον древней св. Софіи въ Константинополѣ.

два первые перста обѣихъ рукъ; клирикъ возливаетъ на нихъ вина и воды, которыми священникъ очищаетъ персты и чашу, выпиваетъ омовеніе и вытираетъ чашу, персты и уста свои платкомъ (purificatorium)“. См. собраніе древнихъ литургій Восточн. и Запад. въ русск. перев. Вып. IV, Спб. 1877. Стр. 124 и 137.

[1]) Crosnier, въ Bulletin mon. p. 60.

[2]) См. изображеніе у Крауса, Gesch. der christl. Kunst II. 1, 465.

[3]) Jacob, Die Kunst im Dienste der Kirche, S. 246.

Какъ piscine, такъ и θάλασσα, θαλασσίδιον св. Софіи устроялись въ алтарѣ, вблизи престола или трапезы, очевидно, для сакраментальныхъ омовеній св. сосудовъ и самихъ священнослужителей при литургіи. Мы не имѣемъ подробнаго описанія устройства „моря"—θάλασσα, θαλασσίδιον въ св. Софіи, но опредѣленно знаемъ, что оно было устроено великолѣпно и украшено богато—золотомъ и драгоцѣнными камнями. И на западѣ обращалось вниманіе на богатое и изящное устройство piscine, особенно въ эпоху готическаго искусства. Это происходило, разумѣется, отъ несомнѣнно важнаго ея сакраментальнаго значенія въ извѣстное время. Въ виду одинаковой цѣли сооруженій θάλασσα, θαλασσίδιον и piscine, мы въ правѣ предположить сходство ихъ и въ устойствѣ, а именно: θάλασσα, θαλασσίδιον св. Софіи должно было имѣть и резервуаръ съ запасомъ для воды, и углубленіе въ видѣ чаши съ трубочкой для стока воды, и особое мѣсто для нужныхъ при омовеніи сосудовъ (кружки, чашки и пр.) и полотенца; могъ быть надъ θάλασσα и особый навѣсъ или шатеръ съ архитектурными украшеніями, утверждающійся на колоннахъ и увѣнчиваемый св. крестомъ [1]).

---

[1]) Въ дополненіе къ выше изложенному смѣемъ высказать предположеніе, что θαλασσίδιον былъ принадлежностью не одного храма св. Софіи, но и другихъ византійскихъ храмовъ. Это доказывается многими списками греческихъ уставовъ постриженія въ монашество, съ древнѣйшихъ временъ до XVI в., сохранившихся въ библіотекахъ прав. Востока. Обыкновенно объ одеждахъ имѣющаго быть постриженнымъ въ великую схиму здѣсь говорятся или такъ, что онѣ полагаются ὑποκάτω τῆς ἁγίας τραπέζης, какъ напр. сказано въ Евхол. Синайск. б. XIII в. № 967, или—ἐν τῷ θαλασσιδίῳ τῆς ἁγίας τραπέζης, какъ въ Евхол. Париж. нац. библ. 1027 г. № 213. См. у *А. А. Дмитріевскаго*—Опис. литург. ркп. хран. въ библ. прав. В. т. II, Кіевъ 1906, стр. 226, 1028 и др. Съ принятіемъ христіанства русскимъ народомъ θαλασσίδιον могъ найти мѣсто и въ нашихъ первыхъ христіанскихъ храмахъ. Правда, наши историки-археологи, Голубинскій, Макарій, Лашкаревъ, изслѣдовавшіе спеціально архитектуру древнихъ нашихъ храмовъ (Десятиннаго, Кіевской св. Софіи, Новгородской св. Софіи, Кіево-Печерской соборной церкви, Владимірскаго Успенскаго собора и др.) о θαλασσίδιον'ѣ не говорятъ; но на мысль о немъ

Въ настоящемъ очеркѣ мы старались посильно разрѣшить одинъ изъ спорныхъ вопросовъ древней церковной археологіи, а вмѣстѣ и показать практическое значеніе особаго сосуда (θαλασσίδιον, piscine, „море“) для сакраментальныхъ омовеній при литургіи въ древности на востокѣ и западѣ. Правда, этотъ сосудъ не сохранился въ устройствѣ алтаря Православной восточной Церкви, да и на западѣ такъ называемая piscine, послѣ эпохи Возрожденія, стала предметомъ меньшаго, чѣмъ въ древности, вниманія и даже пренебреженія и забвенія. Во всякомъ случаѣ существованіе этого сосуда на востокѣ и западѣ въ лучшую эпоху христіанства свидѣтельствуетъ о большой заботливости и благоговѣніи, съ какими древняя Церковь относилась къ святынѣ Тѣла и Крови Христовыхъ, и, объясняя до нѣкоторой степени смыслъ сохранившагося въ нашемъ Учительномъ Извѣстіи предписанія касательно омовеній за литургіей, служитъ поученіемъ и нашему времени относиться къ величайшей Святынѣ, источнику небесной жизни, Тѣлу и Крови Христовымъ съ подобнымъ же благоговѣніемъ и осторожностью. Удобно ли совершать омовеніе, предписываемое Учительнымъ Извѣстіемъ и служебникомъ, безъ особенныхъ къ тому спеціаль-

---

невольно наводятъ почти тождественныя съ греческими выраженія въ сохранившихся у насъ славянскихъ спискахъ чина великой ангельской схимы (сообщеніемъ которыхъ мы обязаны Н. Н. Пальмову). Такъ въ славянской рукописи XIV в., сохранившейся въ С.-Петербургской дух. академіи, № 1054, л. 19 оборотъ, говорится: „Вечеръ принесутъ ризы новы и калиги новы хотящаго постричися и положатъ я въ олтари *подъ святою трапезою*“... Тоже говорится въ требникѣ, на бомбицинѣ, XIV в., хранящемся въ библіотекѣ Св.-Троицкой Сергіевской Лавры, № 229, л. 6 оборотъ. Правда, въ другихъ спискахъ этого чина говорится о положеніи иноческихъ одеждъ имѣющаго постричися во олтари или св. жертвенникѣ „предъ святою трапезою“ (Спб. Публ. Библ., собр. Гильфердинга, № 21, л. 23 оборотъ. ркп. XIV в.), *на степени олтарномъ*“ (Погод. собр. въ Спб. Публ. Библ. № 308, л. 162 оборотъ, ркп. XVI в.) или „на подножіи святыя трапезы“ (славян. требн. Библ. Моск. д. ак., № 184, л. 83, ркп. конца XV в.); но тождество первыхъ съ греческими рукописями заставляетъ предпочитать ихъ послѣднимъ.

ныхъ сосудовъ? Не приспѣло ли время примѣнить и къ нашей литургійной практикѣ сосудъ для омовеній θαλασσίδιον, имѣвшій мѣсто въ Константинопольской св. Софіи и др. храмахъ византійскихъ, а равно и въ первыхъ нашихъ русскихъ храмахъ? *П. Петрушевскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полезныя правила.

Извѣстно, что нашъ народъ съ глубокимъ благоговѣніемъ относится къ церковнымъ святынямъ и весьма чтитъ прославленныя явленіемъ благодатныхъ даровъ иконы. Не ограничиваясь поклоненіемъ особенно чтимымъ святынямъ въ храмѣ, русскій человѣкъ любитъ ихъ брать на домъ. Стремясь приблизить благодать Божію въ помощь себѣ и въ спасеніе отъ бѣдъ и напастей, онъ приближаетъ святыню къ себѣ, къ своему домашнему очагу.

Долгъ пастырей—способствовать укрѣпленію у человѣка вѣры въ возможность явленія благодатной силы свыше, и прежде всего на нихъ лежитъ обязанность умѣть создать ту внѣшнюю благочинную обстановку, при которой религіозное чувство молящагося не только не страдало бы, но напротивъ, находило бы возможность раскрываться во всей полнотѣ и широтѣ.

Мы хотимъ остановить вниманіе читателей на приложенныхъ къ одному изъ №№ Симбирскихъ еп. вѣдомостей, въ видѣ отдѣльной брошюрки, „Правилахъ для руководства сопровождающихъ святыя чудотворныя иконы, износимыя изъ монастырей Симбирской епархіи въ города и селенія оной“ [1]),—остановить вниманіе въ виду того, что эти „Пра-

[1]) „Правила“ утверждены опредѣленіями мѣстнаго еп. начальства отъ 28 авг.—1 сент. 1904 г. и отъ 13—14 іюля 1905. Изданы въ текущемъ году.

вила регламентируютъ именно ту внѣшнюю сторону интересующаго насъ дѣла, которая нерѣдко у насъ страдаетъ вслѣдствіе недостатка благочинія, но которая, съ тѣмъ вмѣстѣ, имѣетъ и громадное значеніе въ развитіи религіознаго чувства, если не грѣшить противъ законовъ благочинія. На подробностяхъ „Правилъ“ мы не будемъ останавливаться,—ограничимся наиболѣе существеннымъ и характернымъ.

Смыслъ и значеніе хожденій со святыней принципіально опредѣленъ пунктомъ VI (всего ихъ XI), какъ „духовно-религіозное назиданіе и утѣшеніе вѣрующихъ“. Такая цѣль совершенно исключаетъ всѣ другія, низменныя цѣли и главнѣйшую изъ нихъ—корыстную. Твердо должны помнить это сопровождающіе святыню и не должны дозволять себѣ ничего, что вело бы къ уклоненію отъ истинной цѣли. Они должны вести себя чинно, прилично и благопристойно. Совершать молебствія они обязаны неспѣшно и благоговѣйно, слова молитвъ и пѣснопѣній—произносить ясно и раздѣльно. Вознагражденіе за службу они могутъ получать не иначе, какъ только въ видѣ доброхотныхъ даяній и не въ руку,—а въ братскую кружку... Посѣщеніе обывательскихъ домовъ должно совершаться въ порядкѣ строгой очереди, согласно съ заявленіями обывателей, при чемъ порядокъ, какому будутъ слѣдовать священнослужители при посѣщеніи домовъ со святынею, долженъ быть заранѣе, предъ отходомъ изъ церкви крестнаго хода, объявленъ къ всеобщему свѣдѣнію,—иначе могутъ выйти печальныя недоразумѣнія, дурно отражающіяся на религіозномъ чувствѣ. Исключеній изъ разъ установленнаго порядка не должно допускать въ угоду богатымъ „изъ-за корыстныхъ разсчетовъ“. Это подало бы поводъ бѣднымъ „къ сѣтованію и нареканію въ пристрастномъ предпочтеніи имъ людей состоятельныхъ“. Въ случаѣ принесенія св. иконы въ учебное заведеніе, она „можетъ быть принимаема, по желанію, во всѣ помѣщенія сихъ заведеній и въ квартиры при нихъ живущихъ-начальствующихъ лицъ, преподавателей и служителей. Квартиры же или собственные

дома преподавателей и другихъ, состоящихъ при учебныхъ заведеніяхъ лицъ, находящихся не въ сосѣдствѣ (рядомъ) съ учебнымъ заведеніемъ, а въ другихъ улицахъ и частяхъ города, имѣютъ быть посѣщаемы со св. иконою въ свое время и въ порядкѣ очереди изъ той церкви, къ приходу которой эти квартиры и дома принадлежатъ. Правило сіе сопровождающими св. икону не должно быть нарушаемо, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, ни подъ какими видами и въ отношеніи посѣщенія домовъ и квартиръ приходскихъ священниковъ, также находящихся въ отдаленіи отъ приходской церкви и состоящихъ въ районѣ другихъ приходовъ. Равнымъ образомъ не должно быть отступленій отъ сего правила и для лицъ, служащихъ въ тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, и обывателей, которые почему-либо не будутъ имѣть возможности принять св. икону къ себѣ изъ приходской церкви, когда она будетъ слѣдовать по приходу въ заранѣе намѣченномъ и объявленномъ настоятелемъ приходской церкви порядкѣ (п. VII). Необходимо отмѣтить также и слѣдующіе пункты „Правилъ“ (VIII и IX), въ которыхъ говорится объ охранѣ святыни и вообще о томъ обращеніи съ нею, какое ей подобаетъ.

„Св. чудотворныя иконы (п. VIII) должны быть переносимы на рукахъ; передвиженіе ихъ на лошадяхъ можетъ быть совершаемо только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и на дальнее разстояніе; причемъ въ такихъ случаяхъ св. икону надлежитъ держать на рукахъ, а не помѣщать въ ногахъ сидящихъ въ экипажѣ, какъ то нерѣдко, по небреженію къ святынѣ, допускается особенно въ городахъ. Наблюденіе за исполненіемъ сего правила возлагается на старшаго изъ сопровождающихъ св. икону іеромонаховъ.—Встрѣча св. иконы должна совершаться всѣмъ приходскимъ духовенствомъ съ крестами и хоругвями, при торжественномъ звонѣ въ приходской церкви. П. IX. Долженствующія быть тщательно охраняемыми отъ покушеній злонамѣренныхъ людей во время нахожденія въ обителяхъ, св. чудотворныя иконы наибо-

лѣе тщательной охранѣ подлежатъ во время обношенія ихъ по городамъ и сельскимъ приходамъ. Въ виду сего оставленіе ихъ, особенно ночью, въ домахъ обывателей въ свободное отъ совершенія молебствій время положительно воспрещается. На это время св. иконы надлежитъ приносить въ приходскіе храмы, причемъ сіи послѣдніе должны быть съ особою бдительностью оберегаемы церковными сторожами и усиленною стражею изъ обывателей по наряду мѣстной полицейской власти, которая приглашается къ соотвѣтствующимъ въ этомъ отношеніи распоряженіямъ настоятелемъ приходской церкви, по заявленію послѣднему о семъ старшаго изъ сопровождающихъ св. икону іеромонаха".

Наконецъ, „Правила" регламентируютъ и наиболѣе щекотливую сторону дѣла—денежную, подчиняя ее контролю того священника, въ приходѣ котораго въ данное время находится святыня. Впрочемъ, контролю священника-настоятеля приходскаго храма подчинено не только это, но и болѣе важное—поведеніе сопровождающихъ святыню лицъ. Такой порядокъ нельзя не найти цѣлесообразнымъ и вполнѣ достигающимъ цѣли сохраненія благочинія. Кому же, какъ не настоятелю прихода, ближе всего забота о томъ, чтобы обхожденіе домовъ вызывало не соблазнъ среди вѣрующихъ, а давало имъ назиданіе и утѣшеніе. Какъ же осуществляется этотъ контроль?

Отправляющимся изъ монастыря лицамъ вручаются двѣ выданныя изъ консисторіи книги подъ №№ 1 и 2. Въ первую изъ нихъ должны записываться собираемыя въ кружки за совершеніе молебствій и на украшеніе св. иконы доброхотныя денежныя даянія, а также—въ особомъ отдѣлѣ—вещественныя приношенія, какъ напр., холстомъ. Во вторую книгу заносятся отзывы о поведеніи сопровождающихъ икону священнослужителей и послушниковъ. По прибытіи къ мѣсту назначенія обѣ книги предъявляются старшимъ іеромонахомъ, на рукахъ у котораго эти книги, настоятелю церкви (п. I и п. II). Послѣдній во все время пребыванія св.

иконы въ его приходѣ „обязательно присутствуетъ при всѣхъ высынкахъ сопровождающею св. икону монашествующею братіею изъ кружекъ собранныхъ доброхотныхъ даяній за совершеніе молебствій и сосчитанную сумму собственноручно вноситъ въ вышеуказанную книгу № 1; а по окончаніи пребыванія въ приходѣ св. иконы, подводитъ и обозначаетъ въ этой книгѣ общій итогъ собранныхъ денегъ и утверждаетъ правильность записи собственнымъ рукоприкладствомъ. Имъ же, настоятелемъ прихода, записывается въ ту же книгу въ особой графѣ и количество собраннаго холста (въ аршинахъ) и другихъ матеріальныхъ пожертвованій".

За участіе въ высынкѣ денегъ изъ кружки и наблюденіе за надлежащимъ ея производствомъ настоятелю прихода предоставляется, по IV п., получить, если пожелаетъ, въ вознагражденіе 5% съ собранной за совершеніе молебствій въ предѣлахъ прихода суммы, полученіе какового вознагражденія онъ отмѣчаетъ при подведеніи итога въ книгѣ № 1 въ такой формѣ: „итого по приходу села N собрано за совершеніе молебствій . . . руб. . . . коп., а за вычетомъ полученныхъ мною 5% съ сей суммы, . . . руб. . . . коп. (за симъ слѣдуетъ рукоприкладство)" [1]). Приходскій священникъ, впрочемъ, имѣетъ право на 5% отчисленіе въ свою пользу только съ суммы изъ той кружки, куда идутъ деньги за совершеніе молебствій. Изъ той же кружки, куда поступаютъ пожертвованія на украшеніе св. иконы, онъ ничѣмъ не

[1]) Если обстоятельства потребуютъ, гласитъ тотъ же пунктъ, и отъ „приходскаго причта раздѣлить съ сопровождающими св. икону трудъ совершенія въ приходѣ молебствій, то предоставляется причту получить за этотъ трудъ въ свою пользу одну половину имѣющихъ быть собранными въ кружку, за время совершенія причтомъ молебствій, доброхотныхъ даяній,—о чемъ по вышеуказанной (въ п. IV) формѣ и дѣлается настоятелемъ прихода при сведеніи итога отмѣтка. Однако, участіе приходскихъ причтовъ въ служеніи молебствій не можетъ быть разсматриваемо какъ обязательное, и сопровождающіе св. икону могутъ и не обращаться къ содѣйствію и помощи причта въ служеніи молебствій, если сочтутъ себя въ состояніи удовлетворить, какъ должно, служеніемъ оныхъ все населеніе самостоятельно"

пользуется, хотя непремѣнно наблюдаетъ за высыпкою денегъ изъ нея и собственноручно записываетъ ихъ, а также и вещественныя пожертвованія, поступившія на названный предметъ (п. V).

Всѣ эти цифры настоятель приходской церкви заноситъ въ первую книгу. А во второй онъ отмѣчаетъ (по п. VI) всѣ „ненормальности“, замѣченныя имъ какъ въ поведеніи монашествующихъ и послушниковъ, такъ и при отправленіи ими служебныхъ обязанностей, въ родѣ, напр., попрошайничества, вымогательства, — за таковое виновные подвергаются отвѣтственности по всей строгости закона,—безчинства при совершеніи молебствій и пр. Пунктъ VI предоставляетъ настоятелю прихода при обнаруженіи какого-либо особаго безчинства, а также въ случаѣ соблазнительнаго поведенія кого-либо изъ монашествующей братіи и послушниковъ, даже „немедленно устранять таковыхъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей, съ замѣной ихъ, для непрерывнаго совершенія молебствій, соотвѣтствующими лицами изъ приходскаго причта, и о распоряженіи своемъ немедленно доносить его преосвященству, съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла“.

Изъ краткаго обозрѣнія „Правилъ“ видно, что они проникнуты заботою доставить полную возможность вѣрующему, притекающему къ святынѣ, найти удовлетвореніе религіознаго чувства. Этого „Правила“ достигаютъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что привлекаютъ въ качествѣ контролера надъ дѣйствіями и поведеніемъ окружающихъ святыню лицъ священника-настоятеля приходскаго храма.

Остается пожелать, чтобы и въ другихъ епархіяхъ, гдѣ существуетъ благочестивый обычай приносить изъ монастырей чудотворныя св. иконы въ дома вѣрующихъ, было обращено вниманіе кого слѣдуетъ на эту важную сторону церковной практики, и она была бы регламентирована правилами, подобными вышеизложеннымъ. Желательно также, чтобы и сами настоятели приходскихъ храмовъ, когда имъ прихо-

дится сопровождать изъ своей церкви св. икону въ дома прихожанъ, употребляли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ установленію при этомъ полнаго порядка и подобающаго важности дѣла благочинія. *Н. П—въ.*

Заботливость архипастыря о бѣдныхъ духовнаго званія.

Преосвящ. архангельскій Іоанникій сдалъ въ мѣстную консисторію такого рода предложеніе: „Бѣдственное положеніе вдовъ и сиротъ духовнаго званія кому не извѣстно. Правда, въ настоящее время іерейшамъ и протоіерейшамъ живется нерѣдко еще сносно, даже и съ сиротами. Послѣ смерти мужей имъ остается иногда съ дѣтьми ихъ полная пенсія мужей въ 300 руб., эмеритура въ 120 руб., имущества на нѣсколько сотъ рублей, и капиталецъ, сбереженный покойникомъ про черный день. Къ этому онѣ большею частію остаются въ своихъ приходахъ при тепломъ безплатномъ просфорническомъ углѣ и съ вознагражденіемъ отъ церкви или прихода въ 50—70 рублей. Такихъ счастливицъ наблюдается, однако, не много. Но вдовья доля дьяконскихъ и псаломщицкихъ женъ съ дѣтьми не поддается и описанію. Доля ихъ—воистину горькая доля. Въ большей части случаевъ у нихъ, послѣ смерти мужей ихъ, не остается ни имущества цѣннаго, ни денегъ даже на погребеніе покойниковъ ихъ. Въ лучшихъ случаяхъ остается имъ съ дѣтьми пенсія въ 100 руб., а безъ дѣтей въ 30 р. и только. Эмеритура по смерти діаконовъ и псаломщиковъ рѣдко остается женамъ и дѣтямъ ихъ: она ими же самими большею частію выбирается еще до смерти ихъ... Предлагаю консисторіи предписать Попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія не зрѣть на лица вдовъ и сиротъ—іерейскія они или псаломщицкія, при назначеніи имъ пособія отъ Попечительства, не различать ихъ,

если имѣютъ равную нужду и потребность въ пособіи, а дѣлать предпочтенія только больнымъ, увѣчнымъ и недужнымъ предъ здоровыми, круглымъ сиротамъ и ничего неимущимъ предъ имѣющими достаточныхъ близкихъ родственниковъ, не получающихъ ни пенсіи, ни эмеритуры, ни просфорническаго и другого какого-либо пособія предъ пользующимися тѣмъ или другимъ, или третьимъ. Словомъ, Попечительство должно быть строго разборчивымъ при распредѣленіи пособій вдовамъ и сиротамъ духовенства, должно съ милосердіемъ соединять и разсудительность и сколько возможно стараться уравнивать ихъ въ средствахъ жизни. При всемъ однако этомъ, въ виду множества безпріютныхъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ своему существованію, вдовъ и сиротъ діаконскихъ и псаломщицкихъ. Попечительство, при настоящихъ своихъ средствахъ, едва ли можетъ вполнѣ уравнять ихъ въ средствахъ жизни со вдовами и дѣтьми священническими. Посему, желая оказать имъ и съ своей стороны хоть какое-нибудь утѣшеніе и услажденіе горькой доли ихъ, я жертвую въ пользу именно діаконскихъ и псаломщицкихъ вдовъ и сиротъ десять тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы капиталъ сей вѣчно оставался неприкосновеннымъ, а %% съ него ежегодно къ Рождеству и Пасхѣ выдавались вдовамъ и сиротамъ діаконскимъ и псаломщицкимъ, не менѣе пяти рублей каждому лицу, по строгомъ разсмотрѣніи и разсужденіи членами Попечительства нуждъ ищущихъ пособія (Арханг. еп. вѣд. № 7).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 24.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года іюня 11-го дня.

Содержаніе: Можно ли достойному священнику, миновавши монашество, быть возведеннымъ въ санъ епископа?—Алтарный сосудъ для сакраментальныхъ омовеній въ восточной и западной церквахъ (окончаніе).—Какъ вырабатываются народные проповѣдники.—Вниманію пѣвцовъ.

Можно ли достойному священнику, миновавши монашество, быть возведеннымъ въ санъ епископа?

Всероссійскому помѣстному церковному собору, котораго всѣ ожидаютъ съ вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ, предстоитъ высказаться и постановить такія или иныя рѣшенія по весьма и весьма многимъ существенно важнымъ вопросамъ, которые настоятельно предъявляетъ современная жизнь и современное положеніе къ Православной Церкви въ нашемъ отечествѣ. Среди этихъ вопросовъ немаловажное значеніе имѣетъ, между прочимъ, вопросъ реорганизаціи епархіальнаго управленія, которое—нельзя не сознаться—въ настоящемъ своемъ видѣ является далеко несостоятельнымъ.

По проникшимъ въ періодическую печать свѣдѣніямъ о ходѣ и нѣкоторыхъ результатахъ предсоборныхъ совѣщаній, предполагается значительное расширеніе административныхъ правъ митрополитовъ и возможно большее увеличеніе количества викарныхъ архіереевъ, такъ какъ нынѣшніе епархіальные архіереи не имѣютъ физической возможности не только близко знать свою паству, но даже *хотя одинъ разъ за время* своего—иногда долголѣтняго—управленія епархіей посѣтить *всѣ* приходы ея. Получается, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ странное положеніе вещей: высшій руководитель душъ пасомыхъ на пути ихъ къ вѣчному спасенію совершенно почти не знаетъ этихъ пасомыхъ и *руководитъ* ихъ... изъ своего далекаго и уединеннаго кабинета посредствомъ... офиціальныхъ указовъ.

Но при значительномъ расширеніи института викарныхъ архіереевъ не придется ли встрѣтиться съ такимъ неожиданнымъ препятствіемъ, какъ полный недостатокъ достойныхъ правоспособныхъ кандидатовъ. Надо думать, что въ достойныхъ и правоспособныхъ кандидатахъ на архіерейскія каѳедры даже и при настоящемъ положеніи вещей замѣчается довольно ощутительный недостатокъ, вслѣдствіе чего въ послѣднее время весьма не рѣдки случаи возведенія въ епископскій санъ лицъ, иногда значительно моложе 40-лѣтняго возраста. Очевидно, Всероссійскому помѣстному церковному собору придется, попутно съ вопросомъ о расширеніи института викарныхъ архіереевъ,—да даже и независимо отъ него,—рѣшить и вопросъ о томъ, можно ли достойному священнику, миновавши монашество, быть возведеннымъ въ санъ епископа?

Вопросъ этотъ не новъ; много разъ поднимался онъ уже въ нашей періодической печати и вызывалъ самый оживленный обмѣнъ мнѣній. Почти не сходитъ онъ съ ея страницъ и въ настоящее время.—Итакъ, можно ли достойному священнику, миновавши монашество, быть возведеннымъ въ санъ епископа?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, только одинъ: да, можетъ, такъ какъ этого не возбраняли ни Самъ Христосъ Спаситель, ни правила соборныя, ни многовѣковая практика древней Церкви, *допустившая* къ возведенію въ епископскій санъ монашествующихъ только уже въ послѣдующее время. Въ подтвержденіе этого и въ качествѣ матеріала для надлежащаго рѣшенія вопроса приводимъ здѣсь *выборки* или соотвѣтствующія церковно-историческія справки, сдѣланныя еще въ концѣ XVIII вѣка выдающимся ученымъ богословомъ Екатерининскаго времени протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора Петромъ *Алексѣевымъ* [1]), напечатанныя проф. О. М. Бодянскимъ въ *третьей* книгѣ (іюль—сентябрь) „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ за 1867-й годъ (Смѣсь, стр. 17—26).

Выборки подраздѣлены на *три* главы. *Первая* глава: „О священникѣ“. „Священникъ здѣсь,—говоритъ прот. Алексѣевъ,—разумѣется безженный, то-есть, вдовый, хотя нѣкоторые апостолы и преемники апостольскіе чрезъ нѣсколько вѣковъ женатые епископствовали“, а именно:

---

[1]) Протоіерей Московскаго Архангельскаго собора и *катихизаторъ* Московскаго университета Петръ Алексѣевъ (1727–1801) былъ питомецъ Московской духовной академіи. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды бѣлаго духовенства Екатерининскаго времени своимъ глубокимъ богословскимъ образованіемъ и учеными трудами. Онъ былъ членомъ Россійской академіи и нѣсколькихъ ученыхъ обществъ. Памятниками образованности прот. Алексѣева и его ученаго трудолюбія являются: „Церковный словарь“, „Исторія Греко-Россійской Церкви“, „Словарь еретиковъ и раскольниковъ“, изданіе „Исповѣданія Петра Могилы“ съ разными примѣчаніями, переводъ сочиненія Гуго Гроція: „De veritate religionis“, поучительныя слова и рѣчи при разныхъ случаяхъ („Исторія Россійской академіи“, стр. 300 и дал.). „Церковный словарь“, напечатанный въ 1773 г., издавался потомъ, до 1801 г., нѣсколько разъ съ разными дополненіями и передѣлками автора. Съ 1817 г. изданіе этого „Словаря“ передѣлывалось другими лицами (Дм. и П. Соколовыми). Многія сочиненія прот. П. Алексѣева и по сію пору не изданы („Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ при Моск. унив., 1867 г., кн. 3-я, іюль—сентября, Смѣсь, стр. 26, подстр. примѣч.).

У св. ап. Петра, по свидѣтельству евангелистовъ-синоптиковъ, была *теща* (Матѳ. 8, 14; Марк. 1, 30; Лук. 4, 38); слѣдовательно, онъ былъ женатъ.

Также и другіе апостолы были женаты и вмѣстѣ съ женами ходили на проповѣдь евангельскую, какъ это видно изъ 5-го стиха 9-й главы *перваго* посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ апостолъ Павелъ говоритъ: „еда не имамы власти *сестру жену* водити, яко и *прочіи апостоли, и братія Господня, и Кифа*“ (т. е. Петръ)? Тотъ же св. ап. Павелъ пишетъ въ *первомъ* посланіи къ Тимоѳею: „подобаетъ... епископу быти непорочну, *единыя жены мужу..., свой домъ* добрѣ правящу, *чада* имущу въ послушаніи со всякою чистотою“ (3, 2. 4). А что это сказано апостоломъ о епископской женѣ въ подлинномъ, а не въ иносказательномъ смыслѣ, подтвержденіемъ служитъ точно такое же требованіе, предъявляемое нѣсколько ниже по отношенію къ діаконамъ: „діакони да бываютъ *единыя жены мужи, чада* добрѣ правяще и *своя домы*“ (ст. 12). То же говорится и о пресвитерахъ въ посланіи къ Титу, которому св. ап. Павелъ даетъ слѣдующее порученіе: „да... устроиши... пресвитеры..., аще кто есть непороченъ, *единыя жены мужъ, чада* имый вѣрна“ (1, 5. 6).

Пятое правило апостольское дозволяетъ епископамъ имѣть сожитіе съ законными женами. Ѳеодоръ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на это правило замѣчаетъ: „До *шестаго* собора, что въ Труллѣ Палатнѣй, позволялося епископамъ имѣть женъ и по воспріятіи сана святительскаго“.

Сороковое правило апостольское упоминаетъ о *женѣ епископа*, какъ о наслѣдницѣ имущества его послѣ его смерти; а также упоминаетъ о *дѣтяхъ епископа*. Слѣдовательно, епископы были въ то время женаты.

Въ III вѣкѣ бывшій Нильскій епископъ Херимонъ, по свидѣтельству „Исторіи“ Евсевія (кн. 6, гл. 42), въ старости жилъ *съ женою*. Та же „Исторія“ говоритъ (кн. 8, гл. 9) о мученической кончинѣ за исповѣданіе вѣры во Христа *женатаго* Ѳмуйскаго епископа Филея.

На *первомъ* Никейскомъ вселенскомъ соборѣ епископъ Пафнутій *оспорилъ* предложеніе западныхъ епископовъ о безженствѣ епископовъ и прочихъ священнослужителей, т. е. священниковъ и діаконовъ (Сократъ, „Исторія“, кн. 1, гл. 8), и оставлено было каждому на произволеніе, быть ли въ священномъ санѣ *женатымъ*, или безженнымъ.

На томъ же соборѣ присутствовалъ *женатый и имѣвшій дѣтей* Тримиѳунтскій епископъ Спиридоній (Созоменъ, 1, гл 11).

Св. Аѳанасій Великій пишетъ въ своемъ посланіи къ Драконтію, что въ его время нѣкоторые епископы *были женаты и рождали дѣтей.*

Назіанзскій епископъ Григорій *родилъ* Григорія Богослова и брата его Кесарія, уже будучи въ санѣ епископа.

Григорій, епископъ Нисскій, былъ женатый.

Пиктавскій епископъ Иларій также *былъ женатый.*

Св. Іоаннъ Златоустъ, въ толкованіи 6-го стиха 1-й главы посланія св. ап. Павла къ Титу, утверждаетъ, что и *женатому* можно взойти на епископскій престолъ.

Птолемаидскій епископъ Синезій удержалъ при себѣ *свою законную жену* до конца жизни, основываясь на словахъ Свящ. Писанія: „яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“.

Пресвитеръ Константинопольскій Геннадій 13 лѣтъ и 2 мѣсяца былъ *патріархомъ* Константинопольскимъ (посвященъ въ 458 г.).

Акакій, бывшій Константинопольскимъ *патріархомъ* 17 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, до возведенія въ санъ патріарха былъ *бѣлымъ пресвитеромъ*-сиропитателемъ.

Ѳпифаній былъ возведенъ въ санъ Константинопольскаго *патріарха* (при царѣ Юстиніанѣ) *прямо изъ пресвитеровъ.*

Прямо изъ пресвитеровъ былъ возведенъ въ санъ *патріарха* Константинопольскаго и Мина (былъ патріархомъ 16 лѣтъ).

Іоаннъ III былъ возведенъ въ санъ *патріарха* Константинопольскаго изъ *пресвитеровъ* Антіохійскихъ (былъ патріархомъ 16 лѣтъ).

Іоаннъ IV былъ возведенъ въ санъ *патріарха* Константинопольскаго изъ *діаконовъ* (посвященъ въ 582 г.).

Киріакъ былъ возведенъ въ санъ *патріарха* Константинопольскаго изъ *пресвитеровъ* (посвященъ въ 596 г.).

Ѳома былъ возведенъ въ санъ Константинопольскаго *патріарха* изъ *діаконовъ* (посвященъ въ 606 г.).

Сергій былъ возведенъ въ санъ Константинопольскаго *патріарха* также изъ діаконовъ (посвященъ въ 609 г.).

Указанный обычай возведенія въ санъ епископа лицъ изъ бѣлаго духовенства, при чемъ епископъ могъ жить съ своею женою супружескою жизнію и послѣ возведенія въ святительскій санъ, существовалъ на Востокѣ, какъ видно изъ „Тричастной Исторіи“ (кн. 9, гл. 38), въ теченіе первыхъ *семи* вѣковъ. И отцы *пято-шестого* Трулльскаго собора, бывшаго въ 680 г., свидѣтельствуютъ въ правилѣ 12-мъ, что въ ихъ время африканскіе, ливійскіе и нѣкоторые другіе епископы, съ возведеніемъ въ епископскій санъ, не разлучались съ своими законными женами. Но Трулльскій соборъ счелъ нужнымъ уже запретить епископамъ сожитіе съ супругами, „дабы не подать соблазна о себѣ немощнымъ совѣстямъ“; при этомъ повелѣвается имъ своихъ женъ или постригать въ отдаленныхъ отъ пребыванія епископа монастыряхъ и содержать ихъ „нужными потребами отъ себя“, или же возводить въ діакониссы (прав. 48-ое Трулльскаго соб.). И примѣръ этого мы видимъ въ XIV в. на Константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ, который прямо изъ логоѳетовъ былъ возведенъ въ 1316 г. въ санъ вселенскаго патріарха на мѣсто Нифонта, низложеннаго за святотатство и разныя другія беззаконія; жена Іоанна Глика, тотчасъ же по возведеніи мужа въ санъ патріарха, была пострижена въ монастырѣ (Каве, XIV в. подъ 1316 г.). Подобный же при-

мѣръ, хотя нѣсколько и при иныхъ обстоятельствахъ, представляетъ намъ и исторія нашей отечественной Церкви: когда Филаретъ (въ мірѣ Ѳеодоръ) Никитичъ Романовъ былъ насильно постриженъ въ монашество и посвященъ въ санъ митрополита, то жена его Марѳа Ивановна первоначально жила въ Костромѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, родоначальникомъ нынѣ благополучно Царствующаго Дома, а по возведеніи мужа на патріаршій престолъ добровольно постриглась въ монастырѣ...

Такимъ образомъ, только съ конца VII вѣка Церковь сочла *пристойнымъ епископамъ быть безженнымъ*, такъ какъ супружеское сожительство требуетъ многихъ мірскихъ попеченій, отвлекающихъ епископа отъ прямыхъ и существенныхъ его обязанностей по святительскому сану. Церковное установленіе это ни причиняло Церкви никакого вреда или неудобства, потому что епископовъ въ общей сложности не много, притомъ же они возводятся въ святительскій санъ въ довольно пожилыхъ лѣтахъ.

—

Во *второй* главѣ—„Объ епископѣ“—прот. Алексѣевъ говоритъ: „епископъ, то-есть, надзиратель, а съ латинскаго языка суперъ-интендентъ, въ двоякомъ смыслѣ берется: 1) по ученію апостольскому, 2) по церковному обыкновенію. По первому, епископъ и пресвитеръ за едино почитался, а по второму значенію онъ есть начальникъ всему духовенству въ своей епархіи“. Оставляя совершенно въ сторонѣ *второе* „значеніе епископа“, которое „нынѣ дѣйствительно употребляется“, а потому „и не требуетъ объясненія“, прот. Алексѣевъ приводитъ слѣдующія *шесть* „доказательствъ“ изъ Свящ. Писанія касательно *перваго* „значенія епископа“:

1) Дѣянія Апостольскія, гл. 20, ст. 17, 28.

2) Посланіе св. ап. Павла къ Филиппійцамъ, гл. 1, ст. 1: „съ епископы и діаконы“.

3) 1-ое посланіе св. ап. Павла къ Тимоѳею, гл. 3: когда апостолъ преподалъ (отъ ст. 2 до ст. 8) заповѣди епископамъ и непосредственно затѣмъ перешелъ къ діаконамъ, не упоминая отдѣльно о пресвитерахъ.

4) Изъ 14-го стиха 4-й главы того же посланія видно, что священники возлагали руки на епископовъ.

5) 5-й стихъ 1-й главы посланія къ Титу.—Св. ап. Павелъ, оставивши Тита въ Критѣ, чтобы онъ поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, и указавши, какими они должны быть („аще кто есть непороченъ"), продолжаетъ затѣмъ рѣчь свою: „подобаетъ бо епископу безъ порока быти" и пр.

6) Св. ап. Петръ въ 1-мъ стихѣ 5-й главы своего *перваго* посланія говоритъ къ пресвитерамъ и называетъ ихъ, соотвѣтственно значенію слова, *старцами*, т. е. *старшими*, или *старшинами*; но во второмъ и третьемъ стихахъ предписываетъ имъ обязанности епископскія.

То же самое подтверждаетъ Ѳеодоритъ въ толкованіи на 1-ое посланіе къ Тимоѳею, гл. 3.

Св. Іоаннъ Златоустъ оба имени—*епископъ* и *пресвитеръ*—считаетъ общими во времена апостольскія (см. Бес. на 1-ое послоніе къ Филиппійцамъ).

Вполнѣ согласны съ нимъ: мученикъ Максимъ, Ѳеофилактъ, Икуменій и Амвросій.

То же самое доказываетъ блаж. Іеронимъ въ посланіи на приведенныя выше апостольскія свидѣтельства, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на св. ап. и еванг. Іоанна Богослова, называющагося въ посланіяхъ своихъ *пресвитеромъ*, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ *старецъ*.

Послѣ временъ апостольскихъ одного изъ пресвитеровъ—*достойнѣйшаго*—стали избирать въ начальники, для предохраненія отъ расколовъ, чтобы каждый пресвитеръ, отвлекая къ себѣ Церковь Христову, не производилъ въ ней раздѣленія.

Въ Александріи, начиная отъ св. евангелиста Марка и до временъ Иракла и Діонисія, наблюдался такой порядокъ: пресвитеры, избравши *изъ своей среды одного достойнаго, посаждали его на высшемъ съдалищѣ и называли епископомъ*. „Такъ какъ,—замѣчаетъ по этому поводу блаж. Іеронимъ,—и діаконы избирали способнѣйшаго во архидіакона, для того апостолъ (Павелъ), пиша къ Титу и Тимоѳею о производствѣ епископа и діакона, преминовалъ пресвитера, что онъ заключается подъ именемъ епископа, который отъ пресвитера разнствуетъ точно посвященіемъ другихъ".

—

Въ *третьей* главѣ прот. Алексѣевъ приводитъ рядъ церковно-историческихъ справокъ *о монашествѣ* и выводитъ общее заключеніе по вопросу о томъ, можно ли достойному священнику, миновавши монашество, быть возведеннымъ въ санъ епископа.

„Желающему знать: когда и отъ кого, какимъ образомъ, для чего и гдѣ чинъ монашескій установленъ, тако жь по какой причинѣ монастыри начало свое воспріяли, можно видѣть во *Объявленіи*, данномъ Святѣйшему Синоду при именномъ Указѣ высокославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, генваря 31-го дня, 1724 года, которое къ манифесту припечатано и обнародовано въ 1762-мъ году".

Сверхъ того, изъ церковной исторіи извѣстно, что *въ первые три* вѣка *прямого монашества* не было въ Церкви христіанской (Илія Дупинъ—Dupin, „Вивліоѳика писателей церковныхъ", прилож. къ 5-му тому, стр. 25).

По свидѣтельству св. Іоанна Златоуста (бес. 25-я на посланіе къ Евреямъ) во времена апостольскія не видно и „слѣдовъ монашескаго житія". „А хотя св. Епифаній,—говоритъ прот. Алексѣевъ,—Маркіона еретика именуетъ *монашествующимъ* („Ересь маркіонитовъ"), но чрезъ то означается только *уединенная жизнь* Маркіонова, а не монашество,

въ собственномъ смыслѣ взятое. Такимъ образомъ преводитель Библіи Симмахъ въ псалмѣ 67 стихѣ 6-мъ положилъ реченіе *монахи* вмѣсто *единомысленныхъ*".

Первые дѣйствительные монахи появились только въ IV вѣкѣ. Удивляясь подвигамъ преп. Павла Ѳивейскаго, возлюбившаго въ 251-мъ году пустынную жизнь, а также преп. Антонія (въ 270 г.), преп. Аммона, построившаго въ 304 году въ Нитрійской горѣ *первую киновію,* преп. Пахомія, „правилу монашескому начальника и монастырю Тавинійскому въ 325 году строителя", и другихъ преподобныхъ отцовъ, нѣкоторые стали подражать ихъ пустынному житію. Примѣру ихъ послѣдовали такъ называемые отшельники, пустынники, молчальники, затворники, скитники, пещерники, столпники,— и такимъ образомъ возникли *общежительные монастыри*. Когда, съ теченіемъ времени, увеличилось число разнаго рода монашествующихъ, умножилось, какъ это видно изъ *отечниковъ* и подобныхъ имъ *старческихъ книгъ*, и разныя правила и монашескія уставы.

Однако, монахи долгое время совсѣмъ не были причастны къ священнослужительскимъ степенямъ, а имѣли у себя въ обителяхъ, для совершенія службъ церковныхъ, священниковъ изъ бѣлаго духовенства. Наконецъ, епископы, „мучимые частою просьбою о произвожденіи въ монастыри особливыхъ священниковъ на мѣсто умершихъ, или по другимъ причинамъ выбывшихъ, *позволили* имъ избрать между собою достойныхъ священства монаховъ и прислать къ себѣ съ свидѣтельствомъ для посвященія" (Іосифъ Бингамъ, „О начал. церковн.", кн. 7).

Первымъ изъ монашествующихъ былъ хиротонисанъ во священника, *въ V вѣкѣ*, преп. Савва, строитель Великой Лавры, что близъ Іерусалима, вслѣдствіе чего *первый* и получилъ названіе *Освященный* („Истор. церк.", гл. 3, отд. 13).

Въ виду того, что „въ Церкви Восточной,—говорится въ *Объявленіи*, данномъ св. Синоду при именномъ указѣ имп.

Петра Великаго отъ 31-го генваря 1724-го года,—часъ отъ часу *усилвался* чинъ монашескій, то подошли нѣкоторые ханжи къ царямъ греческимъ, а паче къ царицамъ, выпросили себѣ мѣста для строенія монастырей въ городахъ на коштъ государственный, гдѣ для мнимой святыни пріобрѣли себѣ чрезвычайное при дворѣ и у простого народа почтеніе". Затѣмъ они постепенно и незамѣтно, по свидѣтельству „Всеобщей исторіи" Мехегана, „захватили къ себѣ въ руки лучшія епархіи, и мало-по-малу *исключили бѣлое священство отъ сана епископскаго, ему по всѣмъ правамъ принадлежащаго*".

Такимъ образомъ на Востокѣ вошло въ обычай избирать и возводить въ санъ епископа „изъ отрекшихся міра людей, съ тѣмъ упованіемъ, что они, ничѣмъ свѣтскимъ не занимаяся, будутъ единственно упражняться въ богомысліи, въ ученіи, въ священнослуженіи и прочихъ, духовнымъ пастырямъ приличныхъ, дѣлахъ; что, не имѣючи своего семейства, не станутъ копить денегъ, а имѣютъ быть щедроподатливѣе къ нищимъ, безъ сребролюбія, правосуднѣе, безъ лицепріятія; что, вседушно прилежа къ Церкви, не будутъ мѣшаться въ государственныя и политическія дѣла". Но „сіе учрежденіе всегда ли и точно ли было исполняемо", прот. Алексѣевъ отсылаетъ интересующихся „справиться у *Монтескю* въ книгѣ *О великости и упадкѣ римлянъ*".

Несмотря, однако, на установившійся обычай, „не осмѣлилися ни на одномъ соборѣ издать такого правила, по которому бы запрещалося производить епископа изъ бѣлаго священства. Ибо сіе было бы въ противность Слову Божію". Напротивъ, изъ церковной исторіи извѣстно, что даже сожительство со *второю* женою не мѣшало возведенію въ санъ епископа въ первые вѣка христіанства. Такъ, Картеній, епископъ Испаніи, былъ женатъ *вторымъ* бракомъ (первая жена Картерія умерла еще до принятія имъ христіанства, а на *второй* онъ женился уже послѣ своего крещенія), и блаж. Іеронимъ, въ своемъ „Посланіи къ Оксану о двоеженцѣ

епископѣ“ дѣлаетъ сильное возраженіе тѣмъ, которые не хотѣли имѣть Картерія, какъ двоеженца, своимъ епископомъ.

Въ заключеніе прот. Алексѣевъ приводитъ двѣ справки, изъ которыхъ яко бы вытекаетъ, что „*архіерейство*“ даже „*не совмѣстно съ прямымъ монашествомъ*“.

Первая справка.—Во *второмъ* правилѣ собора, бывшаго при Константинопольскомъ патріархѣ Фотіи (правило это напечатано и въ „Кормчей книгѣ“) Матоей Властарій (л. 201, сост. Е.) говоритъ: „Не попущено архіереемъ, иноческое возложившимъ одѣяніе, архіерейства паки держатися. Покаянія бо иноческое житіе обѣтъ и умиленія всегдашняго подлогъ. Иже убо о меньшемъ архіерейское величество иноческаго положше смиренія, и учительскаго сана кающихся и учимыхъ чинъ предразсудивше, како убо суть достойни ко оному паки возвратитися, еже дѣлесы отвергошася? Яко ниже во иноческую одежду одѣянный архіерей, таже великій и ангельскій подшедъ образъ, къ тому священства держатися можетъ. Аще бо малый образъ, еже обрученіе совершеннаго есть, можетъ уставити, рекше отъяти архіерейство, много же паче совершенное постриженіе“ [1]).

Вторая справка.—Гервасій въ житіи св. Мартина утверждаетъ, что „*монахи исключены суть отъ чиновъ и достоинствъ церковныхъ*“.

На основаніи, главнымъ образомъ, послѣднихъ двухъ справокъ прот. Алексѣевъ приходитъ къ такому натянутому и уже крайнему заключенію, что „*монашество не только не есть нужная надлежность къ полученію архіерейскаго сана, но и препятствуетъ*“. Но собственно всѣ сведенныя имъ справки имѣютъ нѣсколько иную цѣль. „Оставимъ,—говоритъ онъ,—не только двоеженцевъ, но и женатыхъ первымъ бракомъ; *на первый случай* вдовымъ священникамъ благоговѣйнымъ и имѣющимъ тѣ качества, которыхъ св. ап. Павелъ

[1]) Точный переводъ и толкованіе 2-го правила собора 879 г. см. у еписк. Іоанна Смоленскаго: „О монашествѣ епископовъ“, стр. 33–37.

требуетъ отъ епископа, можно производимымъ быть въ чинъ святительскій, миновавъ монашество, по примѣру первенствующія Церкви Христовы. *На первый случай* сказано для того, дабы не показалося простому народу дико увидѣть вдругъ архіерея, живущаго съ женою по закону, хотя въ томъ нѣтъ грѣха. Ибо они больше взираютъ на наружность и ослѣпляются мнимою святынею, нежели исполненіемъ существенныя должности, думая вообще о христіанахъ, что, въ мірѣ живучи, не можно никому спастися, которое, однако, мнѣніе опровергаютъ древніе учители церковные и святостію прославленные мужи. Оно произошло отъ пустосвята Евстаѳія, и предано анаѳемѣ на соборѣ Гангрскомъ. Возведеніе въ санъ епископа однихъ монашествующихъ лицъ есть только *обычай*, установившійся въ Греко-восточной Церкви съ конца VII вѣка и перешедшій къ намъ въ Россію въ концѣ X вѣка, съ принятіемъ нашими предками христіанства. Обычай же не есть догматъ вѣры. Слѣдовательно, какъ бы старъ ни былъ, подлежитъ перемѣнѣ, для пользы Церкви и государства, чему безчисленные имѣются примѣры въ церковной исторіи".

Алтарный сосудъ для сакраментальныхъ омовеній въ восточной и западной церквахъ (θάλασσα, θαλασσίδιον, mare, piscine).

(Окончаніе [1]).

Въ дополненіе къ статьѣ о мѣстѣ священныхъ омовеній въ древнихъ христіанскихъ храмахъ считаемъ нужнымъ сообщить о данныхъ по настоящему предмету, собранныхъ нами лично въ древнѣйшихъ кіевскихъ храмахъ. Ни въ одномъ изъ этихъ храмовъ (св. Софіи, Лаврскихъ—Великой

[1]) См. № 23 за 1906 г.

соборной, малой Іоанно-Предтеченской и Св.-Троицкой, что̀ надъ св. воротами Лавры, Спасской на Берестовѣ и соборной въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ) не видно приспособленій въ престолахъ или у престоловъ для ѳалассидія, тѣмъ болѣе, что и престолы этихъ храмовъ легче подвергались разрушенію и передѣлкѣ, чѣмъ стѣны храмовъ. Правда, въ главномъ престолѣ великой Лаврской церкви съ восточной стороны существуетъ впадина въ формѣ глубокой ниши; такая же впадина-ниша была и въ недавно разобранномъ каменномъ престолѣ соборнаго храма въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ (о чемъ сказано будетъ ниже); но это углубленіе не могло быть назначено для ѳалассидія. Въ немъ не видно и слѣдовъ какихъ-либо приспособленій для пріема и стока воды. Можетъ быть, оно служило для храненія священныхъ веществъ, потребныхъ лишь въ извѣстное время,, напр. св. мира, св. воды и др.

Ѳалассидій въ этихъ храмахъ нашелъ себѣ мѣсто въ боковыхъ отдѣленіяхъ или въ боковыхъ стѣнахъ алтаря. Въ *Кіево-Софійскомъ соборѣ*, основанномъ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1036 г., казалось, всего скорѣе можно было найти разрѣшеніе вопроса о мѣстѣ нахожденія ѳалассидія. Кіевская св. Софія, по мысли строителя, должна была быть подобіемъ славной Софіи Цареградской. Однако сличеніе той и другой въ настоящее время показываетъ многія существенныя различія. Ѳалассидій, какъ мѣсто для сливанія воды послѣ литургическихъ омовеній, сохранился еще и теперь въ древнемъ діакониконѣ, посвященномъ во имя св. праведныхъ Іоакима и Анны, служащемъ правымъ боковымъ отдѣленіемъ главнаго алтаря. Въ правомъ концѣ абсида этого отдѣленія, въ углу находится сдѣланный изъ кирпича столбъ, высотою въ $1^1/_4$ арш. и шириною въ $^3/_4$ арш. Спереди онъ закругленъ, такъ что представляетъ собою связь между концомъ абсидной дуги и послѣдующей стѣной. Посредѝнѣ его существуетъ искусственно сдѣланное вертикальное воронкообразное углубленіе, въ $^1/_4$ арш. въ

діаметрѣ. Оно идетъ глубоко въ землю, такъ что жидкость, вылитая въ него, скрывается въ почвѣ подъ поломъ. Сверху въ стѣнѣ остался лишь желѣзный крючекъ, на которомъ, вѣроятно, прежде висѣлъ умывальникъ. Еще и теперь изрѣдка выливаютъ туда св. воду, напр., въ случаѣ излишества въ ней. Былъ прежде здѣсь съ другой стороны алтаря и второй такой же короткій столбъ съ вертикальнымъ круглымъ отверстіемъ, шедшимъ подъ полъ и имѣвшимъ такое же назначеніе. Онъ находился въ лѣвомъ отдѣленіи алтаря, гдѣ стоитъ жертвенникъ,—въ углу между алтарнымъ столбомъ и стѣною алтаря, вправо отъ входа въ алтарь. Въ настоящее время его нѣтъ. Его замѣняетъ умывальница, поставленная въ противоположной сторонѣ этого отдѣленія, при входѣ въ сосѣдній алтарь Трехъ Святителей. Эта умывальница снизу представляетъ деревянный шкафъ съ дверцами и полочкой для помѣщенія блюдъ и полотенецъ, а сверху имѣетъ широкое мѣдное никкелированное полое дно съ отверстіемъ для стока воды внизъ. Впрочемъ вода теперь сливается просто въ тазъ, поставленный поверхъ этого дна. Выше надъ нимъ виситъ никкелированный рукомойникъ, а за нимъ имѣется большое зеркало. Здѣсь дѣлаются всѣ омовенія рукъ и передъ литургіей и послѣ оной священнослужащими. Вода отсюда выливается потомъ подъ дерево на церковномъ дворѣ.

Есть еще ѳалассидій въ одномъ изъ придѣловъ Кіевской св. Софіи, именно въ *придѣлѣ Св. Николая Мокраго* на хорахъ, съ лѣвой стороны, надъ престоломъ Трехъ Святителей (устроеннымъ внизу рядомъ съ отдѣленіемъ для жертвенника). Онъ одинаковой формы съ тѣмъ, который находится въ діакониконѣ внизу, а именно, представляетъ столбъ, сдѣланный изъ кирпича, высотою въ 1 арш., шириною въ $^3/_4$ арш., съ воронкообразнымъ идущимъ вглубь отверстіемъ посрединѣ въ $^1/_4$ арш. въ діаметрѣ. Вода, вылитая въ отверстіе ѳалассидія, гдѣ-то скрывалась; дно ѳалассидія вездѣ твердое, каменное; только въ одномъ мѣстѣ прямо противъ

отверстія, оно мягко и, повидимому, было шедшимъ въ низъ каналомъ, засыпаннымъ въ позднѣйшее время землею.

Въ *Великой соборной церкви Кіево-Печерской Лавры* (заложенной въ 1073 г. и освященной въ 1089 г.) мѣсто для омовеній священнослужителей находится въ лѣвомъ отдѣленіи алтаря для жертвенника. Но оно устроено въ капитальной стѣнѣ съ лѣвой стороны (при входѣ въ алтарь св. Стефана) въ видѣ удлиненной и закругленной кверху глубокой ниши. Эта ниша имѣетъ приблизительно $1^1/_2$ арш. выс. и $^3/_4$ арш. широты и глубины. Посрединѣ ея есть полое металлическое дно, а вверху виситъ рукомойникъ. Въ глубинѣ дна видны слѣды отверстія, нынѣ задѣланнаго, а прежде, конечно, соединявшагося съ шедшимъ въ глубь каналомъ для стока воды внизъ подъ полъ. Впрочемъ, въ настоящее время вода послѣ омовенія священнослужителей остается въ тазѣ, поставленномъ на днѣ ниши подъ рукомойникомъ. Изъ таза вода выливается не въ храмѣ, а внѣ его, въ особое углубленіе, находящееся на дворѣ, съ сѣверной стороны Великой церкви, противъ входа въ придѣлъ св. Стефана первомуч. Углубленіе это закрыто сверху круглой деревянной крышкой.— Что касается главнаго престола Великой лаврской церкви, то онъ каменный; вслѣдствіе поднятія церковнаго пола, при устройствѣ калориферная отопленія (при высокопреосв. м. Платонѣ), главный престолъ церкви былъ надстроенъ сверху на $^1/_4$ арш. и удлиненъ къ востоку на $^1/_2$ аршина (приблизительно). Въ каменной кладкѣ престола съ восточной стороны есть углубленіе въ видѣ ниши въ 1 арш. выс., $^3/_4$ арш. шир. и 1 арш. глубины (приблиз.). Древній каменный остовъ престола нынѣ обложенъ металлическими (серебряными, вызолоченными) досками съ рельефными на нихъ изображеніями; противъ ниши же въ восточной части престола сдѣланы въ металлической обшивкѣ просторныя дверцы, открывъ которыя, можно видѣть вдали, за удлиненіемъ престола, каменную нишу.

Въ сѣверо-западномъ углу Великой лаврской церкви находится *малая церковь св. Іоанна Предтечи*, устроенная почти въ одно время съ Великою церковью въ память боярина Іоанна сыномъ его Захаріей, при пятомъ Печерскомъ игуменѣ Іоаннѣ, въ концѣ XI в. Хотя она въ позднѣйшее время, съ устройствомъ придѣла св. Стефана, вошла въ составъ Великой церкви, но внутри сохранила почти первобытный видъ. Престолъ въ ней кирпичный, но безъ восточнаго углубленія. Мѣста для омовеній и стока воды внизъ нѣтъ, но въ капитальной алтарной стѣнѣ слѣва есть двѣ не одинаковыхъ по размѣрамъ ниши, изъ которыхъ одна, кажется, была для жаровни, а другая, можетъ быть, для сосудовъ съ водою и др. Канала для стока воды внизъ не видно.

Замѣчательно, что такая же ниша для омовеній служащихъ, какъ въ Великой лаврской церкви, сохранилась въ третьей древнѣйшей церкви Лавры, *устроенной надъ св. воротами и посвященной въ честь Св. Троицы.* Она устроена лишь нѣсколькими годами позже Великой церкви, какъ думаютъ, Святославомъ или Николою Святошею, княземъ Черниговскимъ, постригшимся и служившимъ здѣсь привратникомъ, въ началѣ XII в. Церковь эта и понынѣ сохранилась въ своемъ первобытномъ видѣ, за исключеніемъ позднѣйшихъ придѣлокъ къ сѣверной и западной наружнымъ стѣнамъ ворота и купола. Престолъ въ алтарѣ каменный, но безъ восточнаго углубленія. Въ лѣвой стѣнѣ алтаря, непосредственно за сѣверными боковыми дверями, имѣется продолговатое углубленіе, какъ и въ Великой церкви, съ новымъ металлическимъ дномъ и отверстіемъ посерединѣ для стока воды внизъ; вѣроятно, она также какъ и на хорахъ Софійскаго собора, стекала по каналу въ стѣнѣ къ ея основанію и потомъ растворялась въ почвѣ.

Въ *церкви Спаса на Берестовѣ,* которая по времени основанія, при св. Владимірѣ, въ началѣ XI в., считается

древнѣе не только Кіево-Печерскихъ храмовъ, но и св. Софіи, къ сожалѣнію, сохранилось далеко не все въ первобытномъ видѣ; въ томъ числѣ и алтарь относится къ болѣе позднему времени. Въ послѣднемъ мы не нашли никакихъ приспособленій для ѳалассидія. Престолъ, возвышающійся надъ алтарнымъ поломъ на двѣ ступени, деревянный или, можетъ быть, и каменный, но обложенный сплошь вокругъ деревянными досками. Жертвенникъ устроенъ въ стѣнной нишѣ (чего нѣтъ ни въ одной изъ древнихъ кіевскихъ церквей), и при томъ на такой высотѣ, что священнослужителю приходится подыматься къ нему по тремъ ступенямъ. Для омовеній священнослужителей въ пономарнѣ поставлена самая обыкновенная, простая умывальница.

Наконецъ, въ *соборной церкви Златоверхо-Михайловскаго монастыря*, относящейся, по времени основанія (въ началѣ XII в., при вел. кн Святополкѣ-Михаилѣ, внукѣ Ярослава Мудраго), также къ первымъ временамъ христіанства на Руси, мы не нашли теперь слѣдовъ ѳалассидія, но зато встрѣтились съ нѣкоторыми интересными данными и преданіями [1]). Такъ, главный престолъ собора до послѣдняго времени былъ каменный, и только недавно, въ настоятельство преосв. Сергія, епископа Уманскаго (потомъ Псковскаго и архіеп. Ярославскаго), разобранъ и замѣненъ новымъ, деревяннымъ. Старинный престолъ былъ выложенъ изъ кирпича и построенъ просто на почвенномъ грунтѣ, безъ фундамента. Въ восточной сторонѣ престола было нишеобразное углубленіе. При разборѣ престола въ этомъ углубленіи ничего не оказалось, кромѣ полуистлѣвшей отъ давняго времени толстой свѣчи и бумажныхъ свертковъ съ волосами, можетъ быть, ставленниковъ или постриженниковъ въ монашество. Существовалъ здѣсь прежде и ѳалассидій, такъ же какъ и въ Софійскомъ соборѣ въ видѣ кирпичнаго столба, съ отверстіемъ

[1]) Пользуемся здѣсь сообщеніями почтенныхъ старцевъ изъ братіи монастыря: архимандрита Митрофана, іеромонаховъ Саввы и Іосифа.

вверху и каналомъ для стока воды подъ полъ. Онъ стоялъ въ отдѣленіи для жертвенника, въ углу главнаго алтарнаго столба, при входѣ въ алтарь. Уничтоженъ былъ въ настоятельство преосв. Порфирія, епископа Чигиринскаго, лѣтъ ок. 30 тому назадъ. На его мѣстѣ теперь стоитъ обыкновенная умывальница съ тазомъ, рукомойникомъ и зеркаломъ. Воду послѣ омовеній выливаютъ не просто на дворъ, а въ особое приличное мѣсто въ юго-западной части монастырскаго двора.

Повсюду приходилось намъ слышать одинаковое объясненіе происшедшихъ перемѣнъ въ устройствѣ мѣста для омовеній. Вода, выливаемая прямо подъ полъ церкви, способствуетъ, говорятъ, распространенію сырости по стѣнамъ. При томъ каналы для стока воды подъ полъ не могли быть сохранены при работахъ по устройству калориферная отопленія. *П. Петрушевскій.*

Какъ вырабатываются народные проповѣдники.

Въ Тверскихъ еп. Вѣдомостяхъ печатаются интересныя автобіографическія записки извѣстнаго пастыря-проповѣдника прот. Тверской Владимірской ц. *В. Ѳ. Владиславлева.*

Особеннаго вниманія заслуживаетъ его разсказъ о томъ, какъ онъ началъ свою проповѣдническую дѣятельность и какія мѣры употреблялъ къ тому, чтобы сдѣлать свою проповѣдь сколько возможно болѣе понятною и назидательною для народа. В. Ѳ. Владиславлевъ рано началъ говорить проповѣди. Ему было 17—18 лѣтъ, когда, выслушавъ семинарскія правила церковнаго краснорѣчія, онъ—еще семинаристъ—обратилъ ихъ въ дѣло и сказалъ на масляной недѣлѣ первую проповѣдь въ деревенской церкви, гдѣ служилъ священникомъ его отецъ [1]). За первою удачною проповѣдью послѣдо-

[1]) Семинарскій и академическій періодъ жизни В. Ѳ. Владиславлева падаетъ на конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

вали другія. Проповѣдникъ, какъ видно, тщательно составлялъ ихъ, писалъ въ тетрадку и по тетрадкѣ говорилъ. „Крестьяне слушали; можетъ быть, многаго они не понимали; можетъ быть, рѣчь моя“, вспоминаетъ проповѣдникъ, „писанная для ихъ уха, непривычнаго къ чтенію, странна была; но уже была польза та, что крестьяне пріучались видѣть на амвонѣ проповѣдника, что проповѣдь была для нихъ уже не въ диковинку. А между тѣмъ, были такіе изъ крестьянъ, которые по какому-то чутью понимали смыслъ моихъ поученій“ (см. № 10 Твер. еп. Вѣд.). Желаніе стать вполнѣ понятнымъ народу, заставляетъ В. О. Владиславлева оставить мудреную школьную манеру писанія проповѣдей и замѣнить ее болѣе простою и болѣе доступною для пониманія крестьянъ. Первая проповѣдь въ новомъ направленіи составлена была и пріурочена къ Великой субботѣ. Она написана была самымъ простымъ, крестьянскимъ языкомъ. „Темою для проповѣди взялъ я“, разсказываетъ В. О.,—„сказать крестьянамъ, что они очень дурно дѣлаютъ, когда Свѣтлый праздникъ проводятъ въ пьянствѣ и развратѣ. Здѣсь я описалъ вѣрно и точно нѣсколько мѣстныхъ дурныхъ обычаевъ. Написавши проповѣдь, я прочиталъ ее матушкѣ, которая не знала грамотѣ, хотя была очень религіозная женщина. Матушка поняла проповѣдь, и говоритъ мнѣ: „Ну, Вася, вотъ это такъ проповѣдь! Ее всю помнишь. А то все слушаешь—хорошо; а кончишь ты говорить — ничего не запомнишь“. Когда проповѣдь была сказана, она произвела на крестьянъ замѣтное дѣйствіе. Крестьяне, по обычаю, зашли въ Свѣтлый день послѣ обѣдни къ батюшкѣ (такъ какъ помѣщиковъ нѣтъ въ селѣ, и крестьяне—экономическіе) поздравить съ праздникомъ. Батюшка заготовилъ, по обычаю, вина и нѣсколько ведеръ пива. Послѣ пасхальнаго молебна батюшка поручилъ мнѣ угощать крестьянъ. Я сталъ подносить водки; гляжу—одинъ не пьетъ, другой отнѣкивается, третій чешетъ въ затылкѣ, а за рюмку не берется. — „Что это значитъ, православные? спросилъ батюшка: что жъ вы не пьете? Слава

Богу! вотъ Господь сподобилъ дождаться Свѣтлаго дня—можно выпить". — Да, звонъ что въ церкви-то говорили, сказалъ одинъ крестьянинъ, почесывая въ затылкѣ: звонъ какъ Богъ гнѣвается на тѣхъ, кто пьянствуетъ въ эти дни: — Да то пьянствовать грѣхъ въ эти дни, сказалъ я: а по рюмочкѣ выпить послѣ такого поста не грѣшно.—Да, поди ты? Начнешь-то съ одной, а кончишь-то десяткомъ либо двумя; анъ глядишь—и будешь пьянъ.—Выпейте, выпейте православные! сказалъ батюшка: и я съ вами выпью. Ну, вотъ видите,—поздравляю васъ всѣхъ съ праздникомъ.

Батюшка выпилъ; за нимъ выпили нѣкоторые изъ крестьянъ, но замѣтно было, что водки вышло гораздо меньше, нежели сколько выходило въ другіе годы" [1]).

Начавши говорить понятнымъ народу языкомъ, проповѣдникъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что надо оставить и другую старую манеру—записывать мысли на бумагѣ и произносить проповѣдь по тетрадкѣ. Содержаніемъ поученій молодой проповѣдникъ бралъ или выясненіе воскреснаго и праздничнаго апостола и евангелія, или краткое толкованіе церковной службы: объяснялъ, напр., просительную ектенью: „дне всего совершенна..." и проч. При раскрытіи мыслей „я", говоритъ В. О., „избѣгалъ краснорѣчія, не употреблялъ даже текстовъ или выраженій славянскихъ; не приводилъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной исторіи, потому что вполнѣ увѣренъ былъ, что на эти простыя сердца, для которыхъ совершенно неизвѣстны были ни Адамъ, ни Авраамъ, ни Ной, можно дѣйствовать съ бо́льшею пользою примѣрами, заимствованными изъ ихъ жизни или изъ жизни св. подвижниковъ. А между тѣмъ, по временамъ разсказывалъ, какъ сотворилъ Богъ міръ, какъ сотворилъ человѣка; какъ согрѣшилъ человѣкъ; какъ Отецъ Небесный послалъ Единороднаго Сына Своего въ міръ для спасенія насъ грѣшныхъ. Крестья-

[1]) Не забудемъ, что дѣло происходило въ старинные годы, когда житейскія отношенія были весьма просты и незатѣйливы.

не умилялись духомъ, стояли около налоя съ лицами любопытствующими, не смѣли духа перевести, когда я говорилъ. Такъ я дѣлалъ не только въ то время, когда учился въ семинаріи, но и въ то, когда уже былъ въ академіи".

Доступная пониманію проповѣдь привлекла къ молодому проповѣднику большую симпатію со стороны народа. „Когда нужно было везти меня въ академію", вспоминаетъ В. Ѳ. Владиславлевъ, „и крестьяне прослышали, что меня куда-то отсылаютъ, они пришли къ батюшкѣ и просили, чтобы онъ сдалъ мнѣ свое мѣсто". При этомъ произошелъ такой разговоръ.—„Мы ужъ вотъ какъ станемъ его любить", говорили крестьяне.—„Ишь вы, ребята, небось—не дураки! Нѣтъ, не отдамъ я его вамъ. Дочь моя вотъ, пожалуй останется вамъ на память обо мнѣ", говорилъ батюшка.—„Намъ бы его-то больно хотѣлось", говорили крестьяне, поглаживая бороды".

Понявъ рано секретъ простонародной проповѣди, В. Ѳ. постарался подѣлиться своимъ открытіемъ съ священникомъ, который поступилъ на мѣсто его скончавшагося родителя со взятіемъ въ замужество дочери послѣдняго (какъ водилось въ старину), и убѣдилъ молодого священника начать дѣло простонародной проповѣди, оставивши въ сторонѣ правила и требованія семинарской реторики. Дѣло было такъ. В. Ѳ. Владиславлевъ, уже студентъ академіи, пріѣхалъ на каникулы домой и всегда, каждое воскресеніе, каждую службу, говорилъ поученіе. „Зять съ умиленіемъ и благодарностью къ Богу внималъ этимъ простымъ поученіямъ. Между тѣмъ я говорилъ ему, что на немъ лежитъ обязанность учить крестьянъ, и онъ долженъ говорить имъ поученія.—Да гдѣ-жъ мнѣ писать!—Такъ говори. Говори проще: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Молись только Господу, чтобы Онъ Самъ помогъ тебѣ и совершилъ изъ твоихъ устъ Себѣ хвалу.

Зять сталъ тоже говорить; сначала онъ записывалъ свои поученія, и они дышали истинной простотой, безыскусственностью и любовью къ крестьянамъ. Зять особенно превосходно владѣлъ языкомъ крестьянскимъ и манерой дѣйство-

вать на ихъ умъ и сердце. Его проповѣдь была образцовой проповѣдью для крестьянъ. Народъ съ благоговѣніемъ внималъ ему. Помню его проповѣдь, говоренную незадолго до Рождества Христова, о томъ, что крестьяне дурно ведутъ свои иконники, и что чрезъ то оказываютъ неуваженіе и къ самымъ святымъ иконамъ. „Тутъ у тебя и качадыкъ лежитъ, тутъ и колода картъ засаленныхъ, тутъ и пустой полштофъ, тутъ всякая дрянь. Ладно ль это, подумай! А вѣдь ты молишься сюда. Ты призываешь на помощь св. угодниковъ, изображенныхъ на иконахъ. А тутъ и соблазнъ, и нечистота, и гадость всякая! Если я приду да увижу это у васъ, я подумаю, что вы хуже татаръ. И они чтутъ своихъ идоловъ, а вы что!“—Я еще не могу такъ выразить, какъ онъ умѣлъ. Крестьяне очень любили его,—и когда онъ пошелъ въ Рождество по приходу, вездѣ на иконникахъ была чистота и опрятность. Крестьяне сами благодарили его за то, что онъ „научилъ ихъ—дураковъ“.

Итакъ, что же обезпечиваетъ успѣхъ народной проповѣди и вырабатываетъ талантъ самого проповѣдника? Очевидно, слово простое, безыскусственное, понятное, но съ тѣмъ вмѣстѣ—искреннее, сердечное и непремѣнно—изустное.

Н. П—въ.

Вниманію пѣвцовъ.

И. С. въ „Изв. по Каз. еп." (№ 18 т. г.) обращаетъ вниманіе на неправильность остановки въ богород. 4 гл. „Еже отъ вѣка" послѣ слова „Богъ". Слово „Богъ" относится, какъ подлежащее, къ слѣдующему предложенію, гдѣ сказуемымъ—слово „спасе", а въ первомъ предложеніи подлежащимъ является слово „таинство", сказуемымъ—„явися", послѣ котораго и слѣдуетъ дѣлать остановку, не нарушая смысла пѣснопѣнія.

Къ сказанному можно прибавить, что въ греческомъ подлинникѣ знаки препинанія разставлены совершенно правильно и послѣ πεφανέρωται тамъ стоитъ точка; далѣе—Θεὸς ἐν ἀσυγχύτῳ ἑνώσει σαρκούμενος... ἔσωσεν и т. д. (См. греч. октоихъ Венец. изд. 1683 г. с. 80). Сообразно съ этимъ разставлены знаки препинанія у прот. Мальцева въ его переводѣ октоиха (съ греч. яз.) на нѣмецкій языкъ, хотя, надо замѣтить, въ славянскомъ текстѣ ошибка у Мальцева не исправлена, и знакъ препинанія по прежнему стоитъ послѣ слова „Богъ“ (стр. 977).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 25.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года іюня 18-го дня.

Содержаніе: Приходская жизнь на православномъ востокѣ.—Чѣмъ долженъ быть приходъ (продолженіе).—Къ статьѣ „Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ“ (замѣтка).—По поводу замѣтки „пастыря“.—Распоряженіе епископа.

Приходская жизнь на Православномъ Востокѣ.

Въ настоящее время, въ пору лихорадочной подготовительной работы нашихъ общественныхъ силъ къ улучшенію и переустройству нашей церковно-общественной жизни, вопросъ объ улучшеніи прихода занимаетъ видное мѣсто и въ научныхъ трудахъ, и въ періодической печати, и въ офиціальныхъ проектахъ по вопросу о церковной реформѣ, выработанныхъ епархіальными преосвященными при участіи лучшихъ мѣстныхъ силъ, въ виду предстоящаго Всероссійскаго церковнаго собора. Всѣмъ ясны существенные недостатки нашей церковно-приходской жизни: слабая, почти исключительно внѣшняя связь прихожанъ съ церковью и причтомъ,

формализмъ и вообще казенный характеръ отношеній пастырей къ пасомымъ, отсутствіе живой „христіанской общительности“ между прихожанами на почвѣ взаимопомощи матеріальной и нравственной, заботъ объ учрежденіи и благоустройствѣ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, контроля за поведеніемъ всѣхъ членовъ приходской общины, въ особенности—за дѣятельностью лицъ, уполномоченныхъ для служенія при церкви и приходскихъ учрежденіяхъ, чисто бюрократическій порядокъ въ замѣщеніи приходскихъ вакансій и пр. Недостатки эти сознавались нашимъ обществомъ и церковно-правительственными органами давно. На нихъ съ особенною настойчивостью указывали лучшіе наши публицисты-народники, принадлежавшіе къ славянофильской группѣ—Д. О. Самаринъ, Ив. Серг. Аксаковъ (въ газ. „День“ и „Русь“) и др. Требуя отмѣны бюрократическихъ формъ нашей общественной и церковной жизни, занятыхъ на прокатъ императоромъ Петромъ I и послѣдующими нашими общественными реформаторами съ Запада, и возвращенія къ живымъ народнымъ силамъ, наши писатели-славянофилы совѣтовали начать дѣло съ преобразованія прихода—этой основной ячейки нашего общественнаго организма, въ смыслѣ предоставленія членамъ его права непосредственнаго участія во всѣхъ дѣлахъ прихода и вообще развитія въ приходѣ живой и плодотворной самодѣятельности. Эти мысли не остались безплодными въ нашей церковно-общественной жизни. Въ 60 и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія много возлагалось надеждъ въ дѣлѣ обновленія приходской жизни на церковно-приходскія братства и попечительства (учрежд. по проекту 1864 г.). Но какъ ни были полезны эти учрежденія, они не могли и не могутъ преобразовать приходскую жизнь во всемъ ея объемѣ, такъ какъ являются учрежденіями лишь кружковыми, частичными, въ дѣятельности которыхъ значительное большинство прихожанъ вовсе не заинтересовано. И въ настоящее время много ли осталось изъ тѣхъ попечительствъ, которыя въ 60—70 гг. появлялись въ такомъ оби-

ліи и встрѣчались съ такими благопожеланіями и богатыми надеждами? А изъ оставшихся многія ли могутъ похвалиться своимъ мощнымъ благотворнымъ воздѣйствіемъ на приходскую жизнь? И вотъ, вопросъ объ оживленіи прихода снова стоитъ предъ нами во всей широтѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, изслѣдователей и публицистовъ посвятили этому вопросу спеціальные труды, имѣвшіе цѣлью разъясненіе и разрѣшеніе его на почвѣ исторіи и канонической права, какъ А. А. Папковъ, проф. Н. А. Заозерскій, прот. Н. Благоразумовъ, проф. Пл. П. Соколовъ и др. [1]).

Среди разнообразныхъ отзывовъ печати по вопросу о преобразованіи прихода преобладаютъ голоса о необходимости привлеченія общиннаго элемента къ устроенію приходской жизни. Говорятъ: необходимо предоставить прихожанамъ возможность самаго широкаго участія въ дѣлахъ своего прихода, дать имъ право самимъ обсуждать свои приходскія нужды и посильно удовлетворять ихъ, заботиться о благоустройствѣ и усовершенствованіи церкви и всѣхъ приходскихъ учрежденій: школы, богадѣльни, разныхъ пріютовъ, причтовыхъ домовъ и пр., держать постоянный контроль надъ дѣятельностью выборныхъ должностныхъ въ приходѣ лицъ, въ особенности надъ поступленіемъ и расходомъ всѣхъ

[1]) Особенно много потрудился въ этомъ отношеніи первый изъ нихъ, г. Папковъ, который, такъ сказать, создалъ себѣ ученую спеціальность и литературную извѣстность своими трудами, посвященными вопросу о русскомъ приходѣ въ прошломъ, настоящемъ и идеальномъ (съ его точки зрѣнія) будущемъ. Сюда относятся его сочиненія: „Древнерусскій приходъ“ (до XVIII в. въ восточной Россіи и до XVII в. въ западной), „Погосты“, „Братства“, „Упадокъ правосл. прихода“ (XVIII—XIX в.), „Начало возрожденія приходской жизни въ Россіи“, „Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя“, „О необходимости обновленій православнаго церковно-общественнаго строя“. Многочисленныя печатныя статьи и замѣтки на тему о приходѣ, помѣщенныя въ нашихъ большихъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ изданіяхъ, большею частію вращаются около мыслей по части обновленія прихода, высказанныхъ г. Папковымъ.

приходскихъ суммъ, не исключая и церковныхъ, избирать не только старость и другихъ лицъ, служащихъ по общественному довѣрію и найму, но и членовъ клира и т. п. Очень важный шагъ въ этомъ направленіи, говорятъ, сдѣланъ уже и теперь нашимъ Св. Синодомъ, предоставившимъ приходскому духовенству устраивать общія приходскія собранія и учреждать изъ лучшихъ представителей отъ прихожанъ постоянно-дѣйствующіе приходскіе совѣты, для обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ по приходу (въ указѣ отъ 18 ноября 1905 г. за № 5900). Предполагается, что это распоряженіе Св. Синода есть начало къ дальнѣйшимъ церковно-правительственнымъ мѣропріятіямъ, необходимымъ для развитія въ приходскихъ общинахъ живой самодѣятельности. Подтвержденіе этому можно видѣть и въ указѣ Св. Синода отъ 25 янв.—6 февр. 1906 г. за № 488, въ которомъ видно желаніе Св. Синода поставить церковно-приходскіе совѣты, приходскія попечительства, братства и имъ подобныя существующія и дѣйствующія въ приходѣ учрежденія въ самыя близкія отношенія къ церковнымъ школамъ (Церк. Вѣдом. 1906 г. № 7). Никто, конечно, не будетъ оспаривать той истины, что самое живое участіе прихожанъ въ устроеніи своей церковно-общественной жизни можетъ способствовать обновленію нашего прихода. Приливъ общественныхъ силъ къ Церкви можетъ облегчить осуществленіе многосложныхъ задачъ нашего пастырства въ народѣ. То, что теперь приходится выносить на своихъ плечахъ одному нашему духовенству, что оно должно вводить и поддерживать почти исключительно своими силами (церковно-приходскія школы, благоустройство храма, братства и др. подобныя учрежденія, многосложное письмоводство, денежная отчетность и пр.), приходская община могла бы взять на себя и своими совокупными силами, подъ руководствомъ пастырей, поддержать и привести въ возможно лучшее состояніе. Однако здѣсь требуется одно непремѣнное условіе, — чтобы прихожане понимали и преслѣдовали свои истинныя духовныя и обществен-

ныя нужды. Можно ли, однако, съ полною увѣренностью ручаться за это въ ближайшемъ будущемъ? Можно ли ожидать, что приходская община, взявъ нынѣ же въ свои руки распоряженіе всѣми приходскими дѣлами, до выбора членовъ своего клира включительно, будетъ дѣйствовать исключительно въ виду высшихъ духовно-нравственныхъ цѣлей, а не низшихъ, односторонних и своекорыстныхъ? Правильно ли, разумно ли будетъ отдавать церковь, причтъ и приходскія учрежденія въ распоряженіе приходскихъ общинъ, не принявъ заблаговременно мѣръ къ огражденію истинныхъ духовныхъ интересовъ паствы отъ возможнаго произвола, насилія и хищничества со стороны вліятельныхъ въ приходѣ лицъ и корпоративныхъ учрежденій и вѣдомствъ (богачей, міроѣдовъ, сельскихъ и волостныхъ властей, земствъ и т. п.)? Законно ли будетъ ослаблять контроль и административно-судебную власть епископовъ надъ приходами только для того, чтобы дать больше свободы прихожанамъ въ устройствѣ своей церковно-общественной жизни? Не обратится ли тогда эта свобода въ господство паствы надъ пастырями, не приведетъ ли она къ подчиненію высшихъ религіозно-нравственныхъ интересовъ своекорыстнымъ видамъ отдѣльныхъ лицъ и партій, къ систематическому униженію тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые поставлены для Церкви Основоположникомъ нашего ученія, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ? Исторія нашей Церкви представляетъ много поучительныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи изъ того времени, когда приходъ несомнѣнно представлялъ болѣе сплоченную и живую силу, чѣмъ теперь (въ древней Руси — сѣверо-и юго-западной Руси до XVIII в.). Въ старыя времена у насъ приходъ дѣйствительно распоряжался довольно свободно своими дѣлами и учрежденіями, избиралъ членовъ клира, распоряжался церковными суммами, заводилъ у себя и поддерживалъ братства, школы, госпитали и т. п., хотя далеко не въ такомъ обиліи, какъ это хотѣли бы видѣть писатели, идеализирующіе древній нашъ приходъ (напр. г. Панковъ). Но, съ другой стороны,

не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это господство мірянъ въ старину сопровождалось и нежелательными явленіями въ приходской жизни, напр., пониженіемъ нравственныхъ требованій къ пастырю, униженіемъ его авторитета, матеріальной бѣдностію, доводившей до побирательства по приходу. Какъ могутъ относиться мѣстныя общества и учрежденія къ удовлетворенію своихъ религіозно-нравственныхъ нуждъ и къ качествамъ избираемыхъ пастырей, мы можемъ видѣть изъ нѣкоторыхъ примѣровъ и въ настоящее время. Припомнимъ настойчивыя требованія въ прошломъ году назначить къ двумъ церквамъ въ Смоленскѣ и Смоленской епархіи священниковъ, недостойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, и шумъ, поднятый въ періодической прессѣ по поводу отказа (совершенно основательнаго) мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ въ удовлетвореніи обоихъ домогательствъ.

Ограничиваясь лишь этими краткими замѣчаніями о положеніи вопроса объ обновленіи русскаго прихода въ настоящее время, мы обратимъ далѣе вниманіе на современную приходскую жизнь въ другихъ православныхъ странахъ. Тамъ, въ строѣ церковной жизни, образовавшейся изъ обломковъ и на развалинахъ древняго христіанско-классическаго міра, мы найдемъ не мало сторонъ для насъ поучительныхъ. То правда, что нашъ народъ нынѣ находится въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ восточные христіане, но вѣдь коренныя основанія церковнаго устройства въ Православной Церкви всюду одни. При церковныхъ преобразованіяхъ нельзя терять изъ вида примѣровъ практическаго приложенія и развитія общихъ началъ устройства въ другихъ помѣстныхъ церквахъ. Творчество въ созданіи новыхъ формъ жизни, оторванное отъ живыхъ примѣровъ и не регулируемое канонами Церкви, утверждающееся лишь на самыхъ общихъ указаніяхъ Слова Божія, часто превратно изъясняемыхъ, рискуетъ внести разрушеніе въ коренные устои церковной жизни (примѣры чего видимъ на Западѣ, въ протестантствѣ).

Начнемъ съ *Константинопольскаго патріархата*, въ которомъ церковная жизнь, хотя и придавленная уже давно (въ теченіе $3^1/_2$ столѣтій) тяжелымъ иновѣрнымъ владычествомъ (турокъ-мусульманъ), однако въ настоящее время болѣе организована и продолжаетъ бить живымъ ключемъ среди враждебныхъ ей стихій — мусульманства и пришлаго съ запада иновѣрія (католичества и протестантства). Происхожденіе и сущность греческаго прихода или „эпоріи“ іеромонахъ (нынѣ архимандритъ) о. Михаилъ (Семеновъ) въ своемъ сочиненіи, посвященномъ исторіи церковнаго устройства Константинопольскаго патріархата [1]), представляетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Маленькая греческая деревушка желаетъ имѣть церковь. Сдумано—сдѣлано. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ храмъ готовъ. Бѣденъ, очень бѣденъ маленькій храмъ. Это изба въ три квадр. сажени величиной, убогая и внутри и снаружи: земляной полъ, простой деревянный иконостасъ, въ которомъ двѣ-три иконы, иногда просто бумажныя, наклеенныя на доску. Ризница—холщевыя облаченія, деревянные сосуды. Большаго убожества и придумать трудно. Но храмъ есть, и главное — каждый гвоздь въ убогой церкви принадлежитъ приходу. Онъ дорогъ ему, какъ его созданіе, какъ трудъ и жертва прихожанъ. Будущее храма не блестяще. Онъ едва ли когда будетъ богатъ и красивъ, его священникъ будетъ малообразованный невѣжда, и хуже всего—служба Богу въ этомъ храмѣ рѣдко, въ видѣ исключенія, будетъ совершаться благоговѣйно и стройно. Но... эта церковка будетъ центромъ святого и великаго учрежденія—прихода“.

„Приходъ—тотъ приходъ, который составляетъ ріа desideria Папкова и Шарапова, живъ здѣсь на Востокѣ. Храмъ готовъ, прихожане ищутъ себѣ священника. Этотъ священ-

[1]) „Собраніе церковныхъ уставовъ Константинопольскаго патріархата 1858—1899 гг.“ въ русскомъ переводѣ съ исторіей ихъ происхожденія. Преподавателя Воронежской дух. семинаріи іером. Михаила (Семенова). Казань. 1902.

никъ въ большинствѣ случаевъ изъ того же прихода. Онъ близокъ къ нему, какъ его сынъ. Возможно, впрочемъ „и назначеніе священника изъ патріархіи или митрополіи (т. е., по-нашему, епархіальнымъ начальствомъ), хотя выборы священника приходомъ всегда остаются господствующимъ правиломъ“.

Въ приходѣ организуется управленіе. Рядомъ съ священникомъ избирается „попечительный совѣтъ“, такъ называемая „церковная эпитропія“ изъ 2—3—5 попечителей-„эпитроповъ“. Эпитропы, по идеѣ, вмѣстѣ съ священникомъ вѣдаютъ всѣ дѣла храма: завѣдуютъ его имуществомъ, сборами, нанимаютъ пѣвцовъ, сторожей, псаломщиковъ, наблюдаютъ за ними, пекутся объ ихъ имущественномъ благосостояніи, ведутъ судебныя дѣла церкви, отстаиваютъ ея интересы во внѣшнихъ сношеніяхъ съ патріархіею. Рядомъ съ ними избирается особый чиновникъ прихода „муктари“, который ведетъ обязанности нотаріуса и сносится по дѣламъ прихода съ турецкими властями.

Создавъ храмъ съ эпитропіей, приходъ организуетъ у себя школу и благотворительность. Средства къ этому—плата за стасидіи (мѣста для молящихся), церковные сборы тарелочные, пожертвованія благотворителей, раскладочные налоги по приходу и пр. Если приходъ не въ состояніи содержать школу одинъ, то онъ соединяется съ сосѣдними. Школа эта—въ собственномъ смыслѣ церковная или приходская. Она—подъ надзоромъ церковной власти и содержится на церковныя средства. Для обезпеченія своихъ безпомощныхъ стариковъ, больныхъ и бѣдныхъ приходъ создаетъ свои пріюты и богадѣльни. Школою и благотворительными заведеніями въ приходѣ завѣдуютъ (болѣе съ матеріальной, отчасти и съ административной стороны) особыя при каждомъ учрежденіи „попечительства“ или „эфоріи“, избираемыя прихожанами на опредѣленный срокъ (2 года). Эти приходскія учрежденія особенно дороги прихожанамъ. Почти нѣтъ неаккуратныхъ плательщиковъ на эти повинности. За то при-

ходъ не можетъ терпѣть на должностяхъ при нихъ лицъ своекорыстныхъ, не вполнѣ честныхъ, и часто мѣняетъ ихъ.

Если представится для разрѣшенія вопросъ, касающійся вмѣстѣ и школы и церкви, то эфоры и эпитропы собираются въ общее засѣданіе—„эфоро-эпитропію“. Эфоро-эпитропія является въ данное время высшимъ приходскимъ учрежденіемъ, которое заботится обо всемъ, способствующемъ развитію приходской жизни, украшенію храма, росту школы. Высшую власть приходъ, однако, оставляетъ за собой. Эпитропы и эфоры дѣйствуютъ по указанію общеприходскихъ собраній, на которыхъ рѣшаются всѣ важнѣйшіе вопросы приходской жизни и даются инструкціи лицамъ, которымъ приходъ довѣрилъ власть. Чрезъ представителей, избранныхъ на этомъ собраніи, приходъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ, касающихся всей церкви.

Такова общая и при томъ свѣтлая картинка приходской жизни въ Константинопольскомъ патріархатѣ, нарисованная авторомъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ живой дѣйствительности и на основаніи органическихъ уставовъ этого патріархата. Дополнимъ ее здѣсь нѣкоторыми болѣе частными чертами. *Общеприходскія собранія* въ Константинопольскомъ патріархатѣ функціонируютъ, какъ дѣйствительно высшее приходское учрежденіе съ организаціонными и контрольными правами. По „Уставу приходовъ Константинопольской архіепископіи“ (изд. 1899 г.), эти собранія раздѣляются на *постоянныя* и *экстренныя*. Первыя созываются въ опредѣленное время (въ началѣ и концѣ м. ноября), для провѣрки дѣятельности избранныхъ прежде въ приходскія должности лицъ, составленія смѣты на будущій годъ и избранія новыхъ должностныхъ лицъ. Вторыя созываются по указанію патріархіи, или съ ея вѣдома и одобренія, для обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ приходской жизни, случайныхъ по своему происхожденію (напр. о какой-либо постройкѣ, о церковныхъ займахъ, о покупкѣ или продажѣ

церковныхъ имуществъ и т. п.). Объ имѣющихъ быть общеприходскихъ собраніяхъ объявляется за недѣлю до дня собранія предстоятелемъ общины или его замѣстителемъ словесно въ церкви, а также чрезъ расклейку объявленій на видныхъ мѣстахъ и разсылку именныхъ приглашеній. Ноябрьскія занятія общеприходскихъ собраній слѣдуютъ въ опредѣленномъ порядкѣ: въ первое воскресенье м. ноября собраніе выбираетъ контролеровъ, провѣряющихъ отчеты эпитропій и эфорій (т. е. храмовыхъ и школьныхъ попечительствъ) за истекшій годъ и обсуждаетъ смѣты наступающаго года; въ послѣднее же воскресеніе этого мѣсяца выбираетъ новыхъ членовъ эпитропіи храма и эфоріи школьной (на 2 года), а также — представителей по дѣлу замѣщенія выбывающихъ ежегодно четырехъ членовъ въ Постоянномъ Народномъ Смѣшанномъ Совѣтѣ [1]).

П. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Такъ называется высшее учрежденіе при патріархіи, состоящее изъ 12 членовъ (4 архіереевъ и 8 мірянъ) и имѣющее обязанностью наблюдать и заботиться о хорошемъ состояніи школъ, больницъ и другихъ общеполезныхъ народныхъ учрежденій, вѣдать приходы и расходы этихъ учрежденій и церквей, разбирать споры по завѣщаніямъ, вкладамъ, наслѣдству и пр. Члены Совѣта—выборные. Священный Синодъ и Пост. Народный Смѣш. Совѣтъ составляютъ два высшихъ при патріархѣ церковно-народныхъ правительствующихъ учрежденія (τὰ σώματα).

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

(Продолженіе [1]).

На Западѣ, какъ и у насъ въ XVIII в., обстоятельства складывались не въ пользу приходскаго самоуправленія. Во-первыхъ, патронатское право въ большинствѣ приходовъ принадлежало дворянству, а не прихожанамъ. Въ Германіи патрономъ католическаго прихода могъ быть протестантъ и наоборотъ протестантскаго—католикъ. Во-вторыхъ, полицейское государство XVIII в. съ недовѣріемъ смотрѣло на всякую свободную общественную дѣятельность гражданъ и естественно перенесло это же недовѣріе и на дѣятельность прихода, по крайней мѣрѣ, если дѣло шло о приходахъ покровительствуемыхъ исповѣданій. Только въ томъ случаѣ, если государство относилось къ данному исповѣданію недружелюбно, волей-неволей на первый планъ выступала дѣятельность послѣдователей этого исповѣданія и прежде всего дѣятельность приходского общества. Положеніе прихода измѣнилось существенно лишь съ измѣненіемъ взглядовъ на общественную дѣятельность вообще, съ предоставленіемъ свободы дѣятельности самымъ разнообразнымъ обществамъ, образовавшимся для самыхъ различныхъ цѣлей. Приходъ естественно долженъ былъ при такихъ условіяхъ получить признаніе права на внутреннее самоуправленіе въ качествѣ общества, преслѣдующаго совершенно дозволенныя цѣли. Наиболѣе радикальнымъ въ этомъ отношеніи оказалось законодательство С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ принципѣ отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ религіозныя убѣжденія и церковную жизнь своихъ гражданъ, С.-Американская республика предоставляетъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу. Церковь, какъ таковая, совсѣмъ неизвѣстна законодательству; въ различныхъ церковныхъ союзахъ и прежде

[1] См. № 18-й за 1906 г.

всего въ приходѣ оно видитъ просто частныя общества гражданъ, интересующія его лишь съ имущественной стороны. Но и за собственника церковныхъ имуществъ оно признаетъ не приходъ, а—самое большее—его представителей лично. Для приходской самодѣятельности и приходскаго самоуправленія предоставляется широкое поле.

Американское пониманіе свободы совѣсти оказало огромное вліяніе на Европу и сдѣлалось своего рода идеаломъ; но по существу неправильный взглядъ на церковь, какъ на частное общество не могъ найти приложенія въ Европейскихъ государствахъ, гдѣ публичный характеръ церкви былъ какъ нельзя болѣе ясенъ уже въ силу историческихъ причинъ. Всѣ государства Европы имѣли дѣло не съ слабыми, разрозненными сектами, какъ Америка, а съ историческими могущественными церквами, слившимися съ народностями и государствами и имѣвшими въ высшей степени важное политическое значеніе. По отношенію къ сектамъ американскіе принципы и здѣсь оказались примѣнимыми; но по отношенію къ церквамъ, особенно церкви римско-католической съ ея государственно-подобною организаціею, государство принуждено не упускать изъ виду чисто публичный ихъ характеръ, и относиться къ нимъ не какъ къ частнымъ обществамъ. Въ силу этого, публичный характеръ признается и за приходами этихъ церквей, какъ таковыми. Для насъ особенно важна въ этомъ отношеніи Германія. Тамъ приходы и ихъ самоуправленіе устроены по аналогіи съ сельскимъ самоуправленіемъ. Каждый принадлежащій къ одному изъ признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій принадлежитъ къ одному изъ территоріальныхъ приходовъ и уплачиваетъ въ пользу даннаго прихода налогъ съ своего имущества, опредѣляемый на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другіе мѣстные налоги и принудительно взыскиваемый государствомъ. Плательщикъ налога есть, въ силу этого обстоятельства, участникъ и въ приходскомъ самоуправленіи. Въ лютеранскихъ

общинахъ они составляютъ приходское собраніе (Gemeinde versammlung).

Избранныя ими лица вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, опредѣляемыми закономъ (каковы: органы гражданской общины, помѣщики, лица по назначенію отъ правительства, патронъ) и составляютъ коллегіальный органъ управленія приходскими дѣлами (Presbyterium, Gemeinde Kirchenrath, Kirchenvorstand и т. д.). Онъ имѣетъ и право обложенія прихожанъ церковными налогами, и во всякомъ случаѣ обязанъ изыскивать средства для покрытія церковныхъ расходовъ.

Устройство протестантскаго прихода послужило оригиналомъ для такъ называемыхъ приходскихъ попечительствъ въ нашей Православной Церкви. Этотъ опытъ приходскаго самоуправленія нельзя назвать удачнымъ, и причина этого совершенно ясна. Законъ ревниво охраняетъ казенный интересъ и потому попрежнему устраняетъ приходъ отъ завѣдыванія церковью и ея имуществомъ, которое попрежнему остается въ рукахъ причта и старосты. Поэтому и приходское попечительство является учрежденіемъ не необходимымъ, а факультативнымъ, которое можетъ быть, а можетъ и не быть. На него возлагаются закономъ тѣ же задачи, которыя на Западѣ лежатъ на приходѣ, но для выполненія ихъ законъ указываетъ лишь такой невѣрный и непостоянный источникъ средствъ, какъ пожертвованія. Права самообложенія, т. е. существеннѣйшаго на Западѣ права прихода, наши приходскія попечительства не имѣютъ. Предложенія о назначеніи опредѣленнаго сбора съ прихожанъ „предлагаются на обсужденіе общаго собранія прихожанъ и, по принятіи его и составленіи о томъ приговора, дѣлаются *обязательными для изъявившихъ по оному согласіе*“ (слѣдовательно, не для всѣхъ прихожанъ). Приходъ, такимъ образомъ, лишенъ того права самообложенія на церковныя нужды, какое имѣютъ сельскія общества, могущія устанавливать обязательные сборы на церковь. Къ приходскимъ же попечительствамъ законъ от-

носится съ величайшимъ недовѣріемъ. Даже въ распоряженіи пожертвованіями онъ стѣсненъ предписаніемъ, чтобы сборъ ихъ производился отдѣльно „въ пользу церкви, въ пользу причта и для школы и благотворительныхъ учрежденій". Понятно, что дѣятельность учрежденія, средства котораго являются случайными, не можетъ быть плодотворною въ той мѣрѣ, въ какой она могла бы быть при другихъ обстоятельствахъ. Хотя законъ и возлагаетъ на приходскія попечительства цѣлый рядъ обязанностей, но потребовать исполненія этихъ обязанностей положительно невозможно. Приходскія попечительства въ сущности являются не органами приходскаго самоуправленія, какъ ихъ германскій оригиналъ, а частными обществами при церквахъ. Совершенно непонятно, почему при такихъ условіяхъ законъ признаетъ членами общаго собранія прихожанъ лишь домохозяевъ, а не всѣхъ прихожанъ. Вѣдь ни тѣ, ни другіе не суть плательщики приходскихъ налоговъ. Справедливость требовала бы признать за членовъ общаго собранія прихожанъ лишь тѣхъ лицъ, которыя добровольно приняли бы на себя извѣстный налогъ въ пользу приходскаго попечительства. Неудачному уставу приходскихъ попечительствъ слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать и малоуспѣшность ихъ дѣятельности. Законодатель имѣлъ въ виду создать въ приходскихъ попечительствахъ преимущественно органъ благотворительности и школьнаго дѣла; но именно съ этой то стороны ихъ дѣятельность оказалась ничтожною, тогда какъ въ дѣлѣ обезпеченія церкви и причта приходскія попечительства принесли весьма значительную долю пользы. Причина понятна. На обезпеченіе церкви и причта средства приходскаго попечительства, какъ бы незначительны и случайны они ни были, всегда оказываются на лицо. Но на тѣ случайные и невѣрные доходы, которые предоставляются приходскимъ попечительствамъ закономъ, невозможно устроить ни благотворительныхъ учрежденій, ни даже мало-мальски заслуживающей своего имени школы. Законъ и самъ сознавалъ, что положеніе о приходскихъ попечитель-

ствахъ непримѣнимо къ городскимъ приходамъ. Въ городахъ при церквахъ образовывались гораздо болѣе свободныя по своему устройству *братства*. Къ сожалѣнію, они не получили распространенія въ сельскихъ приходахъ, гдѣ они могли бы принести большую пользу.

Таково положеніе православнаго прихода въ настоящее время. Нельзя не принять во вниманіе еще одного обстоятельства: Православная Церковь несомнѣнно застигнута въ расплохъ указомъ о вѣротерпимости; между тѣмъ именно на приходѣ и должны прежде всего сказаться его результаты. Если и прежде наша организація прихода оказывалась неудовлетворительною, то въ настоящее время прямо неизбѣжна реформа его, въ смыслѣ возможно бо́льшаго привлеченія къ приходской жизни самихъ прихожанъ уже въ виду того, что и принадлежность ихъ къ Православной Церкви изъ принудительной сдѣлалась добровольною. При этой реформѣ, конечно, слѣдуетъ воспользоваться весьма долгимъ историческимъ опытомъ. Она должна быть проведена чрезвычайно осторожно, такъ какъ всякая ошибка, неизбѣжная при спѣшной работѣ, можетъ имѣть чрезвычайно невыгодныя послѣдствія. Реформа должна быть намѣчена лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, детальную же ея разработку слѣдуетъ предоставить мѣстнымъ органамъ, лучше знакомымъ съ мѣстными потребностями и условіями, чѣмъ какой бы то ни было центральный органъ. Едва ли найдется такой законъ о приходѣ, который былъ бы во всѣхъ своихъ подробностяхъ одинаково пригоденъ для всей Россіи.

Первымъ шагомъ къ упорядоченію прихода слѣдуетъ признать отдѣленіе вопроса о храмостроительствѣ отъ вопроса о приходѣ. Наше законодательство содержитъ весьма стѣснительныя постановленія относительно построенія не только храмовъ, но и вообще зданій для православнаго богослуженія, не исключая и часовень. Храмъ, по общему правилу, можетъ быть выстроенъ лишь приходскій; но и на постройку часовни нуженъ цѣлый рядъ разрѣшеній, сопряженныхъ съ задержками и хло-

потами. Законодательство имѣло при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, предупредить возможность устройства раскольничьихъ молелень. Но опытъ показалъ, что съ этой стороны цѣль не достигалась и ранѣе, въ настоящее же время, когда устройство мѣстъ раскольничьяго богослуженія облегчено, раскольникамъ нѣтъ никакой нужды устраивать свои молельни подъ видомъ православныхъ храмовъ или часовень. При такихъ условіяхъ, сохраненіе прежнихъ стѣсненій только для православныхъ послужило бы прямо на пользу сектантства и раскола. Между тѣмъ, построеніе часовень весьма не безполезно и при существованіи церквей, особенно въ сельскихъ приходахъ. Не слѣдуетъ забывать, что при тѣхъ путяхъ сообщенія, какіе мы находимъ въ деревняхъ, отсутствіе приспособленной для богослуженія часовни равняется иногда отсутствію мѣста для богослужебныхъ собраній. Не имѣя удобствъ для помѣщенія церкви, населеніе постепенно отвыкаетъ и отъ богослуженія. Часовня могла бы быть въ этомъ случаѣ хотя частичною замѣною церкви. Нѣкоторые виды богослуженія (какова, напр., вечерня) съ благословенія и подъ наблюденіемъ священника могъ бы совершать и какой-нибудь мірянинъ; да и самому священнику являлась бы возможность по временамъ пріѣзжать для совершенія богослуженія въ эти отдаленные уголки своего прихода. Кромѣ того, помѣщеніе часовни могло бы быть использовано для школы, для внѣбогослужебныхъ религіозныхъ чтеній и т. п. Нѣтъ въ настоящее время опасности и отъ разрѣшенія устраивать не только часовни, но и церкви на правахъ приписныхъ или домашнихъ безъ открытія новаго прихода и назначенія особаго причта... Поддерживая религіозное чувство населенія, онѣ могутъ быть только желательными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и открытіе новыхъ приходовъ должно быть обставлено иначе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь, по общему правилу, при всякомъ новомъ храмѣ открывается новый приходъ, при чемъ имѣются въ виду не столько соображенія пастырства, сколько совершенно иныя. Приходъ

можетъ быть открытъ, и построеніе новой церкви разрѣшено только въ томъ случаѣ, если будущіе прихожане найдутъ средства выстроить новую церковь и обезпечить причтъ. Епархіальное начальство должно заботиться о томъ, чтобы церкви не строились сверхъ необходимости, и чтобы при прежнихъ церквахъ съ открытіемъ новаго прихода оставалось достаточное число прихожанъ. Иными словами: вопросъ объ открытіи прихода предоставленъ частной инициативѣ (строеніе церквей отъ казны производится лишь въ исключительныхъ случаяхъ), духовное же начальство озабочено главнымъ образомъ вопросомъ объ обезпеченіи причта. Это дѣйствительно самое больное мѣсто нашего церковнаго строя. Духовенство первенствующей и господствующей въ Россіи Православной Церкви никогда не было обезпечено содержаніемъ отъ казны, какое получало духовенство государственныхъ церквей въ другихъ европейскихъ государствахъ. Между тѣмъ, для правильной постановки пастырства въ высшей степени важно, чтобы священникъ былъ обезпеченъ постояннымъ содержаніемъ, а не случайными требами; только въ такомъ случаѣ прихожанинъ можетъ относиться къ священнику безъ задней мысли о поборахъ, да и священникъ можетъ осуществлять свое пастырство не рискуя вызвать такія подозрѣнія. Къ сожалѣнію, правильному разрѣшенію вопроса мѣшаетъ тотъ же взглядъ на приходскую церковь, не какъ на нѣчто созданное въ интересахъ Церкви, а какъ на нѣчто существующее въ интересахъ прихожанъ и священника. Не далеко ходить за примѣромъ того, какъ силенъ этотъ частно-правовый взглядъ на приходскую церковь даже въ высшихъ органахъ Церкви. Нѣкоторые священники сдѣлали попытку замѣнить плату за требы ежегоднымъ вознагражденіемъ по особому договору съ приходомъ. Они упустили изъ виду, что такъ какъ нашъ законъ не признаетъ вознагражденія за требы, считая его добровольнымъ даяніемъ, то и выговоренная ими замѣна его можетъ быть при-

нимаема ими, какъ добровольное даяніе, но не должна быть взыскиваема по суду, въ случаѣ, если бы прихожане нарушили свое условіе. Когда подобныя нарушенія начали случаться на практикѣ, то Св. Синодъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отыскать одинъ забытый (и совершенно по достоинству) указъ Петра Великаго и погрозить прихожанамъ, что приходъ ихъ будетъ упраздненъ, а церковь обращена въ приписную. Такой указъ мыслимъ лишь при томъ частноправовомъ взглядѣ на приходъ, о которомъ мы уже говорили, и при которомъ правильная постановка прихода немыслима.

Проф. *Пл. Соколовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ статьѣ „Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ“.

(Замѣтка).

Въ № 11—12 за 1906 годъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ напечатана статья, въ которой разбираются сужденія вятскаго пастырскаго собранія (бывшаго 23 августа 1905 г.) объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ. Обсуждая вопросъ въ отношеніи полезности и неполезности дѣятельности послѣднихъ, пастырское собраніе большинствомъ голосовъ постановило ходатайствовать объ упраздненіи института безприходныхъ миссіонеровъ, возложивъ ихъ обязанности на приходскихъ священниковъ. Не касаясь самой статьи по существу, съ своей стороны считаемъ необходимымъ оговориться, что съ мнѣніями многихъ оо. собранія и съ безпристрастнымъ разборомъ ихъ авторомъ упомянутой статьи мы вполнѣ согласны, хотя за нѣкоторымъ исключеніемъ. На этотъ разъ обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что собраніе при своихъ сужденіяхъ о безприходныхъ миссіонерахъ съ фактической стороною дѣла не считалось, или считалось

весьма мало, потому что имъ приводятся такіе факты, которые доказываютъ какъ разъ совершенно обратное тому, что желательно доказать собранію. Какъ примѣръ безполезности безприходныхъ миссіонеровъ, имъ указывается на то, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ число отпаденій въ расколъ или сектанство превышаетъ число присоединеній къ Церкви. Въ доказательство была сдѣлана ссылка на Астраханскую епархію. Дѣйствительно, въ отчетѣ Астраханскаго Кирилло-Меѳодіевскаго Братства за 1902 годъ на страницѣ 17 говорится, что въ 1 миссіонерскомъ участкѣ присоединеній къ Церкви было 114 душъ, а отпаденій отъ нея 132 человѣка, т. е. получился минусъ 18 человѣкъ. Фактъ, повидимому, краснорѣчивый, но дѣло въ томъ, что сказаннымъ участкомъ за этотъ и предыдущій годъ завѣдывалъ не безприходный миссіонеръ, а астраханскіе *городскіе приходскіе священники,* какъ видно изъ страницы 14 того же отчета. Вслѣдствіе этого съ 1903 года дѣло миссіи здѣсь велъ уже *безприходный* миссіонеръ свящ. кандидатъ богословія Николай Русановъ, который остановилъ дальнѣйшее отпаденіе отъ православія, какъ это и можно видѣть изъ отчета за 1903 годъ, такъ что подобные случаи не повторялись и въ послѣдующіе годы. Оправдывая полезность безприходной миссіи, мы далеки отъ мысли, чтобы обвинять въ чемъ-либо и оо. приходскихъ миссіоперовъ. Случай этотъ исключительный и имѣетъ свои особыя причины. Если бы пастырское собраніе приняло все это во вниманіе, то выводъ и мнѣнія его о безприходныхъ миссіонерахъ можетъ быть получили бы и другой оттѣнокъ. Къ сожалѣнію, ни пастырское собраніе, ни авторъ статьи совершенно ничего не говорятъ о желательности извѣстнаго образовательнаго ценза для безприходныхъ миссіонеровъ, да и вообще печать объ этомъ какъ-то умалчиваетъ. Послѣдняя весьма часто подчеркиваетъ случаи проявленія на бесѣдахъ страстей, инциденты на нихъ или прямо даже ссоры и проявленія озлобленія со стороны слушателей, благодаря нетактичности миссіонеровъ, ставить это въ вину которымъ для свѣтской

прессы уже стало привычкой. Если разсмотрѣть всѣ бывшіе инциденты на бесѣдахъ, то мы едва ли найдемъ хоть одинъ случай, чтобы это было на бесѣдѣ, которую велъ миссіонеръ съ богословскимъ образованіемъ. Какъ ни грустно, но должно признать, что у насъ въ Россіи едва не половина миссіонеровъ служитъ, не имѣя совершенно никакого образованія, за исключеніемъ умѣнья читать по-русски и славянски и кое-какъ писать малограмотно. Правда, много среди нихъ лицъ, глубоко начитанныхъ и путемъ самообразованія достаточно развитыхъ, но такихъ мы въ счетъ не беремъ, а говоримъ вообще о миссіи, что образованіе для миссіонера, если когда-либо, то теперь необходимо въ особенности.

Пастырь.

По поводу замѣтки „пастыря".

(На ст. „Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ"

Считаемъ не лишнимъ присоединить отъ себя нѣсколько словъ въ разъясненіе недоумѣній, выраженныхъ въ замѣткѣ „пастыря", по поводу нашей статьи „Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ".

Ссылка пастырскаго собранія вятскаго духовенства на отрицательные результаты миссіонерской дѣятельности въ Астраханской епархіи, воспроизводимая и въ помѣщенной нами въ №№ 11—12 нашего журнала статьѣ, не имѣла для постановленія собранія того рѣшающаго значенія, какое склоненъ, повидимому, приписывать ей „пастырь"—авторъ напечатанной выше замѣтки. Собраніе вятскихъ пастырей въ своихъ постановленіяхъ опиралось главнымъ образомъ на непосредственный опытъ и заявленія присутствовавшихъ на немъ оо. миссіонеровъ, какъ это видно изъ отчета о самомъ ходѣ разсужденій и преній на собраніи (Вятск. еп. вѣд., 1905 г. № 19), а потому, если бы въ собраніи и не была

приведена вышеуказанная ссылка на Астраханскую епархію, оно осталось бы при тѣхъ же самыхъ заключеніяхъ, какія вынесло теперь. Смѣемъ думать, что если бы оно считалось, какъ этого желаетъ авторъ замѣтки, съ фактической стороной миссіонерскаго дѣла—пояснимъ мысль его—*по даннымъ миссіонерскихъ отчетовъ* въ разныхъ епархіяхъ (съ фактической стороной этого дѣла *по непосредственному опыту и заявленіямъ мѣстныхъ оо. миссіонеровъ* оно считалось очень строго), то и тогда заключеніе собранія о неудовлетворительности института безприходныхъ миссіонеровъ не колебалось бы много, потому что въ собраніи уяснялся принципіальный вопросъ о несоотвѣтстіи этого института предъявляемымъ къ нему *чисто пастырскимъ* задачамъ и объ отсутствіи у него надлежащихъ *пастырскихъ* средствъ для удовлетворенія ихъ. Разъясненію этого принципіальнаго вопроса посвящена и наша статья „Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ“ (№№ 11—12 нашего журнала),—и для автора ея, думаетъ онъ, еще менѣе имѣетъ значенія ссылка на Астраханскую епархію, воспроизведенная имъ къ тому же вскользь и мимоходомъ. Что же касается означеннаго принципіальнаго вопроса, то онъ порождается не одними (и не столько одними) внѣшними, цыфровыми данными о результатахъ дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ (эти результаты развѣ въ томъ случаѣ снимали бы вопросъ съ очереди, если бы цѣликомъ благопріятны были для миссіонеровъ), а общеизвѣстными, ставшими, можно сказать, общимъ фактомъ, проявленіями неудовлетворительной постановки миссіонерскихъ бесѣдъ и неудовлетворительнаго веденія ихъ, съ общеизвѣстными фактами печальныхъ инцидентовъ на бесѣдахъ и глубокаго разлада миссіонеровъ съ приходскимъ духовенствомъ. Говорить о желательности извѣстнаго образовательнаго ценза для безприходныхъ миссіонеровъ не входило въ нашу задачу, да и никакая образованность сама по себѣ не устранитъ слабыхъ сторонъ въ дѣятельности института безприходныхъ миссіонеровъ (хотя,

конечно, имъ лучше быть съ образованіемъ, чѣмъ безъ него). На лицо и факты, подтверждающіе это, но только почему-то о нихъ не знаетъ, или не желаетъ знать „пастырь“—авторъ замѣтки. Но факты эти имѣли мѣсто въ практикѣ такого опытнаго миссіонера, какимъ является синодальный миссіонеръ о. К. Крючковъ (его бесѣды въ Ставрополѣ въ прошедшемъ году). Если, какъ оказывается, астраханская миссія дала въ 1902 году отрицательные результаты въ дѣятельности *городскихъ приходскихъ священниковъ*, то этотъ фактъ, съ точки зрѣнія самого автора замѣтки, какъ „исключительный и имѣющій особыя причины“, не служитъ приговоромъ о неудотвлетворительности миссіонерской дѣятельности приходскаго духовенства самой въ себѣ (см., между прочимъ, ст. „Правда ли, что пастыри приходскіе „спятъ“, какъ то любятъ говорить наши миссіонеры“ въ Полоцк. епарх. вѣд., № 9). А если эти отрицательные результаты астраханской миссіи за 1902 годъ подавилъ въ слѣдующемъ же 1903 году *безприходный миссіонеръ*, то это говоритъ только объ особо счастливой практикѣ этого миссіонера, а не о высокомъ положительномъ значеніи всего института безприходныхъ миссіонеровъ въ его цѣломъ. Любопытно знать, былъ ли оторванъ отъ этого миссіонерскаго участка (1-го) Астрах. епархіи означенный счастливый миссіонеръ, какъ это наблюдается въ положеніи безприходныхъ миссіонеровъ вообще относительно района ихъ дѣятельности? Не поставленъ ли онъ былъ самыми условіями своей жизни въ особо тѣсное и частое соприкосновеніе съ сектантскимъ населеніемъ своего участка, въ такое *какъ бы пастырское* общеніе съ сектантами, которое выпадаетъ на долю безприходныхъ миссіонеровъ весьма не часто?—Надобно быть вообще осторожнымъ въ установкѣ прямой зависимости между миссіонерской дѣятельностью безприходныхъ въ строгомъ смыслѣ миссіонеровъ и тѣми результатами ея, какіе показываются въ цифрахъ (см. нашу ст. въ № 11 нашего журнала, стр. 289—290). Но надобно быть и справедливымъ въ оцѣнкѣ дѣятельности безприходныхъ

миссіонеровъ", и отказывать ей во всякомъ положительно значеніи *за все время существованія ея* въ томъ или другомъ мѣстѣ, какъ и во всей Россіи, нельзя (ср. ст. „О необходимости миссіи и отдѣльныхъ миссіонеровъ" И. Н. Лѣтницкаго въ Астрах. еп. вѣд., № 9). Однако, при всемъ томъ, законно желать лучшей и болѣе цѣлесообразной постановки миссіонерства, законно,—именно, желать совмѣщенія его *съ приходскимъ пастырствомъ*. Въ этомъ пожеланіи даже и сторонники института безприходныхъ миссіонеровъ не могутъ отказать себѣ (Астр. еп. вѣд., ibid., стр. 459).

А. Волынскій.

Распоряженіе епископа.

Еп. орловскій Серафимъ предъ поѣздкою своею по епархіи отдалъ слѣдующее распоряженіе:

„Въ ближайшемъ будущемъ начнутся мои поѣздки по городамъ, лежащимъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и, слѣдовательно, по селамъ, мимо которыхъ мнѣ придется ѣхать. Поэтому считаю нужнымъ предупредить сельское духовенство орловской епархіи, что я весьма строгъ къ вопросу гостепріимства. Я не допускаю затратъ на меня и моихъ окружающихъ ни личныхъ, ни тѣмъ болѣе церковныхъ денегъ. Я привыкъ ко всему въ жизни и не выношу только одного: услужливости не по разуму. Съ большей признательностью буду принимать простой пріемъ, но при непремѣнномъ и неизмѣнномъ условіи, что покупного въ городахъ ничего не будетъ на ихъ столахъ, за исключеніемъ чая и сахара. Обѣщаю никогда не прикоснуться къ тѣмъ закускамъ, которыя для меня будутъ куплены, и исполню это обѣщаніе въ точности. Молоко, яйца, черный хлѣбъ и чай—у всѣхъ есть въ деревнѣ, и допускаю въ видѣ роскоши щи и кашу—это мои любимыя кушанья, и на нихъ я выросъ, какъ русскій

человѣкъ. За нихъ воздамъ хозяину сердечный поклонъ, но бо́льшаго попеченія о себѣ не дозволяю и не допускаю".

По поводу такого распоряженія „Новое Время" (№ 10845) дѣлаетъ не лишенныя справедливости замѣчанія.

„Этотъ архіерейскій циркуляръ", говоритъ газета, „имѣетъ большое значеніе и, безъ сомнѣнія обратитъ, на себя вниманіе въ духовномъ мірѣ. Что только продѣлывалось нашими бѣдными сельскими священниками, когда строгій „владыко" проѣзжалъ по епархіи: тратились послѣднія средства и свои и церковныя, чтобы блескомъ на обѣденномъ столѣ покорить грозное сердце владыки-архіерея и покрыть грѣшишки и прорѣхи, которыя образовались по службѣ. Тратились всзастѣнчиво на архіерейскія угощенія тѣ гроши, которые деревенскій людъ несъ „Богу на свѣчку"; залѣзали по уши въ руки сельскихъ кулаковъ батюшки, возмѣщая убытки „на угощеніе" усиленными поборами на требахъ и при собираніи руги. Положеніе получалось въ высшей степени ненормальное, и на него совершенно правильно роптали и крестьяне и сельское духовенство. Нельзя не привѣтствовать поэтому епископа Серафима „запретившаго" его угощать при его объѣздахъ епархіи. Пусть его примѣръ будетъ первой ласточкой, принесшей вѣсть о началѣ исправленія мно-многихъ недуговъ церковно-приходской жизни въ деревнѣ. Дѣло сдѣлалъ епископъ Серафимъ не большое, а результаты могутъ быть благотворны. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что примѣръ преосв. Серафима не единичный. Мы, могли бы указать имена и другихъ архипастырей, также строго относящихся къ дѣлу о „пріемѣ" ихъ сельскимъ духовенствомъ...

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 26.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года іюня 25-го дня.

Содержаніе: Сужденія духовной печати о матеріальномъ обезпеченіи священнослужителей.—Чѣмъ долженъ быть приходъ (продолженіе).—Приходская жизнь на Православномъ Востокѣ (продолженіе).

Сужденія духовной печати о матеріальномъ обезпеченіи священнослужителей.

I.

Въ виду предстоящей церковной реформы епархіальное духовенство съ особою горячностію выдвинуло старый жизненный вопросъ о матеріальномъ своемъ обезпеченіи. Епархіальныя вѣдомости наполнены массою статей, которыя во всей полнотѣ раскрываютъ то униженное и плачевное положеніе, до какого довела духовенство необходимость кормиться поборами за требы и нищенскими сборами по приходу. Благочинническія собранія, епархіальные и окружные съѣзды удѣляютъ этому вопросу наибольшее вниманіе.

Существующій способъ содержанія вызываетъ почти всеобщее и единодушное порицаніе. Всѣ требуютъ замѣны

его опредѣленнымъ жалованьемъ, изъ какихъ бы источниковъ оно ни исходило. Требуютъ настойчиво, сознавая, что дальнѣйшее существованіе при прежнихъ условіяхъ является невозможнымъ. Раздается призывъ къ объединенію духовенства на этой почвѣ. Всѣ пастыри Церкви, говорятъ Гродненскія епарх. в. (№ 11 т. г.), должны встать на защиту попираемой чести своего высокаго духовнаго сана и единственно ради добраго преуспѣянія въ великомъ пастырскомъ служеніи единодушно ходатайствовать объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія и повсемѣстномъ уничтоженіи платы за требы и таинства. Въ Тамб. епарх. вѣд. (№ 50—1905 г.) священникъ Добротворскій, изобразивъ въ яркихъ краскахъ унизительное положеніе священника при современномъ способѣ содержанія, говоритъ: „что же намъ дѣлать? молчать? Нѣтъ, отцы и братіе, лучше будемъ говорить. Скажемъ Св. Синоду, а чрезъ него Государственной Думѣ или будущему помѣстному собору, и вотъ что скажемъ: мы учились, мы и сейчасъ учимся, и учимъ, и трудимся не менѣе другихъ. Дайте же намъ право на то, чтобы мы получали за труды не какъ милость, а какъ вполнѣ законное, заслуженное, непопречное“.

Главнѣйшими мотивами для измѣненія настоящаго способа содержанія духовенства признаются слѣдующіе. Прежде всего, онъ является анахронизмомъ, пережиткомъ стараго. Правда, онъ имѣетъ основаніе и въ Свящ. Писаніи, гдѣ сказано: „туне пріясте, туне дадите“ (Мѳ. 10. 8), и въ практикѣ первенствующей апостольской, а отчасти и въ практикѣ нашей древней Русской Церкви. Но такой способъ содержанія вполнѣ возможенъ былъ въ первые вѣка христіанства, когда священники не были чиновниками Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, а были пресвитерами, т. е. старѣйшими въ смыслѣ преимущества ихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ предъ прочими членами Церкви носящими благодать священства; когда они были преимущественно руководителями въ духовной жизни своей паствы

и не были такими администраторами и требоисправителями, какими въ настоящее время являются священники съ возложенными на нихъ многочисленными обязанностями. Древніе пресвитеры имѣли каждый свое опредѣленное занятіе, отъ котораго и питались, а добровольныя приношенія къ алтарю были для нихъ только побочными источниками содержанія, а не исключительными. Возможенъ отчасти этотъ способъ содержанія духовенства былъ и въ древней русской жизни, когда бытъ сельскаго духовенства ничѣмъ не отличался отъ быта крестьянъ, когда духовенство ходило въ такихъ же лаптяхъ, какъ и ихъ прихожане, и не было вынуждено обучать своихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ; хотя этотъ способъ уже въ концѣ XVII столѣтія признавался ненормальнымъ, когда, по свидѣтельству крестьянина-писателя Посошкова, „мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а Церкви Божія подолгу остаются безъ пѣнія“. Но если въ XVII вѣкѣ такой способъ содержанія духовенства былъ только ненормальнымъ, то въ настоящій вѣкъ онъ прямо невозможенъ. Отъ доброхотныхъ даяній остался одинъ пустой звукъ. Подъ видомъ ихъ прихожане стараются возможно меньше дать, тогда какъ духовенство вслѣдствіе этого изощряется всѣми способами въ противоположномъ Въ обновленной Россіи этотъ способъ содержанія совершенно не желателенъ, какъ разъѣдающій нравственный организмъ прихода, унижающій и пастырей и самихъ пасомыхъ. Какъ ни идеализируй хожденіе духовенства по дворамъ прихожанъ за сборомъ доброхотныхъ даяній, какъ ни соединяй съ этимъ частной проповѣди пасомымъ въ ихъ домашнемъ семейномъ кругу, все-таки оно походитъ до извѣстной степени на нищенство и тяжело отзывается на матеріальномъ состояніи прихожанъ, но еще тяжелѣй оно нравственно и физически для духовенства даже самаго неидеальнаго, которое, повидимому, какъ будто бы уже свыклось съ своимъ несчастнымъ положеніемъ скитальцевъ (Воронеж. еп. в. № 7)

Эта-то унизительность особенно бросается въ глаза и по справедливости вызываетъ горькія жалобы. Священникъ долженъ довольствоваться добровольными пожертвованіями отъ прихожанъ и сборомъ жизненныхъ продуктовъ по приходу, а что такое добровольныя пожертвованія отъ русскаго мужика, это отлично знаетъ каждый сельскій священникъ. Русскій мужикъ при своей бѣдности дорожитъ каждою копѣйкою. Поэтому онъ изъ всѣхъ силъ старается выжать, выторговать ее у священника, если замѣтитъ въ батюшкѣ податливость къ уступкѣ. Какъ трудно священнику, какъ противно его совѣсти, особенно священнику молодому, только что сошедшему со школьной скамьи и не растерявшему еще высокихъ идеаловъ и благородныхъ стремленій, заглядывать въ руку каждаго приходящаго къ нему съ требой и искать въ ней пятака. При томъ же онъ отлично сознаетъ, что мужикъ, его прихожанинъ, въ душѣ чувствуетъ недостаточное уваженіе къ своему батюшкѣ прежде всего именно потому, что плата за требы, а тѣмъ болѣе торговля изъ-за нея, вовсе не гармонируетъ съ религіознымъ настроеніемъ души его чада. А хожденіе по приходу, подобно нищимъ, за хлѣбомъ, за шерстью, за масломъ и яйцами! Какъ это вяжется съ достоинствомъ и высотой пастырскаго служенія! Одна только необходимость, нужда въ жизненныхъ средствахъ заставляетъ священника до сихъ поръ держаться и не бросать этихъ тяжелыхъ для совѣсти и унизительныхъ для его достоинства традиціонныхъ сборовъ. Совѣсть священника, его нравственная брезгливость говорятъ: „не ходи“, а жизнь, въ лицѣ семьи его, настойчиво твердитъ: „иди, иначе жить нечѣмъ“. И идутъ эти невольные нищіе собирать добровольныя пожертвованія, вѣрнѣе подаянія, а еще вѣрнѣе милостыню. Что тутъ чувствуетъ священникъ, еще не привыкшій принимать милостыню, это можетъ понять только священникъ и нищій, въ первый разъ протягивающій руку за подаяніемъ. А все же идутъ отцы духовные и просятъ, получая часто отказъ, иной разъ насмѣшку, а подчасъ и оскорбленіе отъ

своихъ духовныхъ чадъ (Сам. еп. в. № 20 1905 г.). Нужно видѣть ту постыдную и недостойную пастырства картину, когда священникъ, закрывъ крышку гроба кормильца осиротѣлыхъ дѣтей и бѣдной вдовы,—тутъ же протягиваетъ къ нимъ руку взять послѣдній засаленный четвертакъ „за отпѣваніе“, нужно слышать тѣ нелестные отзывы и пословицы, какіе сложились о священникахъ въ народѣ, нужно ближе войти въ жизнь деревни, чтобы правильно подмѣтить то убѣжденіе, какое утвердилось въ ней о духовенствѣ, какъ „обдиралахъ“ народа. „Нужно помнить и о томъ великомъ преступленіи предъ богосозданной личностію человѣка, когда добрыхъ задатковъ душа, со свѣтлымъ идеаломъ служенія Богу и страждущему люду, въ суровой необезпеченной жизни на почвѣ поборовъ постепенно утрачиваетъ свои чистыя стремленія, погружается въ тину житейской грязи изъ-за гроша, опошляется и гибнетъ, ложась грязнымъ пятномъ на духовное сословіе и тяжелымъ ярмомъ на народную шею... Какая страшная жизненная драма! Но... семья... голодъ... кто устоитъ? (Новгор. еп. в. № 10). Поистинѣ достойна жалости грустная картина собиранія доходовъ нашимъ сельскимъ духовенствомъ. Сколько ужасныхъ, мучительныхъ минутъ переживаетъ священникъ за это время! Прихожанинъ тяготится не менѣе священника, сознавая всю ненормальность зависимости пастыря отъ пасомаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расплата прихожанина съ священникомъ принимаетъ положительно отталкивающій характеръ и заставляетъ обѣ стороны съ нетерпѣніемъ ждать измѣненія этого печальнаго порядка (Пенз. еп. в. № 7). Едва ли кому помимо священника приходится переживать тѣ чувства, которыя такъ рельефно изобразилъ народный поэтъ:

„Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,

Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака". (Некрасовъ).

Понятны тѣ заморенныя, изможденныя фигуры сельскихъ батюшекъ, тѣ поношенныя, многолѣтнія ряски, дребезжащія одноколки и другіе аттрибуты обездоленнаго сословія, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ изящная литература и которые, можетъ быть, справедливо оскорбляютъ эстетическое чувство представителей зажиточныхъ классовъ. И есть какая-то сверхчеловѣческая приспособляемость къ условіямъ жизни, какое-то героическое самоистязаніе въ томъ обстоятельствѣ, что духовенство еще примиряется или, вѣрнѣе, дѣлаетъ видъ, что примиряется съ той оскорбительной формой, въ которой ему преподносится плата за требы. Вѣдь почти всегда эта плата напоминаетъ торговую сдѣлку, вѣдь часто эта плата сопровождается такими жестами, отъ которыхъ больно сжимается сердце пастыря. (Тверскія еп. в. № 7).

Матеріальная зависимость отъ прихожанъ, помимо своей унизительности является причиною того, что пастырская дѣятельность священника теряетъ всякое свое значеніе. Успѣхъ каждаго дѣла зависитъ не только отъ личности того, кто его дѣлаетъ, но и отъ обстоятельствъ, въ которыя дѣятель поставленъ. А духовенство наше такъ дурно поставлено въ матеріальномъ отношеніи, что при всемъ сознаніи высоты своего званія, при всей преданности своему долгу, дѣятельность его не можетъ быть успѣшною. Каждый служащій чиновникъ точно знаетъ размѣръ своего вознагражденія за тѣ труды, которые онъ несетъ для государственной пользы. Сообразно съ этимъ онъ устраиваетъ свою жизнь, размѣряетъ свои желанія и потребности. Только одно духовенство сегодня сыто, а завтра рискуетъ остаться безъ насущнаго хлѣба. Къ чему мы пришли бы, еслибъ каждому должностному лицу предоставлено было право самому изыскивать средства къ существованію и по мелочамъ разцѣнивать и продавать свой трудъ? Что было бы, напр., еслибъ земскій начальникъ бралъ

за каждое разобранное имъ дѣло, а становой приставъ—за раскрытое воровство? Такой порядокъ привелъ бы къ тому, что каждый земскій начальникъ желалъ бы большаго сутяжничества, а становой—развитія воровства. Конечно, это была бы аномалія. Но такою же аномаліей представляется способъ содержанія духовенства, состоящій во взиманіи платы за исправленіе каждой церковной требы. Мало этого, опредѣленіе цѣнности труда предоставлено не самимъ трудящимся пастырямъ, а тому, для кого онъ совершенъ. Совершителю церковныхъ требъ предоставлено одно только право—благодарить своего просителя (Пенз. еп. в. № 7). Это съ одной стороны. Съ другой—чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ быть мало-мальски обезпеченнымъ, надо идти въ своихъ дѣйствіяхъ навстрѣчу прихожанамъ, узнавать ихъ вкусы и привычки, такъ или иначе считаться съ ихъ требованіями, подчасъ совершенно несогласными съ церковными канонами и даже духомъ религіи. Но подобное поведеніе пастыря недостойно самого имени пастыря. Его обязанность—освѣщать жизнь прихода съ евангельской точки зрѣнія: все доброе въ приходѣ возводить въ примѣръ, а все злое порицать и исправлять. Но такая истинная постановка дѣла не всегда пріятна прихожанамъ, а особенно тѣмъ личностямъ, которыя, эксплоатируя трудъ бѣдняковъ, слышатъ съ церковной каѳедры слова, порицающія ихъ образъ дѣйствій, выставляющія ихъ не совсѣмъ въ хорошемъ свѣтѣ. Поступиться священнику своими убѣжденіями значитъ навсегда отдаться въ руки прихода и быть не управителемъ его, а самому управляемому имъ. При этихъ условіяхъ можетъ ли быть у пастыря какое-н. доброе вліяніе на паству, можно ли пользоваться нравственнымъ авторитетомъ предъ ней и дѣлать дѣло Божіе. (Нижег. церк.-общ. Вѣстн. № 9).

Слѣдствіемъ матеріальной необезпеченности духовенства и унизительности его содержанія является, между прочимъ, и бѣгство семинаристовъ изъ духовнаго званія. Питомцы нашихъ духовныхъ семинарій идутъ въ свѣтскія учебныя за-

веденія, въ чиновники, земскіе учителя и т. п. Въ сельскіе же священники идутъ только тѣ, кому не остается другого выхода; вслѣдствіе этого все чаще раздаются голоса, что въ настоящее время во священники поступаетъ только „сѣрая посредственность“, не богатая ни знаніями, ни способностями, не проникнутая сознаніемъ высоты и важности пастырскаго служенія. Нельзя не видѣть крайностей этой характеристики современныхъ пастырей, но нельзя при этомъ не признать и того, что дѣйствительно почти всѣ лучшіе питомцы духовныхъ семинарій уходятъ въ высшія учебныя заведенія и чаще всего въ свѣтскія. Ближайшую причину этого печальнаго явленія обычно указываютъ въ неблагопріятныхъ, часто чуть не нищенскихъ, матеріальныхъ условіяхъ пастырской жизни. Священнику приходится жить въ глухомъ селѣ, нерѣдко не имѣя ни одного интеллигентнаго человѣка, съ которымъ онъ могъ бы перекинуться живымъ разумнымъ словомъ. Въ матеріальномъ отношеніи онъ находится въ полной зависимости отъ добровольныхъ даяній прихожанъ, по большей части бѣдняковъ крестьянъ. Присоедините ко всему этому нравственныя тяготы пастырства, установившійся въ обществѣ *взглядъ на священника, и тогда станетъ понятно, что принять* священство добровольно, при возможности другого исхода, можетъ только человѣкъ призванія, одушевленный искренней вѣрой и готовый отдать всего себя на служеніе Богу и ближнему. (Черн. еп. в. №21. 1905 г. Тамб. еп. в. №50. 1905 г.).

Нѣсколько своеобразный взглядъ на дѣло проводитъ свящ. С. Лукинъ въ Курскихъ епарх. вѣд. (№ 6). Не касаясь способа матеріальнаго обезпеченія со стороны его унизительности и вреда для пастырской дѣятельности, свящ. Лукинъ высказываетъ такія соображенія. Духовенство является работниками у своего прихода. Такъ это должно быть, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Хозяинъ платитъ деньги, рабочій отплачиваетъ ему своей работой. Намъ платитъ за требы общество, а мы ему работаемъ; слѣдовательно, общество является для насъ работодателемъ, а мы по отношенію къ

нему работниками. Дѣло только въ томъ, что работодателемъ является не одно лицо, а цѣлый приходъ. Если сравнимъ способъ оплаты труда для прочихъ рабочихъ съ тѣмъ, какой практикуется для оплаты труда духовенства, то видимъ громадную разницу. Рабочій, нанимаясь къ хозяину, заранѣе выговариваетъ себѣ опредѣленную плату. Становой, земскій начальникъ, учитель и всѣ нескончаемые виды работниковъ, поступая на работу для народа, земства, правительства и пр., заранѣе обезпечены опредѣленнымъ жалованьемъ со стороны своихъ хозяевъ. Одно только духовенство по какому-то недоразумѣнію, поступая на службу для народа, ничѣмъ не обезпечено со стороны послѣдняго. Хозяинъ-приходъ существующими правилами не обязывается оплачивать трудъ своего работника-духовенства: захочетъ—даетъ за трудъ, не захочетъ—не даетъ. „Не ясно ли послѣ этого, что упадокъ религіи обязанъ главнымъ образомъ ненормальной оплатѣ труда духовенства, отъ котораго у вѣрующихъ вызывается неудовольствіе на поборы, а у духовенства появляется и развивается корыстолюбіе“.

Послѣдній выводъ относительно упадка религіи, можетъ быть, нѣсколько поспѣшенъ. Сравненіе же себя съ наемникомъ какъ будто бы и неловко въ устахъ пастыря Церкви. Впрочемъ, тотъ же батюшка, какъ увидимъ ниже, предлагаетъ и способъ для улучшенія матеріальнаго быта духовенства такой, который почему-то приводитъ на память евангельскія слова „прелазя инудѣ“.

О матеріальномъ положеніи духовенства высказалась даже одна изъ сельскихъ матушекъ въ газетѣ „Саратовскій Дневникъ“ № 244. „Позорнѣе положенія русскаго духовенства, говоритъ она, нигдѣ нѣтъ. Оно такъ же забыто, неразвито, унижено, какъ и простой крестьянинъ. Что можно требовать отъ человѣка, когда онъ самъ не понимаетъ, когда онъ забитъ и загнанъ всѣми и каждымъ, власть имущимъ. Я призываю васъ спросить наше развитое интеллигентное общество, какъ оно до сихъ поръ довольствовалось пастырями недоучками;

не требовало другой постановки духовнаго дѣла, не требовало себѣ свободныхъ пастырей, а не рабовъ? Я скажу про свою жизнь: когда мужъ поступилъ въ первый приходъ, то намъ даже на необходимое не хватало, не только на одежду, но и на столъ. А кому было какое дѣло, что я на всю жизнь здоровье потеряла изъ-за того, что не на что было пригласить доктора? Кто нашелся подумать о необезпеченности священника, кто поднялъ вопросъ о томъ, что много голодныхъ и холодныхъ пастырей, и нужда заставляетъ ихъ унижаться предъ прихожанами, такъ какъ каждый пастырь кормится отъ прихода? Сколько пастырей шло въ народъ съ благими цѣлями и добрыми порывами, и у многихъ ли изъ нихъ не опустились руки отъ всей грязи жизни?“

Е. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

(Продолженіе [1]).

Для правильной постановки церковной жизни необходимо отказаться отъ пережитковъ взгляда на приходъ, какъ на какое-то частное учрежденіе, существующее лишь для прихожанъ и въ сущности безразличное для Церкви. Необходимо твердо установить и неуклонно проводить тотъ принципъ, что приходъ есть чисто публичное церковное учрежденіе, необходимое прежде всего въ интересахъ всей Церкви, а вовсе не прихожанъ только. Поэтому, во-первыхъ, приходы должны быть открываемы не только тамъ, гдѣ есть частныя лица, готовыя пожертвовать своими средствами на открытіе прихода, но и тамъ, гдѣ открытіе необходимо по церковнымъ и пастырскимъ соображеніямъ, напр. въ видахъ борьбы съ сектантствомъ. Необходимыя для того

[1]) См. № 25-й за 1906 г.

матеріальныя средства должны быть даваемы изъ общецерковныхъ суммъ, пока приходъ не станетъ на собственныя ноги.

Во-вторыхъ. Публичный характеръ прихода и дѣятельности приходскаго священника требуютъ обезпеченія служебной и должностной независимости священника. При предполагаемомъ предоставленіи приходу правъ приходскаго самоуправленія, это—вопросъ особенно важный. Само собою понятно, что и при новыхъ порядкахъ за епархіальной властью должно быть сохранено право рѣшающаго голоса при опредѣленіи достоинствъ кандидата. Но этимъ еще не обезпечивается необходимая независимость священника отъ произвола вліятельныхъ прихожанъ, при которой онъ только и можетъ достойно проходить свое пастырское служеніе. Какъ мы уже видѣли, практически вопросъ о независимости священника предрѣшается постановкою вопроса о способахъ обезпеченія его въ матеріальномъ отношеніи. У насъ это больной вопросъ. Вознагражденіе духовенства приходскаго слагается, если не считать казеннаго жалованья въ общемъ весьма незначительнаго, на которое можно при томъ же смотрѣть и какъ на вознагражденіе за отвѣтственный трудъ веденія актовъ состоянія, заключается главнымъ образомъ въ доходѣ съ церковныхъ земель, въ обычныхъ періодическихъ сборахъ натурою и въ платѣ за совершаемыя требы.

Въ прежнее время такъ обезпечивались и всѣ служащіе, въ томъ числѣ и государственные. Служилый также получалъ помѣстье, воевода также собиралъ петровское, рождественское и т. д.

Но тогда какъ въ прочихъ родахъ службы такіе способы вознагражденія были отмѣнены, какъ неудобные для интересовъ службы, въ духовной службѣ они остались, какъ пережитокъ стараго, хотя здѣсь-то они еще болѣе неудобны, чѣмъ въ службѣ свѣтской. Не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія даже земельное обезпеченіе. Про священника-пахаря давно уже сказано, что судьба его — растерять

паству; но и со священникомъ-помѣщикомъ дѣло обстоитъ не много лучше, если видѣтъ въ пастырствѣ то, чѣмъ оно должно быть, т. е.—трудное и отвѣтственное дѣло всей жизни. Еще сомнительнѣе разнаго рода сборы, какъ періодическіе, такъ и по поводу совершенія требъ. Подобнаго рода сборы въ пользу свѣтскихъ служащихъ древней Россіи признавались закономъ, были таксированы и подлежали принудительному взысканію. Въ сельскихъ приходахъ и въ настоящее время размѣры сборовъ опредѣляются давнимъ обыкновеніемъ и вообще не являются ни произвольными, ни добровольными, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Между тѣмъ, нашъ законъ смотритъ на нихъ исключительно какъ на добровольныя даянія, и тѣмъ молчаливо осуждаетъ всю существующую практику взиманія этихъ даяній. Законъ имѣетъ основанія къ такому взгляду. Плата священнику за требы, равно какъ и другіе сборы въ его пользу, собственно суть не плата за его трудъ по совершенію требъ, а та лепта на содержаніе церкви и ея служителей, которая обязательна для каждаго вѣрующаго въ равной степени, но не въ одинаковыхъ размѣрахъ, а пропорціонально достатку каждаго. (Тотъ же принципъ, что въ древнихъ десятинахъ). При такихъ условіяхъ, введеніе однообразной таксы за совершеніе требъ является дѣйствительно неумѣстнымъ: она всегда будетъ тяжела для лицъ наиболѣе бѣдныхъ, наиболѣе нуждающихся въ пастырскомъ утѣшеніи и въ помощи со стороны церкви. Терминъ „добровольное даяніе“ можетъ быть пониемъ лишь въ томъ смыслѣ, что законъ отказывается отъ опредѣленія размѣра ихъ, а отнюдь не въ томъ, будто бы, что онъ не признаетъ ихъ принципіальной обязательности. Къ сожалѣнію, законъ нигдѣ не высказываетъ этого прямо; но что онъ смотритъ на дѣло именно такъ, должно заключать изъ заботы закона о достаточномъ (для содержанія церкви и причта) числѣ прихожанъ въ приходѣ. Недоговоренность закона, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ называемыя добровольныя даянія входятъ въ расцѣнку доход-

ности прихода, ставитъ священника въ крайне фальшивое положеніе. Строго придерживаясь буквы закона, гласящаго о добровольности даянія, онъ можетъ остаться безъ средствъ къ существованію; вступая въ торгъ съ прихожаниномъ по поводу совершенія требы, онъ роняетъ свое пастырское достоинство и обращается въ наймита-требоисправителя. Единственный исходъ изъ этого положенія—замѣнить всѣ доходы отъ совершенія требъ, какъ и всѣ другіе источники содержанія духовенства, однимъ—постояннымъ и опредѣленнымъ денежнымъ содержаніемъ. Договоры о такой замѣнѣ съ прихожанами вполнѣ допустимы, но только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы они заключались не приходскимъ священникомъ, а епархіальнымъ начальствомъ, на которомъ лежитъ забота о достаточномъ обезпеченіи причта и церкви, и которое должно въ такомъ случаѣ наблюдать за выполненіемъ этого договора.

Что же касается до священника, то онъ долженъ получать содержаніе отъ своего духовнаго начальства. Это, во-первыхъ, дастъ ему необходимую для должностного лица независимость, а во-вторыхъ, избавляя его отъ денежныхъ дрязгъ съ прихожанами, дастъ возможность установить чисто пастырскія отношенія къ нимъ. И для епархіальной власти такая постановка дѣла обезпеченія духовенства—вопросъ величайшей важности. Только въ томъ случаѣ, если духовенство будетъ получать содержаніе изъ центральной епархіальной кассы, возможно будетъ установить правильную сѣть приходскихъ учрежденій по соображеніямъ нуждъ пастырства. Иначе эти соображенія всегда поневолѣ должны будутъ уступить мѣсто другимъ соображеніямъ, подчасъ ничего общаго съ пастырствомъ не имѣющимъ, что мы и видимъ въ настоящее время. Вопросъ о жалованьѣ духовенству, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ важнѣйшихъ. Правда, его трудно разрѣшить въ желательномъ видѣ; но онъ все-таки долженъ быть разрѣшенъ, какъ слѣдуетъ, ибо въ неразрывной связи съ нимъ находится вопросъ о публичномъ хара-

ктерѣ прихода и, слѣдовательно, о приходскомъ самоуправленіи. Пока приходъ не пріобрѣлъ чисто публичнаго характера, до тѣхъ поръ самоуправленіе прихода не можетъ быть правильно поставлено въ теоріи, и потому, за отсутствіемъ яснаго принципа, должно вести къ постояннымъ недоразумѣніямъ на практикѣ. Едва ли нужно говорить, какъ опасны могутъ быть такія недоразумѣнія для жизни прихода, когда и самая принадлежность къ православію является на будущее время добровольною даже для православныхъ отъ рожденія. Между тѣмъ правильная постановка прихода, какъ публичнаго учрежденія, послужила бы лучшимъ средствомъ противъ такихъ недоразумѣній, такъ какъ ею легко опредѣляются взаимныя права и отношенія между епархіальной властію съ одной стороны и приходомъ съ другой.

Проф. *Пл. Соколовъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приходская жизнь на Православномъ Востокѣ.

(Продолженіе [1]).

Право участія въ приходскихъ собраніяхъ имѣютъ лица, вписанныя въ избирательные списки прихода, въ качествѣ *избирателей* или *избираемыхъ*. Списки эти составляются спеціальной для этого комиссіей въ началѣ сентября на двухлѣтіе. Въ списокъ *избирателей* записывается всякій прихожанинъ (энорить), удовлетворяющій слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣющій не менѣе 25 лѣтъ отъ роду (по Халкидонскому уставу больше 30 л.), 2) живущій въ приходѣ по меньшей мѣрѣ 2 года (въ Халкидонѣ 3 года, въ Солуни 5 лѣтъ)—какъ собственникъ или арендаторъ дома или промышленнаго заведенія, 3) отецъ, или глава семейства (напр., стар-

[1]) См. № 25 за 1906 г.

шій изъ братьевъ), или вообще независимый человѣкъ и 4) знающій ремесло, или имѣющій занятіе, дающее средства къ жизни, независимое, свободное, по своей природѣ не противное нравственности, или живущій доходами съ капитала (въ Халкидонѣ еще—сдѣлавшій взносъ въ качествѣ избирателя 30 піастровъ—1 р. 50 к., въ другихъ же общинахъ отъ 5 до 20 піастровъ въ кассу школы или церкви). Въ списокъ *избираемыхъ* на приходскія должности вносится всякій прихожанинъ: 1) имѣющій полныхъ 30 л. отъ роду (въ Солуни свыше 35 л.), 2) пользующійся общимъ уваженіемъ прихожанъ, 3) умѣющій читать и писать, 4) живущій въ приходѣ не менѣе 4 лѣтъ (въ Халкидонѣ могущій при томъ уплачивать ежегодно свыше 100 піастровъ—5 р., въ остальныхъ же общинахъ—болѣе, чѣмъ платятъ избиратели).

Лишаются права избирать или быть избранными слѣдующіе прихожане: 1) состоящіе въ незаконныхъ связяхъ или по другимъ какимъ причинамъ находящіеся подъ церковной эпитиміей, 2) лишенные гражданскихъ правъ и не возстановленные въ нихъ, 3) объявленные несостоятельными и всѣ лишенные права свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ, какъ напр. за расточительность и по другимъ причинамъ находящіеся подъ опекой, и не представившіе свидѣтельства о возстановленіи ихъ въ своихъ правахъ, 4) тѣ, о которыхъ объявленъ приговоръ Постояннаго Народнаго Смѣшаннаго Совѣта, какъ о лицахъ, злоупотребляющихъ церковными или народными средствами, 5) управлявшіе кассами храмовъ, школъ или другихъ благодѣтельныхъ учрежденій, но по своей нерадивости не давшіе отчета въ ихъ управленіи, 6) не внесшіе опредѣленнаго денежнаго взноса на приходскія или народныя нужды, напр. на нужды богослуженія, содержаніе школъ и т. п., 7) служащіе по найму въ храмахъ, школахъ или въ составѣ служителей, охраняющихъ учрежденія прихода, какъ то: ночные сторожа, пожарные и пр., 8) учителя мѣстныхъ приходскихъ и частныхъ

школъ, если они живутъ въ томъ же приходѣ, гдѣ учатъ, 9 и 10) сыновья, живущіе при отцѣ и зависимые отъ него, или братья, живущіе въ одномъ домѣ и другъ отъ друга зависимые (избирательными правами пользуется отецъ или старшій братъ), 11) имѣющіе двойное жительство и записавшіеся уже въ одинъ изъ приходовъ.

Чтобы собраніе имѣло законную полноту, 13-й ст. приходскаго устава Константинопольской архіепископіи требуется, чтобы на лицо было по меньшей мѣрѣ изъ перваго разряда энориговъ 50 челов., изъ второго 30, изъ третьяго 16, изъ четвертаго 12 человѣкъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ [1]). Мѣстомъ приходскаго собранія служитъ залъ церковнаго попечительства и приходскихъ школъ. Собраніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ настоятеля энорііи—епископа [2]), или священника, или, за его отсутствіемъ, его замѣстителя по назначенію патріархіи, а въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ—патріаршаго экзарха (17 ст.). Предсѣдатель собранія, по установленіи закономъ „полноты собранія“, объявляетъ начало засѣданія, руководитъ преніями, даетъ слово по порядку — просящимъ слова, заботится о сохраненіи порядка и предлагаетъ вопросъ на голосованіе, но самъ не имѣетъ голоса (18 ст.). Выборы должностныхъ лицъ производятся обычнымъ всюду порядкомъ, — изъ намѣченныхъ раньше лицъ, тайнымъ голосованіемъ (не шарами, а билетиками). Избранными считаются получившіе абсолютное большинство голосовъ (т. е. болѣе половины присутствовавшихъ и голосовавшихъ членовъ). Въ теченіе maximum 3-хъ дней послѣ этого собранія предсѣдатель представляетъ въ подроб-

---

[1]) При неудачѣ перваго собранія, назначается второе; при неудачѣ же и второго собранія, Патріаршій Центральный Смѣтный Совѣтъ назначаетъ пригодныхъ служебныхъ лицъ собственною властію, а на посылку представителей для участія въ выборѣ членовъ Совѣта и патріарха приходъ лишается своего права (ст. 28).

[2]) Въ Константинопольскомъ патріархатѣ есть настоятели приходовъ и изъ архіереевъ.

номъ изложеніи результаты засѣданія патріархіи на утвержденіе, присоединяя къ донесенію и относящіеся къ дѣлу документы.

Постоянное управленіе дѣлами приходской общины возлагается на *церковную эпитропію* или *попечительство*. Ни въ чемъ, кажется, не обнаруживается въ такой степени вліяніе мірского элемента на жизнь прихода, какъ въ дѣятельности церковныхъ эпитропій. Будучи вообще весьма сильнымъ факторомъ приходской жизни, мірской элементъ однако проявляется не вездѣ въ одинаковой степени: въ однѣхъ епархіяхъ онъ болѣе уступаетъ епархіальной власти („митрополіи"), въ другихъ менѣе. Существуетъ два типа приходскихъ уставовъ: *Халкидонскій* и *Солунскій*. По „уставу священныхъ храмовъ Халкидонской епархіи" (1899 годъ), „всѣ священные храмы *подчинены исключительно Священной Митрополіи* (ст. 1). Предсѣдательство церковной эпитрополіи по званію (ipso jure, αὐτοδικαίως) принадлежитъ митрополиту, а въ его отсутствіе, тому изъ членовъ эпитропіи, кого она изберетъ и кого утвердитъ митрополитъ (ст. 2). Эпитропія имѣетъ также по выбору, изъ своей среды казначея и секретаря и свою печать. Она засѣдаетъ постоянно (дважды въ мѣсяцъ) и экстренно, когда понадобится, по приглашенію предсѣдательствующаго (ст. 12). Кругъ вѣдѣнія и дѣятельности церковной эпитропіи, по Халкидонскому уставу, весьма обширенъ. Эпитропія, конечно, прежде всего „заботится о благоприличномъ и добромъ содержаніи храма, объ увеличеніи его доходовъ, управляетъ его имуществомъ, сдаетъ церковныя имѣнія въ аренду, имѣетъ тщательно составленный инвентарь имѣній и опись священныхъ одеждъ и сосудовъ, которые передаетъ для храненія настоятелю, заботится о выгодной сдачѣ мѣстъ гипекона, разсматриваетъ и утверждаетъ предварительную смѣту, составленную казначеемъ, отъ каковой можетъ, если представится необходимость, расходовать экстренно до 10 лиръ (лира—8 р. 60 к.)

однажды въ годъ“ (ст. 14). Но что особенно важно, эпитропія, по соглашенію съ настоятелемъ, распоряжается низшими церковниками, регулируетъ причтовые доходы и держитъ контроль надъ поведеніемъ всѣхъ членовъ причта. Она, говорится далѣе въ томъ же уставѣ, „опредѣляетъ и увольняетъ пѣвцовъ, канонарховъ, церковныхъ сторожей и помощниковъ ихъ по соглашенію съ настоятелемъ, который въ каждой общинѣ имѣетъ не только право надзора надъ остальными священниками и діаконами, но и наблюдаетъ за всѣмъ вообще внутреннимъ порядкомъ въ св. храмѣ, съ отвѣтственностью во всякомъ случаѣ предъ священной митрополіей“ (ст. 14). Эпитропія можетъ также возбуждать дѣло о вразумленіи или объ устраненіи отъ должности недостойнаго клирика. „Если она съ несомнѣнностью узнала о проступкѣ (кого-либо изъ іереевъ), то дѣлаетъ представленіе настоятелю объ исправленіи его, а, въ случаѣ нужды, сносится непосредственно съ священной митрополіей, которая одна только можетъ наказать, устранить отъ должности и позаботиться о замѣнѣ его другимъ“. Мало того, уставъ даже назначаетъ время, къ которому могутъ поступать ходатайства о смѣнѣ въ приходѣ неугодныхъ членовъ клира: „За мѣсяцъ передъ праздникомъ св. Георгія, эпитропія, если есть нужда въ смѣнѣ іереевъ общины, представляетъ объ этомъ священной митрополіи съ изложеніемъ основаній для сего“ (ст. 15). Она же, „по соглашенію съ настоятелемъ, опредѣляетъ плату за священнодѣйствія и составленную таксу представляетъ на одобреніе въ митрополію“, равно какъ опредѣляетъ жалованье и плату муктари за выдаваемыя имъ нотаріальныя удостовѣренія (ст. 16 и 17). Уставъ принимаетъ также мѣры противъ злоупотребленій эпитропіи общественнымъ довѣріемъ (незаконнаго расходованія церковныхъ суммъ, продажи и покупки имѣній помимо общаго собранія и пр.), а также точно устанавливаетъ время и порядокъ строгаго контроля надъ дѣятельностью эпитропіи [1]).

[1]) Въ концѣ каждаго двухмѣсячнаго періода въ году книги по управленію обязательно представляются къ учету въ постоянную учетную

Въ Халкидонской епархіи и другихъ, имѣющихъ однородное устройство (митрополіи Ираклійская, Дерконская и пр.), почти вся власть по управленію приходами подѣлена между митрополіей и приходскими учрежденіями—эпитропіями и эфоріями. Между тою и другими почти нѣтъ никакого церковно-народнаго представительства (ἀντιπροσωπεία), въ смыслѣ „постояннаго“ учрежденія, вѣдающаго церковно-общинную жизнь въ епархіи [1]). Оттого епархіальная власть здѣсь болѣе сильна; эпитропіи и эфоріи здѣсь подчинены митрополіи непосредственно. Иначе обстоитъ дѣло въ *Солунской* митрополіи и другихъ епархіяхъ, имѣющихъ подобное ей устройство. По „уставу Еллинской Православной Общины въ Солуни“ (1892 г.), г. Солунь съ его 40-тысячнымъ греческимъ населеніемъ разсматривается, какъ одно церковное общество — κοινότης. Этому обществу принадлежитъ 14 церквей въ городѣ и нѣсколько часовень (аγіазмъ) въ окрестностяхъ города. Другія церкви въ городѣ къ городской общинѣ не принадлежатъ, какъ монастырскія или ставропигіальныя. Солунская община, какъ и всѣ православные христіане, живущіе въ городѣ, „подчинены юрисдикціи Солунскаго митрополита“, который есть „высшій управитель и надзиратель всѣхъ дѣлъ общины и ipso jure предсѣдатель всѣхъ правительственныхъ ея учрежденій“ (ст. 1 и 2). Управленіе Солунской общиной сосредоточивается въ рукахъ особаго представительства или антинросопіи, которая состоитъ изъ 40 членовъ, выбираемыхъ общимъ закрытымъ голосованіемъ (по билетикамъ) въ м. маѣ на четыре года. Эта

эпитропію, а по истеченіи двухлѣтняго срока эпитропія должна передать своей преемницѣ книги по управленію послѣ провѣрки ихъ. Въ противномъ случаѣ не только принимаются противъ нея должныя мѣры св. митрополіей, но и имена ея членовъ изглаживаются изъ избирательнаго списка (ст. 19 и 20).

[1]) Существующій тамъ при митрополіи Церковно-народный Смѣшанный Совѣтъ, избираемый епархіальнымъ собраніемъ и состоящій изъ 6—8 человѣкъ, вѣдаетъ лишь судъ и церковные доходы.

антипросопія составляетъ „Правленіе“ (Ἀρχή), которое, впрочемъ, въ полномъ составѣ собирается лишь періодически, по приглашенію митрополита и подъ его предсѣдательствомъ (въ іюнѣ и іюлѣ), или экстренно, въ виду особой нужды. Въ періодическихъ собраніяхъ антипросопіи сначала представляются мѣстными эфоріями (попечительствами) педагогическихъ и филантропическихъ учрежденій общины доклады и отчеты объ управленіи, избираются тайнымъ голосованіемъ трехчленныя учетныя комиссіи (эпитропіи) для провѣрки отчетовъ эфорій, избираются эфоры учрежденій. Въ слѣдующемъ постоянномъ собраніи антипросопіи заслушиваются доклады учетныхъ комиссій о ревизіи и обсуждаются представляемыя эфоріями смѣты доходовъ и расходовъ на наступающій годъ. Но антипросопія завѣдуетъ приходскими дѣлами и въ остальное время. Постояннымъ органомъ ея управленія служитъ выдѣляемая изъ нея 6-членная *демогеронтія*, состоящая подъ предсѣдательствомъ митрополита и собирающаяся въ залѣ митрополіи постоянно разъ въ недѣлю или экстренно, въ случаѣ нужды. Она вѣдаетъ всѣ дѣла, касающіяся приходской жизни (кромѣ школъ, для которыхъ суствуетъ особая 6-членная эфорія): утверждаетъ церковныхъ эпитроповъ, дѣлаетъ постановленія о чрезвычайныхъ расходахъ приходовъ и пр. Непосредственное завѣдываніе приходскимъ храмомъ принадлежитъ двумъ избираемымъ прихожанами церковнымъ *эпитропамъ* (по нашему —„старостамъ“), изъ которыхъ одинъ состоитъ казначеемъ. „Эпитропы каждой церкви заботятся о добромъ управленіи и содержаніи храма, назначаютъ собственною властію низшихъ служащихъ при храмѣ, а пѣвцовъ—съ одобренія митрополита, распоряжаются имуществомъ храма, производятъ обычные расходы и выдаютъ билеты на право пользованія мѣстами въ женскомъ отдѣленіи храма“ (ст. 22). По истеченіи годичнаго срока эпитропы представляютъ приходскому собранію для провѣрки отчетъ объ управленіи церковнымъ имуществомъ, который потомъ посылается повѣрочной комиссіей для утвержденія въ

митрополію и демогеронтію“ (ст. 24).—Такимъ образомъ, въ Солунской митрополіи антипросопія составляетъ стоящее рядомъ съ митрополіей высшее административно-распорядительное учрежденіе въ общинѣ, которое, имѣетъ право обсуждать всѣ стороны церковно-приходской жизни и направлять ее по своему желанію и въ интересахъ общины. Она можетъ даже, по 8 ст. „устава объ избраніи архіереевъ“, „просить Высокую Порту или Священный Синодъ и Смѣшанный Совѣтъ патріархіи объ удаленіи епископа, дѣйствующаго несогласно съ интересами общины, равно какъ ведетъ дѣло чрезъ демогеронтію въ случаѣ недовольства своимъ священникомъ. Если въ Халкидонской епархіи всѣ приходскія учрежденія (приходскія собранія, эпитропіи, эфоріи) зависятъ непосредственно отъ митрополита, то въ Солуни эти учрежденія зависятъ прямо отъ антипросопіи и ея постоянныхъ комиссій: 6-членной демогеронтіи и также 6-членной эфоріи (по школьнымъ дѣламъ). Антипросопія въ Солунской епархіи хотя и дѣйствуетъ вообще съ утвержденія митрополита, но болѣе независимо. Митрополиту Солунскому труднѣе считаться съ антипросопіей и ея комиссіями—демогеронтіей и эфоріей, нежели, напр., м. Халкидонскому съ приходскими учрежденіями. Это отражается и на характерѣ приходской жизни: въ Халкидонѣ рядомъ съ эпитропіей стоитъ настоятель прихода (προϊστάμενος), безъ совѣщанія съ которымъ не дѣлается обычныхъ церковныхъ расходовъ, не назначаются къ церкви чтецы, пѣвцы, канонархи, не вчинается дѣло о неугодныхъ священнослужителяхъ. Въ уставѣ Солунской православной общины объ этомъ ничего не сказано. Благодаря антипросопіи, въ Солуни мірской элементъ играетъ въ приходской жизни гораздо большую роль.

Каково же служебное положеніе въ Константинопольскомъ патріархатѣ приходскаго духовенства?

Прежде всего—о порядкѣ назначенія священнослужителей въ приходъ. Въ Константинопольской архіепископіи высшее управленіе по дѣламъ, касающимся общественнаго

богослуженія и церковнаго благочинія, священнаго клира и церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, сосредоточивается въ Центральной Патріаршей Церковной Эпитропіи, избираемой на два года патріархомъ „изъ клириковъ всѣхъ священныхъ степеней, извѣстныхъ наибольшими знаніемъ, благоразуміемъ и опытностью“ (Уст. Ц. П. Ц. Эпитропіи, ст. 1 и 3). Въ числѣ 8 членовъ ея, въ качествѣ непремѣнныхъ по самому своему положенію, засѣдаютъ *протосинкеллъ* и *архидіаконъ*. Они-то стоятъ во главѣ отдѣленія Ц. П. Ц. Эпитропіи, вѣдающаго клиръ вообще. Отъ нихъ зависитъ въ административномъ порядкѣ опредѣленіе клира и наблюденіе за надлежащимъ отправленіемъ имъ своихъ обязанностей. Должность протосинкелла весьма сложна. Онъ—довѣренное лицо патріарха, его намѣстникъ и викарій, исполняющій всякія порученія его („представительство“ при офиціальныхъ визитахъ, сношенія съ Портой, ревизія церквей...). Онъ—правитель патріаршей канцеляріи и докладчикъ патріарху по епархіальному и отчасти центральному управленію. Въ епархіи же Константинопольской онъ — главный начальникъ священниковъ. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся клира, онъ пользуется высшей компетенціей. Онъ докладываетъ Ц. П. Ц. Эпитропіи всѣ дѣла о священникахъ и при рѣшеніи ихъ занимаетъ въ ней первое мѣсто. Въ его рукахъ сосредоточиваются и всѣ дѣла о назначеніи на приходъ священниковъ. Какъ великій протосинкеллъ въ архіепископіи—начальникъ священниковъ, такъ великій архидіаконъ—главный начальникъ всѣхъ діаконовъ, во всѣхъ же учрежденіяхъ, вѣдающихъ дѣла духовенства, онъ — помощникъ и намѣстникъ великаго протосинкелла.

Назначеніе кандидатовъ на приходскія мѣста производится протосинкелломъ или архидіакономъ съ совѣтами при нихъ, по прошенію прихожанъ: „безъ опредѣленной церкви и безъ письменной просьбы прихода—сказано въ программѣ требованій отъ лицъ, производимыхъ во священство или на должность духовника (Собр. ц. уставовъ, іером. Михаила,

стр. 204—205), — никто не можетъ быть представленъ къ хиротоніи. Когда сдѣлавшееся вакантнымъ мѣсто имѣетъ быть замѣщено новопоставленнымъ, избраннѣйшіе обитатели (прихода) вмѣстѣ съ клиромъ и эпитропами, собравшись вмѣстѣ, избираютъ кандидата изъ своихъ же энорітовъ, а при недостаткѣ своихъ—изъ чужого прихода, и обращаются съ просьбою къ патріарху, ходатайствуя объ его посвященіи. Если же вакантное мѣсто имѣетъ быть замѣщено путемъ перевода [1]), то это дѣлается по собственному почину Вел. Протосинкелліей или Великой Протодіаконіей, избирающими болѣе достойнаго изъ благонадежныхъ іереевъ или діаконовъ". При ходатайствѣ о рукоположеніи избраннаго требуется удостовѣреніе въ его добромъ поведеніи отъ избраннѣйшихъ прихожанъ его епархіи, а также выпускное свидѣтельство духовной или свѣтской школы. При неимѣніи послѣдняго, избранный кандидатъ подвергается равносильнымъ испытаніямъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на священныя науки, и между ними—на умѣніе совершать богослуженія (для лицъ, ищущихъ пресвитерскаго сана). Только по выдержаніи надлежащаго испытанія и удостовѣреніи обо всемъ, требуемомъ отъ кандидата священства, слѣдуетъ рукоположеніе и назначеніе его на приходское мѣсто. Но Ц. П. Ц. Эпитропія продолжаетъ слѣдить за членами клира и на службѣ и принимаетъ мѣры къ надлежащему наставленію ихъ въ исполненіи обязанностей. Въ Великой Протосинкелліи имѣются свѣдѣнія о всѣхъ священникахъ архіепископіи. По уставу Ц. П. Ц. Эпитропіи, дважды въ годъ или сколько возможно чаще священники, діаконы и пѣвцы каждой церкви вызываются Великой Протосинкелліей въ извѣстные сроки съ соблюденіемъ очереди въ Эпитропію и „получаютъ надлежащія наставленія, внушенія и предупрежденія о благоприличномъ поведеніи и образѣ дѣйствованія въ св. храмѣ,

[1]) Полагаемъ, въ случаѣ если приходъ своего кандидата не представитъ.

о внятномъ и проникновенномъ чтеніи и псалмопѣніи при всякой священной службѣ, о вразумительномъ произношеніи и пѣніи, со страхомъ Божіимъ, эктеній, молитвъ и гимновъ божественной литургіи и о всемъ другомъ совершающемся въ храмѣ, чтобы соблюдалась гармонія, необходимая для возбужденія религіознаго чувства благочинія“ (ст. 22).

Составъ причта въ приходѣ не одинаковъ, но вообще довольно значителенъ. Такъ, по приходскому уставу, изданному въ 1881 г., всѣ приходы раздѣляются на три категоріи: приходы первой категоріи обязываются имѣть 4 священниковъ, второй—3 и третьей—2. Не возбраняется имѣть и больше священниковъ, но содержаніе ихъ не должно быть относимо на счетъ тѣхъ суммъ, на которые содержатся штатные священники, а должны быть изысканы для этого особыя средства. Къ числу штатныхъ священниковъ принадлежитъ и духовникъ, опредѣляемый великой протосинкелліей (§ 20—24). Дѣло проповѣди возлагается на особыхъ лицъ, іерокириксовъ, которыхъ содержатъ приходы по своимъ средствамъ. По уставу 1881 г., они обязаны неопустительно проповѣдывать слово Божіе во всѣ воскресные и праздничные дни и, кромѣ того, преподавать Законъ Божій въ мѣстной приходской школѣ (§ 29—32). Если присоединить къ этимъ лицамъ еще діаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и другихъ служащихъ при церкви, то нельзя не признать, какая значительная тяжесть для прихода содержать свой причтъ.

П. Петрушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 27.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года іюля 2-го дня.

Содержаніе: Къ вопросу о богослужебной реформѣ.—Чѣмъ долженъ быть приходъ (окончаніе).—Приходская жизнь на Православномъ Востокѣ (окончаніе).—Къ семинаристамъ.

Къ вопросу о богослужебной реформѣ.

(Изъ современныхъ толковъ и разговоровъ)

Пишущему эти строки выпалъ какъ-то случай разговориться съ однимъ лицомъ изъ нашего свѣтскаго интеллигентнаго общества, человѣкомъ-искренне вѣрующимъ, любящимъ посѣщать храмы Божіи и принимающимъ близко къ сердцу современные толки о несовершенствѣ, отсталости, безжизненности современнаго православно-русскаго богослуженія. Съ первыхъ же словъ стало яснымъ, что и онъ, не взирая на свою неподдѣльную религіозность, во многомъ сторонникъ отрицательныхъ взглядовъ на наше богослуженіе и не прочь—потребовать коренной его реформы какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны. Господствующіе въ обществѣ и пе-

чати толки, видимо, расшевелили мысль моего собесѣдника, побуждая критически, сознательно относиться ко всему, что совершается въ храмѣ Божіемъ.

— Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы то обстоятельство, что мы, христіане, за нашей службой вынуждены молиться вмѣстѣ съ іудеями, жившими за сотни лѣтъ до пришествія Христова, должны переживать тѣ же молитвенныя думы и чувства и даже повторять тѣ же молитвенныя слова, которыя раздавались еще въ скиніи!—говорилъ мой собесѣдникъ.—Стоимъ мы, православные христіане двадцатаго вѣка, за всенощнымъ бдѣніемъ... Читается шестопсалміе, читается долго и, предположимъ, „со умиленіемъ и страхомъ Божіимъ“, какъ сказано въ часословѣ, и вотъ мы должны „со всякимъ молчаніемъ и умиленіемъ слушающе“, молиться Отцу Небесному словами, мыслями, чувствами ветхозавѣтнаго молитвенника! Но, скажите, возможны ли теперь для насъ тѣ душевныя „переживанія“, какія испытывалъ онъ? Если же предположить, что наши христіанскія души способны слиться въ молитвѣ съ ветхозавѣтной душей, то гдѣ же высота и преимущество христіанскаго нравственнаго и религіознаго чувства и міросозерцанія предъ іудействомъ, гдѣ различіе отношеній къ Отцу Небесному христіанина и къ Іеговѣ человѣка подзаконнаго? Но наше богослуженіе изобиліемъ въ немъ ветхозавѣтныхъ элементовъ воспитываетъ въ насъ искуственную и вредную привычку симулировать свои религіозныя состоянія, и мы, не чувствуя подъ конецъ глубокаго и коренного различія между ветхозавѣтнымъ и евангельскимъ духомъ, одинаково способны умиляться и трогаться и молитвой Манассіи, царя іудейскаго, и возвышеннѣйшимъ христіанскимъ молитвеннымъ гимномъ!.. Съ одной стороны—„воутріе избивахъ вся грѣшныя земли“, съ другой—любовь и всепрощеніе врагамъ! Не парализуется ли, не ослабляется ли подобными диссонансами возвышающее душу, воспитательное значеніе богослуженія, и не пора ли серьезно подумать объ устраненіи изъ состава богослуженія ветхозавѣт-

наго элемента?. Какъ бы тогда одухотворилось, возвысилось и, въ то же время, близкимъ стало нашей душѣ православное богослуженіе!

Что можно было возразить моему просвѣщенному собесѣднику на его мнѣнія, высказанныя съ такой безповоротной прямолинейностію, которая свойственна и обычна нашимъ современнымъ публицистамъ и которая, видимо, успѣла овладѣть умомъ и смутить вѣрующую душу православнаго русскаго интеллигента? Оставалось одно—показать неосновательность, легкомысліе распространенныхъ у насъ въ печати и обществѣ критическихъ сужденій и взглядовъ на богослуженіе и обратиться къ личнымъ чувствамъ, „переживаніямъ“, какія испытывалъ мой собесѣдникъ ранѣе за богослуженіемъ, пока не коснулась еще его души и сердца жестокая, безпощадно-грубая рука нашего доморощеннаго критицизма.

— Не сомнѣваюсь въ искренности вашихъ мнѣній, вѣрю глубинѣ вашего смущенія душевнаго изъ-за указанныхъ вами странностей въ богослуженіи, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ; но вполнѣ и сразу согласиться съ вами не могу,—началъ я свою попытку убѣдить его въ неправотѣ и односторонности высказанныхъ сужденій.—Многое (если не всё) изъ того, что признается теперь у насъ обществомъ и печатью въ богослуженіи страннымъ, ненужнымъ, требующимъ упраздненія, на самомъ дѣлѣ должно оказаться вполнѣ необходимымъ, разумнымъ, имѣющимъ непреходящее значеніе, если мы шире, вдумчивѣе и безпристрастнѣе отнесемся къ предмету. Прежде всего, когда мы за богослуженіемъ внимаемъ молитвамъ, вдохновеннымъ псалмамъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, во главѣ съ Давидомъ, то это, по-моему, вовсе не значитъ, что мы вынуждаемся молиться вмѣстѣ съ древними іудеями, возвращаться своими чувствами, мыслями отъ 20-го вѣка на двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ назадъ. Совсѣмъ нѣтъ! Здѣсь намъ, слабымъ, часто безпомощнымъ въ области религіознаго самосознанія, предлагаются совершеннѣйшіе, такъ сказать, міровые и общечеловѣческіе образцы

выраженія чистаго религіознаго чувства, молитвеннаго экстаза, примѣры наивысшаго приближенія и общенія духа человѣческаго съ Божествомъ. И въ этихъ, вѣчно жизненныхъ и юныхъ образцахъ возношенія ума и сердца къ Богу мы, христіане, находимъ истинную духовную „усладу“ и помощь въ собственной молитвѣ. Подобно тому какъ существуютъ въ литературѣ совершеннѣйшія произведенія творческаго человѣческаго духа, вѣчно жизненныя, всегда способныя воздѣйствовать на развитую, воспріимчивую душу человѣка, независимо отъ времени появленія и національности ихъ творцовъ и, потому, справедливо называемыя міровыми, вѣчными; подобно тому—почему же не быть и въ самой высшей области духовной жизни человѣка, въ религіозной, *такимъ же вѣчнымъ, міровымъ, для всѣхъ* временъ и людей одинаково жизненнымъ и совершеннѣйшимъ твореніямъ? И они, такія творенія, есть, и къ числу ихъ относятся именно созданія богопросвѣщеннаго, вѣрующаго творческаго духа ветхозавѣтныхъ праведниковъ. И вотъ, между прочимъ, въ чемъ ихъ права на занятіе виднаго мѣста въ нашемъ богослуженіи, ихъ высокое воспитательное значеніе для всѣхъ христіанъ. *Не додумались же мы до того, чтобы вычеркнуть* изъ литературы и выкинуть изъ библіотекъ творенія міровыхъ геніевъ—Гомера, Платона, Виргилія, Оссіана: не нашего, молъ, они времени, не нашей народности, и не къ чему намъ испытывать тѣ „переживанія“, какія выражены въ ихъ чудныхъ произведеніяхъ; такъ почему же настойчиво и рѣшительно требуемъ устраненія изъ богослужебнаго обихода совершеннѣйшихъ созданій религіозно-вдохновеннаго человѣческаго генія, притомъ имѣющихъ несравненно болѣе правъ на міровое безсмертіе! Умственно и художественно развитый человѣкъ всегда будетъ испытывать высокое эстетическое наслажденіе отъ тѣхъ психическихъ переживаній, которыя даются міровыми произведеніями литературы; и глубоко вѣрующій, съ развитыми религіозными запросами, ищущій близкаго общенія съ Божествомъ, человѣкъ-христіанинъ всегда по-

черпаетъ несказанную усладу, сердечное и душевное успокоеніе и силу къ религіозному подъему въ тѣхъ глубоко-возвышенныхъ психическихъ переживаніяхъ, какія испытывалъ, напримѣръ, Давидъ, и запечатлѣлъ на вѣки-вѣчные въ своихъ художественно прекрасныхъ, боговдохновенныхъ псалмахъ, сдѣлавъ ихъ, такимъ образомъ, доступными милліонамъ истинно-чисто и свято-вѣрующихъ душъ. Теперь, мнѣ думается, должно быть всякому ясно, что, внимая ветхозавѣтнымъ молитвамъ, псалмамъ, мы вовсе не вынуждаемся молиться вмѣстѣ съ ветхозавѣтными іудеями; здѣсь наша, хотя и христіанская, но часто хладная, немощная душа, сливаясь въ могучемъ и пламенномъ пареніи къ Богу богопросвѣщеннаго, вдохновеннаго человѣческаго генія вѣры, и сама окрыляется, становится пламеннѣе, ближе къ Богу, и въ этомъ—главное, великое, вѣчное значеніе подобныхъ молитвъ и особенно псалмовъ! Не напрасно употребленіе псалмовъ освятилъ своимъ примѣромъ Самъ Господь, воспѣвъ ихъ послѣ тайной вечери, не напрасно широко пользовались ими христіане всѣхъ временъ, и святые отцы Церкви единодушно преклонялись предъ глубиной и дѣйственностью ихъ содержанія. Да что говорить много: обратитесь къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ, припомните, что переживали вы, что чувствовали въ сердцѣ, въ душѣ, когда приходилось вамъ за богослуженіемъ внимать содержанію псалмовъ, особенно въ тѣ времена, какъ души вашей еще не коснулись современныя скептическія вѣянія въ религіозной области. Вспомните, что испытывали и переживали вы душей въ тихія минуты чтенія въ храмѣ чуднаго шестопсалмія, по поводу котораго и началась наша бесѣда. Вѣдь въ этихъ совершеннѣйшихъ изліяніяхъ-твореніяхъ вѣрующаго человѣческаго генія незримо заключена, живетъ, дышитъ, молится, скорбитъ и плачетъ, надѣется и радуется неумирающая человѣческая душа! И развѣ вы не ощущали ея присутствія, не сливались вмѣстѣ съ нею и не возносились мысленно къ Богу? Не сомнѣваюсь, вы испытывали, внимая чуднымъ словамъ, все несчастіе,

ужасъ, глубину страданія покинутаго, лишеннаго небесной помощи, человѣка; чувствовали, какъ оживаетъ ваша душа при мысли о близкомъ заступленіи свыше, какъ отчаяніе и слабость смѣняются свѣтлой надеждой и радостнымъ сознаніемъ возвращенія силъ, и вмѣсто унынія, душевной тревоги, миръ и сладостное успокоеніе осѣняли вашу душу, кроткая вѣра, твердое упованіе на Бога оживали съ новой силой... И такія чудныя религіозныя „переживанія“ давало вамъ ветхозавѣтное шестопсалміе, и даетъ, и будетъ давать оно тотъ же животворный молитвенный подъемъ множеству вѣрующихъ душъ, ищущихъ общенія съ Божествомъ!..

Мой почтенный собесѣдникъ, временно превратившійся въ слушателя, съ вниманіемъ, не прерывая, выслушалъ мою невольно затянувшуюся рѣчь; зная его искренность и прямодушіе, можно было ожидать, что онъ, если не откажется отъ своего односторонняго мнѣнія, то все же долженъ будетъ уступить и согласиться со мной во многомъ. Такъ и оказалось.

— Пусть будетъ по вашему,—заговорилъ Иванъ Ивановичъ:—пусть ветхозавѣтные молитвы и псалмы, подобно вѣчнымъ и міровымъ созданіямъ творческаго генія въ области литературы, имѣютъ право остаться навсегда и въ нашемъ богослуженіи; согласенъ признать я за псалмами и чудное, чарующее и возвышающее дѣйствіе на душу человѣка,—его испытывалъ и теперь испытываю я на себѣ самомъ, какъ вы вѣрно угадали. . Но какъ быть съ тѣмъ, слишкомъ человѣческимъ, чувственнымъ элементомъ, который присущъ ветхозавѣтнымъ твореніямъ и съ нѣкоторыми нравственными воззрѣніями, не согласимыми съ евангеліемъ? Согласитесь, вотъ хотя бы въ псалмахъ,—въ томъ же шестопсалміи,—развѣ не выступаетъ прежде всего человѣкъ со своими обыденными, земными печалями, тревогами, чувственно-тѣлесными страданіями и лишеніями, съ чувствами и страстями, создающимися на почвѣ житейскихъ отношеній? Здѣсь чувствуется, какъ вы вѣрно сказали, живая душа, но душа че-

ловѣка, живущаго еще, такъ сказать, чувственно—земною жизнію, не похожей на христіанскую... А такія мысли и выраженія, какъ „блаженъ мужъ, иже возметъ и избіетъ младенцы твоя о камень“, или: „воутріе избивахъ вся грѣшныя земли“?.. Вотъ подобные-то недочеты и особенности ветхозавѣтныхъ молитвенныхъ твореній—какъ примирите вы и приведете въ гармонію съ поклоненіемъ Богу „духомъ и истиною“?..

— И въ данномъ случаѣ,—пришлось мнѣ снова убѣждать своего собесѣдника,—ваши тревоги и опасенія за нарушеніе ветхозавѣтнымъ элементомъ чистоты и возвышенности христіанскаго богослуженія мнѣ представляются также совершенно напрасными. Нѣтъ здѣсь ни диссонанса, ни противорѣчія; а напротивъ, по-моему, частое и умѣстное употребленіе псалмовъ за богослуженіемъ—лучшее пріуготовленіе и вѣрный путь къ совершенному поклоненію и молитвѣ христіанской души „духомъ и истиною“. Не будь въ нашемъ богослуженіи ветхозавѣтнаго молитвеннаго элемента, гдѣ въ цѣлостныхъ и дивно-прекрасныхъ чертахъ, одинаково вѣрныхъ для каждаго человѣка, даже совершеннѣйшаго христіанина, изображена незримая драма человѣческой души, скованной тѣлесно-земными условіями существованія и, вопреки имъ, стремящейся къ свободному, вѣчному и сладостному общенію съ Божествомъ,—не будь, думается мнѣ, въ богослуженіи этого элемента, являющагося болѣе всего для насъ доступнымъ и понятнымъ по нашей личной тѣлесно-чувственной земной жизни, тогда одинъ строго-христіанскій составъ богослуженія, какъ выраженіе совершеннѣйшаго отношенія и обращенія къ Богу души, всецѣло отрѣшенной отъ всего земнаго, едва ли и былъ бы доступенъ для внутренняго постиженія и „переживанія“ большинству молящихся. Чудные ветхозавѣтные псалмы и, вообще, весь ветхозавѣтный элементъ представляютъ здѣсь ту полуземную, человѣческую почву, на которой намъ легко удержаться, и на которой выростаютъ у души нашей крылья для высшаго, чуждаго уже

всего земнаго и чувственнаго, возношенія къ небу и для христіанскаго молитвеннаго поклоненія только „духомъ и истиною“. Здѣсь именно заключается психологическое оправданіе присутствія и необходимости ветхозавѣтнаго элемента въ христіанскомъ богослуженіи. Устранить его—значитъ остаться безъ почвы, и сдѣлать это можно тогда, когда христіане перестанутъ быть тѣлесно-земными чувственными существами, какими были и сознавали себя ветхозавѣтные праведники!... Не должны смущать насъ и указанныя вами противорѣчія, скорѣе—менѣе возвышенныя воззрѣнія, встрѣчающіяся въ псалмахъ, по сравненію съ духомъ евангелія: вѣдь мы въ нихъ ищемъ и молитвенно переживаемъ только то общечеловѣческое и вѣчно-міровое, что выражено и запечатлѣно боговдохновеннымъ творцомъ, а не частное и временное, свойственное отдаленной ветхозавѣтной эпохѣ и неизбѣжно привзошедшее въ безсмертное созданіе вѣрующаго человѣческаго духа!..

На этомъ и закончилась наша бесѣда, заставившая, видимо, глубоко задуматься почтеннаго собесѣдника. И, кто знаетъ, не смягчитъ ли случайный разговоръ рѣзкость его сужденій, навѣянныхъ со стороны и напрасно смутившихъ вѣрующаго человѣка? Св. *А. В—ій.*

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

(Окончаніе [1]).

Вопросъ о приходскомъ самоуправленіи сводится главнымъ образомъ къ двумъ пунктамъ: къ вопросу о правѣ участія прихода въ управленіи церковнымъ имуществомъ, во-первыхъ, и къ вопросу о правѣ участія прихода въ назначеніи членовъ причта. Что касается до вопроса о предоста-

[1]) См. № 26-й за 1906 г.

вленіи приходу дисциплинарныхъ правъ надъ его сочленами, то этотъ вопросъ относится собственно не къ вопросу о приходскомъ самоуправленіи, а къ вопросу объ организаціи церковью дисциплинарнаго суда и потому въ данномъ случаѣ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ. Изъ указанныхъ выше двухъ вопросовъ вопросъ объ участіи прихода въ управленіи церковнымъ имуществомъ не возбуждаетъ особыхъ сомнѣній. Публичный характеръ прихода не измѣняется отъ того, кому поручено управленіе его имуществомъ: органамъ ли епархіальной власти, или, приходскимъ подъ надзоромъ епрхіальной власти. Приходскія попечительства могутъ управлять церковнымъ имуществомъ ничуть не хуже, чѣмъ церковный староста. Если церковнымъ попечительствамъ при самомъ ихъ возникновеніи не было передано управленіе церковными приходскими имуществами, тогда какъ казна передала городскія и земскія имущества въ вѣдѣніе новыхъ городскихъ и земскихъ учрежденій самоуправленія, то едва ли это послужило къ выгодѣ церкви. Какъ мы уже говорили, это сдѣлало самое существованіе и дѣятельность приходскихъ попечительствъ чѣмъ-то случайнымъ и безъ нужды задержало развитіе приходскаго самоуправленія. Припомнимъ, что земская школа развилась изъ тѣхъ казенныхъ школъ, которыя переданы были земству послѣ его учрежденія. Въ то же время, самое управленіе церковными имуществами при общей неподвижности и формальности управленія изъ центра, пріобрѣло слишкомъ шаблонный характеръ. Для церковныхъ средствъ осталось лишь одно помѣщеніе въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ. Воспрещая отдачу церковныхъ капиталовъ въ частныя руки, епархіальное начальство имѣло въ виду лучше обезпечить цѣлость церковнаго имущества. Прежде, когда церковныя суммы раздавались въ долгъ прихожанамъ, бывали случаи, что должникъ оказывался несостоятельнымъ. Предупреждая возможность подобныхъ случаевъ огульнымъ воспрещеніемъ отдавать церковныя деньги взаймы, упустили изъ виду, что на это нельзя смотрѣть съ узко

фискальной точки зрѣнія. Помогая прихожанину въ моментъ хозяйственнаго затрудненія, приходская церковь тѣмъ самымъ поддерживаетъ источникъ своихъ доходовъ и своего благосостоянія; даже безвозвратное пособіе ему можетъ поэтому оказаться выгоднымъ, даже съ экономической точки зрѣнія, помѣщеніемъ церковнаго капитала.

Еще важнѣе принципіальныя соображенія. На церкви и приходѣ лежала и теперь лежитъ обязанность заботиться о бѣдныхъ; но гораздо и выгоднѣе и цѣлесообразнѣе предупредить обѣднѣніе прихожанина, чѣмъ быть вынужденнымъ содержать того же прихожанина, когда онъ совершенно обѣднѣетъ. Если бы казна приходской церкви сдѣлалась такимъ же приходскимъ учрежденіемъ мелкаго кредита, какимъ она была въ древней Руси, то, при надлежащей постановкѣ дѣла, это могло бы быть во всѣхъ отношеніяхъ выгодно какъ для церкви, такъ и для прихожанъ. Но само собой понятно, что такое управленіе церковнымъ имуществомъ подъ силу лишь органамъ приходскаго самоуправленія, а для центральной власти умѣстенъ лишь надзоръ. Было бы даже большою ошибкою организовать приходское церковно-имущественное управленіе по одному шаблону, опредѣливъ его напередъ во всѣхъ деталяхъ организаціи. Разъ дѣло касается только церковно-имущественнаго управленія, то принципы ктиторскаго права, допускавшіе самую разнообразную организацію управленія церковнымъ имуществомъ въ зависимости отъ особенностей каждаго даннаго конкретнаго случая, заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія. Недостатокъ ктиторскаго права заключался въ смѣшеніи началъ частнаго и публичнаго права; но разъ это смѣшеніе устранено, то принципы ктиторства слѣдуетъ признать и справедливыми и цѣлесообразными. Лицу, которое, напр., устроило церковь на свои средства, естественно предоставить и наибольшую долю участія въ управленіи ея имуществомъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ вопросѣ объ имущественномъ управленіи дѣло идетъ не столько о принципахъ церковнаго управленія, которые совершенно обезпе-

чиваются правомъ епископскаго надзора, сколько о практическихъ удобствахъ и цѣлесообразности.

Иначе обстоитъ дѣло съ правомъ участія въ назначеніи священника и вообще членовъ причта. Право это касается самаго нерва церковнаго управленія въ собственномъ смыслѣ слова и не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ частно-правового титула, какимъ являются имущественныя права прихода на церковь и ея имущество. Недостатокъ ктиторскаго и патронатскаго права и заключался именно въ тѣхъ чрезвычайныхъ привиллегіяхъ, какія давались ими собственникамъ церкви и которыя не могутъ быть имъ предоставлены, разъ священникъ признается за пастыря, а не за требоисправителя по найму. Возстановленіе права приходскаго выбора священника въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ древней Россіи, и невозможно и нежелательно. Это равнялось бы такому пониженію ценза священника, о которомъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Утвердившійся порядокъ, что на мѣсто священника могутъ претендовать лишь кандидаты, уже признанные со стороны епархіальнаго начальства и что выборъ ограниченъ только такими кандидатами, долженъ быть сохраненъ въ полной силѣ. Можно лишь пожелать, чтобы достоинства кандидата на священство опредѣлялись не однимъ лишь свидѣтельствомъ объ успѣшномъ прохожденіи курса богословскихъ наукъ. Клерикальная дисциплина, далѣе, требуетъ, чтобы лица, желающія быть опредѣленными на данный приходъ, подавали заявленія объ этомъ епархіальной власти совершенно независимо отъ прихожанъ. На выборъ послѣднихъ можетъ быть предоставленъ лишь списокъ заранѣе одобренныхъ епископомъ кандидатовъ. Допустить прихожанъ къ выбору священника желательно въ силу того, что онъ долженъ быть пастыремъ, успѣхъ дѣятельности котораго находится въ прямой зависимости отъ взаимной близости между нимъ и пасомыми. Изъ нѣсколькихъ одинаково достойныхъ кандидатовъ

выполнить свою миссію съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ тотъ, за кого выскажутся его будущіе пасомые.

Этимъ принципомъ опредѣляется и составъ избирателей. Ими могутъ быть только дѣйствительные прихожане, т. е. не просто лица, числящіяся православными и проживающія въ предѣлахъ прихода, но дѣйствительные сыны Церкви, исполняющіе ея предписанія и избравшіе данную приходскую церковь какъ мѣсто исполненія этихъ предписаній.

Какія-нибудь юридическія привиллегіи для отдѣльныхъ прихожанъ, въ зависимости отъ ихъ богатства, общественнаго положенія и т. п., были бы въ данномъ случаѣ не умѣстны: всѣ пасомые въ глазахъ пастыря имѣютъ право на одинаковое вниманіе, и слѣдовательно голосъ каждаго изъ нихъ долженъ быть одинаково принимаемъ въ выборѣ пастыря, который въ принципѣ можетъ быть только добровольнымъ. Нѣтъ поэтому основаній не допускать къ участію въ выборахъ и женщинъ, разъ онѣ удовлетворяютъ цензу дѣйствительнаго прихожанина. Мы уже и ранѣе указывали, что территоріальный признакъ не можетъ быть признанъ рѣшающимъ въ вопросѣ о принадлежности къ приходу даже для сельскихъ мѣстностей, не говоря уже о городахъ, гдѣ требованія цѣлесообразнаго пастырства по необходимости заставляютъ отступать отъ стараго территоріальнаго принципа. Нельзя упускать изъ виду, что населеніе городовъ дѣлится на классы и группы гораздо болѣе устойчивыя, чѣмъ какія бы то ни было территоріальныя дѣленія, всегда являющіяся условными. Эти классы и группы различаются и по образованію, и по соціальному положенію, и по условіямъ жизни, а слѣдовательно и по недостаткамъ и порокамъ, вызываемымъ этими условіями. Раціональное пастырство требуетъ примѣненія различныхъ пріемовъ въ зависимости отъ этихъ различій. Поэтому наилучшимъ приходскимъ дѣленіемъ въ настоящее время слѣдовало бы признать такое дѣленіе, при которомъ были бы приняты во вниманіе эти классовыя и групповыя различія. Уже и въ настоящее время суще-

ствуютъ особые приходы для военныхъ, для учащихся различныхъ учебныхъ заведеній и т. д., очевидно,—какъ уступка требованіямъ необходимости. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы эти требованія измѣнили свой характеръ въ будущемъ.

Вотъ тѣ пожеланія, которыя, по нашему скромному убѣжденію, слѣдуетъ высказать по адресу будущаго прихода.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что работы по благоустройству прихода предстоитъ много и весьма не легкой. Но есть ради чего и поработать, ибо, повторяемъ, правильная церковная жизнь находится въ гораздо большей зависимости отъ правильнаго устройства прихода, чѣмъ отъ устройства центральныхъ органовъ.

Проф. *Пл. Соколовъ.*

Приходская жизнь на Православномъ Востокѣ.

(Окончаніе [1]).

Въ приходской жизни, какъ и вообще во всѣхъ дѣлахъ греческой Церкви въ Константинопольскомъ патріархатѣ, народъ принимаетъ самое близкое участіе: самъ заботится онъ и о церкви, и о клирѣ, и о приходскихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, строго контролируетъ дѣйствія выборныхъ лицъ и принимаетъ мѣры къ развитію приходской жизни. Духовенство, вышедшее изъ народа, заботится объ удовлетвореніи насущныхъ духовныхъ и общественныхъ нуждъ его, принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ его. Повидимому, здѣсь происходитъ полное единеніе и согласіе Церкви, пастырей и народа. Нѣкоторые изъ наблюдателей восточной Церкви готовы даже положительно признать

[1]) См. № 26-й за 1906 г.

отношенія пастырей и пасомыхъ на востокѣ идеальными [1]). Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?—Къ сожалѣнію, нельзя отвѣчать на это утвердительно. Каждая медаль имѣетъ оборотную сторону. Есть она и здѣсь.

Въ греческомъ приходѣ преобладаютъ міряне. Въ приходскомъ храмѣ, говоритъ о. Михаилъ, хозяинъ—„общество и эпитропы, пастырь—наемникъ, приглашаемый на службу со стороны. Но отъ наемника всегда ищутъ, чтобы онъ былъ подешевле. Что имъ нужно отъ священника, жаловался о. Михаилу Блаж. Никодимъ, патріархъ Іерусалимскій:—учительное слово, образъ житія вѣрнымъ житіемъ, духомъ, простотой?—Нѣтъ, обрядосовершитель подешевле. А спросу соотвѣтствуетъ предложеніе. Искать священника часто и ненужно. Обычай нанимать священниковъ создалъ и готовыхъ наемниковъ. Здѣсь и теперь существуютъ такъ называемыя „свободныя хиротоніи“. Ищущій пастырства сначала пріобрѣтаетъ священный санъ, еще не имѣя паствы и прихода; затѣмъ ищетъ овецъ, желающихъ назвать его пастыремъ. Приходы, отыскивая между этими крестцовыми попами пастыря, не очень много обращаютъ вниманія на ихъ нравственное достоинство“... Такъ же бываетъ конечно и при выборѣ кандидата изъ не посвященныхъ,—своихъ или чужихъ.

Принимая къ себѣ пастыря изъ милости, а не по его нравственнымъ качествамъ и приличному образованію, при-

---

[1]) По единодушному свидѣтельству всѣхъ компетентныхъ наблюдателей изъ иностранцевъ, пишетъ А. І. въ Церк. Вѣдом. № 12 за 1904 г., ни одно духовенство въ мірѣ не пользуется такимъ безграничнымъ вліяніемъ на народныя массы, какъ именно греческое духовенство. Кто жилъ на востокѣ, тотъ, конечно, не разъ имѣлъ случай наблюдать, до какой степени здѣшній народъ преданъ своему духовенству... Однако-жъ этотъ духъ преданности и почтительности къ духовному чину никогда не переходитъ въ раболѣпство. Дѣло въ томъ, что на Православномъ Востокѣ, во-первыхъ, самъ народъ принимаетъ дѣятельное участіе въ выборахъ для себя духовныхъ пастырей, а во-вторыхъ, народныя массы настолько религіозно развиты и освѣдомлены въ дѣлахъ своей вѣры и церкви, что не могутъ быть безсловесными овцами хотя бы и духовнаго стада“... и т. д.

хожане не могутъ питать къ нему ни особеннаго уваженія за его санъ, ни достаточнымъ образомъ обезпечить его матеріальнымъ содержаніемъ. Прихожанамъ, кажется, былъ бы неподходящимъ такой священникъ, который желалъ бы заявить себя властными дѣйствіями, даже въ области церковной. Придя въ приходъ, говоритъ о. Михаилъ, священникъ пастырствуетъ въ подчиненіи хозяевамъ. Эпитропы почти не допускаютъ его вмѣшательства въ жизнь церкви, да и къ его лицу не относятся съ должнымъ уваженіемъ. „Попечители не хотятъ уважать въ своихъ священникахъ священнаго сана“, жалуется Κωνσταντινούπολις. Можетъ ли учительствовать такой пастырь? Нѣтъ. Какъ „рабъ“ можетъ возстать противъ своего господина? Его лучшіе прихожане, такъ называемые прокриты, суть вмѣстѣ и его господа, отъ которыхъ онъ въ полной матеріальной зависимости (Собр. ц. уставовъ... 81 стр.).

Можно ли также пастырю, при своей полной зависимости отъ прихода, ожидать отъ него улучшенія своего матеріальнаго положенія? Конечно, нѣтъ. Кто дастъ ему много, говоритъ о. Михаилъ, когда можно всегда найти новаго пастыря изъ крестцовыхъ? Да и можетъ ли много дать приходъ изъ тридцати семействъ? А эпитропы еще сами требуютъ отъ священниковъ эмватикій [1])! Не удивительно, что священникъ начинаетъ изобрѣтать доходы, иногда не въ пользу благочинія богослужебнаго. Не удивительно, что онъ нищенствуетъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Кому не извѣстно, говоритъ одна греческая газета, что нашъ приходскій клиръ, вслѣдствіе своей матеріальной необезпеченности, вынужденъ стоять, какъ нищій у дверей святыхъ храмовъ, протягивать просящую руку и обращать умоляющій взоръ на входящихъ въ храмъ христіанъ, дабы выпросить у нихъ милостыню, между тѣмъ какъ христіане, не зная, быть можетъ, условій,

[1]) „Эмватикій“ буквально „вступная плата“ священниковъ эпитропамъ за свое опредѣленіе на приходъ.

при коихъ священники служатъ въ святыхъ храмахъ, и ихъ непригляднаго экономическаго положенія, при входѣ въ храмъ не хотятъ обращать никакого вниманія на клириковъ, да еще требуютъ, при такомъ отношеніи къ духовенству, чтобы у нихъ были хорошіе священники! Кому неизвѣстно, что приходскіе священники осуждены ходить въ первый и послѣдній день каждаго мѣсяца по домамъ прихожанъ и площадямъ освящать православныхъ христіанъ, совершая это изъ-за милостыни, между тѣмъ какъ прихожане въ эти дни стараются совсѣмъ не попадать на глаза духовенству, а если имъ не удается скрыться, то они изобрѣтаютъ различные предлоги, пускаются на хитрости, чтобы только имъ избавиться отъ вознагражденія священника за совершенный имъ трудъ [1]). Кому неизвѣстно, что приходскій клиръ вынужденъ изъ собранной такимъ способомъ милостыни удѣлять часть въ качествѣ годовыхъ взносовъ въ пользу церковныхъ властей и приготовлять на свой счетъ необходимыя для божественной литургіи просфоры и антидоръ, тогда какъ достопочтенныя эпитропіи храмовъ, которыя оказываютъ матеріальную помощь пѣвчимъ, діаконамъ и церковнымъ сторожамъ, не обращаютъ вниманія на нужды несчастныхъ іереевъ, хотя бы послѣдніе и обращались къ нимъ съ просьбою и твердили постоянно, что и они люди, и имъ надо жить по-человѣчески („Стран.“ 1899 г., сент., стр. 137; взято изъ Собр. ц. устав. стр. 82).

Доходы греческаго священника — всѣ изъ подаяній, и онъ напрягаетъ свою изобрѣтательность къ тому, чтобы имѣть больше „поводовъ“ къ подаяніямъ. Онъ ходитъ каждое 1-е число мѣсяца по приходу съ водою, разноситъ по домамъ цвѣты и вѣтви, хотя бы это и не связывалось съ праздничными воспоминаніями. Нужда заставляетъ его создавать новые церковные обряды, напр., помазывать св. елеемъ приклады-

[1]) Какъ знакома эта картина и нашему духовенству, принужденному жить всецѣло или отчасти на доброхотныя даянія отъ прихожанъ!

вающихся къ св. Евангелію на всенощномъ бдѣніи во всѣ воскресные и праздничные дни, записывать въ притворахъ имена входящихъ въ храмъ для поминовенія на проскомидіи (ψυχομερίδια буквально „гостинцы за душу"), благословлять копіемъ изъ царскихъ вратъ приходящихъ къ св. причащенію, выносить избранникамъ антидоръ раньше установленнаго времени, пѣть умилительный канонъ послѣ обѣдни, носить по церкви для лобзанія иконы Воскресенія и Рождества Христова на Пасху и Рождество, лѣчить болѣзни заклинаніями съ многократнымъ прикосновеніемъ священнымъ копіемъ и т. п. Ужъ въ этихъ средствахъ сбора, справедливо замѣчаетъ о. Михаилъ, проглядываетъ вся приниженность низшаго клира, и нельзя не признать, что косвенно *въ этой приниженности виноватъ выборный строй прихода и приходское самоуправленіе* (Собр. ц. устав., іером. Михаила, стр. 83).

Но это еще далеко не все. Выборной строй въ приходской жизни печально отражается и на состояніи приходской школы. То самоуправство, которое позволяютъ себѣ эпитропы въ дѣлахъ прихожанъ, проявляютъ эфоры въ отношеніи къ школѣ. Школьные эфоры не желаютъ знать надъ собою никакого надзора, не слушаютъ никакихъ внушеній сверху и руководятся своимъ вкусомъ. Будучи невѣжественны, они и отъ учителей ищутъ только дешевизны и почтительности, а послѣдніе, видя въ эфорахъ своихъ хозяевъ, стараются всячески заслужить ихъ благоволеніе; отсюда возникаютъ соперничество и споры между ними. Разумѣется, при такихъ условіяхъ школа прогрессировать не можетъ.

Таковы лицевая и оборотная стороны прихода въ Константинопольскомъ патріархатѣ. На ряду съ свѣтлою картиною приходской жизни, представляющею самое живое участіе общины въ благоустройствѣ прихода, выдѣляются мрачныя явленія, въ видѣ самоуправства эпитроповъ и эфоровъ, недостатка мощнаго и авторитетнаго воздѣйствія пастырей,

ихъ матеріальной и нравственной приниженности. Какъ же смотрѣла на эти недочеты въ приходскомъ устройствѣ высшая церковная власть? Она, конечно, не могла не замѣчать ихъ и твердо и настойчиво стремилась и стремится къ возвышенію приходскаго благоустройства и регламентаціи приходской жизни. Такъ, въ 1877 году патріархія издала энциклику о бродячемъ (у насъ, въ старину, крестцовомъ) духовенствѣ. Она вооружается противъ „ненужныхъ хиротоній" священниковъ, поставляемыхъ, какъ бывало у насъ въ Малороссіи, „на вакансъ, и бродяжничества іереевъ неизвѣстной нравственности, происхожденія и поведенія". Годъ спустя, патріархъ Іоакимъ III издалъ еще болѣе замѣчательную энциклику, обращенную къ эпитропамъ и эфорамъ храмовъ и школъ. Цѣль грамоты—побудить тѣхъ и другихъ къ „точному соблюденію и выполненію ввѣренныхъ имъ обязанностей". „И прежде всего, говоритъ патріархъ, запрещается вамъ какое бы то ни было вмѣшательство въ сферу обязанностей іереевъ, именно во все, что относится вообще къ чину священныхъ послѣдованій и всякому священному пѣснопѣнію; все это должно совершаться безъ всякихъ перемѣнъ по уставу нашей великой Церкви Христовой, такъ какъ во всемъ, что касается этого предмета, они одни отвѣтственны предъ своей церковной властью. А вы, сосредоточивая все свое вниманіе на матеріальныхъ интересахъ церквей и школъ, прилагайте всякое попеченіе о томъ, чтобы эту свою обязанность исполнять со всею точностію и осмотрительностью, и ведите самую подробную и точную отчетность какъ доходовъ, такъ и безусловно необходимыхъ расходовъ"... Вмѣняя имъ наблюдать за церковными служителями и учителями, патріархъ запрещаетъ имъ самовольно, *безъ церковнаго дозволенія, удалять іереевъ и учителей* („Церк. В." 1879. № 3).

Въ 1881 г. изданъ былъ приходскій уставъ, который имѣлъ въ виду, съ одной стороны, уничтожить злоупотребленія, вытекавшія изъ приходскаго права выбирать священниковъ, а съ другой, устранить, по возможности, поводы къ

недоразумѣніямъ и пререканіямъ между клиромъ и приходомъ на экономической почвѣ. Опредѣляя порядокъ избранія и поставленія приходскихъ настоятелей, уставъ предоставляетъ это дѣло великой протосинкелліи и *совершенно устраняетъ отъ участія въ немъ эпитроповъ и прихожанъ, равно какъ и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла клира* (§§ 25—28). Для устраненія поводовъ къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ между клиромъ и приходомъ на экономической почвѣ, уставъ отмѣняетъ нѣкоторые, изобрѣтенные настоятелями, источники доходовъ (о которыхъ сказано выше) и устанавливаетъ норму вознагражденія духовенства (такса за совершеніе требъ по классамъ домовъ и по количеству и качеству или сану участвующихъ въ совершеніи требы клириковъ). Съ цѣлію поднятія благосостоянія клира, уставъ стремится уничтожать маленькіе приходы. Однако послѣдствія показали силу традицій. Въ 1897 году Центральная Церк. Эпитропія тщательнымъ разслѣдованіемъ удостовѣрилась въ существованіи и теперь бродяжничества духовенства, даже въ Константинополѣ, а также и приходскихъ выборовъ священниковъ со всѣми ихъ дурными послѣдствіями. Церковные эпитропы, не отрицая власти патріарха надъ клиромъ, часто выбирали клириковъ попрежнему, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея и не сообщая ему никакихъ свѣдѣній объ избранномъ, не ходатайствовали о посвященіи своего кандидата, а прямо представляли его къ рукоположенію, не предполагая даже возможности отказа. При этомъ часто представляли къ рукоположенію лицъ, не имѣвшихъ никакой подготовки къ прохожденію пастырскаго служенія,—моложе каноническаго возраста, необразованныхъ и недостойныхъ священства. Матеріальное положеніе клира также не измѣнилось къ лучшему: не уничтожились ни разные виды побирательства священниковъ по приходу, въ родѣ нищенскихъ обходовъ эноріи въ 1-е число мѣсяца, ни расходы священниковъ на просфоры и вино для литургіи.

Патріархія снова принялась за устройство приходской жизни. Центральной Патріаршей Церковной Эпитропіей изданы новыя распоряженія, клонящіяся, съ одной стороны, къ улучшенію состава и матеріальнаго и нравственнаго положенія клира, а также—къ установленію правильныхъ отношеній между эпитропіями и церковной властію, а съ другой, къ опредѣленію правъ и устройству энорій, какъ церковно-гражданской единицы. Подтверждено строгое запрещеніе „отрѣшенныхъ“ рукоположеній, представленій прихожанами кандидатовъ въ клиръ къ посвященію безъ согласія и вѣдома епархіальнаго архіерея, рукоположенія лицъ, не имѣющихъ канонического возраста, приняты мѣры къ точной регистраціи всѣхъ священниковъ и діаконовъ въ патріархатѣ, къ надзору за жизнію клириковъ и пресѣченію въ ихъ жизни неприличія и безпорядковъ (напр., энциклика 1897 г., „Странникъ“ 1898 г., ноябрь 540). Замѣчательно, что высшая церковная власть въ патріархатѣ, послѣ почти 20-лѣтняго опыта, отказалась отъ требованій устава 1881 г., совершенно устранявшихъ прихожанъ отъ выбора и назначенія приходскихъ настоятелей и отъ вмѣшательства ихъ въ дѣла клира. По уставу Центральной Патріаршей Церк. Эпитропіи, изданному въ 1898 г., требуется, чтобы приходы сами себѣ выбирали священниковъ, почтительно ходатайствовали объ ихъ посвященіи предъ церковной властью и не противорѣчили ей, если она отклонитъ кандидата. По этому уставу возможно назначеніе священника и протосинкелліей, но вообще, остается неприкосновеннымъ выборное начало и рекомендуется выбирать священниковъ по возможности изъ своихъ прихожанъ (ст. 25—29 и прогр. требованій отъ лицъ, производ. во священство). При изданіи этихъ уставовъ, патріархія понимала, что одними предписаніями не искоренить зла, и что корень всѣхъ нестроеній заключается въ матеріальной необезпеченности клира. Отсюда ея заботы объ улучшеніи его положенія съ этой стороны. Къ сожалѣнію, планы патріархіи разбиваются о противодѣйствіе Смѣшан-

наго Народнаго Совѣта. Такъ провалился проекъ церковнаго фонда, который со временемъ могъ бы послужить источникомъ матеріальной поддержки духовенству. Но все же кое-что удается сдѣлать. Такъ составляются таксы за требоисправленіе, которыя теперь имѣютъ больше силы, чѣмъ прежде. Учреждена „касса для пособія недостаточнымъ священникамъ“ (ея уставъ изд. въ 1897 г.). Особенно цѣнны попытки опредѣлить границы приходовъ, увеличить размѣры ихъ по числу семействъ, а также обязать церковныя эпитропіи, чтобы онѣ гарантировали своимъ священникамъ приличное ихъ сану содержаніе (іером. Михаилъ, Собраніе ц. уставовъ..., стр. 93—94). Другой постоянной заботой патріархіи служитъ подготовленіе достойныхъ кандидатовъ къ священству. Кромѣ школъ приходскихъ, а также находящихся подъ контролемъ патріархіи свѣтскихъ учебныхъ заведеній, она заботится объ устройствѣ и школъ богословскихъ. Еще съ 1844 г. существуетъ богословская школа Великой Христовой Церкви на о. Халки (нынѣ 8-классная), для образованія священниковъ и проповѣдниковъ; но она въ настоящее время обслуживаетъ потребность въ подготовленіи кандидатовъ къ высшимъ іерархическимъ степенямъ. Для приготовленія же кандидатовъ приходскаго священства существуютъ въ разныхъ мѣстахъ „священническія училища“, содержащіяся на сборы отъ монастырей и приходскаго духовенства, съ курсомъ ученія болѣе или менѣе достаточнымъ для данной цѣли, каковы: Константинопольское 4-классное, Кесарійское 6-классное, при Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ близъ Кесаріи Каппадокійской („Родоконакія“) и др. Главное достоинство ихъ — воспитаніе, вполнѣ соотвѣтствующее будущему служенію учащихся. Съ возвышеніемъ образованія священниковъ, конечно, поднимается и ихъ авторитетъ въ приходѣ.

Изъ сказаннаго видно, что положеніе приходовъ и клира въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ настоящее время весьма похожи на положеніе того и другого въ старой допетровской Руси: здѣсь то же господство приходской общины,

та же опека ея надъ церковью и школою, тѣ же выборы духовенства приходомъ и, при положительныхъ достоинствахъ этого порядка, здѣсь тѣ же отрицательныя его стороны: самоуправство прихожанъ, бродяжничество священниковъ, невысокій уровень ихъ умственнаго и нравственнаго состоянія, общественная и матеріальная ихъ приниженность и т. п. Главная причина такихъ нестроеній чрезмѣрныя притязанія на распоряженіе церковными дѣлами со стороны общины. Священникъ не высоко стоитъ надъ общиною ни по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ ни по своему общественному положенію. Учительское и пастырско-руководительное воздѣйствіе его на приходъ незначительно. Забывается, что онъ—участникъ апостольскаго служенія, обязанный вести за собой паству къ христіанскому совершенству, а не теряться и растворяться въ ея массѣ. У насъ, въ Россіи, старый приходъ палъ съ развитіемъ епархіальной централизаціи. Приходскіе выборы постепенно уничтожались съ устройствомъ и развитіемъ нашихъ духовныхъ школъ. Положеніе пастырей въ приходѣ усилилось, особенно тамъ, гдѣ онъ поставленъ въ болѣе независимое положеніе въ матеріальномъ отношеніи. Но не приходится ли жалѣть и о прежней приходской общинѣ, которая нѣкогда принимала столь живое и во многомъ полезное участіе въ дѣлахъ своей церкви? Намъ кажется, что и Константинопольская патріархія, при своихъ заботахъ объ устройствѣ прихода, сознаетъ важное значеніе общиннаго элемента въ приходской жизни и старается поставить его въ такія границы, которыя не допускали бы возможности различныхъ злоупотребленій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, представляли бы широкое поле для добраго воздѣйствія пастырей на пасомыхъ.

П. Петрушевскій.

Къ семинаристамъ.

Преосв. псковскій Арсеній, при посѣщеніи мѣстной семинаріи въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, обратился къ старшимъ воспитанникамъ съ рѣчью.

„Воспитанію религіозности и церковности, говорилъ владыка, особенно способствуетъ та особая атмосфера, въ которой вы теперь находитесь. Здѣсь васъ учатъ быть православными христіанами и народными учителями. Вы воспитываетесь на средства церковныя, народныя, а слѣдовательно должны и послужить на духовную пользу народа. Народъ желаетъ имѣть васъ своими руководителями въ дѣлѣ спасенія, и вы обязаны итти на встрѣчу народнымъ нуждамъ и желаніямъ. Но достойно выполнить пастырскую задачу можно только тогда, когда вы сами тверды въ христіанскомъ ученіи, когда вы сами истинно религіозные люди и искренно преданы Церкви. Къ сожалѣнію, религіозность падаетъ, падаетъ не только среди свѣтскаго юношества, но и здѣсь, въ вашемъ заведеніи. Развѣ тайна для кого-либо, что многіе изъ васъ вступаютъ въ духовный санъ безъ призванія? Другіе же еще раньше окончанія курса хотятъ уйти изъ этой школы и чрезъ то брезгливо отказываются отъ служенія, къ которому призываются самимъ народомъ. Только смотрите, какъ бы и онъ не сталъ къ вамъ относиться столь же отрицательно и пренебрежительно. Уже и теперь ко мнѣ приходятъ и говорятъ: „дайте намъ священника“. Я имъ предлагаю изъ только что окончившихъ курсъ... „Нѣтъ, говорятъ, намъ такихъ не надо; дайте намъ постарше, которые бы могли нами руководить“... Вотъ требованія отъ кандидатовъ священства нашего русскаго народа. „Дайте намъ, говоритъ онъ, такихъ людей, которые бы дали удовлетвореніе нашей душѣ“. А это можетъ сдѣлать только тотъ, кто самъ религіозно развитъ и имѣетъ сознаніе пастырскаго долга. Вы здѣсь воспитываетесь христіанами и хотите быть таковыми. Но кто хочетъ итти въ руководители народной души и сердца, отъ того требуется больше. Онъ предъ вступленіемъ на свя-

щенное служеніе долженъ обдумать, что его ожидаетъ на тернистомъ пути іерейства и соразмѣрить свои природныя и пріобрѣтенныя силы съ высотой и трудностью предстоящихъ ему задачъ. Я надѣюсь, что вы, при выходѣ изъ школы, дадите себѣ трудъ вполнѣ вѣрно оцѣнить собственныя способности и изберете себѣ родъ службы или занятій по совѣсти и по призванію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу думать, что нынастоящая ваша отдаленность отъ духа церковности—явленіе временное и уничтожится, когда вы почувствуете въ своемъ сердцѣ голосъ Божій. Какъ только случится это, приходите ко мнѣ, и я спокойно возложу свою руку на васъ въ таинствѣ священства. А при теперешнемъ положеніи вещей я страдаю душой отъ неувѣренности: по призванію ли идетъ рукополагаемый въ пастыри? Въ заключеніе своего привѣтствія я желаю, чтобы живая вѣра и духъ церковности постоянно пребывали въ вашихъ сердцахъ. Знайте, что всякія отрицательныя увлеченія быстро пройдутъ, но потерянное религіозное чувство не скоро возвратится. Человѣкъ живетъ полною жизнію только подъ покровомъ вѣры и въ постоянномъ общеніи съ Церковью. При этихъ условіяхъ въ вашихъ душахъ будетъ обитать истинная праздничная радость и всегдашній внутренній миръ“ (Псковск. еп. вѣд. № 8 т. г.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 28.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года іюля 9-го дня.

Содержаніе: Простота приходскаго быта и патріархальность отношеній между паствой и народными пастырями на Православномъ Востокѣ.—Сужденіе духовной печати о матеріальномъ обезпеченіи священнослужителей (продолженіе).—Э. фонъ-Гартманъ и его пессимистическая философія. — Голосъ прозрѣвшаго соціалиста. — Замѣтки.

Простота приходскаго быта и патріархальность отношеній между паствой и народными пастырями на Православномъ Востокѣ.

Приходская жизнь въ трехъ самыхъ восточныхъ *патріархатахъ, Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ*, съ внѣшней стороны развита вообще слишкомъ слабо. Главныя причины этого, съ одной стороны, тяжелый многовѣковый гнетъ мусульманъ (съ VII в.), доведшій патріархаты до поразительнаго сокращенія и обѣднѣнія, и съ другой стороны, узурпація высшаго церковнаго управленія чуждой по народности греческой іерархіей, лишившая мѣстное населеніе права участія въ устроеніи своей церковной жизни.

На обширномъ пространствѣ древняго христіанскаго *Востока*, въ Египтѣ, Палестинѣ, Аравіи, Финикіи, Сиріи, Месопотаміи и Малой Азіи, гдѣ прежде процвѣтали тысячи православныхъ епархій съ милліонами культурнаго христіанскаго населенія, теперь, подобно странѣ послѣ страшныхъ стихійныхъ опустошеній—землетрясеній, пожаровъ, урагановъ и наводненій, дѣйствовавшихъ совмѣстно или одно за другимъ, остались лишь жалкіе обрывки прежнихъ славныхъ патріархатовъ, митрополій и епархій, существующихъ почти только лишь по имени [1]). Что значитъ епархія, обыкновенно именуемая громкимъ титуломъ „митрополіи“ или „архіепископіи“, въ которой едва наберется 500 или даже менѣе православныхъ,—а такія епархіи тамъ не рѣдкость (въ Іерусалимскомъ патріархатѣ архіепископія Газская—400 православныхъ, Севастійская—370, Оаворская—405),—*и каковы могутъ быть приходы въ такихъ епархіяхъ?* Случается встрѣчать тамъ и такіе приходы, въ которыхъ всей паствы насчитывается 7—8 бѣдныхъ семействъ (напр., въ Тиверіадѣ или въ Сихемѣ-Наблусѣ). Можетъ ли быть рѣчь о широкой и полной организаціи приходской общины и ея вспомогательныхъ благотворительно-просвѣтительныхъ и церковныхъ учрежденій? Прежде всего о церквахъ, съ которыхъ начинается и вокругъ которыхъ сосредоточивается вся приходская жизнь. Онѣ на востокѣ вообще бѣдны и жалки: иногда состоятъ

---

[1]) Въ Александрійскомъ патріархатѣ считается нынѣ отъ 14 до 20 тыс. православныхъ, 8 церквей и 2 монастыря, а іерархія состоитъ лишь изъ 38 человѣкъ, въ томъ числѣ патріарха и трехъ митрополитовъ, разумѣется титулярныхъ. Въ Іерусалимскомъ патріархатѣ—около 25 тыс. православныхъ (почти исключительно арабовъ), 130 церквей (въ томъ числѣ 4 русскія), высшая же іерархія состоитъ изъ патріарха, 6 митрополитовъ, 6 архіепископовъ и 1 епископа (часть ихъ титулярные, напр., митрополиты Іорданскій и Кесарійскій, епископъ Филадельфійскій и др.). Въ самомъ большемъ Антіохійскомъ патріархатѣ]православныхъ (арабовъ), отъ 160 до 200 тыс. челов., а высшая іерархія состоитъ изъ 14 лицъ, въ томъ числѣ патріарха и нѣсколькихъ митрополитовъ и архіепископовъ (епископовъ нѣтъ).

почти изъ голыхъ стѣнъ, на мѣстѣ иконостаса нѣсколько простыхъ иконъ, часто бумажныхъ; бѣдны также св.. облаченія и церковная утварь. Василій Григоровичъ-Барскій, путешествовавшій по Востоку въ первой половинѣ XVIII в., описывая одну полуразвалившуюся церковь въ Яффѣ, замѣчаетъ, что это по виду не церковь, но „аки пустъ вертепъ“. Не много лучше можно сказать и о нынѣшнихъ церквахъ въ Яффѣ (кромѣ русской) и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Тиверіадѣ, гдѣ мы лично поражены были такимъ убожествомъ православной церкви, какое трудно себѣ и представить. Въ городахъ, гдѣ населеніе болѣе богато, напр., Бейрутѣ, Триполи, Дамаскѣ, православныя церкви лучше, хотя и тамъ онѣ не представляютъ ни богатства, ни красоты. При всемъ томъ нельзя сказать, что приходы на Востокѣ лишены всякой жизни, что православные безучастны къ положенію своей церкви и своего приходскаго общества. Деревцо, питаемое слабо на почвѣ одичалой, при томъ стѣсняемое въ своемъ развитіи разными внѣшними неблагопріятными условіями (другими растеніями, знойными, сухими вѣтрами и пр.), не можетъ, конечно, имѣть роскошнаго роста и развитія; но оно все же имѣетъ свою внутреннюю жизнь, питаясь тѣми соками, которые доставляетъ имъ хотя и въ небольшомъ количествѣ почва и атмосфера. Такъ бываетъ и съ православными общинами на Востокѣ. По мѣстамъ есть при церквахъ ктиторы и благотворители храма и непремѣнно при каждой церкви существуетъ попечитель, въ родѣ нашего церковнаго старосты. Приходскіе священники избираются прихожанами, разумѣется, изъ ихъ среды. Они по самому происхожденію своему родственны паствѣ и составляютъ съ нею одно цѣлое общество. Отношенія ихъ къ пасомымъ отличаются патріархальною простотою. По образованію своему они стоятъ не высоко надъ своею паствою, почти на одномъ уровнѣ съ нею. Даже въ Назаретѣ нынѣшніе арабскіе священники соборной церкви Благовѣщенія получили образованіе не дальше курса городского однокласснаго или двухкласснаго училища. Ува-

женіе народа къ нимъ зависитъ не только отъ сана, но и отъ хорошей ихъ нравственности. На ихъ жизнь обращается вниманіе при самомъ избраніи. Оттого между ними встрѣчается мало случаевъ крайняго нравственнаго паденія, вызывающаго нужду въ строгомъ церковномъ судѣ и наказаніи. Лишеніе св. сана на Востокѣ почти не практикуется. При уваженіи къ пастырю, прихожане обращаются къ нему и за совѣтомъ въ своихъ затрудненіяхъ и нуждахъ, и за благословеніемъ въ дѣлахъ, и за исцѣленіемъ въ болѣзняхъ. Матеріальное положеніе священника на Востокѣ очень не завидное. Если онъ можетъ существовать въ приходѣ, то только благодаря тому, что у него есть свой собственный домъ и земельный участокъ. Отъ паствы же своей, большею частію бѣдной и малочисленной, онъ получаетъ ничтожное вознагражденіе за свои труды. Отсюда его семейный бытъ мало отличается отъ такового же быта его прихожанъ.

Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Востока, особенно въ *Іерусалимскомъ* патріархатѣ, положеніе приходскихъ священниковъ является особенно жалкимъ вслѣдствіе безучастнаго и пренебрежительнаго отношенія къ нимъ высшей іерархіи, *принадлежащей къ пришлой, греческой національности*. Сосредоточивъ въ рукахъ своихъ высшее управленіе Іерусалимскимъ патріархатомъ, архіереи—святогробцы (всѣ необходимо *греки*) отдали бѣдные приходы священникамъ изъ арабовъ. Относясь свысока къ мѣстной арабской національности, они съ тѣмъ же высокомѣріемъ относятся и къ бѣдному приходскому духовенству, терпя его какъ неизбѣжное зло. Еще недавно, по словамъ преосв. Кирилла, епископа Мелитопольскаго, бывшаго настоятелемъ Русской Миссіи въ Іерусалимѣ (1858—1860 г.), бѣлое духовенство въ Палестинѣ, состоящее исключительно изъ арабовъ (грекъ не унизится, чтобы сдѣлаться священникомъ для арабской паствы) „находилось въ положеніи, худшемъ послѣдняго прислужника греческаго монастыря". „Вмѣсто того, чтобы наставлять арабскихъ священниковъ, архіереи-греки, по словамъ преосв. Пор-

фирія (Успенскаго), выгоняли ихъ отъ себя, какъ презрѣнныхъ рабовъ", не принимали къ себѣ, дабы не уронить архіерейскаго достоинства. Мало задумывались они и надъ вопросомъ о томъ, кого они рукополагаютъ въ пастыри арабскимъ христіанамъ. Между рукополагаемыми во священники встрѣчались прямо нищіе или же люди крайне невѣжественные,—такіе, которые только за два мѣсяца до посвященія начали учиться грамотѣ и выучивались читать. Архіереи-греки мало заботились и о томъ, есть ли при извѣстной церкви, городской или сельской, священникъ у православныхъ арабовъ. Случается и теперь, что при городскомъ храмѣ съ тысячнымъ православнымъ приходомъ умираетъ священникъ, назначенный же на его мѣсто находитъ это назначеніе для себя невыгоднымъ: тогда за храмомъ поручается смотрѣть простому прислужнику. Еще чаще остаются безъ священника арабскія селенія [1]).

Болѣе счастливо было положеніе приходовъ и низшаго духовенства въ патріархатѣ *Антіохійскомъ*. Здѣсь арабская стихія была всегда сильнѣе, чѣмъ въ Палестинѣ, и грекамъ-патріархамъ приходилось серьезно считаться съ національнымъ чувствомъ насомыхъ. Назначеніе епископовъ въ епархіи, игуменовъ въ монастыри и священниковъ въ приходы всегда зависѣло болѣе отъ выбора арабской паствы, нежели отъ усмотрѣнія патріарховъ и епископовъ греческой народности. Правда, патріархи-греки поставляли въ епископы изъ арабовъ, всего менѣе къ тому годныхъ, но важно было то, что эти епископы жили въ своихъ епархіяхъ, среди паствы и съ паствой, одною съ нею жизнію и, сколько было можно, поддерживали свою народность и православіе. Недостатокъ образованія у сирійскихъ іерарховъ искупается беззавѣтною любовію къ своей паствѣ, своему народу,—любовью, ради

---

[1]) *А. П. Лебедева*, Исторія Греко-Восточной Церкви подъ властію турокъ, изд. 2-е, 1903 г. Стр 793—794.—*В. Н. Хитрово*, Православіе въ Св. Землѣ, 68—69 стр.

которой они нерѣдко приносили и приносятъ себя въ жертву. Приходское духовенство Антіохійскаго патріархата,—всецѣло арабское,—по отзывамъ нашихъ соотечественниковъ, лично изучавшихъ Православный Востокъ (напр., Кирилла, еп. Мелитопольскаго), производитъ вообще отрадное впечатлѣніе. Въ Дамаскѣ, по отзыву преосв. Кирилла, оно достойно всякаго уваженія. Между священниками оказываются здѣсь люди очень умные и образованные, умѣющіе при этомъ держать себя весьма прилично. И внѣ Дамаска, во всѣхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ преосв. Кирилломъ, арабское духовенство не производило на него того безотраднаго впечатлѣнія, какое поражало его въ предѣлахъ Іерусалимскаго патріархата. Правда, оно бѣдно, скудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишено смысла, не забито [1]).

Въ послѣднее время положеніе Сирійской православной церкви существенно улучшилось, благодаря важной перемѣнѣ въ составѣ ея высшей іерархіи. Въ 1899 г. послѣдній патріархъ грекъ Спиридонъ былъ соборомъ епископовъ низложенъ, а на его мѣсто посаженъ арабъ Мелетій, бывшій митрополитъ Лаодикійскій. Прочіе владыки изъ грековъ такъ же вскорѣ были замѣнены архіереями изъ арабовъ. Такимъ образомъ положенъ былъ конецъ вредной для жизни Церкви ксенократіи (господству иноземцевъ-грековъ), существовавшей въ Антіохійскомъ патріархатѣ еще съ 1534 г. Вся іерархія во главѣ съ патріархомъ получила здѣсь вполнѣ народный характеръ. Одною изъ первыхъ заботъ патріарха Мелетія было дать средства къ поднятію образованія въ средѣ духовенства. Уже въ началѣ 1900 года онъ учредилъ на собственныя средства 6-классную духовную семинарію, при монастырѣ Баламандъ въ сѣверной Сиріи, съ безплатнымъ обученіемъ и содержаніемъ учащихся. Подобная же школа съ 4 классами была основана еще раньше въ Бейрутѣ ми-

[1]) См. Ист. Греко-Восточ. Церкви подъ властію турокъ, *А. Лебедева*, стр. 802 - 807.

трополитомъ Гавріиломъ (изъ арабовъ). Съ поднятіемъ образованія въ сирійскомъ клирѣ будетъ расти и его значеніе въ народѣ, арабская же высшая іерархія вполнѣ оправдаетъ свое право на самостоятельное распоряженіе дѣлами своей церкви, безъ всякой посторонней опеки и вмѣшательства [1]).

П. Петрушевскій.

---

[1]) Наиболѣе спокойно жизнь течетъ въ самомъ малолюдномъ патріархатѣ Александрійскомъ. Хотя высшая власть въ этомъ патріархатѣ уже давно узурпирована греками, но, во 1-хъ, греческіе архипастыри во главѣ съ патріархомъ-грекомъ могутъ быть болѣе сродными паствѣ, такъ какъ она состоитъ большею частію изъ грековъ, и въ меньшемъ количествѣ изъ арабовъ; во 2-хъ, и паства, при своей малочисленности, не могла опираться только на свои силы. Въ виду этого здѣсь между греческимъ и негреческимъ элементами не происходило примѣтной борьбы. Сами патріархи александрійскіе снисходительно смотрѣли на ту часть малолюдной паствы, которая принадлежала къ чужой, негреческой національности: поставляли для нея арабскихъ священниковъ, приказывали переводить свои поученія приходившимъ къ нимъ на богослуженіе арабамъ на ихъ языкъ и пр. См. *А. П. Лебедевъ*, Ист. Греко-Вост. Церкви подъ властію турокъ, стр. 810—811, прим. 3.

Сужденія духовной печати о матеріальномъ обезпеченіи священнослужителей.

(Продолженіе [2]).

Въ печать проникли жестокіе нападки общества на православное духовенство, особенно сельское, за его равнодушіе, недостатокъ энергіи, лѣнь, полное отсутствіе благотворнаго вліянія на современную народную и общественную жизнь и т. д. Судятъ строго, безпощадно, но не только свѣтское общество, а и многіе ихъ духовныхъ лицъ не хотятъ вникнуть и понять, гдѣ кроется то зло въ жизни сельскаго духовенства, которое главнымъ образомъ парализируетъ его дѣятельность, лишая возможности пользоваться автори-

---

[2]) См. № 26 за 1906 г.

тетомъ и добрымъ вліяніемъ на окружающую среду. Какъ бы ни старался священникъ исполнить свой пастырскій долгъ, онъ не заслужитъ у своихъ прихожанъ столь необходимыхъ и важныхъ въ дѣлѣ пастырства довѣрія и любви, если не откажется совершенно отъ частныхъ недобровольныхъ вознагражденій за трудъ. Ксендзы маріавиты чѣмъ главнымъ образомъ снискали у своихъ послѣдователей горячую любовь и уваженіе къ себѣ, какъ не отказомъ отъ платы за требы и таинства? (Гродн. еп. вѣд.№ 11).

Говорятъ теперь о различныхъ преобразованіяхъ, реформахъ въ церковной жизни, объ обновленіи прихода, но ни реформа прихода, ни реорганизація духовной школы не принесутъ существенной пользы, если духовенство будетъ оставлено на прежнемъ положеніи: сословія безправнаго, забитаго, разрозненнаго, плохо обезпеченнаго. Только обезпеченное, правоспособное, свободное и тѣсно сплоченное духовенство сможетъ провести въ жизнь предполагаемыя церковныя реформы. Для хорошей продуктивной работы необходимо, главнымъ образомъ, спокойное состояніе духа, отсутствіе заботы и тревогъ, доброе настроеніе: все это возможно только при прочно и опредѣленно поставленной матеріальной обезпеченности (Ворон. еп. вѣд. № 3). При настоящемъ способѣ обезпеченія духовенства не поднимутъ авторитетъ духовенства ни церковно-приходскія школы, ни церковно-приходскія попечительства, ни общества трезвости и тому подобныя учрежденія, открываемыя священниками (Смолен. еп. вѣд. № 17.—1905 г.). Обезпеченіе духовенства жалованьемъ имѣло бы самый благотворный результатъ. Ряды священниковъ пополнились бы новыми, свѣжими силами изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, которые теперь бѣгутъ отъ священства исключительно вслѣдствіе унизительнаго способа содержанія. Дѣятельность духовенства, а вмѣстѣ съ нею и приходская жизнь оживлялись бы сами собою. Пастырь Церкви энергично, съ горячимъ увлеченіемъ, принялся бы за великое дѣло служенія Богу и ближнимъ, установились бы

добрыя, искреннія, довѣрчивыя отношенія между нимъ и пасомыми, высоко поднялся бы авторитетъ духовенства, а священникъ открыто глядѣлъ бы въ глаза своимъ прихожанамъ и обществу, уча ихъ истинѣ, добру и правдѣ. Грустно и больно становится на душѣ при мысли о тѣхъ униженіяхъ, оскорбленіяхъ и нравственныхъ испытаніяхъ, какія приходится терпѣть сельскому духовенству. Чаша его страданій переполнилась, оно ждетъ не дождется того свѣтлаго дня, когда и для него взойдетъ заря освобожденія, и падетъ тяжкое бремя унизительной матеріальной зависимости отъ бѣдныхъ прихожанъ (Гродн. еп. вѣд. № 11.) „Дайте же, не томите, дайте духовенству опредѣленное положеніе, снимите съ него порочное клеймо, запятнавшее часто чистыя и возвышенныя души! Спасите поругаемую благодать священства, возстановите, пока не поздно, падающій не по винѣ духовенства его нравственный авторитетъ! Прислушайтесь къ тѣмъ смутнымъ и страшнымъ отголоскамъ, какіе несутся со многихъ концовъ земли, что тамъ-то постановили духовенству ничего не платить, тамъ—вмѣсто рублей—пятачки! Не дайте распространиться пожару! Не дайте духовенству, этимъ лучшимъ силамъ народа русскаго, этимъ сѣятелямъ въ жизнь разумнаго, святого и вѣчнаго,—задохнуться и умереть въ житейской пошлости изъ-за куска хлѣба“!.. (Новгор. еп. вѣд. № 10).

Многіе епархіальные преосвященные въ своихъ докладныхъ запискахъ Св. Синоду о реформахъ церковной жизни высказались за измѣненіе и улучшеніе матеріальнаго строя духовенства (см. Церк. Вѣд. за настоящій годъ). Такъ, Тамбовскій преосвященный пишетъ: „для возвышенія нравственнаго авторитета пастыря среди прихожанъ необходимо обратить серьезное вниманіе на дѣло его обезпеченія и, по возможности, поставить его въ полную матеріальную независимость отъ своихъ пасомыхъ. То обезпеченіе, которое будетъ назначено причту за исполненіе богослуженій и обязательныхъ требъ, не будетъ имѣть значенія подачки, поручнаго вознагражденія за трудъ и не поставитъ послѣдній

въ зависимость отъ произвола: оно будетъ налогомъ наравнѣ съ другими земскими налогами. Сѣтованія духовенства вполнѣ справедливы не только съ точки зрѣнія интереса духовенства, но и Церкви Православной. Не говоря уже о томъ, что постоянныя заботы о насущномъ хлѣбѣ отвлекаютъ пастыря отъ его прямыхъ обязанностей, различные поборы духовныхъ лицъ вредятъ самому дѣлу служенія ихъ. Въ понятіи народа умаляется значеніе таинствъ и требъ церковныхъ, которыя должны быть оплачиваемы извѣстною цѣною. Желательно, чтобы духовенство православное было поставлено въ этомъ отношеніи хотя бы въ такое положеніе, въ какомъ находятся у насъ представители инославнаго духовенства. Тогда бы пастырь могъ всецѣло отдаться церковнымъ нуждамъ своихъ пасомыхъ безъ всякихъ послабленій для себя и другихъ. Путь пастырскій тогда не будетъ отталкивать многихъ, желающихъ идти по нему. Семья и запросы жизни дѣло серьезное, и не можетъ же священникъ настолько быть преданъ духовнымъ интересамъ, чтобы совершенно игнорировать тѣ,—это дѣло избранныхъ героевъ духа, а обычный добрый пастырь мучительно будетъ чувствовать эти матеріальныя житейскія искушенія и скорби. Нужно, чтобы у пастыря меньше было этихъ житейскихъ заботъ, отвлекающихъ его отъ прямого своего дѣла“. (Тамб. еп. вѣд. № 3).

Не оставили безъ обсужденія данный вопросъ и епархіальные съѣзды духовенства. Такъ Подольскій съѣздъ 1905 г. пришолъ къ заключенію, что „доброй и согласной жизни пастыря съ приходомъ много мѣшала плата за требоисправленія. Это роняетъ престижъ духовенства, умаляетъ его нравственное вліяніе на прихожанъ, но въ то же время составляетъ главное средство содержанія духовенства, такъ что отказаться отъ этой платы въ настоящее время, когда жизнь дорожаетъ, а другіе источники (церковная земля) скудны и не равномѣрны, оно не можетъ, а потому съѣздъ признаетъ настоятельно необходимымъ обезпеченіе духовенства соотвѣтствующимъ времени и положенію жалованьемъ“ (Церк.

Вѣд. № 49, 1905 г.). Въ подтвержденіе свого мнѣнія съѣздъ ссылается на отчетъ Оберъ—Прокурора Св. Синода, въ каковомъ отчетѣ проводится та же мысль (Церк. Вѣд. 1905. № 35). Таковы же постановленія Кишиневскаго съѣзда (Кишинев. еп. вѣд. № 24, 1905 г.), Омскаго, Курскаго и др.

Непормальность содержанія духовенства сознаютъ и сами крестьяне, которые во многихъ мѣстахъ обсуждаютъ и пробуютъ измѣнить создавшееся положеніе. Общество и печать усиленно говорятъ, что простому народу живется особенно плохо, что всѣ съ него берутъ, а онъ ни съ кого. Психологически невозможно оставаться равнодушными къ этому голосу. И простой народъ воспрянулъ. Первый предметъ, на которомъ онъ пробуетъ свое возбужденное настроеніе въ большинствѣ случаевъ есть, конечно, духовенство,— это тотъ забытый элементъ общества, которому въ силу роковой необходимости суждено питаться отъ рукъ этого народа. И вотъ, играя на почвѣ добровольныхъ приношеній за требоисправленія, крестьяне доходятъ до совершеннаго уничтоженія этихъ приношеній (Нижегор. Церк. Вѣст. № 9). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ усиленно циркулируютъ слухи о томъ, что духовенству уже назначено жалованье. Крестьяне отъ души хотятъ, чтобы эти слухи были справедливы, и теперь уже желаютъ имъ вполнѣ вѣрить. Поэтому между пастыремъ и пасомыми весьма часто стали происходить недоразумѣнія и крупныя препирательства по вопросу о платѣ за требы. Если уже теперь, когда еще ни одна гражданская реформа не проведена въ жизнь, простой народъ старается вѣрить слуху объ освобожденіи отъ платы за требоисправленія, то что же будетъ потомъ, когда, съ развитіемъ „освободительнаго движенія“, соціально-экономическія реформы станутъ достояніемъ крестьянской жизни? Плохо тогда придется сельскому духовенству при его матеріальной необезпеченности. Теперь прихожане интересуются вопросомъ объ обезпеченіи духовенства, быть можетъ, даже больше, чѣмъ само духовенство и правящія духовныя сферы. Медлительность

въ освобожденіи духовенства отъ матеріальной зависимости у прихода ведетъ къ такимъ нежелательнымъ явленіямъ, что крестьяне рѣшатъ этотъ вопросъ, не справляясь съ мнѣніемъ пастырей и проведутъ его въ жизнь безъ предварительныхъ совѣщаній, комиссій, подкомиссій и пр. (Псковскія еп. вѣд. № 6). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскіе мужики уже рѣшили этотъ вопросъ. Собравшіеся 30 ноября минувшаго года по приглашенію партіи правового порядка въ Соляномъ городкѣ (въ Петербургѣ) крестьяне образовали крестьянскій союзъ. Требованія этого союза, между прочимъ, сводятся и къ тому, чтобы „прихожане имѣли вліяніе на назначеніе и дѣла причта, который долженъ быть на жалованьи отъ государства“ (§ 12 Союза). Еще любопытнѣе другой документъ. Это постановленіе Маріинскаго волостнаго схода, Мологскаго уѣзда, „о нуждахъ крестьянъ для проведенія въ Государственную Думу“. Стиль и орѳографія этого документа указываютъ на то, что постановленіе никѣмъ не было редактировано. Въ числѣ пунктовъ, которыхъ добиваются крестьяне, есть 6-й, который буквально гласитъ слѣдующее; „чтобы духовенство было на жалованіе платимое казною, въ виду произвольныхъ и неограниченныхъ ихъ поборовъ, которые сильно тяготятъ населеніе“ (Томск. еп. вѣд. № 4). Въ нѣкоторыхъ селахъ Рязанской губ. крестьяне постановили „убавить попамъ плату за всѣ требы на половину“ (Минск. еп. вѣд. № 3). Отношенія крестьянъ, такимъ образомъ, также могутъ служить однимъ изъ побужденій къ назначенію духовенству жалованья. *Е. Р.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Э. фонъ-Гартманъ и его пессимистическая философія.

Недавно въ Германіи скончался небезызвѣстный читающей публикѣ философъ-пессимистъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Нѣтъ другой области знанія, которая бы такъ тѣсно переплеталась съ вопросами, волнующими богословскую мысль, съ вопросами, которые вообще помогаютъ человѣку освѣтить свѣтомъ своего сознанія свою собственную, а равно историческую и вообще міровую жизнь, понять что-либо во всѣхъ многообразныхъ процессахъ окружающаго его бытія, такъ или иначе оправдать свою собственную переживаемую жизнь и помириться съ нею, или наоборотъ придти къ теоритическому, по крайней мѣрѣ, ея отрицанію и непримиримо-враждебному отношенію,—нѣтъ, говоримъ другого знанія, болѣе близкаго для этой цѣли, чѣмъ знаніе философское. Если для человѣка вѣрующаго всѣ эти вопросы рѣшены, если за истинность ихъ рѣшенія ручается авторитетъ богооткровеннаго ученія, изъ котораго онъ черпаетъ отвѣты на существенные вопросы его знанія и жизни, то для философа, полагающагося исключительно на естественныя силы своего разума, преклоняющагося единственно предъ силою своего разума и строгостью научныхъ методовъ, которыми подтверждаются его метафизическія предположенія, долженъ быть избранъ какой-либо другой путь.

Не будемъ напоминать, какъ рѣшаются затрогиваемые философіею вопросы о сущности, послѣдней цѣли бытія, цѣли человѣческой жизни библейски-христіанскимъ міросозерцаніемъ. Космогонія бытописателя въ соединеніи съ этическими предписаніями о характерѣ жизнедѣятельности (заповѣдями) и высочайшее Христово ученіе о жизни и цѣли ея составляютъ для вѣрующаго все, оттѣняютъ его теоретическое міросозерцаніе и отражаются въ соотвѣтствующемъ характерѣ и направленіи жизнедѣятельности, образуютъ собою тотъ укладъ индивидуальной, общественной и національно-

исторической жизни, въ которомъ и подъ которымъ растетъ и крѣпнетъ эта жизнь. Философъ, какъ мы замѣтили, довѣряющій исключительно силѣ разума и методамъ науки, начинаетъ съ сомнѣнія, а потомъ и отрицанія тѣхъ началъ, которыя христіанинъ признаетъ богооткровенными, и взамѣнъ ихъ строитъ свои; міровая и человѣческая жизнь является тогда для него совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи; жизненный процессъ вмѣсто руководствованія положительными цѣлями, вмѣсто направленія къ положительному идеалу (богоуподобленія по христіанскому міросозерцанію, достиженія блаженства въ потустороннемъ бытіи подъ условіемъ строгаго и неуклоннаго соблюденія дарованныхъ заповѣдей) явится, быть можетъ, въ совершенно другомъ видѣ, отрицающемъ и исключающемъ его въ самомъ существѣ. Гартманъ пришелъ къ такому именно практическому результату—пессимистическому, мрачно-отрицательному взгляду на міровую и человѣческую жизнь, заповѣдующему почти неприкровенно уничтоженіе ея не только для отдѣльныхъ индивидуумовъ, но и всецѣло солидарно всѣмъ человѣчествомъ, отчасти въ силу своихъ метафизическихъ принциповъ, а отчасти въ силу опыта (по индуктивному методу). Какъ ясно и опредѣленно въ Словѣ Божіемъ раскрыто ученіе о Всеблагомъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, создавшемъ человѣка для блаженства, ученіе о грѣхѣ и злѣ, невозможности, поэтому, соотвѣтствія между желаемымъ и дѣйствительнымъ, невозможности достигнуть человѣку того счастія, въ безплодныхъ поискахъ котораго проходитъ жизнь съ ея многочисленными страданіями, бѣдствіями, смертью, наконецъ, какъ противнымъ, нежелательнымъ, но неизбѣжнымъ удѣломъ и финаломъ всего жизненнаго процесса. Что же? скажемъ, что жить не стóить? Развѣ не даетъ жизнь радостей, развѣ Творецъ все отнялъ отъ человѣка, развѣ трудоспособность, напряженіе энергіи въ проведеніи извѣстныхъ началъ, добытыхъ тоже продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ въ умственной и нравственной области, не есть высшая радость, особенно, если,

благодаря имъ, окружающія условія мѣняются, жизнь другихъ получаетъ кое-какія измѣненія къ лучшему именно отъ этихъ усилій,—развѣ это не даетъ радостей, не привязываетъ человѣка къ жизни? Не говоримъ о наукѣ, искусствѣ, семьѣ, не скроемъ удовольствія насыщенія, утоленія жажды, пользованія благопріятными физическими условіями гигіенической обстановки и проч. Вѣдь это все факты, переживаемые, конечно, далеко не всѣми; для этого нужна извѣстная доля обезпеченности, правильное распредѣленіе благъ, справедливое вознагражденіе труда и таланта. А бѣдный людъ?—тотъ, что неувѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, что не имѣетъ куска хлѣба насущнаго, живетъ въ невозможной гигіенической обстановкѣ, объ удовольствіяхъ науки и искусства и помышлять не можетъ, и находитъ утѣшеніе развѣ въ религіи съ ея ученіемъ о терпѣніи всѣхъ бѣдъ и обѣщаніи награды за гробомъ? Такова дѣйствительность. Какъ же она освѣщается философіей Гартмана?

Кто несогласенъ съ библейски-христіанскимъ міросозерцаніемъ о Богѣ, какъ Высочайшей Причинѣ міра и жизни, какъ Промыслителѣ исторической и индивидуальной жизни, тому необходимо какое-либо другое начало, къ которому приводятъ его, какъ мы выше замѣтили, метафизическія соображенія и данныя опыта. Гартманъ по своимъ метафизическимъ понятіямъ примыкаетъ къ своему предшественнику въ области философіи воли и пессимизма — Шопенгауэру. Этотъ послѣдній, обсуждая все существующее по аналогіи съ организаціей человѣческаго существа, пришелъ къ тому заключенію, что какъ причиною всѣхъ человѣческихъ дѣйствій является его индивидуальная воля, такъ во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ обнаруживается единая и тождественная въ своей основѣ сущность—воля. Движеніе свѣтилъ небесныхъ, жизнь растеній и животныхъ—(въ инстинктахъ, напр.) представляютъ собою обнаруженіе упомянутой міровой сущности—воли. Однако же кромѣ воли несомнѣнно существуетъ въ природѣ познавательно-теоретическій элементъ; Шопен-

гауэръ признаетъ и его (на что намекаетъ и наименованіе его главнаго сочиненія „Міръ, какъ воля и представленіе"), но главенство, „приматство" по его выраженію, приписываетъ волѣ, познаніе же понимаетъ, съ одной стороны, согласно съ Кантомъ идеалистически, признавая вмѣстѣ съ нимъ субъективно-апріорное значеніе формъ пространства и времени, съ другой — матеріалистически, объясняя ее, какъ результатъ дѣятельности мозга (мозговой феноменъ, по его терминологіи). Гартманъ и вооружается противъ такого приматства воли, признаваемаго Шопенгауэромъ. По мысли Гартмана, представленіе имѣетъ такое же первичное значеніе, какъ и воля. Во всякомъ хотѣніи, говоритъ онъ, предметомъ его является переходъ извѣстнаго настоящаго состоянія въ *другое*. Настоящее состояніе каждый разъ дано, хотя бы то былъ просто покой; но въ одномъ этомъ настоящемъ состояніи никогда не могло бы заключаться хотѣніе, если бы не существовала по крайней мѣрѣ идеальная возможность чего-нибудь другого. Даже такое хотѣніе, которое стремится къ продолженію настоящаго состоянія, возможно только чрезъ представленіе прекращенія этого состоянія, слѣдовательно— чрезъ двойное отрицаніе. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что для хотѣнія необходимы два условія, изъ которыхъ одно есть настоящее состояніе, какъ исходная точка; другое, какъ цѣль хотѣнія, не можетъ быть настоящимъ состояніемъ, а есть нѣкоторое будущее, присутствіе котораго желается. Но такъ какъ это будущее состояніе, какъ таковое, не можетъ *реально* находиться въ настоящемъ актѣ хотѣнія, а между между тѣмъ когда-нибудь должно въ немъ находиться, ибо безъ этого невозможно и самое хотѣніе, то необходимо должно оно содержаться *идеально*, т. е. какъ *представленіе*. Но точно такъ же и настоящее состояніе можетъ стать исходною точкою хотѣнія лишь поскольку входитъ въ представленіе (какъ различаемое отъ будущаго). Поэтому, заключаетъ Гартманъ, нѣтъ воли безъ представленія. Въ дѣйствительности существуетъ лишь представляющая воля. Нашедши такой

обусловленный субъективно-психологическими данными принципъ, Гартманъ, подобно Шопенгауэру, склоненъ перенести его на всю область окружающаго насъ бытія, стараясь подтвердить его индуктивными естественно-научными обобщеніями. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли всеобщаго мірового принципа представляющей воли, напоминающей по своей сущности субъективно-индивидуальную человѣческую волю? По ученію Гартмана, наличность такого метафизически-объективнаго принципа можно доказать строго-научными опытными данными. Если существуютъ въ нашемъ мірѣ такія явленія, которыя, будучи совершенно необъяснимы изъ одпѣхъ вещественныхъ или механическихъ причинъ, возможны только какъ дѣйствія духовнаго начала, т. е. представляющей воли, и, если, съ другой стороны, несомнѣнно, что при этихъ явленіяхъ не дѣйствуетъ никакая индивидуально-сознательная воля и представленіе (т. е. воля и представленіе отдѣльныхъ особей), то необходимо признать эти явленія за дѣйствія нѣкоторой универсальной, за предѣлами индивидуальнаго сознанія находящейся, представляющей воли, которую Гартманъ поэтому и называетъ *безсознательнымъ* (впослѣдствіи вмѣсто этого термина онъ употребилъ другой—*сверхсознательное*). Разсматривая различныя сферы жизни—внѣшней и внутренней, Гартманъ приходитъ къ тому результату, что ихъ можно объяснить только дѣйствіемъ метафизическаго духовнаго начала; въ пользу этого вывода онъ приводитъ многочисленныя фактическія и историческія данныя. Всѣ эти данныя доказываютъ съ несомнѣнностью, по его ученію, что метафизическое начало всякаго бытія заключаетъ въ себѣ элементы воли и представленія. Вотъ тѣ послѣдніе выводы, къ которымъ приходитъ Гартманъ послѣ разсмотрѣнія всѣхъ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ присутствіе сверхсознательнаго. 1) Безсознательное образуетъ и сохраняетъ организмъ, исправляетъ внутреннія и внѣшнія его поврежденія, направляетъ къ цѣли его движенія и обусловливаетъ его употребленіе для сознательной воли; 2) безсознательное даетъ

въ инстинктѣ каждому существу то, въ чемъ оно нуждается для своего сохраненія, и для чего недостаточно его сознательнаго мышленія, напр., человѣку—инстинкты для пониманія чувственнаго воспріятія, для образованія языка и общества и мн. др. 3) безсознательное сохраняетъ роды посредствомъ полового влеченія и материнской любви, облагораживаетъ ихъ посредствомъ выбора въ половой любви и ведетъ родъ человѣческій въ исторіи неуклонно къ цѣли его возможнаго совершенства; 4) безсознательное часто управляетъ человѣческими дѣйствіями посредствомъ чувствъ и предчувствій тамъ, гдѣ имъ не могло бы помочь полное сознательное мышленіе; 5) безсознательное своими внушеніями въ маломъ, какъ и въ великомъ, споспѣшествуетъ сознательному процессу мышленія и ведетъ человѣка въ мистикѣ къ предощущенію высшихъ сверхъестественныхъ единствъ; 6) оно же, наконецъ, одаряетъ людей чувствомъ красоты и художественнымъ творчествомъ. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ само „безсознательное“ характеризуется по Гартману слѣдующими свойствами: безболѣзненностью, неутомимостью, нечувственнымъ характеромъ его мышленія, безвременностью, непогрѣшимостью, неизмѣнностью и неразрывнымъ внутреннимъ единствомъ.

Итакъ все сущее—неорганическое, органическое, человѣкъ—есть проявленіе одного начала, въ которомъ соединены воля и представленіе; это начало и замѣняетъ Гартману Божество, ибо онъ надѣляетъ его всѣми божественными свойствами. Но признавъ волю и представленіе вначалѣ неразрывными, Гартманъ потомъ обособляетъ ихъ и олицетворяетъ, какъ мужское и женское начало (по-нѣмецки это удобно: воля—*der* Wille (муж.); идея, представленіе—*die* Idee, die Vorstellung (жен.). Воля сама по себѣ имѣетъ лишь силу реальности, но безусловно слѣпа и неразумна, идея же, хотя свѣтла и разумна но абсолютно безсильна, лишена всякой активности. Сперва оба эти начала находились въ состояніи чистой потенціи (или небытія), но затѣмъ несуществующая воля абсолютно слу-

чайно и безсмысленно захотѣла хотѣть и такимъ образомъ перешла изъ потенціи въ актъ, увлекши туда же и страдательную идею. Дѣйствительное бытіе, полагаемое, по Гартману, исключительно волею — началомъ неразумнымъ, само отличается поэтому существеннымъ характеромъ неразумности и безсмысленности; оно есть то, что не должно быть. Практически эта неразумность бытія выражается какъ бѣдствіе и страданіе, которымъ неизбѣжно подвергается все существующее. Если первоначальное происхожденіе самаго существованія—безпричинный переходъ слѣпой воли изъ потенціи въ актъ, есть фактъ ирраціональный, абсолютная случайность, то признаваемая Гартманомъ разумность или цѣлемѣрность мірового процесса имѣетъ лишь условное и отрицательное значеніе; она состоитъ въ постепенномъ приготовленіи къ уничтоженію того, что создано первичнымъ неразумнымъ актомъ воли. Разумная идея, отрицательно относящаяся къ дѣйствительному бытію міра, какъ продукту безсмысленной воли, не можетъ, однако, прямо и сразу упразднить его, будучи по своему существу безсильной и пассивной, поэтому она достигаетъ своей цѣли косвеннымъ путемъ. Управляя въ міровомъ процессѣ слѣпыми силами воли, она создаетъ условія для появленія органическихъ существъ, обладающихъ сознаніемъ. Чрезъ образованіе сознанія міровая идея или міровой разумъ освобождается отъ владычества слѣпой воли, и всему существующему дается возможность сознательнымъ отрицаніемъ жизненнаго хотѣнія возвратиться опять въ состояніе чистой потенціи или небытія, что̀ и составляетъ послѣднюю цѣль мірового процесса. Но прежде чѣмъ достигнуть этой высшей цѣли, міровое сознаніе, сосредоточенное въ человѣчествѣ и непрерывно въ немъ прогрессирующее, должно пройти чрезъ три стадіи иллюзіи. На первой человѣчество воображаетъ, что блаженство достижимо для личности въ условіяхъ земного природнаго бытія; на второй оно ищетъ блаженства (также личнаго) въ предполагаемой загробной жизни (читатель догадывается, что Гартманъ намекаетъ на

библейски-христіанское міросозерцаніе); въ третьей, отказавшись отъ идеи личнаго блаженства, какъ высшей цѣли, оно стремится къ общему, коллективному благосостоянію путемъ научнаго и соціально-политическаго прогресса. Разочаровавшись и въ этой послѣдней иллюзіи, наиболѣе сознательная часть человѣчества, сосредоточивъ въ себѣ наибольшую сумму міровой воли, приметъ рѣшеніе покончить съ собою, а чрезъ то уничтожить и весь міръ. Усовершенствованные способы сообщенія, замѣчаетъ Гартманъ, доставятъ просвѣщенному человѣчеству возможность мгновенно принять и исполнить это самоубійственное рѣшеніе. Гартманъ, кажется, фантазируетъ, что для этого достаточно будетъ какой-либо сильнѣйшаго напряженія электрической баттареи, *сознательное* человѣчество введетъ себя въ цѣпь, кто-либо нажметъ кнопку, и конецъ всему бытію, все превратится изъ актуальнаго состоянія неразумія и страданія въ потенцію или небытіе, хотя ничто не мѣшаетъ предположить, что міровая сущность, случайно могущая восхотѣть снова реализироваться, повторитъ (и быть можетъ не разъ) всѣ тѣ стадіи бытія до сознательнаго включительно, пока опять и опять не придетъ къ самоотрицанію и самоуничтоженію.

Отнимите, вѣрующій христіанинъ, у себя ту твердую почву, на которой вы стоите, вѣруя Слову Божію, вѣруя въ Премудраго и Всеблагого Отца всѣхъ, вѣруя, что жизнь не есть нѣчто случайное, а тѣмъ менѣе неразумное, и ваша мысль начнетъ блуждать по стихіямъ міра, какъ выразился св. апостолъ; она попадетъ въ такую путаницу, будетъ объята такимъ мракомъ и туманомъ, изъ котораго и просвѣта никакого не видно. Кажется, ничто не измѣнилось ни въ міровой жизни, ни въ жизни окружающихъ и нашей, но измѣнились идеи, измѣнилось міросозерцаніе, тѣ начала, съ точки зрѣнія которыхъ мы оцѣниваемъ міровую и нашу жизнь. Никто не скажетъ, что нѣтъ вѣрной стороны въ ученіи Гартмана—въ ея практически-индуктивной части; кто не согласится, что въ жизни много бѣдствій и страданій? Но не за-

будемъ, что было ученіе, въ корнѣ противоположное пессимизму, оптимизмъ, представитель котораго Лейбницъ поистинѣ съ крайнимъ увлеченіемъ судилъ обо всѣхъ бѣдствіяхъ, какъ тѣняхъ на картинѣ или дисонансахъ въ музыкѣ, имѣющихъ отрицательное только значеніе и способствующихъ лучшему и болѣе рельефному выдѣленію красокъ и консонансовъ. Справедливо говорятъ, что на міросозерцаніи философовъ, на оцѣнкѣ ими съ той или другой точки зрѣнія всего мірового процесса и жизни человѣческой отражается складъ личной жизни, темпераментъ, настроеніе, благопріятно или неблагопріятно складывающіяся жизненныя условія и проч. Быть можетъ, эти психологическія условія, глубоко заложенныя въ сердцѣ философа, создающія извѣстный тонусъ жизни, окрашиваютъ въ свой цвѣтъ и все міросозерцаніе его; относительно Лейбница и предшественника Гартмана—Шопенгауэра, это по крайней мѣрѣ можно сказать съ большою правдоподобностью. Правда, каждый философъ ищетъ адэкватной истины, постигнуть хочетъ все въ объективной сущности, но истина всякому открывается сквозь призму его психологическихъ особенностей; отрѣшиться отъ этого значило бы перестать быть самимъ собою. Насколько могли вліять такія субъективныя условія на особенности міросозерцанія Гартмана, судить трудно, такъ какъ пока неизвѣстна въ деталяхъ его біографія; но условія такія непремѣнно были.

Бѣдный, мучимый постоянно неутомимою жаждой истины духъ человѣческій! До какихъ крайнихъ полюсовъ доходитъ онъ! Пытаясь освѣтить жизнь міра и свою собственную, понять ея цѣль и разумъ, онъ приходитъ къ отрицанію и уничтоженію ея (конечно въ теоріи!). Весьма наивна попытка Гартмана дать въ руки человѣку способъ освобожденія отъ страданій и самой жизни; не послѣдовалъ логикѣ своихъ принциповъ и самъ философъ [1]), пока роковой ходъ

[1]) Гартманъ род. въ 1842 г., *слѣдовательно прожилъ 64 года; свое* главное сочиненіе „Философію безсознательнаго" написалъ еще 26-лѣтнимъ юношей.

органическихъ процессовъ не остановилъ проявлявшейся въ немъ и чрезъ него міровой сущности.

Не менѣе дика мысль другого философа на трупахъ дюжинной мелкоты человѣчества создать геніальнаго сверхчеловѣка (Ницше). И посмотрите, какъ жизнь протестуетъ противъ этого!

Жизнь — бѣдствіе и безсмыслица, учитъ Гартманъ, а человѣкъ любитъ и будетъ любить жизнь и будетъ всѣми силами добиваться устроенія счастія въ ней, внѣшняго и внутренняго благосостоянія при твердомъ слѣдованіи высокимъ идеаламъ ученія Христова; онъ не пойдетъ и за Ницше, который изъ-за сверхчеловѣка жертвуетъ тысячами обыкновенныхъ смертныхъ, — а они-то всѣ тоже люди и тоже жаждутъ счастья и имѣютъ право на него! Пройдутъ вѣка, философская мысль повторитъ извѣстныя уже теоріи, построитъ новыя, а истина искомая все будетъ гдѣ-то въ туманной дали, быть можетъ, все дальше уходя отъ человѣческаго сознанія; и не одному еще мыслителю придется, быть можетъ, эпиграфомъ къ своимъ трудамъ взять извѣстныя слова великаго Гете, поставленныя на сочиненіи Шопенгауэра „Міръ, какъ воля и представленіе...: „да не постигается ли уже истина?..“ Кто же приметъ смѣлость сказать, что она постигнута, если не захочетъ пойти свободно за Христомъ и увѣровать въ истину всего, чему служилъ и училъ Онъ?

П. Калачинскій.

Голосъ прозрѣвшаго соціалиста.

Это—голосъ извѣстнаго русскаго эмигранта Герцена. Въ молодости онъ защищалъ кровавую борьбу соціалистовъ съ правительствомъ во имя „освободительныхъ“ идей и дѣятельно агитировалъ въ пользу революціи среди заграничныхъ и русскихъ своихъ единомышленниковъ. Когда въ 1871 г. въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ Парижа лилась

ручьемъ кровь разстрѣливаемыхъ рабочихъ, Герценъ убѣжденно писалъ: „что выйдетъ изъ этой крови?—Кто знаетъ. Но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка“. Проходитъ послѣ этого 20 лѣтъ, и вотъ, на краю могилы, въ „Письмахъ къ старому товарищу“, Герценъ высказываетъ уже протестъ противъ насильственнаго разрушенія. Кровавый общественный переворотъ Герценъ находитъ безцѣльнымъ; онъ боится за науку, за созданія искусства; онъ опасается, чтобы въ необузданномъ взрывѣ, вмѣстѣ съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, не погибъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу. Герценъ рѣшительно отрицаетъ мысль, что путемъ насилій можно создать лучшее будущее. „Дерево срубить можно“, говоритъ онъ, но корни останутся, и изъ нихъ выростетъ то же дерево и тѣ же плоды. Людей нельзя освободить больше, чѣмъ они свободны внутри. Современный міръ держится неразумiемъ и невѣжествомъ, а отъ предразсудковъ нельзя вылѣчить ни огнемъ, ни желѣзомъ. Апостолы новаго строя должны имѣть одно средство—мысль. Поэтому у прозрѣвшаго сейчасъ можетъ быть только два дѣла: внутренно освобождать самого себя и проповѣдью освобождать другихъ. Когда бы люди захотѣли, вмѣсто того, чтобы спасать другихъ, спасать себя, вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать, какъ много они сдѣлали бы для спасенія міра и для освобожденія человѣка! Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и соглашеніямъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная ежели путная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде саперовъ разрушенія, — апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ“. (Хр. Жизнь № 11).

Замѣтки.

Епископъ тульскій Лаврентій распорядился, чтобы „въ церквахъ, гдѣ воздается слава и честь Единому Истинному Богу, чтеніе адресовъ хвалебныхъ и благодарственныхъ, подносимыхъ настоятелямъ церквей и другимъ священослужителямъ, церковнымъ старостамъ и благотворителямъ“, не допускалось (Тульск. еп. вѣд., № 6. т. г.)

—

Архіеп. тверской Алексій при обозрѣніи мѣстнаго кладбища обратилъ вниманіе на распространившійся обычай закрывать могилы высокими рѣшотками и сплошными сѣтками, обезображивающими общій видъ кладбища. Достаточною охраною могилъ, по мнѣнію владыки, могли бы служить низенькія балюстрады или даже четыре столба, соединенные цѣпями. (Тверск. еп. вѣд. № 8 т. г.).

—

По поводу посѣщенія преосв. псковскимъ Арсеніемъ въ одинъ изъ пасхальныхъ дней городской тюрьмы, Псковск. еп. вѣд. (№ 8 т. г.) высказываютъ, что хорошо было бы и пастырямъ вспомнить добрый древне-русскій обычай посѣщать по большимъ праздникамъ заключенныхъ. Польза и утѣшеніе для несчастныхъ, лишенныхъ свободы, были бы громадны отъ такихъ пастырскихъ посѣщеній.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Кириллъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

№№ 29—36.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1906-го года 16 іюля—3 сентября.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Отъ Редакціи.
2) Праздникъ Преображенія.—М. Скабалановича.
3) Родіонъ Путятинъ, какъ пастырь и проповѣдникъ—К. Ряжскаго.
4) Церковь и Школа.—М. Гн.
5) Сужденіе духовной печати о матеріальномъ обезпеченіи священнослужителей. Е. Р.
6) Изъ области украинскихъ народныхъ религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій.
7) Какъ быть?—Свящ. М. Бурдукова.
8) Письмо въ редакцію.
9) П. И. Линицкій († 12 іюня с. г.)—П. Калачинскаго.

Отъ Редакціи.

Настоящая книжка представляетъ собою сгруппированный матеріалъ 29—37 номеровъ журнала, своевременный выпускъ которыхъ былъ задержанъ забастовкою наборщиковъ типографіи, гдѣ печатается журналъ „Рук. д. с. п.“.

Праздникъ Преображенія.

Его названія и постановленія.

Двенадесятые праздники, къ числу которыхъ принадлежитъ Преображеніе, настолько превосходятъ всѣ другіе церковные праздники, что разница между ними самими почти нечувствительна. Всѣ они установлены, дѣйствительно, въ память самыхъ важныхъ событій изъ жизни Спасителя и Богоматери, настолько важныхъ, что трудно одно изъ этихъ событій поставить выше въ историческомъ отношеніи другого. Трудно, напр., сказать, что было важнѣе въ жизни Спасителя—рожденіе ли Его, или крещеніе (явленіе міру), и что посему заслуживаетъ болѣе торжественнаго празднованія.

Преображеніе христіанская Церковь считала, очевидно, событіемъ большой важности въ жизни Спасителя, если установила въ память его такой праздникъ. Этимъ она поставила его на ряду съ событіями такой необыкновенной важности въ жизни Спасителя, какъ рождество Его, крещеніе, вознесеніе, ниспосланіе Св. Духа. Изъ трехлѣтней общественной жизни и дѣятельности Спасителя, наполненной безчисленными чудесами, благодѣяніями и вообще самыми поразительными проявленіями Божественной природы Спасителя, Церковь почему-то остановила свое вниманіе на одномъ этомъ событіи, происшедшемъ во время молитвы Спасителя. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ другія событія изъ жизни Христовой, чествуемыя двенадесятыми праздниками, суть или начальныя, которыми открылась Его жизнь и дѣятельность (рождество и крещеніе), или конечныя, которыми эта жизнь закончилась (входъ въ Іерусалимъ, вознесеніе, сошествіе Св. Духа).

Если вникнуть въ обстоятельства преображенія Христова и въ сущность этого событія, то станетъ понятно, почему Церковь выбрала его для торжественнаго чествованія. Оно произошло въ послѣдніе дни пребыванія Спасителя въ Галилеѣ (ср. Мѳ. 16, 21; 17, 1. 21; 19, 1. Мрк. 9, 30; 10, 1)

предъ тѣмъ путешествіемъ Его въ Іерусалимъ, изъ котораго Онъ возвратился въ Галилею только воскресшимъ. Къ этому времени проповѣдническое служеніе Спасителя, начавшееся съ крещенія Его, было почти закончено: въ каждомъ городѣ и селѣ не только Галилеи и Іудеи, но и Самаріи побывалъ если не Самъ Онъ, то тѣ или другіе Его ученики. Одна половина дѣла, для котораго пришелъ Спаситель въ міръ, была Имъ совершена. Оставалась другая, труднѣйшая,—*исходъ*, который готовился Ему въ Іерусалимѣ. Объ этомъ-то ужасномъ *исходѣ* и начинаетъ теперь Спаситель постоянно бесѣдовать съ учениками, по свидѣтельству евангелистовъ (Мѳ. 16, 21 и др.),—и такъ какъ рѣчи Его были отраженіемъ Его внутреннихъ думъ, то съ этого времени, несомнѣнно, Божественная мысль Спасителя была постоянно занята предстоящей Голгоѳской жертвой. Ею была занята мысль Его на Ѳаворѣ [1]), и то, что произошло тамъ, стояло въ тѣсной связи съ этими думами Его. Такимъ образомъ преображеніе—это поворотный пунктъ въ земной жизни Спасителя, начало новаго періода въ Его жизни, существенно отличнаго отъ того, который начался съ крещенія,—начало конца Его жизни, конца великаго и страшнаго.

Съ другой стороны, ни въ одномъ событіи земной жизни Спасителя съ такою силою и очевидностью не обнаружилась божеская природа Его, какъ въ этомъ. Въ чудесахъ и ученіи Его, въ характерѣ и дѣятельности Его эта природа, такъ сказать, давала только чувствовать себя; здѣсь же она прорвалась какъ бы вовнѣ; здѣсь *обнажилась заря божества Его* (по выраженію церк. пѣсни). Какъ высказалась Православная Церковь по поводу одного богословскаго спора въ XIV вѣкѣ, свѣтъ, которымъ сіялъ Спаситель на Ѳаворѣ, былъ не видимый, чувственный свѣтъ; а *божескій, не созданный*. Этимъ сіяніемъ Отецъ Небесный такъ прославилъ Сына Своего (прославилъ, правда, на мгновеніе), какъ могло

[1]) Если только преображеніе произошло на этой горѣ.

прославить Его только воскресеніе и вознесеніе на небо. Преображеніе было, такимъ образомъ, дѣйственнымъ и живымъ предвареніемъ и предощущеніемъ вознесенія Спасителя въ прославленной воскресеніемъ плоти Его на небо, прославленіемъ Его болѣе полнымъ и чудеснымъ, чѣмъ прославленіе, совершившееся при крещеніи на Іорданѣ. Удивительно ли, что оно чествуется Церковью не менѣе крещенія и вознесенія.

Вотъ основанія, почему изъ событій земной жизни Спасителя Православная Церковь чествуетъ преображеніе праздникомъ однимъ изъ самыхъ торжественныхъ, двунадесятымъ.

Какое мѣсто отводитъ уставъ церковный *Преображенію* въ ряду двунадесятыхъ праздниковъ?

Яснѣе всего обнаруживается положеніе каждаго праздника въ ряду другихъ, степень торжественности, съ которою онъ празднуется, изъ той продолжительности, которую уставъ назначаетъ для него. Одно изъ самыхъ существенныхъ отличій двунадесятыхъ праздниковъ отъ всѣхъ другихъ заключается въ томъ, что они празднуются не одинъ день, а нѣсколько, т. е. имѣютъ предпразднство и празднество. Но тогда какъ предпразднство почти всѣ двунадесятые праздники имѣютъ однодневное [1]), попразднство они имѣютъ различной продолжительности, смотря по важности праздника. Нормальная продолжительность попразднства для Господскихъ праздниковъ 7 дней, а для Богородичныхъ—4. Это количество сокращается лишь тогда, когда совпаденіе или сближеніе памятей мѣшаетъ выдержать его (Входъ Господень въ Іерусалимъ поэтому не имѣетъ празднества, Благовѣщеніе имѣетъ одинъ день, Рождество Христово и Пятидесятница—6 дней).

[1]) Исключая Рождества Хр. и Крещенія: 1-ое—5 дней, 2-ое—4.

Преображеніе имѣетъ именно нормальную для Господскихъ праздниковъ продолжительность попразднства—7 дней, какую имѣютъ тѣ Господскіе праздники, которымъ ничто не мѣшаетъ выдержать ее, какъ: Воздвиженіе, Срѣтеніе. Въ отношеніи продолжительности попразднства выше Преображенія поставлено Крещеніе, имѣющее 8 дней попразднства, Успеніе (тоже 8 дней—по особой важности этого праздника, который является Богородичной Пасхой) и Вознесеніе 8 дней, чтобы заполнить время до Пятидесятницы).

Итакъ, какъ показываетъ продолжительность попразднства, Преображеніе—Господскій праздникъ обычной, средней торжественности. Онъ имѣетъ и всѣ другія особенности или преимущества Господскихъ праздниковъ, а именно: а) для него совершенно отмѣняется воскресная служба при совпаденіи его съ воскреснымъ днемъ; б) на литургіи онъ имѣетъ особые праздничные антифоны; в) на вечернѣ второго дня имѣетъ великій прокименъ: *Богъ нашъ на небеси...*—второй по значенію, а не первый: *Кто Богъ велій...*, который имѣютъ только 3 важнѣйшіе Господскихъ праздника—Пасха, Рождество и Пятидесятница. Этихъ трехъ преимуществъ не имѣетъ лишь одинъ изъ Господскихъ праздниковъ—Срѣтеніе,—и, такимъ образомъ, по торжественности празднованія, Преображеніе стоитъ выше лишь одного этого Господскаго праздника. Но это—праздникъ наполовину Богородичный (у р.-католиковъ—Purificatio Sanctae Mariae).

Можно указать лишь на одно преимущество Преображенія предъ обычными Господскими праздниками. Преображеніе имѣетъ на праздствѣ своемъ, кромѣ полнаго канона, *тріпѣснецъ*. Если принять во вниманіе, что тріпѣснцы являются въ уставѣ какъ бы спеціальною принадлежностью предуготовительныхъ къ великому празднику Пасхи дней (Великаго Поста и Страстной седмицы), и что изъ двунадесятыхъ праздниковъ ихъ имѣютъ предпразднства только двухъ величайшихъ изъ нихъ — Рождества Хр. и Крещенія,—то это преимущество не покажется маловажнымъ. Услышать

трипѣснецъ, съ однимъ названіемъ котораго невольно связывается мысль о величайшихъ праздникахъ, въ такое необычное церковное время—особенно трогательно и умилительно для освѣдомленнаго любителя церковныхъ службъ.

Всѣми указанными, повидимому, незначительными литургическими особенностями праздника Преображенія ясно намѣчается его мѣсто въ ряду двенадесятыхъ праздниковъ, а также степень важности и торжественности этого праздника [1]).

Будучи всѣ болѣе или менѣе равны между собою по торжественности празднованія, двенадесятые праздники существенно различаются между собою не въ этомъ отношеніи, а по характеру и духу празднованія. Нельзя одинаково, съ одинаковымъ чувствомъ и настроеніемъ, праздновать, напр., воскресеніе и вознесеніе Спасителя, рождество или крещеніе Его.

Этого рода различіе между праздниками болѣе тонко, труднѣе уловимо. Тѣмъ не менѣе, оно неоспоримо, чувствуется каждымъ и во всей силѣ своей сказывается на службѣ каждаго праздника. Совершенно иначе настраиваетъ молящагося служба каждаго изъ двенадесятыхъ праздниковъ. Переживаемъ ли мы, напр., за другой какой-либо службой то, что за пасхальной, или за рождественской, или за воздвиженской?

---

[1]) Настоящая замѣтка не касается вопроса о происхожденіи и исторіи праздника Преображенія, такъ какъ вопросъ этотъ получилъ все возможное для настоящаго положенія науки освѣщеніе въ капитальномъ трудѣ архіеп. Серпія: „Полный мѣсяц. Востока“. Задача этихъ строкъ—освѣтить, такъ сказать, status quo праздника Преображенія въ уставѣ, въ чемъ является необходимость, въ виду того, что существующія руководства по церк. уставу ограничиваются однимъ изложеніемъ его предписаній и не даютъ обоснованія ихъ, ни историческаго, ни символическаго.

Настроеніе, какое навѣвается на насъ извѣстнымъ праздникомъ, конечно, должно, соотвѣтствовать празднуемому событію. Но настроеніе это достигается не только словеснымъ содержаніемъ праздничной службы, которая вся бываетъ посвящена картинному изображенію и прославленію празднуемаго событія. Гораздо болѣе это настроеніе производится извѣстнымъ подборомъ напѣвовъ, мелодій въ церковной службѣ извѣстнаго праздника, частнѣе—во *всенощномъ бдѣніи* его (такъ какъ литургія можетъ и даже, по мысли церк. устава, должна пѣться всегда одними напѣвами, исключая литургіи Преждеосв. Даровъ и Василія В.). Каждое праздничное бдѣніе есть почти непрерывный рядъ мелодій (напѣвовъ, гласовъ), которыя слѣдуютъ въ немъ другъ за другомъ вовсе не случайно и расположены не наобумъ (какъ обыкновенно думаютъ), а расположены по извѣстному плану, такъ что все праздничное бдѣніе можетъ быть разсматриваемо, какъ единое и цѣльное музыкальное произведеніе извѣстнаго характера. Понятно, что и настраивать молящагося одно бдѣніе будетъ совершенно не такъ, какъ другое. А настроеніе, рождаемое музыкой, какъ извѣстно,—самое глубокое въ человѣкѣ. Шопенгауэръ блистательно доказалъ, что ничто такъ близко не подводитъ насъ къ самымъ основамъ и корнямъ бытія, какъ музыка. Своимъ освѣщеніемъ извѣстнаго событія она дѣлаетъ насъ не свидѣтелями лишь этого событія (какъ поэзія), а живыми участниками, если не прямо дѣятелями его. Если такъ, то музыкальная сторона праздничнаго бдѣнія должна быть важнѣе его литературной стороны и относиться къ этой послѣдней приблизительно такъ, какъ опера къ своему либретто.

Намъ кажется, что если можетъ быть рѣчь о темѣ во всенощномъ бдѣніи, какъ единомъ и цѣльномъ музыкальномъ произведеніи, то ни одинъ внимательный слушатель не затруднится указать музыкальную тему въ бдѣніи Преображенію. Это—своеобразный напѣвъ 7-го гласа, которымъ исполняются тропарь и кондакъ этого праздника. Вообще тропарь

и кондакъ—важнѣйшія изъ пѣснопѣній каждаго праздника. Они повторяются за каждой службой по нѣсколько разъ, и напѣвомъ своимъ опредѣляютъ весь характеръ праздничной службы. Такъ, ни одно изъ пасхальныхъ пѣснопѣній столь сильно не выражаетъ духа всего праздника, какъ радостное и свѣтлое: *Христосъ воскресе...,* посему пасхальная служба и наполнена безконечнымъ повтореніемъ этого тропаря.

Такимъ же характернымъ для праздника Преображенія является напѣвъ его тропаря. Не случайность, въ самомъ дѣлѣ, то, что изъ всѣхъ двенадесятыхъ праздниковъ только тропарь Преображенія поется на 7-ой гласъ, и что на этотъ же гласъ поется и кондакъ праздника, почти всегда положенный на другой, чѣмъ тропарь, гласъ (Пасха троп. 5 гл., конд. 8, Рождество Хр. 4 и 3, Вознесеніе 4 и 6 и т. д.). Очевидно, въ этомъ гласѣ заключается мотивъ, наиболѣе хорошо выражающій духъ настоящаго праздника.

Самый обычный напѣвъ для тропарей двенадесятыхъ праздниковъ—4 гласа. Имъ поются тропари Рождества Хр. и Богородицы, Введенія, Благовѣщенія, Вербнаго Воскресенія, Вознесенія. Изъ гласовъ, на которые поются тропари (напѣвы для тропарей значительно разнятся отъ напѣвовъ того же гласа для стихиръ и каноновъ; напр., *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ...* и: *Яко по суху...* одинаково 6 гласа, но какая между ними разница!), напѣвъ 4-го гласа для *тропарей*—одинъ изъ самыхъ радостныхъ. Онъ пріятно поражаетъ своею легкостью, стройностью, даже какъ бы нѣкоторою игривостью (ликованіе о Господѣ). Другой довольно обычный гласъ праздничныхъ тропарей—1-ый. Онъ величественнѣе, торжественнѣе, спокойнѣе 4-го. Но праздничная радость, тоже наполняющая его, нѣсколько сдержаннѣе. Онъ усвоенъ тропарямъ праздниковъ, болѣе торжественныхъ и важныхъ, чѣмъ радостныхъ и свѣтлыхъ: Крещенію, Срѣтенію, Входу въ Іерусалимъ (первый тропарь), Воздвиженію, Успенію.

Для праздника Преображенія, для его тропаря не взятъ ни одинъ изъ этихъ собственно праздничныхъ гласовъ, а

выбранъ въ высшей степени своеобразный 7-й гласъ. Въ напѣвѣ этого гласа тоже звучитъ радость, торжество. Но это далеко не та ликующая, восторженная радость, какая звучитъ въ 4 гласѣ, и не такая торжествующая и величавая, какъ въ 1 и 8 гласѣ (тропарь Пятидесятницы). Къ радости и торжеству въ этомъ напѣвѣ примѣшивается еще что-то, что окрашиваетъ эту радость въ какой-то особенный цвѣтъ.

Глубокія движенія, производимыя въ душѣ музыкой, очень трудно назвать словами, дать имъ точное опредѣленіе. Но лучше всего то своеобразное впечатлѣніе, которое производитъ напѣвъ 7-го гласа, выражено въ древне-греческомъ наименованіи его βαρύς—*тяжелый*. Напѣвъ этотъ—какой-то напряженный, и радость, несомнѣнно, играющая въ немъ, вырывается изъ души какъ-то не безъ силы и препятствій. Это—радость тяжелая и подавленная, подернутая нѣкоторымъ туманомъ скорби, который медленно разсѣевается подъ теплыми лучами противоположныхъ, поднимающихся изъ глубины души движеній.

Если такъ, то понятно, почему для праздника Преображенія выбранъ этотъ напѣвъ (имъ поется изъ всѣхъ другихъ гихъ праздниковъ только еще тропарь Ѳоминой недѣли). Этимъ напѣвомъ лучше и глубже всего выражается духъ всего того, что произошло нѣкогда на Ѳаворѣ. Полный мысли о томъ, что ждетъ Его скоро въ Іерусалимѣ, изливалъ въ горячей молитвѣ тамъ душу Свою Богочеловѣкъ, и не могла не раздираться душа Его нѣкоторымъ подобіемъ той скорби, которою Онъ скорбѣлъ впослѣдствіи въ Геѳсиманіи. Но эта скорбь отъ дѣйствія молитвы должна была все больше и больше уступать чувству глубокой преданности Отцу, чувству величія того дѣла, которое предстояло Ему въ Іерусалимѣ,—наконецъ, чувству радости о томъ, что близится исходъ, конецъ Его земного дѣла, пока, наконецъ, эта радость, умиленіе и небесная сладость молитвы до того преисполнили душу Спасителя, что она вся стала свѣтомъ, и самое лице

Его просіяло небеснымъ сіяніемъ. Такимъ образомъ, самыя противоположныя чувства должны были волновать Спасителя на Θаворѣ, — и въ своемъ благоговѣйномъ воспоминаніи о томъ, что съ Нимъ происходило тогда, не можетъ и Церковь, вѣрующіе, не настраиваться такъ же; не можетъ не примѣшиваться къ ихъ праздничной радости и торжеству нѣкоторая тихая грусть. Въ вибрирующемъ напѣвѣ 7-го гласа, въ чудныхъ переливахъ его, и вѣетъ это чувство. Кромѣ того, Преображеніе, какъ увидимъ впослѣдствіи, есть праздникъ по преимуществу въ честь Бога, какъ свѣта. А въ напѣвѣ 7-го гласа, сказалъ бы символистъ, слышится тихое и игривое переливаніе свѣта, дрожаніе лучей его.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какими напѣвами исполняются другія пѣснопѣнія Преображенія, то вездѣ найдемъ это соединеніе противоположныхъ чувствъ. Бдѣніе Преображенію начинается въ стихирахъ на Господи воззвахъ—4-мъ гласомъ. Этотъ напѣвъ (напѣвъ 4-го гласа для *стихиръ*) выражаетъ глубокое раздумье надъ происшедшимъ,—напѣвъ сосредоточенно-спокойный. Имъ часто бдѣнія (двунадесятыхъ праздниковъ) оканчиваются (въ стихирахъ на хвалите), но никогда не начинаются. Бдѣніе Преображенію и въ этомъ отношеніи не похоже на другія.

Съ дальнѣйшимъ ходомъ бдѣнія (Преображенію) праздничная радость, однако, входитъ въ свои права надъ сердцами вѣрующихъ, и слѣдующія стихиры, стихиры на литіи, поются уже самымъ радостнымъ изъ стихирныхъ гласовъ (которые, повторимъ, нужно отличать отъ гласовъ тропарныхъ и гласовъ каноновъ)—2-мъ. Службы величайшихъ двунадесятыхъ праздниковъ—Рождества и Крещенія—начинаются этимъ гласомъ. Къ концу литійныхъ стихиръ радость усиливается, и послѣднія двѣ изъ этихъ стихиръ поются уже прямо пасхальнымъ—5-мъ гласомъ (*Да воскреснетъ Богъ..*— 5-го гласа, хотя самоподобнаго напѣва; *Ангельскій соборъ..*— 5-го гласа чистаго). Носъ этого момента радость какъ бы идетъ на пониженіе, и стихиры на стиховнѣ поются уже до-

вольно грустнымъ первымъ гласомъ,—гласомъ, которымъ, поются, между прочимъ, стихиры почти всѣхъ вечеренъ Страстной седьмицы, начиная отъ вечерни Великаго понедѣльника (*Грядый Господь на вольную страсть*) и кончая вечерней Великаго пятка (*Вся тварь измѣняшеся страхомъ*). Правда, въ грусти этого гласа есть много нотъ отрады, успокоенія, и имъ часто поются разныя стихиры въ бдѣніяхъ двенадесятыхъ праздниковъ,—тѣмъ не менѣе этотъ гласъ далеко не изъ радостныхъ, и поемыя имъ стихиры на стиховнѣ въ разсматриваемомъ бдѣніи хорошо подготовляютъ душу молящагося къ столь же полугрустному напѣву 7-го гласа, напѣву тропаря, пѣніе котораго (3 раза въ концѣ вечерни и 3 раза въ началѣ утрени) наполняетъ собою часть бдѣнія, начинающуюся послѣ стиховныхъ стихиръ.

Слѣдующія за тропаремъ пѣснопѣнія—это рядъ сѣдальновъ (послѣ 1 каѳизмы, послѣ 2-ой, по поліелеѣ, по 3-ей пѣсни канона). Сѣдѣльны обычно не поются, а читаются въ церквахъ, и благодаря этому, проходятъ совершенно незамѣтно для молящихся. Между тѣмъ, изъ пѣснопѣній бдѣнія они, можетъ быть, болѣе другихъ заслуживали бы самаго торжественнаго пѣнія. Кому привелось слышать исполненіе ихъ въ большихъ монастыряхъ (напр., въ Кіево-Печерской лаврѣ) стариннымъ протяжнымъ напѣвомъ, тотъ будетъ всегда жалѣть, что такія сокровища музыки и поэзіи остаются закрытыми для пользованія и назиданія (благодаря чтенію ихъ, а не пѣнію).—Въ бдѣніи Преображенію всѣ сѣдальны положено пѣть на 4-й гласъ. Легко догадаться, почему выбранъ для нихъ этотъ гласъ. Это—гласъ, какъ мы говорили, обычный гласъ для тропарей двенадесятыхъ праздниковъ. Но по особеннымъ (указаннымъ) обстоятельствамъ уставъ не нашелъ возможнымъ пѣть на этотъ обычный праздничный гласъ тропаря Преображенію. И вотъ все же, чтобы сохранить за бдѣніемъ Преображенію характеръ праздничный и торжественный, уставъ передалъ обычный праздничный гласъ тропаря сѣдальну (сѣдаленъ поется напѣвомъ тро-

паря того же гласа) и при томъ не одному, а всѣмъ, какіе есть въ бдѣніи (за исключеніемъ 2-го по поліелеѣ, благодаря чему этотъ праздничный напѣвъ молящійся слышитъ не рѣже, а даже чаще, чѣмъ еслибъ имъ пѣлся тропарь (7 разъ, такъ какъ сѣдальны поются по дважды). Замѣтимъ, что бдѣніе Преображенію единственное съ такимъ однообразіемъ напѣвовъ для сѣдальныхъ; по большей же части каждый новый сѣдаленъ, даже каждый изъ двухъ, положенныхъ по одной и той же кѳизмѣ (напр., въ бдѣніи Крещенію), поется новымъ гласомъ, для разнообразія. Это сильно подтверждаетъ наше соображеніе.

Наиболѣе продолжительную часть бдѣнія составляетъ канонъ. Такъ какъ канонъ полагается пѣть цѣликомъ (а не одни ирмосы), и такъ какъ весь канонъ представляетъ изъ себя музыкальный рядъ въ 128 пѣсень (8 „пѣсней“ по 16 тропарей въ каждой), то понятно, что далеко не безразлично для характера всей всенощной и настроенія молящихся, радостнымъ или грустнымъ напѣвомъ, величественнымъ или тихимъ, кроткимъ, нѣжнымъ будетъ пѣться этотъ длинный рядъ пѣснопѣній.

Что касается канона Преображенію, то первый и, слѣдовательно, главный его канонъ: *Лицы израильтестіи*... положенъ на обычный праздничный напѣвъ каноновъ, именно на 4-й гласъ. Этимъ гласомъ поются каноны большинства двенадесятыхъ праздниковъ: Введенія, Благовѣщенія, Вербнаго воскресенія, Вознесенія, Пятидесятницы и Успенія (у трехъ послѣднихъ—вторые каноны). Изъ каноннныхъ гласовъ это не самый радостный: самый радостный—1-й гласъ, на который поются каноны величайшихъ праздниковъ—Пасхи и Рождества Хр. (хотя самоподобнымъ напѣвомъ). Радость, сквозящая въ каноннномъ напѣвѣ 4 гласа, болѣе тихая, спокойная, не такая ликующая, безмѣрная, какъ въ напѣвѣ канона пасхальнаго и рождественскаго. Для праздника средней торжественности—она самая подходящая.

Но этимъ обычнымъ праздничнымъ напѣвомъ канона духъ настоящаго праздника не былъ бы выраженъ вполнѣ. Какъ сказано, радость, которая возбуждается связанными съ событіемъ Преображенія воспоминаніями, растворяется нѣкоторою грустью, скорбью. Посему радостный напѣвъ 4 гласа въ канонѣ Преображенію перемежается довольно скорбнымъ напѣвомъ 8-го гласа, на который поется 2-й канонъ праздника: *Воду прошедъ*.... Скорбь, которая слышится въ напѣвѣ кановновъ 8 гласа,—скорбь особаго характера, оттѣнка: это—не скорбь утраты (какъ въ заупокойномъ канонѣ 6-го гласа: *Яко по суху*...), не скорбь покаянная (какъ въ канонѣ: *Помощникъ и покровитель*...), а скорбь молитвенная, скорбь наболѣвшей души, изливающейся въ молитвѣ и преданности Богу. Этимъ гласомъ поется извѣстный трогательный канонъ Богородицѣ, такъ называемый *молебный, поемый во всякой скорби и обстояніи*,—канонъ, вся тема котораго хорошо выражена въ слѣдующемъ ирмосѣ его: *Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя, яко золъ душа моя исполнися, и животъ мой аду приближися, и молюся, яко Іона: отъ тли, Боже возведи мя.* Нужно ли говорить, какъ подходитъ подобный напѣвъ къ воспоминаніямъ настоящаго праздника, къ воспоминаніямъ о томъ, что происходило въ тотъ день на Ѳаворѣ, гдѣ изливалъ душу Свою въ молитвѣ Богочеловѣкъ, Который *во днехъ плоти Своея молитвы и моленія съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ* (Евр. 5, 7).

Грустный напѣвъ второго канона Преображенію находитъ достойное завершеніе себѣ въ катавасіи, которою служатъ для этого праздника торжественно-печальные ирмосы Воздвиженія—тоже 8 гласа—*Крестъ начертавъ*... Что касается этой катавасіи, то нельзя не видѣть особеннаго намѣренія устава въ назначеніи ея для этого праздника. Праздникъ Преображенія настолько великъ и торжественъ, что заслуживалъ бы имѣть собственную катавасію. Признакомъ особенной торжественности праздника считается въ уставѣ,

чтобы катавасіей служили собственные ирмосы праздника. И напр., непосредственно слѣдующій за Преображеніемъ праздникъ Успенія, болѣе близкій къ Воздвиженію, имѣетъ катавасіей не ирмосы Воздвиженія, а ирмосы своихъ каноновъ. Если для Преображенія положены въ качествѣ катавасіи ирмосы Воздвиженія, то это, несомнѣнно, вслѣдствіе близкаго родства этихъ праздниковъ, вслѣдствіе того, что Преображеніе Спасителя было приготовленіемъ къ крестной смерти для Него и для учениковъ.

—

Наши церковныя службы не представляютъ, подобно костельнымъ, лишь ряда мелодій, напѣвовъ. Музыкальная часть ихъ служитъ только фономъ,—правда, фономъ необыкновенно-художественной и невольно привлекающей къ себѣ восхищенный взоръ работы,—на которомъ творческая кисть церковныхъ пѣснописцевъ нарисовала полныя глубокаго смысла и возвышеннѣйшаго богословія картины. Не менѣе существеннымъ въ нашемъ богослуженіи, чѣмъ напѣвы и гласы его, считается вложенное въ нихъ содержаніе, т. е. текстъ пѣснопѣній. Всѣ въ совокупности пѣснопѣнія нашихъ богослужебныхъ книгъ представляютъ изъ себя полную и всесторонне развитую систему христіанскаго вѣро-и нравоученія. Не даромъ надъ составленіемъ ихъ трудились такіе богословы, какъ Іоаннъ Дамаскинъ.

Въ этомъ отношеніи, служба каждаго двунадесятаго праздника является лучшимъ истолкователемъ всего смысла и всего значенія для насъ того или другого событія, той или другой стороны совершеннаго Христомъ дѣла нашего спасенія. Въ службѣ каждаго двунадесятаго праздника, можно сказать, не оставлена безъ выясненія ни одна частность, ни одинъ относящійся сюда вопросъ. И чѣмъ важнѣе празднуемое событіе, тѣмъ возвышеннѣе и глубже становится это богословствованіе церковныхъ пѣснописцевъ.

Внимательно вчитываясь въ рядъ пѣснопѣній извѣстнаго праздника, легко замѣтить, съ какою постепенностью и искусствомъ получаетъ въ каждой слѣдующей группѣ стихиръ свое дальнѣйшее развитіе основная мысль праздника. Такъ, въ службѣ Преображенію *стихиры на Господи воззвахъ* занимаются по преимуществу внѣшней стороной событія, рисуютъ величественную картину его и раскрываютъ ближайшее значеніе его для учениковъ Христовыхъ (*Прежде креста Твоего, Господи, гора небеси подобящися и облакъ яко сѣнь протязашеся; Преобразуя воскресеніе Твое, Христе Боже, тогда поятъ три Твоя ученики; тамо бѣ Петръ со Іаковомъ и Іоанномъ, яко хотяху быти съ Тобою и во время преданія Твоего, да видѣвше чудеса Твоя, не устрашатся страданій Твоихъ*). Стихиры на литіи останавливаются уже на міровомъ значеніи событія: *Иже свѣтомъ Твоимъ всю вселенную освѣтивъ, на горѣ высоцѣ преобразился еси Блаже... показавъ яко міръ избавляеши отъ преступленія; иже прежде солнца свѣтъ Христосъ... тайно Троицы образъ показуя...* А стихиры на стиховнѣ ставятъ его въ связь съ ветхозавѣтными пророчествами и прообразами: *Иже древле съ Моисеемъ глаголавый на горѣ Синайстѣй образы днесь на горѣ показа началообразную доброту зрака* (1-стихира): *Твоего Единороднаго Сына провидѣвъ духомъ плотское къ человѣкомъ пришествіе, Богоотецъ Давидъ издалеча созываетъ къ веселію тварь* (2-я стихира).

Такое же разнообразіе по содержанію можно замѣтить въ двухъ канонахъ праздника. Тогда какъ первый канонъ (твореніе преп. Космы) въ рядѣ потрясающихъ картинъ воспроизводитъ передъ нами событіе, второй канонъ старается проникнуть въ суть и смыслъ событія и доказать на основаніи его божественность Спасителя, сразу обнаруживая въ авторѣ (Іоаннъ Дамаскинъ) глубокаго богослова.

Въ цѣлой совокупности пѣснопѣній этого праздника дотого полно и всесторонне раскрывается все значеніе событія для Спасителя и для апостоловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дает-

ся такое глубокое догматическое толкованіе ему, что служба праздника представляетъ изъ себя какъ бы цѣлый богословскій трактатъ, который въ сжатой и высокопоэтической формѣ передаетъ то, что для подробнаго раскрытія потребовало бы цѣлой книги. Особенно поражаетъ глубиною своею одна мысль, къ которой часто возвращаются различныя пѣснопѣнія праздника,—мысль, что въ свѣтѣ, которымъ сіялъ Спаситель на Ѳаворѣ, сіяло именно божество Его, такъ какъ божество по природѣ Своей есть именно свѣтъ, только свѣтъ невидимый и несозданный, такъ что свѣтъ въ Немъ есть такое же существенное свойство и такъ же необходимо мыслится, какъ духовность, разумъ, воля (см. свѣтиленъ: *Свѣте неизмѣнный...*, тропарь, 3-ю стихиру на литіи, 2-й сѣдаленъ по поліелеѣ, стихира послѣ евангелія, 2-го канона п. 4, тр. 3 п. 5, тр. 3. и др.). Мысль о Богѣ, какъ о свѣтѣ, проникаетъ всю службу праздника, проходитъ чрезъ нее красною нитью и дотого овладѣваетъ умомъ слушателя, что Богъ, Котораго онъ привыкъ представлять себѣ то въ образѣ Царя и Владыки міра, то въ образѣ любвеобильнаго Отца и Помощника своего, въ этотъ праздникъ является предъ нимъ съ совершенно новой, необычной стороны, какъ вѣчный, самосущій, несозданный Свѣтъ, одинъ видъ котораго могъ бы исполнить каждаго неизреченнымъ небеснымъ блаженствомъ.

—

Служба Преображенію Господню на славянскомъ языкѣ имѣетъ нѣсколько неясныхъ мѣстъ, до сихъ поръ или совершенно необъясненныхъ или объясненныхъ невѣрно.

Одинъ ирмосъ праздника начинается такъ: *Отъ свѣта преспѣкій первородный свѣтъ* (1 кан. 5 ир.). Обыкновенно понимаютъ это выраженіе по отношенію къ предвѣчному рожденію Сына Божія отъ Отца, Свѣта отъ Свѣта. Но такому пониманію противорѣчитъ дѣйствительный залогъ глагола—*преспѣкій*, который относится, какъ видно изъ дальнѣйшихъ

словъ (*яко во свѣтѣ дньла поютъ Тя Христе..*) ко Христу, слѣдовало бы сказать: *пресѣчень*; но этимъ давалась бы невполнѣ православная мысль. Неясность исчезнетъ, если обратиться къ греческому тексту и древне-славянскому. По гречески это мѣсто читается: ὁ τοῦ φωτὸς διατμήξας τὸ πρωτόγονον χάος", т. е. „отъ свѣта отдѣлившій первобытный хаосъ". Очевидно, χάος—терминъ философскій, и непонятный неученому читателю—какой-нибудь переписчикъ прочелъ какъ Χάος „свѣтъ". Въ Анѳологіи Львовскомъ (1638 г.) это мѣсто было переведено вѣрно: *иже свѣта раздѣливый первородный мракъ.*

Очень не ясенъ, и тоже—вслѣдствіе ошибки въ переводѣ, слѣдующій непосредственно за указаннымъ ирмосомъ тропарь канона: *Предъ лицемъ Твоимъ горы уклонишася: свѣтъ бо и предъ ногами неботечныя лучи Христе солнца пріиде.* Горы въ—греческомъ ὧραι, что значитъ „часы", „времена", напр. времена года; переводчикъ смѣшалъ съ ὄρος отъ ος „гора". Съ греческаго пѣснопѣнія нужно перевести такъ: „ Предъ Твоимъ лицемъ, Христе, измѣнили свое теченіе времена, ибо предъ (самыми) ногами у Тебя прошелъ свѣтъ и божественное сіяніе (σέλας—въ слав." лучи) солнца, т. е. свѣтъ солнца сошелъ для Христа съ неба на поверхность земли къ ногамъ Его во время преображенія. (При этомъ предполагается, что преображеніе было ночью). Опять въ томъ же Анѳологіи это мѣсто вѣрнѣе: *Предъ лицемъ ти лѣта восклонишася.*

Небольшая неточность допущена и въ переводѣ тропаря: *свѣтъ присносущный* въ греч. ἀΐδιον, „невидимый", что больше подходитъ къ контексту и имѣетъ основаніе въ 1 Тим. 6, 16.

Одно пѣснопѣніе, хотя и переведенное точно, едва ли будетъ понятно маловдумчивому слушателю: *Яко веліе и страшное узрѣся видѣніе днесь, съ небесе убо чувственное, отъ земли же несравненное, облиста солнце правды мысленное*

на горѣ Ѳаворстѣй (2 кан. 6 п. 1 тр.). *Чувственное* и *несравненное* согласовано съ *солнце*, и мысль, слѣд., такая: Удивительное видѣніе представилось сегодня: въ то время, какъ на небѣ сіяло чувственное солнце, (здѣсь уже предполагается, что преображеніе было днемъ), отъ земли засіяло другое, несравнимое, т. е. по блеску, съ нимъ, именно солнце правды на Ѳаворѣ. Какой искусный антитезъ!...

*М. Скабалланович*ъ.

РодіонъII утятинъ, какъ пастырь и проповѣдникъ.

Скоро (въ 1907 г.) исполнится сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ популярныхъна шихъ проповѣдниковъ—Родіона Путятина. Своевременно поэтому и справедливо будетъ вспомянуть труды и заслуги этого пастыря.

Протоіерей Путятинъ извѣстенъ больше, какъ авторъ „краткихъ поученій“ для народа, которыя въ наше время вышли двадцать вторымъ изданіемъ. Двадцать два изданія въ 50—60 лѣтъ! Это очень недурная аттестація для проповѣдника. Если книжка расходится въ нѣсколькихъ изданіяхъ, если спросъ на нее ни мало не ослабѣваетъ, то это служитъ явнымъ доказательствомъ, что ее читаютъ, что она удовлетворяетъ запросамъ публики. И мы дѣйствительно видимъ, что поученія о. Путятина являются любимымъ чтеніемъ для простого народа на всемъ обширномъ пространствѣ нашего отечества. Чѣмъ же объяснить этотъ успѣхъ поученій нашего проповѣдника? Вся извѣстность, вся любовь, которую пріобрѣлъ Родіонъ Путятинъ, какъ проповѣдникъ, обусловливается свойствами его проповѣдническаго слова, особыми пріемами и исключительнымъ, ему одному свойственнымъ, проповѣдническимъ тактомъ. Къ сожалѣнію, въ литературѣ нашей до сихъ поръ нѣтъ ни одного серьезнаго критическаго труда, который оцѣнилъ бы

поученія Родіона Путятина со всѣхъ сторонъ и опредѣлилъ бы силу этого оригинальнаго и самобытнаго таланта. Было бы, конечно, не только несправедливо, но и неполезно оставить безъ надлежащей оцѣнки поученія о. Путятина. Оцѣнивая поученія о. Родіона, мы опредѣлимъ тѣ гомилетическіе пріемы, тотъ проповѣднический тактъ и силу, благодаря которымъ слово проповѣдника было живымъ, дѣйственнымъ началомъ, проникающимъ въ душу простолюдина; мы найдемъ ключъ къ тайнѣ народной русской проповѣди. Не менѣе интересна для насъ и вообще жизнь Родіона Путятина, какъ пастыря Церкви. Это не обыкновенная жизнь рядового священника, не священника чиновнически исполняющаго свои обязанности и тяготящагося взятымъ на себя бременемъ, это— жизнь умнаго, безконечно-добраго пастыря, беззавѣтно и самоотверженно отдавшагося долгу, скромнаго до самозабвенія Этотъ человѣкъ не дѣлалъ ни одного шага, не спросившись совѣсти, и не отказывался отъ исполненія требованій долга даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его жизни угрожала опасность. Онъ никому не отказывалъ въ матеріальной поддержкѣ, а тѣмъ болѣе въ нравственной помощи. Къ нему стекались люди, удрученные горемъ, съ наболѣвшею душою, ищущей истиннаго пути, и всѣ находили въ немъ опытнаго, сердечнаго совѣтника. Самъ онъ постоянно слѣдилъ за собой и малѣйшее уклоненіе отъ долга обличалъ въ себѣ. Но жизнь о. Родіона прошла въ безвѣстности. Она немного сохранилась въ воспоминаніяхъ старожилъ того городка, въ которомъ трудился протоіерей. Знавшіе о. Родіона вспоминали его съ доброю улыбкой, съ теплымъ сочувствіемъ и молитвами за упокой его души. Но на жизнь о. Родіона много свѣта проливаетъ открытый нами рукописный дневникъ покойнаго. Этимъ дневникомъ мы воспользуемся въ настоящемъ трудѣ, чтобы представить почитателямъ о. Родіона его жизнь и дѣятельность въ томъ видѣ, какъ онъ ее самъ описываетъ [1]).

[1]) Дневникъ о. Родіона Путятина найденъ мною въ 1903 году. Собирая матеріалъ, относящійся къ жизни и дѣятельности о. Родіона, я

I.

Рыбинскій протоіерей Родіонъ Путятинъ былъ уроженецъ села Путятина, Рязанской губерніи. Отецъ его былъ священникомъ. Родился Родіонъ Путятинъ въ 1807 году, въ началѣ ноября мѣсяца [1]). Отъ своего родителя о. Тимоѳея онъ унаслѣдовалъ здравый бодрый умъ, который соединялся въ немъ съ добротою и мягкосердечностію матери. Подъ руководствомъ своего отца, Родіонъ Тимоѳеевичъ выучился читать, писать и десятилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ число школьниковъ Сапожковскаго духовнаго училища. Какъ способный мальчикъ, Родіонъ Путятинъ прошелъ училище безъ задержки и поступилъ въ семинарію. Здѣсь онъ шелъ всегда однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Семинарія съ ея тяжелымъ режимомъ и старинными пріемами преподаванія оставила въ душѣ Родіона Путятина довольно плохую память. Въ своемъ дневникѣ онъ иногда вспоминалъ семинарію но вспоминалъ съ грустью, какъ о времени, проведенномъ въ такихъ заня-

предпринялъ поѣздку въ г. Рыбинскъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ знаменитый проповѣдникъ. Здѣсь, у жены брата о. Родіона, Д. М. Путятиной, я отыскалъ посмертныя записки о. Радіона. М. Д. Путятина любезно предложила мнѣ воспользоваться матеріаломъ, какой имѣлся въ запискахъ. За это считаю долгомъ принести ей глубокую бладарность. Для удобства работы я выписалъ этотъ дневникъ на домъ чрезъ посредство Московской д. академіи, давшей ручательство въ цѣлости и сохранности рукописи. Академія обязалась, по окончаніи мною работы, возвратить взятую рукопись по принадлежности—Д. М. Путятиной. Если библіотека М. академіи не пріобрѣла эту рукопись въ собственность, то она теперь хранится у М. Д. Путятиной въ г. Рыбинскѣ. Дневникъ представляетъ собою подлинныя записки о. Родіона, писанныя его рукой. Сохранился онъ не весь, уцѣлѣла только часть, съ матеріаломъ, относящимся къ послѣднему періоду жизни проповѣдника. Первая часть-съ матеріаломъ изъ ярославской жизни о. Родіона—утеряна. Дневникъ обнимаетъ время съ 1853 по 1869 г. Какъ видно, дневникъ о. Родіона не предназначался къ печати. Наряду съ важными мыслями и характерными замѣчаніями въ немъ много мелкаго и случайнаго. Мною выбрано изъ дневника все болѣе или менѣе важное и характерное. *Авт.*

[1]) Ноября 4-го дня. 1807 года.

тіяхъ, которыя семинаристамъ оказываются совершенно безполезными въ жизни [1]). Въ особенности же Родіонъ Путятинъ недоволенъ былъ тѣмъ, что семинарскій способъ обученія не развивалъ правильнаго мышленія, а скорѣе подавлялъ его. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу: „Да, насъ не только не учили мыслить, но, напротивъ, отучали, не давали, запрещали мысль. „Не смѣй своего сужденія имѣть": вотъ главное правило, котораго мы въ семинаріи должны были держаться" [2]). Въ 1830 году Родіонъ Путятинъ окончилъ курсъ семинаріи студентомъ. По окончаніи семинаріи, онъ думалъ поступить въ полковые священники [3]). Къ этому побуждало его стѣсненное матеріальное положеніе родителей, содержавшихъ въ семинаріи и въ училищѣ еще нѣсколько дѣтей. Но Родіону Путятину суждено было пройти еще курсъ академическихъ наукъ. Какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи, онъ въ 1830 году былъ отправленъ на казенный счетъ въ Московскую духовную академію. Что же могла дать академія Родіону Путятину для развитія его ума и, въ частности, для развитія его проповѣдническаго таланта? Духовная академія въ то время обращала вниманіе главнымъ образомъ на обогощеніе своихъ питомцевъ богословскими и историческими знаніями. Пробнымъ камнемъ для опредѣленія умственныхъ силъ студента служили сочиненія. При этомъ академическіе наставники считали лучшими тѣ изъ студенческихъ сочиненій, которыя были составлены на основаніи ученія святыхъ отцовъ. Самостоятельныя сужденія студентовъ, не основанныя на ученіи церковныхъ авторитетовъ, имѣли мало цѣны [4]). Неудивительно поэтому, что Родіонъ Путятинъ былъ недоволенъ постановкою иисьменныхъ занятій въ академіи. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу: „насъ не пріі-

[1]) Рукописный Дневникъ Р. Путятина 1860 г., 15 дек.
[2]) Тамъ же 1862 г. 25 сент.
[3]) Тамъ же 1860 г. 26 авг.
[4]) Исторія Моск. Дух. Ак. Смирн. 170 стр.

учали мыслить, а учили сочинять, составлять изъ чужихъ мыслей цѣлое что-нибудь. Какъ обыкновенно мы писали? Тутъ почитаешь, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ; подумаешь, пособразишь немного, а иногда и много, долго, и думая, не о томъ заботишься, чтобы дѣло сказать, правду, а о томъ, чтобы правильно сказать, т. е. по правиламъ риторики сказать" [1]). Въ самомъ печальномъ положеніи въ академіи была наука церковнаго краснорѣчія. Каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія на первыхъ порахъ не посчастливилось въ отношеніи преподавателей. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ смѣнилось до двадцати пяти преподавателей. При такой частой смѣнѣ профессоровъ нельзя было думать объ удовлетворительной постановкѣ неразработанной, вновь введенной науки краснорѣчія, что и отмѣчено митрополитомъ Филаретомъ въ его „Слѣдствіяхъ изъ наблюденій, дѣланныхъ надъ состояніемъ Академіи" [2]). Большинство академическихъ преподавателей разсматривали проповѣдь, какъ родъ высшаго краснорѣчія, и проповѣдника сравнивали съ ораторомъ. Только нѣкоторые преподаватели склонялись къ патристической проповѣди, хотя и не могли вполнѣ освободиться отъ авторитета западныхъ теорій [3]). Что касается практическихъ занятій проповѣдничествомъ, то студенты академіи мало упражнялись въ составленіи проповѣдей. По расписанію студенческихъ занятій, каждый студентъ въ теченіе академическаго курса обязанъ былъ написать только двѣ проповѣди [4]). При такой постановкѣ теоріи и практики проповѣди, академическая каѳедра церковнаго краснорѣчія не могла дать ничего цѣннаго для того проповѣдничества, какимъ заявилъ себя Родіонъ Путятинъ. Единственное, что могъ пріобрѣсти здѣсь нашъ проповѣдникъ для будущей дѣятельности, это правило подражать въ проповѣди

---

[1]) Ркп. Дн. 1862 г. декбр.
[2]) Ист. М. Д. А. 170.
[3]) Прибавл. къ Твор. Свв. ОО. 1885 г. 35 ч. 69. Ист. М. Д. А. 34.
[4]) Ист. М. Д. А.

святымъ отцамъ, а не ораторамъ, свѣтскимъ витіямъ. Въ выработкѣ гомилетическихъ взглядовъ по вопросамъ о внутреннемъ и внѣшнемъ характерѣ проповѣди Родіонъ Путятинъ былъ самостоятеленъ и независимъ. Мысли о характерѣ народной проповѣди слагались у него на студенческой скамьѣ независимо отъ авторитета каѳедры. Одинъ изъ товарищей Родіона Путятина Г. П. Успенскій, бывшій преподаватель Тульской семинаріи, разсказываетъ, что нашъ проповѣдникъ, еще въ бытность свою въ академіи, особенную любовь питалъ къ Евангелію, и всегда восторгался простотою и безыскусственностію апостольской рѣчи, ея глубокою назидательностію. Читая живыя, проникающія въ душу и захватывающія сердце бесѣды Спасителя, Путятинъ говаривалъ: „что можетъ быть лучше, проще и назидательнѣе этихъ бесѣдъ; хорошо бы такъ говорить каждому проповѣднику“ [1]). Впослѣдствіи Родіонъ Путятинъ, вспоминая объ академическихъ занятіяхъ проповѣдію, писалъ въ своемъ дневникѣ: „когда я былъ,—учился въ Академіи, и тогда еще я замышлялъ держаться, главнымъ образомъ, историческихъ фактовъ, примѣровъ, опытовъ, поученій важныхъ лицъ. По окончаніи курса, поступая на должность, я не оставлялъ своей мысли. Помню, какъ читалъ я Прологъ, Четіи-Минеи, отмѣчалъ въ нихъ, выписывалъ изъ нихъ интересное. И на должности то же занимало меня преимущественно“ [2]). Такимъ образомъ, если академія не дала Родіону Путятину готовой, удовлетворяющей его теоріи проповѣди, то она все-таки помогла ему въ выработкѣ своихъ гомилетическихъ взглядовъ, доставляя ему нужныя къ тому средства и создавая для того благопріятныя условія. Въ 1834 году Родіонъ Путятинъ окончилъ курсъ академіи, девятымъ магистромъ богословія, и 14 августа того же года былъ опредѣленъ профессоромъ словесности въ Ярославскую духовную семинарію. Какъ пре-

[1]) Тульск. еп. вѣд. 1872 г. № 5, 158.

[2]) Рук. Дн. 1854 г. 21. мая ср. 24 ноября.

подаватель, Родіонъ Путятинъ былъ однимъ изъ лучшихъ. Особенностію въ его преподаваніи было отсутствіе схоластической сухости. Онъ желалъ видѣть въ воспитанникахъ не механическое усвоеніе предмета, но разумное познаніе истины. Съ этою цѣлью онъ старался объяснять ученикамъ урокъ, какъ можно проще и понятнѣе. Какихъ правилъ, какого метода держался Родіонъ Путятинъ въ преподаваніи, объ этомъ можно судить на основаніи его личныхъ словъ. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: „Учитель долженъ доводить учениковъ до того, чтобы они сами могли сказывать, что знаютъ. И потому, по моему, самый лучшій способъ преподаванія ученія—собесѣдовательный. Ты бесѣдуй самъ съ собою, а они пусть слушаютъ. Такъ предлагай вопросы, чтобы тебѣ самому приходилось на нихъ отвѣчать“ [1]). „При обученіи, писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не нужно патетическихъ рѣчей, декламацій для того, чтобы дѣйствовать на чувство ученика. Всякое истинное преподаваніе само по себѣ доставляетъ богатый матеріалъ чувству, потому что познаніе просвѣтляетъ не только умъ, но и сердце, оживляя и радуя его. Познаніе и радость находятся въ ближайшемъ родствѣ между собой“ [2]). Преподаваніе Родіона Путятина одобрялось его современниками. Вотъ съ какимъ сочувствіемъ сообщаетъ объ этомъ одинъ изъ сослуживцевъ Путятина: „Новый наставникъ класса словесности, нисколько не обременяя юныхъ учениковъ своихъ, преподавалъ имъ свой предметъ со всею краткостію и простотою, но съ такимъ успѣхомъ и пользою, что новый способъ его ученія всѣми признавался наилучшимъ и вполнѣ сообразнымъ съ своею цѣлью“ [3]). Въ 1835 году, 25 января, Родіонъ Путятинъ былъ поставленъ архіеп. Авраамомъ во священники къ ярославской городской Тихановской церкви, а въ 1837 году, 25 сентября, былъ опредѣленъ въ

[1]) Тамъ же 1855 г. 24 дек.

[2]) Тамъ же 1855, 24 дек. 1858 г. іюль. 2.

[3]) Приложеніе къ изд. 17 кр. поуч. 1870 г. 63—64.

помощники инспектора семинаріи. Занимаясь дѣлами по семинаріи, о. Путятинъ въ то же время былъ самымъ ревностнымъ исполнителемъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Пастырскія попеченія его обратились главнымъ образомъ на дѣло церковнаго учительства. Эта область пастырскаго дѣланія была всегда любимою для о. Родіона. Церковное учительство о. Родіона вполнѣ согласовалось съ его профессорскими занятіями по словесности. Изучая словесныя науки, законы языка и образцы литературныхъ произведеній, онъ воспитывалъ свой талантъ, пріучалъ его слѣдовать лучшимъ и простѣйшимъ образцамъ литературнаго слова [1]). То, что давала ему теорія словесности, онъ старался, по мѣрѣ возможности, осуществить въ дѣлѣ проповѣди, и достигъ въ этомъ отношеніи хорошихъ результатовъ. Его ярославскія поученія, изданныя въ первый разъ въ 1841 году, стоятъ гораздо выше по литературной отдѣлкѣ многихъ проповѣдей рыбинскаго періода его дѣятельности. Надъ составленіемъ проповѣдей о. Родіонъ трудился непрестанно. Насколько ревностенъ онъ былъ въ проповѣдываніи Слова Божія, объ этомъ свидѣтельствуютъ его сослуживцы: „Здѣсь, говоритъ одинъ изъ нихъ, на поприщѣ этого служенія свѣтильникъ его учительства, возженный огнемъ Божественнымъ, съ такою силою началъ горѣть и свѣтить, что жаждущіе духовнаго просвѣщенія посѣщали храмъ съ такою любовью и съ такимъ обиліемъ, что храмъ становился тѣсенъ для слушающихъ, а теплота его ученія такъ увлекала всѣхъ, что всѣ съ жаждою желали слышать его преимущественно“ [2]). Ревностная дѣятельность и полезное прохожденіе различныхъ должностей вскорѣ обратили на о. Родіона вниманіе начальства, которое, оцѣнивъ по достоинству его труды, не замедлило отличить его и наградить высшими почестями. Такъ, въ 1838 году, 16 октября, архіеп. Евгеній,

[1]) Рки. Дн. 1853 г. 23 сент.

[2]) Прилож. къ изд. 17. кр. п. 64 стр.

заступившій мѣсто Авраама, за примѣрное поведеніе и отличную ревность къ проповѣданію Слова Божія, ровно какъ и за дѣятельное прохожденіе должности профессора словесности и помощника инспектора наградилъ его набедренникомъ. Вскорѣ затѣмъ труды Родіона Путятина были по достоинству оцѣнены и награждены высшимъ начальствомъ. Въ 1838 году производилась ревизія Ярославской семинаріи проф. Московской академіи П. С. Делицинымъ. Въ эту ревизію провѣрялись и знанія учениковъ, которымъ преподавалъ Родіонъ Путятинъ. Ревизія сошла въ общемъ благополучно. Делицынъ далъ хорошій отзывъ о семинаріи и преподавателяхъ и, въ особенности, отмѣтилъ ревностную и полезную дѣятельность о. Родіона. Правленіе Московской духовной академіи, по выслушаніи доклада Делицына о ревизіи, постановило: Предписать семинарскому правленію, дабы оно представило во вниманіе мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго особенную ревность, усердіе и благонадежную дѣятельность по должности помощника инспектора, особенное искусство и благонадежность по должности наставника и профессора словесности второго класса магистра Родіона Путятина и просить о награжденіи его скуфьею [1]). Вслѣдствіе этого распоряженія, мѣстное епархіальное начальство обратилось съ ходатайствомъ о награжденіи Родіона Путятина въ Синодъ. Ходатайство было принято во вниманіе, и 27 апрѣля 1840 года нашъ профессоръ-проповѣдникъ былъ награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею. Проповѣдническая дѣятельность о. Родіона доставила ему не только извѣстность у начальства, но и любовь народа, привлекла къ нему любовь пасомыхъ. Родіонъ Путятинъ писалъ о себѣ роднымъ своимъ въ 1842 году такъ: „Ахъ, вы вѣдь, конечно, не знаете, какъ я счастливъ въ Ярославлѣ; всѣ меня любятъ и уважаютъ“ [2]).

---

[1]) Изъ дѣлъ правл. Яросл. дух. С. № 52. 1838 г. Яросл. Вѣд. 1874 г. № 47, 76.

[2]) Русскій Архивъ 1893 г. кн. 3. 496.

„Чудное дѣло, нынѣшній годъ необыкновенно былъ для меня счастливъ; владыка, и тотъ для меня необыкновенно хорошъ; мои проповѣди ему очень понравились, не нахвалится ими“ [1]). Съ этого времени начинаются изданія его поученій. Въ 1842 году вышло первое изданіе въ количествѣ 40 поученій. Въ эту, самую лучшую пору его жизни, когда онъ былъ молодъ и пріобрѣлъ себѣ славу, почетъ и уваженіе, когда жизнь ему улыбалась, волновала радостными надеждами,—въ это время умерла у о. Родіона его жена Надежда Ивановна, горячо любимая имъ. Если на жизни каждаго человѣка потеря жены отзывается тяжело, то для священника, у котораго, по народному выраженію, жена „послѣдняя“, такая потеря ничѣмъ не вознаградима. Вотъ какъ писалъ о. Родіонъ объ этой утратѣ къ роднымъ: „Тяжело мнѣ писать къ вамъ, такъ тяжело, что не знаю, какъ начать. Впрочемъ, вы не слишкомъ безпокойтесь обо мнѣ: я понемногу начинаю успокаиваться. Ахъ, все бы хорошо... но гдѣ теперь моя Надежда Ивановна? Съ 23 мая ея ужъ нѣтъ со мною, она умерла! О, не дай Богъ никому испытать такого горя! Если вы хотите меня успокоить, утѣшить въ моемъ горѣ, то молитесь больше и чаще, чтобы Богъ успокоилъ ее со святыми своими... Жизнь, конечно, мнѣ ужъ не мила, но вѣдь надобно же какъ-нибудь жить, вѣкъ доживать. Я довольно думалъ, и все выходило плохо. Дай мнѣ, Господи, терпѣніе и утѣшеніе“ [2]). Это несчастіе заставило о. Родіона искать утѣшеніе въ вѣрѣ въ Бога и молитвѣ Ему. Вѣра для него стала якоремъ спасенія въ минуты тоски и унынія, источникомъ душевнаго спокойствія. „Я, писалъ о. Родіонъ, стараюсь успокоить себя молитвою къ Богу. Теперь-то я начинаю познавать и чувствовать, какъ важна, какъ спасительна наша вѣра. Безъ вѣры человѣкъ именно погибшій, особенно въ горѣ. Я бы желалъ чтобы расположеніе моего духа осталось на всегда такимъ же,

[1]) Тамъ же.

[2]) Русскій Архивъ. 1893 г. ч. 3. 495.

каково теперь: тогда бы я былъ спокоенъ и счастливъ“ [1]). Долго послѣ смерти супруги о. Родіонъ не могъ ничѣмъ заниматься. Только тогда, когда немного успокоился, онъ снова энергично принялся за свои дѣла, стараясь отвлечься въ нихъ отъ своего горя. Между тѣмъ, начальство, замѣтивъ недюжинный талантъ о. Родіона въ проповѣдничествѣ, поставило его на болѣе видный священническій постъ. Въ 1840 году, 2 августа, онъ былъ переведенъ въ ярославскій каѳедральный соборъ, а отсюда въ 1844 году, 6 сентября онъ былъ переведенъ къ одной изъ главныхъ церквей города Ярославля—къ церкви Св. Духа. Въ то же время, какъ хорошій и опытный цѣнитель проповѣдей и какъ профессоръ словесности, о. Родіонъ былъ назначенъ цензоромъ проповѣдей, представляемыхъ уѣзднымъ духовенствомъ епископу, что, конечно, еще болѣе усложняло его дѣятельность [2]). Такимъ образомъ работы у о. Родіона было много. Онъ отправлялъ службы въ приходѣ, писалъ проповѣди, преподавалъ словесность, исправлялъ должность помощника инспектора и писалъ рецензіи о проповѣдяхъ уѣздныхъ священниковъ. Постоянное чтеніе книгъ и различныхъ рукописей разстроило у о. Родіона и безъ того слабое зрѣніе. Вслѣдствіе этого, въ 1845 году, 22 февраля, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ семинарскихъ должностей. Прошеніе было принято, и Родіонъ Тимоѳеевичъ вышелъ со службы съ такою аттестаціею: „Проходилъ должность при поведеніи примѣрно-честномъ, съ отличнымъ усердіемъ и ревностію“ [3]). Однако и послѣ этого начальство не теряло его изъ виду и продолжало давать ему, какъ доброму труженику, новыя дѣла. Опытный въ духовной жизни пастырь, хорошій наставникъ и проповѣдникъ—Родіонъ Путятинъ былъ назначенъ въ 1845 году, 12 марта,

---

[1]) Тамъ же 496.

[2]) Яросл. еп. вѣд. 1872 г. № 16. Изъ дѣлъ Правл. Яр. д. с. № 69. 1844 г.

[3]) Тамъ же. 1871 г.

увѣщателемъ во всѣхъ ярославскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Наконецъ, 1845 году, 8 сентября, о. Родіонъ, въ санѣ протоіерея былъ переведенъ въ Рыбинскій соборъ и назначенъ благочиннымъ надъ уѣзднымъ духовенствомъ. Лица, помнившія о. Родіона, объ этомъ назначеніи разсказывали слѣдующее. Послѣ смерти протоіерея Ненарокова, прихожане соборной церкви города Рыбинска, въ лицѣ именитыхъ купцовъ, отправили посольство къ архіепископу Евгенію просить о назначеніи имъ такого протоіерея, котораго они выберутъ сами, который имъ понравится. Архіеп. Евгеній, указалъ имъ на о. Родіона, сказавъ: „вотъ вамъ протоіерей; пойдите и посмотрите“. И вотъ просители пошли въ церковь Св. Духа послушать службу о. Родіона и его поученіе. Все слышанное и видѣнное имъ такъ понравилось, что они не замедлили просить преосвященнаго о назначеніи имъ о. Родіона въ соборные протоіереи. Объ этомъ событіи вспоминалъ о. Родіонъ въ своемъ дневникѣ со свойственною ему скромностію [1]). Со времени перевода о. Родіона въ г. Рыбинскъ, начался другой періодъ его дѣятельности, когда онъ показалъ всю силу своего проповѣдническаго таланта, обнаружилъ необычную высоту своей души и проявилъ самоотверженность на службѣ ближнему. Здѣсь онъ является человѣкомъ, окончательно установившимся въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Жизнь его идетъ согласно съ его убѣжденіями, слово и дѣло у него не расходятся.

Каково же міросозерцаніе, котораго держался о Родіонъ, каковы его убѣжденія, которыя онъ проводилъ въ жизни? Родіонъ Путятинъ былъ человѣкъ необыкновенно религіозный и глубоковѣрующій. Вѣра его не обыкновенная вѣра простыхъ смертныхъ, съ оттѣнкомъ маловѣрія и пессимизма, — это вѣра безъ сомнѣній; это знаніе и убѣжденіе въ томъ, что вѣрующій человѣкъ спасется. Это вѣра оптимиста, человѣка жизнерадостнаго, который не поддается унынію, малодушію подъ

---

[1]) Ркп. Дн. 1857 г. 3 сент.

вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни. Это вѣра простая, безъ умствованій, безъ хитрыхъ умозрѣній. „Что всего прежде нужно для спасенія души?“ спрашиваетъ о. Родіонъ въ своемъ дневникѣ.—„Вѣра. Хочешь просить у Бога? Вѣра нужна. Хочешь каяться? Вѣра. За что ни примись въ дѣлѣ спасенія, вездѣ необходима вѣра. Что же наша вѣра?—Увѣренность въ Спасителѣ, увѣренность, что Онъ спасетъ тебя (чрезъ таинства), чрезъ то, чему тебя учитъ, что тебѣ велитъ дѣлать, чему велитъ тебѣ вѣровать“ [1]). Эта вѣра проста, хотя и далеко видитъ. Она просто на все смотритъ, и оттого просто, какъ что есть, видитъ. Она не усиливается знать, не размышляетъ, потому что все съ перваго разу видитъ. Это непосредственное знаніе, духовное созерцаніе предмета вѣры [1]). По сознанію о. Родіона, могутъ спастись не только глубоковѣрующіе, но и маловѣрные—сознаніемъ своего маловѣрія. „Какъ спасутся маловѣрующіе?“—пишетъ о. Родіонъ. „Сознаніемъ своего маловѣрія. Кто сознаетъ себя, что въ немъ нѣтъ вѣры или мало, тотъ не далекъ отъ спасенія, тотъ спасется. Грѣхи маловѣрующаго малому наказанію подлежатъ, гораздо меньшему, чѣмъ грѣхи того, кто вѣруетъ и грѣшитъ. *Рабъ вѣдѣвый волю господина и не сотворивый по волѣ его, біенъ будетъ много. А невѣдѣвый и несотворивый біенъ будетъ меньше.* Вѣра всякому дается отъ Бога; вѣра даръ Божій. Кому большая вѣра дана, тотъ большій дастъ отчетъ за худыя дѣла. Кто мало вѣруетъ, тотъ меньше отвѣтитъ [2]). Съ глубокою вѣрою о. Родіонъ соединялъ твердую, непоколебимую надежду на спасеніе. „Что невозможно, по моимъ соображеніямъ, пишетъ онъ, въ томъ буду уповать на Бога; Богъ намъ дѣлаетъ по нашему за то одно, что мы надѣемся на Него, ждемъ отъ Него. Надѣющіеся на Господа не посрамятся. Да, буду надѣятся, хотя то, чего желаю, что мнѣ и что отъ меня тре-

[1]) Тамъ же 1852 г. 4 дек.

[2]) Поуч. 93., 173 стр.

[3]) Ркп. дн. 1853 г. 2 марта. 13 апрѣля.

буется, невозможнымъ мнѣ кажется“ [1]). Надежда о. Родіона была такъ велика , что онъ нимало не сомнѣвался въ своемъ спасеніи: „Я, писалъ онъ, на счетъ своего спасенія покоенъ, потому что увѣренъ, что Господь меня спасетъ, хотя я и недостоинъ спасенія“ [2]). Изъ предметовъ вѣры особенно важнымъ и утѣшительнымъ въ жизни считалъ онъ безсмертіе души. При этомъ онъ высказываетъ вѣру не только въ безсмертіе души за гробомъ, но вѣритъ и въ предсуществованіе душъ, въ безначальное ихъ существованіе. Вотъ что онъ писалъ относительно этого въ своемъ дневникѣ: „Если бы я не зналъ, что я родился въ 1808 или 7 году, то я теперь не говорилъ бы, что я съ того времени началъ существовать, а до того не существовалъ: мнѣ теперь думается, что я существовать не начиналъ, а безъ начала существую; безначальное существованіе мое понятнѣе для меня, чѣмъ та мысль, что я прежде не существовалъ. То же и о концѣ существованія своего я думаю; если бы я не зналъ, что я умру то никакъ бы теперь не повѣрилъ, не увѣрился, не согласился, что я умру... Да, еще скажу: чудное существо человѣкъ. Не вѣрится, чтобы я когда-нибудь не существовалъ, не вѣрится, что я и существовать когда-нибудь не буду. Это чувство во мнѣ, чувство моей вѣчности, есть искра во мнѣ Бога, существа вѣчнаго, сотворившаго меня изъ земли и вдунувшаго въ меня дыханіе жизни. Да, такъ“ [3]). Такимъ образомъ, о. Родіонъ вѣрилъ не только въ безсмертіе души, но и въ ея безначальное существованіе, какъ искры Божества, какъ частицы Божественнаго дыханія, получающей личное бытіе съ момента появленія тѣла. Глубокая вѣра и твердая надежда на спасеніе при всей грѣховности положили отпечатокъ на всѣ элементы міросозерцанія о. Родіона, сообщили его взглядамъ на явленія жизни оптимистически-идеалистическій

[1]) Тамъ же. 1853 г. 2 марта.
[2]) Тамъ же. 1853 г. 20 декабря.
[3]) Тамъ же 1862 г. 20 сент.

оттѣнокъ. На всѣ явленія жизни о. Родіонъ смотрѣлъ съ высоты своей непоколебимой увѣренности въ спасеніи, все цѣнилъ постольку, поскольку оно полезно ко спасенію. Всѣ скорби, всѣ злострадания и мрачныя явленія земной жизни для него были ничто, по сравненію съ перспективой вѣчности. Онъ вѣрилъ въ конечное торжество правды и добра надъ временнымъ зломъ, и эта вѣра утѣшала его при временныхъ земныхъ скорбяхъ, давала ему силу на все смотрѣть спокойно, сохранять присутствіе духа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Въ этомъ можно убѣдиться изъ словъ самаго о. Родіона. Какъ спокойно разсуждаетъ онъ, напримѣръ, о смерти, которой такъ страшатся люди: „Не говори, пишетъ онъ. я долженъ буду умереть, а говори: я долженъ перейти въ жизнь вѣчную. Такъ легче, лучше, отраднѣе. Умереть страшно, а перейти въ другую жизнь ничего“. Смерть для о. Родіона если не желанный мигъ, то во всякомъ случаѣ моментъ не страшный. „Умереть я не боялся, писалъ онъ, я вовсе не прочь былъ умереть; но мнѣ не хотѣлось умереть въ такихъ мученіяхъ и страданіяхъ, въ такой ужасной физической тоскѣ, почти безсознательно умереть. Да, мнѣ хочется умереть тихо, спокойно, безболѣзненно,—кончиною, о которой я всякій день прошу Господа; мнѣ хочется умереть, если можно, ясно улыбаясь; мнѣ хочется умереть точно такъ, какъ отъѣзжаютъ въ недальній путь, прощаясь съ близкими сердцу, улыбаясь. Сподоби, Господи, меня, такъ умереть. Для меня живого умершіе мои точно живые, всегда предо мною, когда я о нихъ думаю; для умершаго, мнѣ думается, здѣсь имѣющіе остаться, будутъ еще живѣе, еще ближе [1]). Какъ характерны эти слова! О. Родіонъ! даже и въ глаза смерти смотритъ съ свѣтлою, добродушною улыбкою, и во гробѣ хочетъ улыбаться „на зло всему злому“. Съ такимъ же оптимизмомъ онъ смотритъ на всѣ бѣдствія и злострадания, на всю горечь

[1]) Тамъ же 1853 г. 17 авг.

земного существованія. Все, что ни совершается въ мірѣ, все попускается Богомъ, все идетъ къ лучшему. „Все къ лучшему, писалъ онъ. Непріятное слышать—пилюли цѣлительныя глотать. Горько, но послѣ здорово. Пріятное прошедшее можетъ ли уничтожать горечь настоящаго? Нѣтъ.—Но зато послѣдующее пріятное легко уничтожаетъ настоящее горькое, такъ что и не вспомнить тогда о немъ“ [1]). „Непріятности въ дни земной жизни неизбѣжны, но онѣ такъ же скоро проходятъ, какъ и появляются. Для нихъ свое время въ жизни такъ же, какъ и для радостей“. „И для души, писалъ о. Родіонъ, видно, нужно ненастье,—видно, неизбѣжно. Смотря на ясное, свѣтлое небо, думаешь иногда: ужели оно перемѣнится? И не успѣешь сказать, какъ оно уже начнетъ измѣнятся. Когда на душѣ свѣтло, ясно, то вообразить не можешь, чтобы не было всегда такъ. Отчего кажется, не быть всегда спокойнымъ, веселымъ? Отъ самой ничтожной причины. Сперва появится одно облачко, за нимъ другое, тамъ третье и такъ все небо облаками покроется. Маленькое облако притягиваетъ къ себѣ другое облако, а это притягиваетъ къ себѣ, и такъ далѣе. Одна неважная, безпокойная мысль родитъ другую такую же; эта еще другую, и такъ за одной цѣлый рой другихъ безпокойныхъ мыслей прилетаетъ. Отчего же это безпокойная мысль не возбуждаетъ иногда другихъ безпокойныхъ мыслей? Отъ того же, отъ чего иногда облако на небѣ появится, да тотчасъ исчезнетъ. Всему время, и время всякой вещи. Время смѣятися, время плакати“ [2]). „Какимъ спокойствіемъ, какимъ примиреніемъ съ невзгодами, съ „ненастьемъ“ души звучатъ эти слова. Здѣсь чувствуется, слышится голосъ человѣка, который живетъ чѣмъ-то, что выше земного, и съ высоты этого неземного спокойно озираетъ всѣ закоулки человѣческой души, всѣ событія земной жизни, и опре-

[1]) Тамъ же 1853 г. 7 апр.

[2]) Тамъ же 1860 г. 20 сент.

дѣляетъ законъ послѣдовательной смѣны одного явленія другимъ такъ, какъ будто тайна бытія лежитъ не въ этихъ вѣчно-смѣняющихся явленіяхъ, а въ чемъ-то другомъ, что находится по ту сторону этого калейдоскопа. Это—тайна жизни въ волѣ Бога. Все, что ни совершается здѣсь на землѣ, совершается по волѣ Провидѣнія. Посему, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ скорбяхъ нужно положиться на эту Волю и спокойно ожидать, что будетъ, ибо Богъ лучше насъ знаетъ, что для насъ полезно. „Есть Богъ, говоритъ о. Родіонъ: безъ Его воли ничего не бываетъ, а Его воля о насъ такова, что лучшаго и сами себѣ пожелать никогда не пожелаемъ [1]). „Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни человѣкъ долженъ повторять одно: „что бы ни случилось—только бы исполнилась Твоя, Господи, воля“ [2]). Но для чего же, все-таки, Богъ попускаетъ скорби на землѣ? „Богъ попускаетъ, чтобы мы отъ неважныхъ, кажущихся, воображаемыхъ причинъ скорбѣли, сокрушались,—для того попускаетъ, чтобы сохранить предостеречь отъ такихъ дѣлъ и поступковъ, послѣ которыхъ пришлось бы всегда больше и дольше скорбѣть, сокрушаться“ [3]). Посему, хотя и больно намъ бываетъ, когда наши желанія не исполняются, все-таки, мы должны утѣшать себя тѣмъ, что это угодно Богу: „Больно бываетъ, говоритъ о. Родіонъ: когда и пустымъ, неважнымъ желаніямъ своимъ встрѣчаемъ препятствія; какъ же больно, когда нужныя, добрыя желанія не исполняются? Одно утѣшеніе: видно Богу не угодно дѣло, когда оно не дѣлается. А неугодное Богу можетъ ли быть полезно для насъ? Но больно, что не по нашему? Зато по-Божьи будетъ. Теперь больно, зато послѣ будетъ радостно, и чѣмъ больнѣе теперь, тѣмъ радостнѣе будетъ послѣ“ [4]). При всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, уповая на Бога, нужно сохранять присутствіе

[1]) Тамъ же 1860 г. 20 сент.
[2]) Тамъ же 1859 г. 15 авг.
[3]) Тамъ же 1862 г. 8 ноября.
[4]) Тамъ же 1859 г. 12 авг.

духа: „Въ присутствіи духа все пройдетъ въ порядкѣ, не цѣпляясь за тебя. Утвердись на чемъ-нибудь, и ничто тебя не сдвинетъ“ [1]). Великое дѣло присутствіе духа; а это присутствіе бываетъ тогда, когда человѣкъ обращается къ Богу, когда онъ помнитъ, что есть Богъ“ [2]). Поэтому, если намъ тяжело, грустно, и мы не можемъ сохранить спокойствія духа, мы должны молиться Богу и читать Слово Божіе, которое даетъ пищу душѣ, направляетъ мысль и желаніе. „Какъ прогонять отъ себя мысли непріятныя, тревожащія наше воображеніе? пишетъ о. Родіонъ. Не надобно думать о нихъ. Но радъ бы не думать, онѣ невольно идутъ въ голову. Онѣ увлекаютъ за собой душу, какъ вода своимъ сильнымъ теченіемъ увлекаетъ. Что тутъ дѣлать? Ухватись за что-нибудь, ухватись за что-нибудь посильнѣе. Думай о Богѣ, и тогда всякая непріятная дума сама собой пройдетъ. Мысль о Богѣ сильна, могуча, какъ силенъ, всемогущъ Богъ. Богъ самъ тебя поддержитъ, если ты рѣшишься держаться за Него и не станешь думать о непріятныхъ мысляхъ“ [3]). При всѣхъ сомнѣніяхъ, страхахъ, опасеніяхъ молись Богу. Молитва предъ Богомъ сильна спасти отъ всѣхъ безпокойствъ. „Если угодно Богу, чтобы было то, чего боимся, то зачѣмъ безпокоиться? Безпокойствомъ мы не отвратимъ, не остановимъ. Такъ лучше не безпокоиться попусту. Что дѣлать?—Просить Бога, чтобы отклонилъ бѣду: тогда и бѣда не будетъ бѣдственна. Она послужитъ намъ въ пользу, во спасеніе“ [4]). Можемъ ли мы сами сохранить себя и другъ друга отъ несчастія, которымъ Господь положилъ наказать насъ? Не можемъ. Никакая сила человѣческая не поможетъ намъ. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать, когда думается, что наказаніе отъ Бога положено и потому неизбѣжно? Безпокоиться? Нѣтъ,

---

[1]) Тамъ же 1855 г. 24 февр.
[2]) Тамъ же 1861 г. 8 окт.
[3]) Тамъ же 1853 г. 10 ноября.
[4]) Тамъ же 1856 г. 12 января.

молиться, просить Бога, чтобы Онъ не наказывалъ. Безпокоиться безполезно, потому что Онъ отложитъ положенное наказаніе. Да, Богъ отложить наказывать насъ, если мы только попросимъ Его, ибо безпредѣльно милосердъ. А если Богъ такъ положилъ наказать, что отложить наказаніе не захочетъ никакъ, ни за какія молитвы? Все же лучше просить, молиться, чѣмъ безпокоиться, тревожиться, думать, мучиться, какъ бы избавиться отъ неизбѣжнаго несчастія. Безпокойствомъ своимъ ни себя, ни другихъ не избавишь отъ несчастія, а молитвою своею успокоишь себя и другихъ. Встрѣтить наказаніе Божіе лучше съ молитвою, чѣмъ съ безпокойствомъ, ни для кого неполезнымъ. Впрочемъ, мы должны употреблять средства для избавленія отъ несчастія, хотя и знаемъ, что Богъ положилъ насъ наказать за наши грѣхи, всѣми силами стараться сохранить себя оть Божія наказанія, но съ молитвою, а не съ безпокойствомъ“ [1]). Кромѣ молитвы, утѣшеніемъ въ унынiи, въ часы тоски можетъ быть чтеніе Слова Божія. „Многіе изъ насъ, пишетъ о. Родіонъ, часто жалуются, что имъ жить скучно, что на нихъ унынiе находитъ, тоска, и они не знаютъ, что дѣлать. Вотъ что дѣлать надобно въ такихъ случаяхъ: читать надобно, читать и слушать Слово Божіе.—Скука большею частію съ нами бываетъ отъ недостатка у насъ пищи для души нашей, для сердца нашего. Нечѣмъ душѣ заняться, нечѣмъ ей утѣшиться, нечѣмъ напитаться, и она невесела дѣлается, какъ голодный человѣкъ, и мучится, сохнетъ, сжимается, какъ томимый жаждою. Да, душѣ нашей нужна такъ же пища, какъ и тѣлу она нужна. Что же это за пища, которою душа наша можетъ питаться, насыщаться, оживляться, утѣшаться? Такая пища для души нашей Слово Божіе. И всякое чтеніе или слушаніе пріятное доставляетъ душѣ нашей утѣшеніе, развлеченіе, но все это не надолго: доволенъ и покоенъ бываешь, когда слушаешь,—а перестанешь,—и все

[1]) Тамъ же 1854 г. іюль 11.

пропало. Но Слово Божіе не такая пища: имъ въ собственномъ смыслѣ душа наша насыщается, надолго сыта дѣлается“ [1]). „Читать надобно, слушать Божественное Писаніе. Тогда придутъ мысли святыя, желанія добрыя. А когда придетъ на умъ доброе, святое, заняться этимъ надобно, побольше подумать“ [2]). „А святымъ дѣломъ душа святится, слѣдовательно, дѣлается спокойнѣе. Какъ скоро человѣкъ освятится чѣмъ-нибудь, душа перестаетъ скорбѣть“ [3]).

Совѣтуя въ печаляхъ и скорбяхъ прибѣгать къ молитвѣ Богу, Родіонъ Путятинъ самъ прибѣгалъ къ ней всякій разъ, когда съ нимъ случалась скорбь или печаль. Вотъ какъ онъ разсуждалъ въ одномъ случаѣ, когда узналъ, что кто-то хочетъ сдѣлать ему зло: „Богъ попускаетъ иногда злымъ людямъ обижать безвинно другихъ;но попускаетъ это во благо обижаемымъ. А если такъ, то буди воля Твоя, Господи! Мнѣ бы дали только пожить здѣсь христіаниномъ; а въ этомъ никто мнѣ не помѣшаетъ. У меня есть умъ для молитвы къ Богу, Спасителю моему, и руки для креста, все оживляющаго и укрѣпляющаго меня“...„Ну вотъ я помолился и сталъ спокойнѣе“ [5]), пишетъ о. Родіонъ въ другомъ мѣстѣ, „ Скучно мнѣ, тяжело, самъ не знаю отъ чего. Странно думается, что не пройдетъ уже вовсе это невеселое расположеніе моего духа. Давно я не испытывалъ этого безотраднаго состоянія. А хотѣлось бы потрудиться, поработать; а какъ трудиться, какъ работать, когда бремя тяжкое, хотя и не грѣшное тяготитъ тебя?!—Господи! Ты далъ мнѣ жизнь; Ты помоги мнѣ и жить! Въ минуты жизни трудныя жить безъ утѣшенія трудно“ [6]). Вотъ еще примѣръ того, какъ успоко-

[1]) Тамъ же 1861 г. 26 ноября.
[2]) Тамъ же 1859 г. ноября 7.
[3]) Тамъ же 1859 г. 16 апр.
[4]) Тамъ же 1856 г. 26 авг.
[5]) Тамъ же 1859 г. 16.
[6]) Тамъ же 1853 г. апр. 28.

ваетъ себя о. Родіонъ въ грустную минуту: „и скучно и грустно, и спать надобно, и спать не хочется, и это не хорошо, и то плохо... Но Господь со мною, аще пойду посреди сѣни смертныя, не убоюся зла“ [1]). „Да, Господи, мнѣ тяжело, слишкомъ тяжело.—Знаю, что послѣ этого воззванія легче мнѣ будетъ, и сейчасъ мнѣ уже легче. Да, мнѣ легче! Но мнѣ не хочется какъ будто разстаться со своею тягостію, мнѣ хочется грустить, грустить. Мнѣ и плакать не хочется, потому что со слезами и грусть проходитъ“ [2]). Въ своихъ несчастіяхъ, въ болѣзняхъ Родіонъ Путятинъ старался находить добрыя стороны. Жизнерадостный темпераментъ его бралъ верхъ надъ пессимистическимъ настроеніемъ. Онъ находилъ въ себѣ силы сохранить добродушно-веселое настреніе даже въ болѣзняхъ. „Есть въ безсонницѣ поэзія, писалъ о. Родіонъ: только въ кашлѣ ея нѣтъ. Ну, а кашель служитъ вмѣсто движенія. Значитъ и онъ полезенъ. Однимъ словомъ, я благодушествую на зло злому кашлю и пустой безсонницѣ“ [3]). Вотъ еще образчикъ того, съ какимъ благодушіемъ о. Родіонъ относился къ своимъ болѣзнямъ: „Да, говоритъ онъ, вечеромъ, въ пятницу былъ я на землѣ веселехонекъ, здоровехонекъ, а вечеромъ въ субботу могъ быть на небесахъ, не чрезъ желѣзную дорогу, а дорогою обыкновенною, въ простомъ экипажѣ“ [4]). Если въ болѣзняхъ Родіонъ Путятинъ могъ сохранять присутствіе духа, то тѣмъ болѣе онъ былъ спокоенъ въ дни счастливаго здоровья. Взглядъ на случайныя страданія и огорченія, какъ на явленія скорѣе полезныя человѣку, чѣмъ вредныя, создавалъ въ немъ преобладающее настроеніе спокойствія и довольство выпавшимъ на его долю жребіемъ. „Безпокойство у меня явленіе рѣдкое“ [5]), писалъ

---

[1]) Тамъ же 1869 г. 6 марта.
[2]) Тамъ же 1859 г. 10 октября.
[3]) Тамъ же 1860 г. 1 ноябр.
[4]) Тамъ же 1853 г. 16 авг.
[5]) Тамъ же 1856 г. 10 ноябр.

о. Родіонъ. Подъ каждый новый годъ, бесѣдуя самъ съ собой о. Родіонъ спрашивалъ себя, что ему пожелать для будущаго года, и всегда отвѣчалъ себѣ, что онъ доволенъ милостями къ нему Бога, что онъ ничего себѣ не желаетъ большаго, кромѣ здоровья, необходимаго для трудовъ. „Чего пожелать мнѣ въ настоящемъ году? пишетъ о. Родіонъ. Да будетъ все со мною и со всѣми моими по Твоей, Господи, волѣ! Мнѣ было хорошо, и лучшаго я не желаю. Пусть же будетъ все по Твоему, т. е. пусть буду я счастливъ, какъ былъ въ прошедшемъ году“ [1]). Поддерживая въ себѣ бодрое настроеніе, стоя выше мелкихъ скорбей и несчастій, Родіонъ Путятинъ смотрѣлъ на жизнь окомъ оптимиста и старался отыскать въ жизни всё, что есть добраго, прекраснаго и цѣннаго. И онъ дѣйствительно находилъ въ явленіяхъ жизни много сладостнаго и утѣшительнаго. Его добродушный характеръ, его кристально-чистая натура охраняли его отъ всего того, что можетъ уязвлять неизлѣчимо душу человѣка, дѣлать ее мрачною, темною, не способною понимать священнѣйшихъ, радостныхъ, хотя и рѣдкихъ минутъ жизни. Онъ имѣлъ тотъ добродушный характеръ, о которомъ онъ самъ писалъ: „добродушный веселый характеръ—источникъ всего благороднаго и хорошаго въ мірѣ; все, что отъ вѣка сдѣлано людьми великаго и прекраснаго, все шло изъ такого настроенія духа. Маленькія темныя души, которыя только горюютъ о прошломъ и страшатся будущаго, не способны понимать священнѣйшихъ минутъ въ жизни; онѣ не умѣютъ наслаждаться ими и дѣйствовать въ эти минуты такъ, какъ бы должно было. Онѣ не находятъ ничего сладостнаго въ воспоминаніи, ничего утѣшительнаго въ грядущемъ“. Эта характеристика добродушнаго характера какъ нельзя болѣе приложима къ самому о. Родіону. Онъ обладалъ живымъ, веселымъ характеромъ, способнымъ на все благородное. Онъ не горевалъ о прошломъ

[1]) Тамъ же 1859 г. 31 дек.

[2]) Тамъ же 1853 г. 23 дек.

и не страшился будущаго. Напротивъ, онъ глубоко вѣрилъ въ будущее и доволенъ былъ прошлымъ. Онъ умѣлъ въ тѣняхъ человѣческой жизни находить свѣтъ и пользоваться имъ, какъ должно. Онъ обладалъ тою душевною чистотою, которая, по его словамъ, и въ пустынѣ создаетъ рай. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника о. Родіонъ пишетъ: „Самый очаровательный видъ природы ничто для того, кто утратилъ душевную чистоту, тогда какъ любящее непорочное сердце и въ пустынѣ создаетъ себѣ рай. Наши печали и радости, счастье и несчастье часто зависятъ только отъ расположенья духа. На людей болѣзненныхъ все прекрасное, высокое благородное дѣйствуетъ болѣзненно. Люди съ хорошимъ направленіемъ и свѣтлымъ умомъ и изъ дурного могутъ извлечь что-нибудь хорошее“ [1]). Этимъ любящимъ, непорочнымъ сердцемъ, этимъ свѣтлымъ умомъ, открывавшимъ въ захолустной, провинціальной жизни невоздѣланное, обширное поле для дѣятельности, направленной къ извлеченію добраго и прекраснаго, и обладалъ о. Родіонъ. Онъ не допускалъ въ душу свою ничего дурного. Если оно появлялось противъ его желанія, то онъ спѣшилъ искоренить его, старался отвратить его и очистить отъ него свою душу. Эта чистота души давала ему возможность прямо смотрѣть въ глаза людей, не стѣсняться ихъ въ своихъ благородныхъ порывахъ, не стѣсняться говорить имъ правду и поступать такъ, какъ позволяли его убѣжденія. Онъ былъ правдивъ, честенъ и всегда говорилъ то, что у него на душѣ; всегда искренній, онъ радовался своею радостію и гнѣвался своимъ гнѣвомъ. Какъ человѣкъ чуткій и впечатлительный, онъ былъ довольно вспыльчивъ. Но его гнѣвъ скоро проходилъ, угасалъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ послѣ себя. Душа его была открыта для каждаго, и ничего въ ней не было затаеннаго, ложнаго, никакихъ тайныхъ, злонамѣренныхъ мыслей. Добро-

[1]) *Тамъ же 1853 г. 27 дек.*

душный, веселый, жизнерадостный, онъ любилъ общество, общеніе и обмѣнъ мыслей. Когда въ душѣ его толпились мысли, желанія, онъ чувствовалъ необходимость высказаться предъ кѣмъ-нибудь; ему нуженъ былъ искренній, вдумчивый человѣкъ—другъ, которому онъ повѣдалъ бы свои мысли и чувства. По его мнѣнію, „мысли, оставаясь долго въ головѣ безъ всякаго сообщенія, искажаются и только при взаимномъ размѣнѣ оплодотворяются и сообщаютъ другъ другу жизнь и движеніе“ [1]). Онъ не прочь былъ въ обществѣ пошутить, повеселиться, но всегда при этомъ наблюдалъ, „чтобы шутки имѣли что-нибудь доброе въ виду; въ противномъ случаѣ лучше молчать. Невинныя шутки извинительны“ [2]). Онъ любилъ обмѣниваться добрыми искренними рѣчами, исходящими отъ души, отъ глубокочувствующаго сердца. Поэтому, „недостатокъ общенія, недостатокъ размѣна мыслей, по его мнѣнію, есть большое лишеніе. Уединеніе увеличиваетъ страданіе“ [3]). Для искренняго, глубоко чувствующаго сердца не высказаться—дѣйствительно есть страданіе. Но пріятно высказаться только предъ людьми нелицемѣрными. „Пріятно съ тѣмъ разговаривать, пишетъ о. Родіонъ, или тѣхъ разговоръ слушать, кто отъ души говоритъ, искренно, о чемъ бы онъ ни говорилъ. По, напротивъ, тяжело слушать лицемѣровъ, ханжей или людей не искреннихъ. Съ такими людьми лучше не говорить, дабы не причинять душѣ своей боль“ [4]). „Едва ли не лучше, писалъ о. Родіонъ, не говорить ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ о дѣлахъ и предметахъ своихъ, о своихъ нуждахъ серьезныхъ. Всякъ только о себѣ думаетъ, о себѣ заботится, себя выставляетъ, свое наблюдаетъ. Корыстолюбіе, самолюбіе—вотъ что видишь, слышишь во всѣхъ. Всего лучше бывать въ обществѣ боль-

[1]) Тамъ же 1853 г. 8 янв.
[2]) Тамъ же 1859 г. 18 янв.
[3]) Тамъ же 1858 г. 23 окт.
[4]) Тамъ же 1861 г. 28 марта.

шомъ; для искренняго собесѣдованія надобно избирать искреннихъ, прямыхъ, откровенныхъ людей. Сердце свое раскрывай предъ сердцемъ; больно, когда на твои сердечныя слова отвѣчаютъ равнодушнымъ глаголаніемъ или молчаніемъ убійственнымъ. Другъ умный—великое сокровище жизни. Въ обращеніи съ людьми о. Родіонъ любилъ простоту, такъ что ему, напримѣръ, въ этомъ отношеніи больше по душѣ было общество купеческое, чѣмъ высшее дворянское. Предпочитая искреннія отношенія, прямыя, честныя, онъ не любилъ ничего затаеннаго, неопредѣленнаго. „Неопредѣленность во всемъ непріятна писалъ онъ. Неопредѣленность есть безпорядокъ, а безпорядокъ не можетъ нравиться. Самое непріятное перестаетъ тяготить васъ, когда опредѣлительно извѣстно. Душа наша свѣтъ любитъ“ [1]).

Отклоняясь отъ всего затаеннаго, непрямого, о. Родіонъ былъ самъ откровененъ. Эта хорошая черта въ жизни часто приноситъ много огорченій, что испыталъ на себѣ нашъ проповѣдникъ. Вотъ что онъ писалъ о себѣ: „Откровеннымъ, открытымъ быть всегда не хорошо. Къ несчастію моему, я не могу не быть таковымъ. Впрочемъ, моя откровенность вредитъ только мнѣ самому. Впрочемъ, и таить себя не хорошо. Впрочемъ, и безъ непріятности нельзя быть. Временныя непріятности дѣлаютъ пріятнѣе пріятность“ [2]). Скрытность въ словахъ и дѣйствіяхъ онъ оправдывалъ и считалъ необходимою только тогда когда на это имѣются благія намѣренія. Безъ нужды скрытность, скрытность подозрительная была ему непріятна. „Цѣна дѣла, говоритъ онъ, зависитъ отъ намѣренія. Надо благоразумно скрывать, съ большою осторожностію. Есть скрытность очень неполезная для скрывающихъ. Цвѣтокъ непримѣтно какъ растетъ, но благоуханіе отъ него слышно для имѣющихъ обоняніе. Есть скрытность подозрительная, намѣ-

[1]) Тамъ же 1853 г. 14 іюн.
[2]) Тамъ же 1853 г. 25 апр.

ренная, хитрая“ [1]). Съ откровенностію, непосредственностію въ характерѣ о. Родіона, естественно, соединялась довѣрчивость. О. Родіонъ былъ врагъ недовѣрія. „Люди, недовѣряющіе другимъ, говорилъ онъ, сами недостойны довѣрія. И, наоборотъ, довѣрчивымъ и другіе довѣряютъ“ [2]). Довѣрчивость такъ же, какъ и откровенность не мало приносила о. Родіону огорченій, потому что люди часто обращали ее во зло. ,,Надо быть, писалъ онъ, какъ можно осторожнѣе. Видно, люди не такъ добры, какъ я желаю ихъ предполагать. Нѣтъ, я добрѣе, я довѣрчивѣе, я готовъ дѣлать всякое снисхожденіе, я все готовъ простить, извинить все непріятное мнѣ. Зато желаю, ожидаю, надѣюсь, что и другіе меня извинятъ. Но они не извиняютъ меня, и вотъ я досадую, серчаю, негодую, разгорячаюсь. Но и это не надолго. У меня все скоро проходитъ, потому что я вспыльчивъ, но не золъ. Все скоро проходитъ, все худое, а доброе остается надолго, навсегда, потому что оно мое родное, мнѣ по натурѣ, по сердцу. Плевать на все злое“ [3]). Правдивый, честный, о. Родіонъ при всѣхъ искушеніяхъ былъ твердъ въ своихъ правилахъ, и не уклонялся отъ правды ни на шагъ. Онъ шелъ всегда прямымъ путемъ. ,,Надобно, говорилъ онъ, идти къ цѣли прямой дорогой. Что это значитъ? Правильно, законно надобно всего достигать—трудиться надобно и Бога просить. Но иные непрямою дорогой доходятъ до цѣли? Иные опереживаютъ тѣхъ, которые хотятъ идти прямою дорогой. Прямая дорога тѣмъ особенно и хороша, что отъ царствія Божія не отводитъ насъ, а прямо туда приводитъ“ [4]). ,,Нѣтъ, нѣтъ, я могу идти только прямою дорогой, открытымъ, всѣмъ открытымъ путемъ. Я могу пріобрѣтать только неукоризненными средствами. То ли дѣло большая дорога. Какъ хороши

---

[1]) Тамъ же 1851 г. 10 окт.
[2]) Тамъ же 1853 г. 11 янв.
[3]) Тамъ же 1854 г. іюня 2.
[4]) Тамъ же 1855 г. 28 авг.

законныя средства! Такъ все надобно пріобрѣтать, чтобы наши пріобрѣтенія ни на грошъ убытку никому не приносили, т. е. трудами, полезными для другихъ, пользу себѣ надобно доставлять“ [1]).

Родіонъ Путятинъ избѣгалъ всякихъ уступокъ въ пользу неправды, уклонялся отъ всякихъ компромиссовъ съ своею совѣстію. Онъ всегда съ удивительною внимательностію слѣдилъ за собой, за всѣми своими думами и чувствами, и если ему приходилось ловить себя на дурной мысли, то онъ спѣшилъ обличить себя судомъ своей совѣсти. Вотъ какъ онъ это дѣлалъ: ,,Сейчасъ, пишетъ онъ, хотѣлъ было я нѣть Лазаря—приготовить къ печати такое поученіе, ради котораго можно барышъ получить... Нѣтъ, не хочу! Свободна убо тварь познаваюсь. Нѣтъ, не стоитъ игра свѣчъ. Если не грѣхъ, то все-таки правды нѣтъ. Надобно печатать то, что само за себя постоитъ, само по себѣ печати стоитъ“ [2]). Отмѣчая въ своемъ дневникѣ несправедливости, которыя часто въ его время допускались правящими лицами, онъ замѣчаетъ: „Едва ли бы я сталъ огорчаться на неправо дѣйствующихъ, если бы они покривили правдѣ ради меня или присныхъ моихъ“ [3]). Но тутъ же, замѣтивъ свою погрѣшность, о. Родіонъ приходитъ въ смущеніе предъ своею чуткою совѣстію и замѣчаетъ: „Впрочемъ, это я только такъ..., чтобы попробовать новое перо, которое нынѣ купилъ“ [4])... Когда о. Родіонъ чѣмъ-нибудь возмущался, то говорилъ правду прямо, смѣло, въ лицо. Описывая свою ссору съ однимъ причетникомъ, онъ высказываетъ „я говорилъ все правду, но выражалъ ее сердито. Мнѣ больно было слышать воніющую неправду“ [5]). Онъ всегда возмущался несправедливостями, какія замѣчалъ въ жизни общественной, злоупотребленіями въ судѣ и въ городской думѣ. Эти недо-

[1]) Тамъ же 1855 г. 17 дек.
[2]) Тамъ же 1858 г. 11 окт.
[3]) Тамъ же 1860 г. 6 февр.
[4]) Тамъ же 1862 г. 14 дек.
[5]) Тамъ же 1857 г. 15 сент.

статки онъ иногда обличалъ публично. Разсказываютъ, что онъ однажды на площади, предъ соборною церковію всенародно обличилъ городского голову въ корыстолюбіи. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника мы читаемъ: „Гласность, гласность... осмѣлься сказать, что такой-то безчеловѣчно поступаетъ, такъ тебя... съ голоду уморятъ. Если бы я былъ безъ должности, на покоѣ, то сталъ бы гласить о всѣхъ и про все“ [1]). Такимъ образомъ только семейное необезпеченное положеніе и боязнь остаться безъ средствъ къ существованію заставляли о. Родіона иногда таить правдивое обличительное слово и скрывать возмущеніе неправдою.

Особенно привлекательною чертою въ характерѣ о. Родіона является его удивительная доброта,—христіанская всепрощающая любовь ко всѣмъ. Онъ былъ такъ добръ, что, по собственному его признанію, для него невозможно было перестать быть добрымъ. По добротѣ своей онъ скорѣе готовъ былъ терпѣть непріятности, чѣмъ обидѣть ближняго. Вотъ что пишетъ о себѣ о. Родіонъ: „Городничій однажды сказалъ мнѣ обо мнѣ: „вы имѣете ангельское терпѣніе“. Если не имѣю иногда этого терпѣнія, то, по крайней мѣрѣ, всегда имѣю, что терпѣть. Да, слишкомъ тяжела мнѣ бываетъ иногда моя жизнь“. Иные, дѣлая зло, терпятъ, а мнѣ приходится терпѣть отъ того, что добро дѣлаю и доброту души моей хотятъ объяснить изъ худыхъ источниковъ. Чего же люди хотятъ отъ меня? Чтобы я былъ золъ къ другимъ. Да этого мнѣ невозможно сдѣлать; это не въ моей натурѣ; я не такъ и не для того рожденъ. Если я буду золъ къ другимъ, то вѣдь я буду золъ и къ вамъ. Изъ одного источника вода одинаковая идетъ, но она измѣняется отъ свойствъ пріемлющихъ ее: сливаясь съ чистою водою, какъ она сама, остается чистою; втекая въ грязь, становится грязью; попадая на горячій камень, дѣлается горячею; въ холодномъ сосудѣ, на холоду

[1]) Тамъ же 1861 г. 16 дек.

дѣлается холодною. Таково свойство всѣхъ по природѣ добрыхъ: для добрыхъ доброта въ добро обращается, а для злыхъ зломъ представляется. Іисусъ Христосъ былъ воплощенная Благость, Кротость, Милость. Но всѣ ли на него такъ смотрѣли? И его называли ядцею и пійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ“ [1]). Добро, добрыя дѣла для о. Родіона—это та сфера, та обстановка жизни, въ которой онъ дышитъ свободно, въ которой онъ чувствуетъ себя счастливымъ. Отсюда, наоборотъ, зло, злоба непріятны ему, противны его духу, какъ тьма свѣту. Злость это источникъ человѣческаго несчастія, источникъ всѣхъ бѣдъ и страданій. Оттого всякое проявленіе злобы болѣзненно отзывалось въ сердцѣ о. Родіона; всякій злой человѣкъ, по его взгляду несчастный человѣкъ. Описывая случай злобной выходки одного человѣка противъ него, онъ говоритъ: „А мнѣ больно; больно особенно оттого, что думается, что дѣло сдѣлано по злобѣ, которой я ничѣмъ не возбуждалъ, къ которой причинъ никакихъ не подавалъ. Господи, вразуми меня, какъ мнѣ это дѣло поправить, чтобы не согрѣшить“ [2]). Стараясь причинить непріятности другимъ, злые люди дѣлаютъ несчастными самихъ себя: злые люди, пишетъ о. Родіонъ, до того злы, что при злости губятъ, разрушаютъ и уничтожаютъ то, отъ чего зависитъ все ихъ собственное счастье. А каково добрымъ терпѣть, страдать отъ злыхъ? Не сладко, но зато чрезъ это упрочится, утвердится ихъ счастье. Злостью злыхъ закаляется счастье добрыхъ. Злые заставляютъ скорбѣть, а скорбь дѣлаетъ человѣка терпѣливѣе, способнѣе сносить, терпѣть; а умѣніе, способность сносить, терпѣть даетъ человѣку искусство вкушать радости при всей злости злыхъ. Итакъ, кто всегда проигрываетъ? Злые, которые хотятъ играть счастьемъ другихъ. Нѣтъ, не нарушай, человѣкъ злой, спокойствія другихъ, дорожи спокойствіемъ всякаго че-

[1]) Ркп. Дн. 1853 г. 22 янв.

[2]) Тамъ же 1852 г. 26 дек.

ловѣка, иначе непремѣнно разрушишь въ конецъ собственное счастье“ [1]). По мнѣнію о. Родіона, добрый человѣкъ—„не тотъ, кто только добро дѣлаетъ и благочестно живетъ, но тотъ, кто при этомъ на другихъ смотритъ добрыми глазами, самые поступки объясняетъ въ добрую сторону, находитъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ извинить ихъ. У добраго и благочестиваго человѣка все существо таково: и дѣлаетъ, и говоритъ и смотритъ и слушаетъ благочестно. Цвѣтокъ благоухающій на все изливаетъ свое благоуханіе. Хорошо быть добрымъ, на все вокругъ себя смотрѣть добрыми глазами—значитъ окружать себя добрымъ, и слѣдовательно, радостію и веселіемъ“ [2]). Родіонъ Путятинъ дѣйствительно смотрѣлъ на всѣхъ и все добрыми глазами, и вездѣ старался отыскать добро. Онъ вѣрилъ въ торжество правды и добра, и потому только въ нихъ видѣлъ человѣческое счастье. Онъ всячески уклонялся отъ неправды и предупреждалъ всякія непріятности; а въ тѣхъ случаяхъ, когда это ему почему-либо не удавалось, онъ глубоко скорбѣлъ. По добротѣ своей души онъ всегда старалсяс охранять съ людьми миръ: „Отъ искры легко можетъ быть пожаръ, говорилъ онъ. Отъ малой непріятности недалеко до большой ссоры. Не давай вѣтру раздувать искры, не давай повода и къ малой непріятности. Искру задувай, поскорѣе истребляй, непріятность забывай, тотчасъ бросай“ [3]). Въ обращеніи съ другими о. Родіонъ былъ мягокъ, деликатенъ и снисходителенъ. „Со всѣми надо быть поласковѣе, поснисходительнѣе, поразсудительнѣе. Самыя замѣчанія, выговоры надобно дѣлать какъ можно ласковѣе“ [4]), писалъ о. Родіонъ въ своемъ дневникѣ.

Въ сужденіяхъ о вещахъ и о людяхъ, по мнѣнію о. Родіона, нужно быть крайне осторожнымъ. Не нужно судить о людяхъ по первому впечатлѣнію, въ

[1]) Тамъ же 1854 г. 5 м.
[2]) Тамъ же 1853 г. янв. 11.
[3]) Тамъ же 1854 г. 5 іюля.
[4]) Тамъ же 1859 г. 3 іюня.

состояніи какого-нибудь аффекта, въ какомъ-либо особенномъ настроеніи, которое непреоборимо вліяетъ на нашъ разсудокъ и наши сужденія о вещахъ. „Сужденія наши о предметахъ, говоритъ о. Родіонъ, весьма много зависятъ отъ расположенія, отъ состоянія нашей души. Веселому человѣку все лучше кажется, чѣмъ печальному. Покойный духомъ вѣрнѣе смотритъ на вещи, чѣмъ тревожный. Пьяному море по колѣно. Пуганая ворона куста боится. Устраха глаза велики. Любовь ничего не видитъ. Вообще всякое сильное чувствованіе отнимаетъ много силы и сужденія. Въ сердцахъ берегись разсудить, судить. Не слишкомъ довѣряй своимъ сужденіямъ, когда ты очень веселъ“ [1]). „Что это значитъ, пишетъ о. Родіонъ въ другомъ мѣстѣ: одна и та же мысль производитъ на человѣка не одинаковое впечатлѣніе; теперь она радуетъ или тревожитъ, а въ другое время ничего отъ нея не чувствуешь. Отчего это? Отъ различнаго состоянія души: иногда душа больше способна принимать впечатлѣнія радостныя или печальныя. Если душа настроена къ печали или къ радости, то радостныя или печальныя мысли на нее дѣйствуютъ. Если же она ни къ тому, ни къ другому не настроена, то то и другое дѣйствуетъ на нее слабо. Отъ настроенія души и невѣроятное можетъ казаться вѣрнымъ, и вѣрное невѣроятнымъ. Какое же назиданіе изъ этого? По впечатлѣнію временному не надобно судить о томъ или другомъ. Временное увлеченіе не вѣрно. Продолжительное положительно“ [2]). „Можно ли по отрывкамъ судить о цѣлой книгѣ, т. е. судъ произносить о ней рѣшительно? Нельзя. Такъ и о человѣкѣ по нѣкоторымъ выходкамъ, словамъ, выраженіямъ, поступкамъ нельзя судъ произносить. Все это правда. Надобно всякому человѣку осторожнымъ быть въ словахъ, выраженіяхъ, выходкахъ. Худые оттѣнки наводятъ тѣнь нехорошую на хорошаго человѣка. И въ мелочахъ

[1]) Тамъ же 1855 г. 14 дек.

[2]) Тамъ же 1853 г. 4 ноябрь.

иногда высказывается человѣкъ, особенно, когда этотъ человѣкъ бываетъ разгорячень, когда онъ нѣсколько можетъ забыться, пѣсколько изъ себя выходить“ [1]). „Ни о комъ не надобно говорить худого. Худо говорить худое о другомъ. Вчера я имѣлъ неосторожность сказать объ одномъ человѣкѣ, и послѣ скорбѣлъ и скорблю о томъ“ [2]). О. Родіонъ всегда внимательно слѣдилъ за собой, и если впадалъ въ раздраженіе, въ гнѣвъ и досаду, то старался подавлять въ себѣ эти чувства. Онъ непрестанно велъ борьбу съ своими порывами. „Какъ бы мнѣ довести себя до того, чтобы ничѣмъ не оскорбляться, говорилъ о. Родіонъ. Думаю, это сдѣлать можно. По крайней мѣрѣ, постараюсь“ [3]). „Разсердился я, писалъ о. Родіонъ, и очень скорблю. Какъ бы мнѣ себя удерживать отъ нехорошихъ и оскорбительныхъ выраженій“ [4]). Но въ чемъ же проявлялся гнѣвъ о. Родіона? „На что въ покойномъ состояніи духа я смотрю покойно, равнодушно, хотя оно не хорошо, за то я въ неспокойномъ состояніи злюсь, серчаю. Прежде смотрю сквозь пальцы—теперь во всѣ глаза; вотъ въ чемъ злость моя проявляется“ [5]). Такъ внимательно слѣдилъ за собой Родіонъ Путятинъ, такъ боролся съ своими дурными чувствами, такъ старался возстановить спокойствіе духа, чтобы безошибочно судить о вещахъ и людяхъ и чувствовать себя правымъ и довольнымъ. Онъ старался быть добрымъ и справедливымъ для всѣхъ людей безъ различія знакомыхъ и незнакомыхъ. По его мнѣнію, исполняй правило любви къ людямъ, не разсуждая, кто они, достойны ли они,—и ты не ошибешься, а будешь спокоенъ. „Человѣка мудрено узнать, пишетъ онъ. Самому себя узнать не легко. Самъ-то къ себѣ примѣниться человѣкъ не

[1]) Тамъ же 1859 г. 4 янв.
[2]) Тамъ же 1856 г. 12 ноября.
[3]) Тамъ же 1851 г. 14 ноября.
[4]) Тамъ же 1856 г. 14 авг.
[5]) Тамъ же 1856 г. 17 янв.

можетъ. Иногда ничѣмъ себѣ не угодишь. И то не такъ, и это не годится, и то вовсе не нравится. Что же дѣлать? Дѣлай, что должно дѣлать. Изъ хорошаго только выходитъ хорошее". „Старайся быть добрымъ ко всѣмъ, всѣмъ услужливымъ, всѣмъ помощь подавать и заслужишь благодать отъ Бога и людей. Великое стараніе быть добрымъ, дѣлать добро, ничуть не ниже великихъ дарованій, высокихъ познаній, да еще выше ставитъ людей, высокихъ по уму, по познанію. При добротѣ души можно достигнуть того, чего и великіе умы не достигаютъ, хотя они постигаютъ много. „Ты не дѣлаешь зла другимъ? Дѣломъ не обижаешь или словомъ. Злое слово иногда злѣе дѣла. Не дѣлаешь ни тѣмъ, ни другимъ! Хорошо! А добро дѣлаешь ли? Вѣдь и это зло, когда кто добра не дѣлаетъ. Не могу. Почему? По лѣности, по слабости... Нѣтъ, надобно стараться дѣлать добро, надобно чѣмъ-нибудь заниматься, трудиться, чтобы чрезъ то имѣть средства, способы другимъ помогать" [1]). „Прекрасно быть добрымъ для всѣхъ. Весело на свѣтѣ такому человѣку" [2]). Если же добрый человѣкъ на пути къ добродѣтели встрѣчаетъ обиды и злостраданія, то онъ долженъ терпѣливо переносить все, зная, что несчастія сего міра—признакъ милости Бога къ намъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу о. Родіонъ: „Тѣнь отъ тѣла стала видна, значитъ солнце стало свѣтить на это тѣло. Обиды отъ людей преслѣдуютъ насъ, значитъ Богъ милости свои сталъ посылать намъ. Когда у тебя что-нибудь отнимаютъ, или что-нибудь не даютъ тебѣ, то сообрази, размысли, могу ль я безъ этого спасти душу и угодить Богу? Если можешь, то нечего безпокоиться. Когда люди получаютъ, достигаютъ чего-нибудь по-твоему незаконно, не по трудамъ, не по заслугамъ, то вспомни, что они получаютъ, достигаютъ по попущенію, по соизволенію

[1]) Тамъ же 1855 г. 8 авг.
[2]) Тамъ же 1857 г. 28 авг.

Божію. Какъ же ты не хочешь допустить до того, что Богъ попускаетъ [1]). Впрочемъ, противъ обидъ со стороны другихъ людей человѣкъ, по мнѣнію о. Радіона, можетъ и защищаться, но только такъ, чтобы при этомъ не вредить другимъ. „Не надобно самому себя защищать, охранять, если для этого нужно другихъ марать, другимъ вредить. Что же дѣлать? Дѣлать дѣла своего званія, исполнять свои обязанности, а защищеніе и сохраненіе себя предоставить Богу. Гдѣ же мнѣ самому защищать себя такъ, какъ Богъ защититъ и охранитъ! Впрочемъ, законнымъ, честнымъ, и безвреднымъ для другимъ образомъ надобно себя защитить и охранять“ [2]). Замѣтною чертою въ характерѣ о. Радіона было безкорыстіе. По его мнѣнію, о земныхъ благахъ, о деньгахъ нужно заботиться настолько, чтобы не пришлось жить на чужой счетъ [3]), чтобы не пришлось обременять другихъ. Пріобрѣтать можно, но только для того, чтобы помогать ближнимъ. „Деньги надобно пріобрѣтать, пишетъ о. Радіонъ въ дневникѣ, потому что при деньгахъ много добра можно сдѣлать людямъ. Иному иногда рубль серебряный недостаетъ для счастья. Дашь ему, и онъ счастливъ. А этотъ рубль какъ мало значитъ для нѣкоторыхъ! Береги деньгу для счастья—на счастье другимъ, когда у нихъ черный день [4]). Но чрезмѣрно все-таки не увлекайся наживой“. Не давай миру души твоей зависѣть отъ мірскихъ вещей [5]). Личныя желанія и стремленія о. Радіона не тяготѣли ни къ богатству, ни къ славѣ, ни къ почестямъ. „Мнѣ кажется, пишетъ о. Родіонъ въ дневникѣ, мнѣ думается, что люди нѣкоторые жадны до денегъ... Но жаденъ ли нищущій?... Ни отличій, ни чиновъ, ни богатства не желаю я. Что мнѣ въ нихъ! На что мнѣ они? Нѣтъ, рѣшительно не желаю. Но желаю чего же? Спокойствія, которымъ я большею частью наслажда-

[1]) Тамъ же 1855 г. 30 авг. Ркп. Дн.
[2]) Тамъ же 1855 г. 3 іюл.
[3]) Тамъ же 1857 г. 10 сент.
[4]) Тамъ же 1859 г. 2 декабр.
[5]) Тамъ же 1855 г. Мая 5.

юсь“ [1]). „Нѣтъ ничего лучше, какъ жизнь мирная. Не надобно мнѣ ни чести большой, ни богатства огромнаго, ни стола роскошнаго, ничего мнѣ не надобно, кромѣ любви, мира и согласія. Не даромъ у Спасителя первое желаніе всѣмъ—всегда желаніе мира“ [2]). Встрѣчая новый годъ, Родіонъ Путятинъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „чего бы мнѣ пожелать на будущій годъ? Чего бы? Видно, я доволенъ, когда не знаю, чего пожелать себѣ изъ благъ земныхъ, временныхъ. Чего бы въ самомъ дѣлѣ? Ну, богатства? Довольно и того, что имѣю. Ну, чести? Награжденія? Будутъ—хорошо; не будутъ—тужить не стану. Ну, и того, чѣмъ честь пріобрѣтается, богатство добывается? Не ради чести и богатства—но радъ стараться; если мнѣ Богъ поможетъ, не надобно ни какихъ большихъ радостей, отъ всей души радъ буду“ [3]). Такимъ образомъ, здоровье и помощь Божія, которыми пріобрѣтаются блага жизни земной, были для о. Радіона выше всѣхъ почестей, выше богатства. Не имѣя самъ склонности къ наживѣ богатства, о. Радіонъ возмущался всякій разъ, когда видѣлъ въ людяхъ проявленіе жадности къ деньгамъ, особенно среди духовенства. Вотъ одинъ не безынтересный случай изъ практики о. Родіона, показывающій, какъ онъ относился къ проявленію жадности въ своихъ сослуживцахъ и какъ онъ смотрѣлъ на источникъ своихъ доходовъ. „Причащалась барыня, писалъ о. Родіонъ. Причтъ изволилъ неудовольствіе, что она ничего не пожертвовала. За что же ей жертвовать?—„Какъ за что? За то, что мы трудились для нея, вечеромъ, утромъ, обѣдню служили!“—Да развѣ вы для нея служили?—„Для кого же“? Для всѣхъ...—„А если изъ этихъ всѣхъ никто никогда ничего не будетъ жертвовать намъ, чѣмъ же мы будемъ жить? Торговать мы не имѣемъ права, другихъ должностей занимать—тоже.“—Я замолчалъ. „Другіе вознаградятъ и вознаграждаютъ, сказалъ я самому

[1]) Тамъ же 1851 г. 16 авг.

[2]) Тамъ же 1856 г. 17 іюль.

[3]) Тамъ же 1856 г. 31 дек.

себѣ“ [1]). Такимъ образомъ, о. Родіонъ признавалъ законнымъ брать только свободныя пожертвованія, и далекъ былъ отъ вымогательствъ ради стяжанія. Единственое, что составляло предметъ его желаній—это здоровье и соединенное съ нимъ спокойствіе духа. „Дивился я прежде, писалъ о. Родіонъ, что нѣкоторые слишкомъ дорожатъ своимъ здоровьемъ. Теперь перестаю дивиться. Здоровье очень нужно и важно. При здоровьи все хорошо. Хорошее—прекрасно, худое ни по чемъ. А при нездоровьѣ хорошее не пріятно, или не такъ пріятно, а нехорошое—худо, скверно. Здоровье, говорятъ, отъ спокойствія духа много зависитъ. Но зато и спокойствіе духа не мало зависитъ отъ здоровья. Какъ здоровъ да молодъ, безъ веселья веселъ“ [2]). „Думаю, пишетъ о. Родіонъ въ другомъ мѣстѣ: спокойствіе въ этой жизни вовсе не отъ богатства, не отъ знатности, потому что знаю, какъ богатые и знатные скучаютъ, досадуютъ. Отъ чего же спокойствіе жизни, отъ чего то, чего такъ всѣмъ хочется, чего всѣ ищутъ, чего всѣмъ недостаетъ? Да отъ самаго человѣка, отъ его дѣятельности, отъ того, сколько онъ трудится. Сладокъ покой по трудамъ. Да не хочется трудиться? Ну, такъ скучай. Скучай, коли дѣломъ заняться не хочешь“ [3]). „Чего люди ищутъ, когда счастье такъ легко пріобрѣсти, потому что оно внутри насъ, въ спокойствіи духа! И Спаситель, Творецъ человѣка, сказалъ: царствіе Божіе внутрь васъ есть. Въ себѣ ищите счастья. Оно въ васъ. Доселѣ Богъ давалъ мнѣ средства и усердіе успокаивать другихъ. Буду продолжать дѣлать свое дѣло. Хорошо внушать спокойствіе, но только тогда, когда другіе спокойны. Я не люблю спокойствія, котораго нельзя удѣлять другому. Безпокойство другихъ мучитъ меня. Я и послѣ самаго сытнаго обѣда не сытъ, когда другіе голодны. Мое довольство въ томъ, чтобы всѣ были до-

[1]) Тамъ же 1860 10 апр.
[2]) Тамъ же 1855 г. 15 ноября.
[3]) Тамъ же 1859 г. 14 янв.

вольны. Мое спокойствіе въ спокойствіи другихъ, моя радость въ томъ, что радуетъ другихъ“ [1]).

Другимъ условіемъ внутренняго довольства самимъ собою, по мнѣнію о. Родіона, служитъ трудъ. „Довольство собою, говоритъ онъ, наша слава, наше богатство, наше все. А чтобы быть собою довольнымъ, надобно трудиться, работать. Ты поработалъ, потрудился, покорпѣлъ? Ну, и довольно, будетъ съ тебя и будь доволенъ“ [2]). „Молись и трудись, остальное Богъ исполнитъ. Это значитъ, что миръ Божій въ сердцахъ и полезная дѣятельность во внѣшности суть единственныя истинныя основанія всего счастія, всего здоровья и всей долготы жизни. Я такъ вѣрую“ [3]). „Истинную радость вкушаютъ только тѣ, которые подвигомъ добрымъ подвизаются“ [4]). Грусть, тоска бываетъ большею частію отъ бездѣйствія, оттого, что нечѣмъ заняться, оттого, что не дѣлаемъ пользы ни себѣ, ни ближнимъ“ [5]). Трудъ, физическій и умственный—это добрыя дѣла людей небогатыхъ. „Вѣровать всѣ могутъ, пишетъ о. Родіонъ. Но какія добрыя дѣла могутъ дѣлать работники и рабы, кучера и повара, чиновники и солдаты, матросы и мастеровые, вообще всѣ тѣ, которые волею и неволею должны съ ранняго утра и до поздняго вечера трудиться, работать. Трудъ ихъ, этихъ людей, есть доброе дѣло, былъ бы онъ только честенъ, праведенъ. Да, честный трудъ—прекрасное доброе дѣло; отъ него другимъ хорошо и намъ трудящимся не худо“ [6]). Посему долгъ каждаго честнаго человѣка—трудиться. Правда, тяжелый трудъ сначала непріятенъ. Но зато пріятно человѣку бываетъ, когда плодомъ его труда является доброе дѣло. Взявшись за дѣло, нужно только доводить его до конца,

---

[1]) Тамъ же 1854 г. 14 ноябр.
[2]) Тамъ же 1855 г. 17 апр.
[3]) Тамъ же 1856 г. 6 авг.
[4]) Тамъ же 1860 г. 19 янв.
[5]) Тамъ же 1860 г. 5 февр.
[6]) Тамъ же 1862 г. 21 март.

хотя бы оно было маленькое: „Не надобно оставлять малаго предпріятія, потому что оно мало, потому что большаго сдѣлать пока нельзя. Малое сѣмя выростетъ въ огромныя деревья, отъ одного дерева разрастаются рощи и лѣса“ [1]). „Въ трудѣ нужно дорожить каждою минутою: „Каждою минутою надобно пользоваться такъ, какъ будто она послѣдняя. Лучше что-нибудь сдѣлать, хотя кое-какъ, чѣмъ оставаться въ бездѣйствіи“ [2]). Лично о. Родіонъ очень любилъ трудиться, работать на пользу общества. „Хочется мнѣ поработать, говорилъ онъ, потрудиться для блага другихъ. Великое счастье дѣлать счастливыми близкихъ. Весело жить, когда близкіе живутъ покойно“ [3]). Родіонъ Путятинъ искренно скорбѣлъ, когда онъ не могъ, по болѣзни или по какимъ-либо другимъ причинамъ, трудиться, работать на пользу и благо ближнихъ [4]). Въ одномъ мѣстѣ дневника онъ выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что, по его мнѣнію, онъ мало трудился въ молодости: Я такъ жалѣю, писалъ онъ, иногда скорблю, что въ молодости мало трудился. Теперь подъ старость я бы отдыхалъ. Въ молодости весело и трудиться, труды удовольствія доставляютъ тогда; но еще больше было бы удовольствія въ старости отъ трудовъ юности. Правда, я мало въ молодые годы веселился, веселился послѣ трудовъ, среди трудовъ, но все жалѣю, не о томъ жалѣю, что мало веселился, но о томъ, что мало трудился; еще бы надобно побольше, побольше, поусерднѣе, подольше, съ осьми, девяти лѣтъ надобно начать. Тогда труды въ старости были бы истиннымъ наслажденіемъ, а не обремененіемъ“ [5]). Вѣруй въ Бога, молись, трудись—вотъ основныя правила, которыми, по мнѣнію о. Родіона, должно руководствоваться въ жизни.

---

[1]) Тамъ же 1853 г. 25 февр.
[2]) Тамъ же 1853 г. 23 дек.
[3]) Тамъ же 1855 г. 9 ноябр.
[4]) Тамъ же 1854 г. 31 дек.
[5]) Тамъ же 1859 г 7 дек.

Самъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, ни на шагъ не отступая отъ своихъ правилъ. *Всѣ свои силы, всю свою жизнь* онъ отдалъ, посвятилъ служенію на благо ближнихъ, и, особенно, на пользу тѣхъ бѣдныхъ, часто голодныхъ судорабочихъ и мастеровыхъ, которые въ большомъ количествѣ населяютъ Рыбинскъ.

Путятинъ любилъ молиться. Правиломъ жизни его было—не опускать ни одной службы. Онъ искренно сожалѣлъ и скорбѣлъ, когда болѣзнь не дозволяла ему совершать богослуженіе, особенно въ дни великихъ праздниковъ. „Служить самому, говаривалъ онъ, лучше, чѣмъ стоять за службой“ [1]). „Обѣдня всегда меня успокоиваетъ, ободряетъ, оживляетъ. Но никогда такъ не чувствую ея благодатнаго вліянія на себя, какъ послѣ какихъ-либо тревогъ, безпокойствъ и опасеній. Обѣдня для меня баня паки бытія“ [2]). Вотъ какъ объяснилъ однажды б. Родіонъ свою скуку: „Я здоровъ, но не веселъ, не совсѣмъ спокоенъ. Отчего это? Оттого, что три дня не служилъ. Да, служить нужно. Безъ службы мнѣ скучно. Служба—мой покой. Служа, мы молимся, волею или неволею молимся. Сначала маленькимъ себѣ принужденіемъ, потомъ съ удовольствіемъ. Молитва, молитва... Хорошо молиться, чудо какъ хорошо молиться. Какъ на Ѳаворѣ—хорóшо; какъ въ саду гулянье для тѣла хорошо, такъ хорошо и для души молиться вездѣ, и дома и въ церкви“ [3]). Однажды о. Родіонъ былъ долгое время боленъ и не служилъ. Поправившись отъ болѣзни, онъ вышелъ въ первый разъ служить. По этому поводу онъ въ дневникѣ своемъ записалъ: „Въ первый разъ привелъ меня Господь отслужить обѣдню. Сколько радостей было [4]). Съ какимъ чувствомъ, съ какимъ вниманіемъ всегда служилъ о. Родіонъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ его сослу-

---

[1]) Ркп. Дн. 1855 г. 22 мар.
[2]) Тамъ же 1854 г. 8 дек.
[3]) Тамъ же 1853 г. 26 с.
[4]) Тамъ же 1855 г 10 февр.

живцы. Вотъ что писалъ одинъ изъ нихъ: „Любя присутствовать при богослуженіи, совершаемомъ другими, еще болѣе любилъ онъ самъ служить. И въ годы здоровья онъ служилъ истинно почти безсмѣнно. И съ какимъ вниманіемъ служилъ онъ! Во время совершенія литургіи часто можно было подмѣтить у него слезу умиленія, съ трудомъ скрываемую. И невольно тогда текли слезы у сослужащихъ съ нимъ. И тогда не мнилось только, но и вполнѣ вѣрилось, что въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“ [1]). Будучи самъ ревностнымъ исполнителемъ службы, о. Родіонъ и прихожанъ своихъ научалъ ходить чаще во храмъ, прибѣгать къ молитвѣ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Большую любовь и уваженіе пріобрѣлъ себѣ о. Родіонъ своею благотворительностію, своимъ служеніемъ ближнему. Мы видѣли, что самъ о. Родіонъ считалъ себя добросердечнымъ. Такимъ онъ былъ и на дѣлѣ и въ жизни, такимъ онъ и заявилъ себя. Всю жизнь свою посвятилъ онъ попеченію о бѣдныхъ, на дѣла благотворенія безпомощнымъ сиротамъ, голодающимъ бѣднякамъ. „Съ какою попечительностію, говоритъ о немъ современникъ, простиралъ онъ руку помощи бѣдности и сиротству не только въ кругу своихъ родныхъ, но и вовсе чуждыхъ ему и неизвѣстныхъ“ [2]). Благотворительная дѣятельность о. Родіона прежде всего касалась бѣдныхъ духовнаго званія. Въ 1846 году онъ былъ опредѣленъ сотрудникомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Здѣсь дѣятельность его была такова, что одинъ изъ сослуживцевъ его выразился о ней такъ: „Особенно помянутъ и благословятъ его наши духовные сироты и бѣдные“ [3]). Родіонъ Путятинъ такъ горячо заботился о бѣдныхъ, что даже, говорятъ, въ предсмертныя минуты высказывалъ соображенія объ устройствѣ сиротъ. Но не объ однихъ только бѣд-

---

[1]) Изд. 17 кр. поуч. 1870. 60 стр.

[2]) Тамъ же 65 стр.

[3]) Тамъ же 61 стр.

ныхъ духовнаго званія заботился о. Родіонъ. Бѣдные мастеровые, судорабочіе были постояннымъ предметомъ его заботъ. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на оборванныхъ бѣдняковъ; онъ не могъ пройти мимо бѣднаго крестьянина, не разспросивши его о нуждѣ его и не оказавъ ему въ чемъ-нибудь помощи. Онъ изыскивалъ средства для постоянной болѣе или менѣе организованной помощи бѣднымъ. Плодомъ его дѣятельности въ этомъ отношеніи было учрежденіе кружки для пособія бѣднымъ въ приходѣ. Кружка эта стоила не малыхъ хлопотъ о. Родіону, потому что многіе изъ вліятельныхъ прихожанъ не соглашались на учрежденіе ея, говоря, что она не пойдетъ, что скудны для нея источники, что по копейкамъ не скоро и не много наберешь пособія. Только послѣ многихъ споровъ и собраній о. Родіону удалось склонить прихожанъ на это доброе дѣло. Когда началась въ Россіи Крымская война, потребовавшая много денегъ и оставившая многія семейства сиротами, то Родіонъ Путятинъ и здѣсь проявилъ свою благотворительность. Онъ пожертвовалъ въ пользу осиротѣвшихъ семействъ и раненыхъ, больныхъ солдатъ триста рублей серебромъ, за что въ 1854 году ему была объявлена Высочайшая благодарность [1]). Умирая о. Родіонъ отказалъ въ пользу бѣдныхъ города Рыбинска изданіе 17 краткихъ поученій и пожертвовалъ домъ для богадѣльни. О. Родіонъ много занимался тайнымъ дѣланіемъ добрыхъ дѣлъ. Къ нему обращались за помощію бѣдные, которымъ онъ всегда оказывалъ посильную помощь. Иногда онъ самъ отыскивалъ бѣдняковъ, приводилъ къ себѣ въ домъ, разспрашивалъ ихъ о нуждахъ и оказывалъ имъ воспомоществованіе [2]). Съ какими мыслями, съ какими желаніями о. Родіонъ оказывалъ помощь, объ этомъ онъ самъ говоритъ: „Жертвуя что-нибудь, мы желаемъ, чтобы наша жертва была полезна тому, кому жертвуемъ, и если увѣрены мы въ этомъ, то

[1]) Изд. 17 кр. поуч. Брош. 8 стр.

[2]) Ркп. Дн. 1854 г. 9 іюнь.

остаемся довольны, а если не увѣрены, то безпокоимся. Не самолюбіе ли это? Не лучше ли, жертвуя на пользу, не безпокоиться о томъ, воспользуется ли тотъ нашею жертвою? Не знаю, что сказать, а какъ-то пріятнѣе думать, что моя жертва пріятна. Утѣшаясь тѣмъ, что я утѣшу своею жертвою другого, не себѣ ли самому угождаю? Не самолюбіе ли это?—Думаю, что отъ этого утѣшительнаго чувства пахнетъ и очень самолюбіемъ. Если при пожертвованіяхъ не чувствуешь никакого утѣшенія, то не двѣ ли жертвы ты приносишь? Не знаю. Да не увѣсть шуица, что творитъ десница. Впрочемъ, видно доброе дѣло—хорошее дѣло, когда невольно радуешься, если сдѣлаешь что-нибудь доброе. Дѣла наши вслѣдъ за нами ходятъ, потому что нельзя не чувствовать отъ нихъ что-нибудь, смотря по свойству ихъ“ [1]).

Особенную любовь къ ближнимъ, соединенную съ самопожертвованіемъ проявилъ о. Родіонъ въ холерное время. Болѣзнь особенно сильно распространялась среди бѣднѣйшей части городскаго населенія и рабочихъ. Къ зараженнымъ больнымъ о. Родіонъ являлся, какъ ангелъ хранитель и утѣшитель. Напутствуя умирающихъ, онъ оставшимся сиротамъ часто помогалъ собственными средствами. Онъ самъ ухаживалъ за больными судорабочими, которые лежали, брошенные на берегу Волги; онъ замѣнялъ собою докторовъ насколько было возможно. Разсказываютъ, что онъ обыкновенно бралъ крапиву и растиралъ ею зараженныхъ, чтобы облегчить страданія хотя бы такимъ примитивнымъ средствомъ; онъ приносилъ жаждущимъ кипяченую воду, перемѣнялъ испачканную одежду больныхъ и самъ обмывалъ ихъ волжскою водою. Въ первые два мѣсяца, когда холера усиленно распространялась, отъ безпрерывныхъ трудовъ и требъ о. Родіонъ буквально не зналъ отдыха и покоя ни днемъ, ни ночью. Впослѣдствіи онъ самъ себѣ удивлялся, какъ у него хватило силъ и духу являться ко всѣмъ больнымъ во всякое

[1]) Тамъ же 1854 г. 17 мрт.

время, во всякомъ мѣстѣ. „По чувству любви къ жизни, говорилъ о. Родіонъ, мы тоже боялись, чтобы не умереть отъ болѣзни, но, по духу нашей Церкви, мы еще больше боялись, чтобы кто изъ больныхъ не умеръ безъ святого причастія“ [1]). Не дожидаясь приглашенія, о. Родіонъ самъ разыскивалъ страждущихъ: „Онъ самъ искалъ больныхъ, говоритъ его біографъ Гундобинъ, человѣкъ, лично знавшій о. Родіона: не боялся заразы отъ болѣзни и исполнялъ требы съ чисто христіанскою любовію“ [2]). За усердную благотворительную дѣятельность о. Родіонъ въ 1849 г., 13 апрѣля, былъ Высочайше награжденъ бархатною фіолетовою камилавкою. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, за необычайные труды въ холерное время былъ награжденъ наперснымъ крестомъ. Въ 1857 году, апрѣля 17-го, за дѣятельную службу онъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени и въ этомъ же году удостоенъ былъ наперснаго креста въ память Крымской войны.

Будучи добръ по отношенію къ пасомымъ, о. Родіонъ былъ милостивъ и снисходителенъ къ подчиненнымъ ему священникамъ благочинія. Если случались проступки среди духовныхъ лицъ, то, какъ благочинный, произнося приговоръ надъ ними, онъ всегда держался мысли лучше оправдать девять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Судъ его былъ судъ съ милостію. На вину каждаго, по сознанію самихъ священниковъ, онъ смотрѣлъ гуманно, хотя и былъ всегда справедливъ. Онъ былъ противъ всякихъ ссоръ, лжи, обмана, клеветы и сплетенъ. Если начиналась между причтомъ какая-нибудь ссора, то онъ спѣшилъ примирить враждующихъ и устранить между ними всякое недоразумѣніе. „Во все время его начальствованія, говоритъ одинъ изъ его современниковъ, не было ни одного суда у насъ, ни слѣдствій, ни штрафовъ, ни наказаній. Все кончалось миромъ, все прикрывалось его отеческою снисходительностію. И между братіею при немъ

[1]) Поуч. 205.

[2]) 17 кр. поуч. Брош. 8 стр.

господствовалъ миръ и единодушіе. Если же и случались между ними какія нибудь распри, малыя распри, онъ первый являлся миротворцемъ. Если случалось ему по долгу начальника огорчить кого, то онъ же первый всегда готовъ, до слезъ, просить прощенія у оскорбленнаго“ [1]). Что касается канцелярскихъ, благочинническихъ дѣлъ, то, нужно замѣтить, что о. Родіонъ не любилъ ихъ, какъ трудъ механическій, отнимающій у него много времени, которое онъ могъ бы посвятить составленію проповѣдей. „Благочинническія дѣла, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, терпѣть не могу и не называю дѣломъ: они—чистое бездѣлье. Во всѣхъ нихъ ни на грошъ правды нѣтъ, т. е. пользы“ [2]). Но какъ исполнительный человѣкъ, очень аккуратный, о. Родіонъ и въ канцелярскихъ дѣлахъ не допускалъ никакихъ неисправностей. Такъ проходилъ о. Родіонъ свое пастырское служеніе. Высшее начальство, видя полезное прохожденіе о. Родіономъ благочинническаго служенія, опредѣлило его въ 1865 г. благочиннымъ еще надъ осьмью сельскими церквами, кромѣ городскихъ. Но болѣзнь о. Родіона не позволила ему болѣе занимать должность благочиннаго. Въ 1866 году, 28 ноября, согласно личной просьбѣ о. Родіона, онъ былъ уволенъ отъ должности благочиннаго. При этомъ самъ архипастырь заявилъ сожалѣніе о томъ, что болѣзнь не дозволяетъ служить такому полезному дѣятелю, какъ о. Родіонъ. Въ 1867 году, за отлично усердную службу, за дѣятельное и исправное прохожденіе всѣхъ пастырскихъ должностей и обязанностей Родіонъ Путятинъ Все милостивѣйше награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Самая обширная полоса дѣланія о. Родіона въ рыбинскій періодъ его жизни—это сѣяніе слова Божія, проповѣдничество. Родіонъ Путятинъ понималъ, съ какою паствою онъ имѣетъ дѣло. Это были большею частію купцы, мѣщане, мастеровые, матросы, батраки. Все это народъ малообразо-

[1]) Изд. 17 кр. поуч. 60—61.

[2]) Ркп. Дн. 1861 г. 3 янв. ср. 1860 г. 10 дек. 1855 г. 11 ноября.

ванный, погруженный въ заботы о кускѣ хлѣба, въ расчеты о матеріальной выгодѣ. Среди такихъ заботъ онъ часто забываетъ о высшихъ потребностяхъ духа, о религіи, о просвѣщеніи, такъ что ему нужно бываетъ напоминать непрестанно объ обязанностяхъ по отношенію къ душѣ, его нужно призывать въ храмъ, учить и наставлять. Для пастыря здѣсь обширное поле сѣянія, и нужно много силъ, чтобы воздѣлать это поле. Отецъ Родіонъ не пощадилъ своихъ силъ. Онъ постарался сблизиться съ народомъ, изучить его душу, его потребности; онъ сроднился съ почвою, на которой выросъ народъ, и когда для него стало все понятно въ народной душѣ, онъ началъ сѣять Слово Божіе, сообразуясь съ потребностями своихъ слушателей. Онъ самъ о себѣ говорилъ: „Богъ сроднилъ меня съ вами (съ прихожанами); во всемъ мірѣ теперь нѣтъ людей, которые бы по духу были такъ близки ко мнѣ, какъ близки вы; вы теперь для моего духа все—и предметъ и источникъ утѣшеній: вашимъ спасеніемъ я спасаюсь, ваша погибель и мнѣ грозитъ гибелью“ [1]). Устроя спасеніе своихъ пасомыхъ, онъ научалъ ихъ, какъ жить по-христіански. Девизомъ его дѣятельности, какъ учителя, были слова Димитрія Ростовскаго: „Моему сану надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но пишущею рукою. То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“ [2]). О чемъ же проповѣдывалъ о. Родіонъ? Слово его шло рука объ руку съ жизнію. Нужды его пасомыхъ, различные случаи изъ ихъ жизни давали ему матеріалъ и поводъ для бесѣды. Онъ разрѣшалъ имъ съ христіанской точки зрѣнія вопросы, которые поставляла сама жизнь. Онъ видѣлъ въ жизни своихъ пасомыхъ много бѣдствій, огорченій, лишеній. Подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни не у всякаго хватало силы духа, чтобы спокойно переносить свое положеніе или принять нужныя мѣры къ устраненію причинъ

[1]) Поуч. 202.

[2]) Эпиграфъ къ 1-му изд. поуч. 1842 г.

бѣдствій. Часто человѣкъ впадалъ въ уныніе, малодушіе, и не только не боролся съ постигшими его тяжелыми нуждами, но предавался тому, что еще болѣе ему приносило огорченій. Наблюдая нужды пасомыхъ, о. Родіонъ утѣшалъ ихъ въ скорбяхъ, открывалъ имъ истинный источникъ радости въ христіанскомъ ученіи, разъяснялъ имъ смыслъ ихъ жизни, научалъ, какъ по-христіански при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни. Чѣмъ бы ни ознаменовалась жизнь его паствы, на все откликался о. Родіонъ съ своей каѳедры. Замѣчаетъ ли онъ пороки въ обществѣ, обиды, злоупотребленія, неправедный судъ, нарушеніе правъ ближняго—это даетъ ему поводъ запретить, обличить; устрояется ли церковь въ приходѣ, производятся ли выборы на общественныя должности, появляется ли эпидемія, распространяется ли старообрядчество, обнаруживаются ли факты дикости, грубости и невѣжества—все онъ замѣчалъ и обсуждалъ просто, съ христіанской точки зрѣнія. Нѣтъ какого маленькаго событія, на которое не обратилъ бы вниманія отецъ Родіонъ. Покойный преосвященный муромскій Андрей, бывшій инспекторъ ярославской семинаріи, разсказывалъ, что одно время въ Рыбинскѣ было нѣсколько случаевъ отравленія рыбой. Желая предохранить свою паству отъ несчастныхъ случаевъ, о. Родіонъ произнесъ поученіе „о соленой рыбѣ“, начавши его такъ: „Сегодня, слушатели, я буду говорить о соленой рыбѣ“ [1]). Такимъ образомъ, о. Родіонъ внималъ, какъ постояннымъ нуждамъ и потребностямъ нравственнаго назиданія своихъ прихожанъ, такъ и нуждамъ, вызваннымъ теченіемъ времени. „Онъ сѣялъ сѣмя Слова Божія вездѣ и всегда: и въ храмѣ и на стогнахъ, и въ домахъ и при божественной литургіи, и при бракѣ и при погребеніи, и въ столахъ и послѣ оныхъ“. Ревностная проповѣдническая дѣятельность о. Родіона доставила ему большую извѣстность среди народа и привлекла къ нему любовь многихъ. Онъ сталъ пользоваться, репутаціей

[1]) Тульск. еп. вѣд. № 5 1870 г. 159 стр.

опытнаго въ духовной жизни пастыря. Многіе приходили къ нему на домъ, чтобы получить отъ него назиданіе, совѣтъ, какъ жить. Любовь нѣкоторыхъ лицъ къ о. Родіону достигла того, что они преклонялись предъ нимъ, какъ предъ великимъ учителемъ. Разсказываютъ, что одна дама, пришедши въ домъ о. Родіона, пала предъ нимъ на колѣни и воскликнула: „Іоаннъ Златоустый, помоги, научи“! О. Родіонъ долго съ ней бесѣдовалъ наединѣ. Самъ о. Родіонъ передаетъ нѣсколько случаевъ, когда пасомые приходили къ нему за утѣшеніемъ. Вотъ одинъ случай: Нынѣ, пишетъ о. Родіонъ, одна женщина деревенская спрашивала у меня совѣта, идти ли ей странствовать.—Ты замужняя!—„Да, и у меня мужъ живъ“. Такъ тебѣ нельзя странствовать.—„Но мнѣ слишкомъ тяжело съ нимъ жить“.—Согласится ли онъ отпустить тебя?—„Не знаю“. Долго я съ ней разговаривалъ, давая ей разные совѣты. До того убита горемъ эта женщина, что я никакъ не могъ, хоть сколько нибудь, ее ободрить. Она не плакала при мнѣ, но лучше бы она плакала; у нея и слезъ нѣтъ. Она во все время будто дрожала, сдерживала себя. Словомъ, подобной женщины несчастной я не видывалъ. Вотъ жизнь... Нѣтъ, есть другая жизнь, гдѣ подобныя страдалицы утѣшатся“ [1]). А вотъ еще случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ нѣкоторые жаждали слышать совѣтовъ и наставленій о. Родіона: „Былъ я сейчасъ, пишетъ онъ, у больной, которая очень желала меня видѣть и просила нѣсколько разъ родныхъ, чтобы они сказали мнѣ. Она какъ бы ожила, когда я поговорилъ съ нею, чрезъ нѣсколько минутъ уснула, и спала, когда я уходилъ отъ нихъ. Если и умретъ она, спокойно умретъ. Родные ея какъ-то черствы, не нѣжны; словомъ, не умѣютъ сказать ей слова утѣшительнаго“ [2]). Приходили къ о. Родіону за совѣтомъ даже иноки. „Послушникъ приходилъ ко мнѣ, пишетъ о. Родіонъ въ одномъ мѣстѣ

[1]) Ркп. Дн. 1861 г. 10 іюн.

[2]) Тамъ же 1862 г. 17 апр. ср. 19 мая 1862 г.

своего дневника; приходилъ попросить совѣта, наставленія, какъ ему жить, чтобы спастись. Проси помощи у Бога и надѣйся на его милость. Господь поможетъ и помилуетъ. Въ помощи и помилованіи Его все наше спасеніе. Работай, трудись. Приноси другимъ пользу и не будь никому въ тягость“ [1]). О. Родіонъ не устрашалъ послушника великою отвѣтственностію предъ Богомъ, не возлагалъ на него большихъ подвиговъ, но совѣтовалъ надѣяться на помощь Божію, на Его милосердіе и исполнять, дѣлать, работать то, что можетъ. Такъ наставлялъ о. Родіонъ искавшихъ у него пастырскаго утѣшенія.

Дѣло церковнаго учительства о. Родіонъ любилъ, относясь къ нему серьезно и съ увлеченіемъ. Дѣлу учительства и проповѣдничества онъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими своими дѣлами. Онъ находилъ въ этомъ дѣлѣ особенное наслажденіе, удовольствіе, утѣшеніе, не смотря на всѣ муки и страданія, съ которыми сопряженъ этотъ трудъ: „Да, пишетъ о. Родіонъ, нелегко быть поучителемъ. Да, нерѣдко приходится самому мучиться, мучиться до скорби, до боли сердечной. Что же меня нудитъ, заставляетъ, принуждаетъ?— Самъ не знаю; по крайней мѣрѣ не знаю теперь, не могу, въ собственномъ смыслѣ не могу сказать, что именно: не корыстолюбіе, потому что эти денежки дорого достаются; не честолюбіе, потому что удовлетвореніе ему ничего мнѣ не прибавляетъ... Есть какое-то утѣшеніе, когда съ удовольствіемъ читаешь свое,—утѣшеніе, подобное, можетъ быть, тому, какое чувствуетъ мать настоящая, когда смотритъ на свое дитя, стоившее ей мукъ большихъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ о. Родіонъ писалъ: „Что меня заставляетъ трудиться надъ поученіями до изнеможенія: Слава Бога? Обязанность?.. Едва ли; по крайней мѣрѣ, едва ли это главное. Удовольствіе отъ

[1]) Тамъ же 1862 г. 19 мая.

[2]) Ркп. Дн. 1860 г. 12 мая.

труда и потомъ польза собственная отъ него [1])? Родіонъ Путятинъ считалъ своимъ долгомъ къ каждому празднику приготовить поученіе, если не новое, то по крайней мѣрѣ обработать изъ тѣхъ, которыя были составлены ранѣе. Въ тѣ дни, когда онъ служилъ самъ, онъ почти всегда произносилъ поученія. „Надобно непремѣнно говорить, писалъ онъ, непрестанно говорить въ церкви проповѣди всякій праздникъ. Давно я чувствовалъ, сознавалъ эту необходимость. Теперь еще больше нахожу это необходимымъ. Люди нынѣшніе забылись, не помнятъ своихъ существенныхъ обязанностей“ [2]). „Надобно непремѣнно говорить, говорить. Не знаю, какъ сказать, какъ это необходимо, нужно, полезно. И говорить надобно какъ можно чаще, всегда при всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, при большихъ всѣхъ собраніяхъ. Что дѣлать? Не только говорить, но и обѣдню служить какъ-то веселѣе, когда народу въ церкви много. Впрочемъ, у насъ и правило церковное—служить обѣдни непремѣнно, когда въ церкви бываетъ стеченіе народа большое. Почему же этого правила не держаться при сказываніи поученій“ [3]). Когда о. Родіону почему-либо не удавалось говорить поученіе въ церкви, то онъ искренно объ этомъ скорбѣлъ, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ своей жизни, когда онъ обладалъ достаточнымъ запасомъ физическихъ силъ, и болѣзнь не сломила его здоровья, онъ сожалѣлъ и скорбѣлъ, если въ праздникъ шелъ въ церковь безъ поученія. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: „Было время, когда я скорбѣлъ, если въ праздникъ иду, бывало, къ обѣднѣ безъ поученія. Нынѣ нѣтъ. Отчего? Отъ слабости силъ, частію же потому, что не считаютъ нужнымъ наши поученія“ [4]). Когда ему почему-либо не приходилось долго писать поученія, то это его безпокоило. Въ дневникѣ

[1]) Тамъ же 1861 г. сент. 14.
[2]) Тамъ же 1859 г. 15 апр.
[3]) Тамъ же 1860 г. 4 ноября.
[4]) Тамъ же 1861 г. 21 ноября.

своемъ онъ высказываетъ: „Нынѣ съ безпокойствомъ думаю о томъ, что я давно не пишу. А какъ давно? Мѣсяца полтора, чуть не два. Правда, я думалъ, затѣвалъ, но этимъ все и оканчивалось“ [1]). Онъ постоянно думалъ о планахъ для поученій. Въ своемъ дневникѣ онъ почти ежедневно даетъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, что написалъ, о чемъ думалъ. „Все планы строю, писалъ онъ, а построить еще ничего не построилъ. И какъ же что-нибудь построю, когда планы строю? Время все уходитъ въ черченіи то того, то другого плана, а на постройку ничего не остается. Хоть что-нибудь маленькое, да цѣлое“ [2]). „Думалъ сейчасъ о проповѣди. Все не клеится у меня. Отчего? Оттого что берусь за многое и за разное. Нѣтъ, однимъ надобно заняться, одному надобно себя посвятить“ [3]). „Я все думаю, размышляю, планы строю, хочу, т. е. что нибудь сдѣлать, т. е. написать, сочинить. За чѣмъ же дѣло? Много хочется сдѣлать, больше съ небольшими трудами. Да, такъ. И потому не знаю, что мнѣ дѣлать. Большое маленькими силами не сдѣлается. И вотъ я досадую, скорблю, что силы у меня малы. Я готовъ, радъ сдѣлать и маленькое, только хорошенькое: но и это не дается, не дѣлается“ [4]). Или вотъ еще свидѣтельство того, какими планами задавался о. Родіонъ: „Нынѣшній день, пишетъ онъ 10 октября 1889 года, я брался говорить о многомъ: дневное евангеліе готовился изъяснить или что нибудь изъ него; „Отче нашъ“ хотѣлъ изъяснять; о необходимости для каждаго христіанина имѣть у себя дома Евангеліе и другія Божественныя книги; о необходимости для каждаго изъ насъ трудиться, дѣлать что-нибудь такое, что могло бы приносить пользу намъ и другимъ. Чѣмъ же кончилось? Да ничѣмъ“! „Чего, чего я въ свой вѣкъ не затѣвалъ, пишетъ о. Родіонъ

---

[1]) Тамъ же 1855 г. 9 сент.
[2]) Тамъ же 1854 г. 24 дек.
[3]) Тамъ же 1860 г. 19 янв.
[4]) Тамъ же 1860 г.

въ другомъ мѣстѣ: символъ вѣры хотѣлъ объяснить, потомъ литургію, богослуженіе, и уже написалъ проповѣди двѣ—три; послѣ хотѣлъ писать бесѣды на разные манеры. Въ Рыбинскѣ было много покушеній. Кажется, все перепробовалъ. Чѣмъ же все это кончится? Ужели ничѣмъ? Нѣтъ, во что бы то ни стало буду заниматься“ [1]).

Родіонъ Путятинъ недоволенъ былъ существовавшими въ то время системами богословія; ему не нравилось въ нихъ то, что онѣ написаны не для всѣхъ понятно. Посему онъ думалъ написать для народа книгу, въ которой христіанское ученіе было бы изложено понятно для всѣхъ. „Разбирая книги свои“, говоритъ о. Родіонъ, „случайно напалъ я на богословіе іер. Ювеналія, почиталъ кое-что въ этой книгѣ. Книгъ такихъ у насъ много, т. е. богословскихъ. Отчего бы систематически не излагать ученія христіанскаго? Почему? Трудно? Лѣтъ двадцать я тружусь и не только ничего не написалъ, но и не рѣшилъ еще доселѣ, о чемъ писать и какъ. Мнѣ хочется свой порядокъ, свою систему, а это не легко, по крайней мѣрѣ, доселѣ не нашемъ, какого держаться порядка. Мнѣ хотѣлось бы безъ всякихъ пособій. И это-то хотѣніе—главная причина, отчего я доселѣ ничего не сдѣлалъ. Да, мнѣ опять хочется приняться за изложеніе систематическое“ [2]). Относительно Богословія м. Макарія о. Родіонъ писалъ: „Въ этомъ много хорошаго. Отчего онъ не сократилъ его? Какъ эту книгу сдѣлать популярною. А въ настоящемъ своемъ видѣ популярною она не можетъ быть“ [3]). Но о. Родіону такъ и не удалось составить свою систему. Мало-по-малу онъ пришелъ къ убѣжденію, что система—не его призваніе, что не съ его силами браться за это трудное дѣло. „Нѣтъ, писалъ онъ, система не мое дѣло, не мое призваніе. Кажется, мнѣ хочется заниматься тѣмъ, къ чему я неспособенъ, не

---

[1]) Тамъ же 1855 г. 10 окт

[2]) Тамъ же 1860 г. 2 дек.

[3]) Тамъ же 1862 г. 12—13 мар.

только по чему-нибудь къ другому, но по самой службѣ, по самымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ моей жизни. Служба моя довольно разнообразна, обстоятельства жизни не одинаковы, т. е. ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ у меня системы, нѣтъ однажды заведеннаго порядка. Нельзя поэтому ожидать отъ меня системы и въ мышленіи, т. е. въ занятіяхъ умственныхъ. Вотъ я положу, рѣшусь такъ дѣлать, дѣйствовать, но вдругъ открывается обстоятельство, по которому я долженъ оставить начатое,—такое обстоятельство, которое гораздо важнѣе, нужнѣе предпринятаго дѣла, и я опять безъ дѣла“ [1]). О. Родіонъ оставилъ систематическое изложеніе вѣроученія и принялся за свое дѣло „маленькое“, но не менѣе полезное. Онъ посвятилъ свои силы писанію краткихъ поученій.

По и это маленькое дѣло стоило ему не малыхъ трудовъ. Въ своемъ дневникѣ о. Родіонъ часто замѣчаетъ, что при писаніи поученій ему приходится много трудиться, мучиться и страдать. „И самое краткое поученіе, говоритъ онъ, не малаго труда мнѣ стоитъ; вчера я часа три, четыре все раждалъ, и десять строкъ, не болѣе, написалъ. Чѣмъ же кончилось? Ничѣмъ“ [2]). „Да я всю ночь мучился, не спалъ по милости приготовленія поученія и доходилъ вчера, ночью, до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда. Просто я страдалъ, мучился ужасно. Тяжелое дѣло, скорбное дѣло сочинительство. Сколько однихъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній“ [3])! „Отчего это поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ,—нѣтъ, надобно... ужъ не знаю, какъ сказать, что надобно: измучиться, изъ силъ выбиться—и все-таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для всякаго писателя вдохновеніе необходимо: т. е. необходимо, чтобы свыше что

[1]) Тамъ же 1858 г. 1 дек. 1854 г. 28 мар.

[2]) Тамъ же 1853 г. 1 дек. 2 ноября.

[3]) Тамъ же 1858 г. 16 окт.

нибудь пришло къ тебѣ, чтобы что-нибудь натолкнуло тебя на мысль“ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда поученіе почему-либо не давалось о. Родіону, онъ обращался съ молитвою къ Богу. Вотъ какъ онъ молился послѣ неудачной попытки написать поученіе: „Все не то, все не такъ. Такъ что же, такъ какъ же? Господи! вразуми меня, что я долженъ говорить. Мнѣ хочется говорить, мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется. Ты, Господи, Самъ скажи мнѣ, что и какъ я долженъ говорить“ [2]). „Пошли, Господи, мнѣ мысль какую-нибудь святую, которою бы освятилась и оживилась холодная моя душа, и которую я могъ бы завтра передать другимъ, подобнымъ мнѣ“ [3]). Затрудненія при составленіи поученій у о. Родіона происходили не отъ слабости его таланта, а отъ дѣйствительной трудности выбрать для поученія предметъ назидательный и современный. Здѣсь все дѣло въ случаѣ, во вдохновеніи, въ счастливомъ наитіи мысли. Оттого у о. Родіона есть поученіи, которыя написаны не болѣе, какъ въ полчаса, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ служить образцомъ этого рода произведеній. О. Родіонъ свидѣтельствуетъ, что для составленія поученія немного нужно времени, но для изобрѣтенія мысли долго нужно дожидаться вдохновенія. „Для поученія, пишетъ онъ, довольно одной минуты или даже секунды довольно. Но этой секунды приходится долго ждать, иногда нѣсколько часовъ, цѣлыя сутки и дни. Иногда ждешь, ждешь этой секунды, да и бросишь все и ничего не сдѣлаешь“ [4]). „Эти секунды, эти минуты быстраго, мгновеннаго озаренія мыслію и благороднаго возбужденія даются намъ свыше“ [5]). Но почему же о. Родіонъ трудился, мучился, если ему просто нужно было

---

[1]) Тамъ же 1860 г. 13—14 сент.
[2]) Тамъ же 1861 г. 29 авг. 1859 г. 29 авг.
[3]) Тамъ же 1859 г. 7 н. 1859 г. 24 дек.
[4]) Тамъ же 1859 г. 24 дек.
[5]) Тамъ же 1855 г. 10 апр.

ждать минуты вдохновенія? Родіонъ Путятинъ держался того мнѣнія, что трудъ усиленный рождаетъ вдохновеніе. А нельзя ли, пишетъ онъ, высидѣть расположенія, оживленія вдохновенія? Думаю—можно, только сидѣть надобно подольше. Вѣдь даетъ же птица сидѣніемъ теплоту яйцамъ и потомъ жизнь птенцамъ. Да, усидчивый трудъ все преодолѣваетъ. И такъ, сиди, ходи, но сиди на одномъ, ищи одного: и высидишь, найдешь“ [1]). Съ этой точки зрѣнія геній, прежде всего, есть необыкновенная преданность и способность къ труду. „Ничто прочное и важное, по мнѣнію Родіона Путятина, не можетъ быть достигнуто безъ полной преданности дѣлу. Ничто не появляется иначе, какъ въ потѣ лица. То, что называютъ вдохновеніемъ, не созидаетъ великихъ твореній, а только озаряетъ ихъ яркимъ сіяніемъ. Да и самое вдохновеніе, обыкновенно, возникаетъ отъ напряженнаго умственнаго труда. Геній прежде всего есть необыкновенная способность къ труду“ [2]). Поэтому и о. Родіонъ часто засиживался надъ составленіемъ проповѣдей въ надеждѣ развить въ себѣ жаръ вдохновенія. Были, впрочемъ, и у него минуты, когда онъ мгновенно озарялся мыслію и быстро приготовлялъ поученіе. Вотъ какъ это у него происходило: „Вчера очень много писалъ, говоритъ онъ, и нынѣ послѣ утрени писалъ; наконецъ, бросилъ все. Такъ и рѣшилъ было ничего не говорить. Вдругъ пришла одна мысль, давно бывшая въ головѣ, опредѣленная, хоть и весьма неважная, самая простая, обыкновенная; я за перо, и поученіе чрезъ часъ готово. Странно, многимъ очень оно понравилось. А все-то оно не болѣе четвертинки листа“ [3]). Или вотъ еще другой случай: „Нынѣ я говорилъ поученіе, пишетъ о. Родіонъ. Поученіе не было задумано вчера, а было написано утромъ. съ одного маху; не успѣлъ даже

---

[1]) Тамъ же 1854 г. 10 апр.

[2]) Тамъ же 1860 г. 28 ноября.

[3]) Тамъ же 1855 г. 6 дек.

прочитать написанное“ [1]). Къ своимъ поученіямъ, которыя готовились къ печати, о. Родіонъ относился очень строго и безпристрастно. Составленное поученіе онъ долго исправлялъ, критиковалъ, и если оно оказывалось не совсѣмъ удачнымъ, то онъ уничтожалъ его. „Просматривалъ, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ дневника, старый хламъ свой. Нѣкоторыя, впрочемъ одно только, до того приторно, что тотчасъ разодралъ“ [2]). „Препорядочно мучусь я за поученіями. Доселѣ исправилъ ихъ не много. Четыре почти совершенно вновь передѣлалъ. Впрочемъ, придется, кажется, всякое вновь почти. Должно быть, съ перваго числа я началъ ихъ поправлять. Слѣдовательно, нынѣ три недѣли“ [3]). Доселѣ занимался разсматриваніемъ своихъ катихизическихъ бесѣдъ, пишетъ о. Родіонъ: чтобы послать ихъ въ Епархіальныя Вѣдомости. Нѣтъ, не стоятъ того. И потому досаду одну принесло это разсматриваніе. Нѣтъ, не годятся. Нѣтъ въ нихъ, почти нѣтъ, ни одного живого слова. Только живое слово живо дѣйствуетъ. Одно живое слово лучше тысячи. Да, досаду навели на меня эти бесѣды“ [4]). „Я продолжаю себя разбирать, пишетъ еще о. Родіонъ, и хочу все или всѣ оставить, потому что въ нихъ во всѣхъ дѣла мало сказано, а недѣла, не къ дѣлу очень много; много для одной круглоты рѣчи, для складу, для того только, чтобы читать или слушать было пріятно. Нѣтъ, видно, я не въ духѣ, оттого и свое мнѣ ничто не нравится“ [5]). Такъ внимателенъ и строгъ былъ о. Родіонъ къ своимъ поученіямъ. Особенно затруднялся о. Родіонъ исправленіемъ своихъ поученій тогда, когда для него главная мысль была неясна. „Искушеніе, пишетъ онъ, хочу еще одно поученіе пообдѣлать, но очень затрудняюсь.

---

[1]) Тамъ же 1855 г. апр. 10.
[2]) Тамъ же 1861 г. іюня 8.
[3]) Тамъ же 1861 г. 23 авг.
[4]) Тамъ же 1861 г. 1 янв.
[5]) Тамъ же 1861 г. 14 сент.

Какъ важенъ первоначальный тонъ поученія, ходъ, направленіе... не знаю, какъ лучше мнѣ выразить мысль свою. Мнѣ хочется дать другое направленіе этому поученію. Нѣсколько разъ принимался за это, и доселѣ не могу этого сдѣлать: все неладно, нескладно выходитъ. Отчего? Оттого думаю, что мысль главная этого поученія неясна, неопредѣленна; не могу доселѣ дать этому поученію настоящаго тона“ [1]). Не довѣряя самому себѣ, своей личной оцѣнкѣ поученій, о. Родіонъ иногда для провѣрки своего мнѣнія отдавалъ свои поученія знакомымъ, опытнымъ въ дѣлѣ проповѣдничества лицамъ, чтобы они выразили о нихъ свое сужденіе; таковъ былъ архимандритъ Дороѳеевской пустыни— Поликарпъ, который иногда просматривалъ поученія о. Родіона [2]).

О. Родіону первому пришлось вырабатывать типъ простонародной проповѣди, ибо школа для этого дала ему мало. Поэтому, онъ постоянно былъ занятъ мыслями о проповѣди, проповѣдническихъ пріемахъ. Онъ много читалъ, думалъ, работалъ, чтобы составить собственную теорію проповѣди, чтобы сообщить своимъ поученіямъ опредѣленный характеръ проповѣди для простого народа. Пособіемъ при выработкѣ гомилетическихъ взглядовъ о. Родіону служило, прежде всего, Слово Божіе. Оттого всѣ поученія о. Родіона запечатлѣны евангельскою простотою. Родіонъ Путятинъ въ своемъ дневникѣ писалъ: „Да, надобно чаще читать Слово Божіе. Прежде я его много читалъ, изучалъ, старался ему подражать, его складомъ пользовался“ [3]). Въ подражаніи Слову Божію о. Родіону удалось достигнуть совершенства. Всѣ критики того времени старались отмѣтить въ поученіяхъ о. Родіона ихъ евангельскій духъ. „Видно, что духовный наставникъ самъ проникнутъ святостію и животворностію истинъ проповѣду-

[1]) Тамъ же 1861 г. іюня 9.
[2]) Тамъ же 1860 г. 8 мая.
[3]) Тамъ же 1861 г. 14 сент.

емыхъ и передаетъ свои мысли живымъ чувствомъ, доходящимъ до священнаго восторга", писалъ корреспондентъ „Маяка" [1]). Другимъ руководствомъ при писаніи поученій о. Родіону служили творенія свв. отцовъ. Его привлекала въ сихъ послѣднихъ искренность и правдивость. „Свв. отцы, пишетъ онъ, что ни говорили,—говорили по убѣжденію, съ чувствомъ. А мы говоримъ много такого, что хоть и истинно, правильно, но мы-то говоримъ это такъ, хорошенько не подумавши. Гнилыхъ словъ много у насъ, т. е. ни къ чему не служащихъ" [2]). Послѣ чтенія писемъ преп. Исидора Родіонъ Путятинъ въ дневникѣ писалъ: „Письма Исидора чѣмъ больше читаю, тѣмъ больше нахожу въ нихъ хорошаго. Особенно въ нихъ замѣтна важность какая-то святая, прямая, откровенная; онъ пишетъ „яко власть имѣяй". Мы же много говоримъ ради краснаго словца. Свв. отцы, если говорятъ, то говорятъ одну правду, истину" [3]). Посему, одно время о. Родіонъ думалъ, что „Изъ твореній свв. отцовъ все слово въ слово можно и должно брать и давать, какъ свое своимъ". Но въ послѣдніе годы своей жизни о. Родіонъ ограничилъ это правило. Онъ писалъ: „Слушатели наши—дѣти, младенцы; пищею ихъ должно быть молоко, а не хлѣбъ. И Златоустъ еще не для нашихъ слушателей, по крайней мѣрѣ немного изъ него годится для нашихъ слушателей" [4]). Важнымъ пособіемъ при проповѣданіи для о. Родіона были Прологъ и Четіи-Минеи. О. Родіонъ думалъ даже изъ чтеній Пролога составить назидательную книгу для народа. „Хорошо бы, писалъ онъ, вотъ что сдѣлать: выбрать изъ Пролога слово въ слово статьи для чтенія народнаго, краткія жизнеописанія мучениковъ, преподобныхъ, краткія поученія, сказанія. Жизнеописанія можно не всѣ слово въ слово, а что-нибудь особенное, молитвы и отвѣты.

[1]) „Маякъ" 1845 г. стр. 37.
[2]) Рук. Дн. 1860 г. 12 марта.
[3]) Тамъ же 1860 г. 14 февр.
[4]) Тамъ же 1855 г. 23 февр.

Нашъ простой народъ любитъ языкъ славянскій. Да и необходимо, чтобы онъ зналъ языкъ, на которомъ у насъ все въ церкви читается“ [1]). Эту мысль о. Родіону не пришлось осуществить, но пользоваться въ поученіяхъ Прологомъ онъ не переставалъ. Онъ держался такого правила: хорошо брать изъ Четіи-Минеи, но это должно быть только объясненіемъ. А основаніе для всего должно брать изъ Священнаго Писанія“ [2]). Замѣчательно, что по окончаніи академіи, о. Родіонъ оставилъ было мысль пользоваться въ поученіяхъ матеріаломъ изъ Пролога и Четіихъ-Миней, потому что его смущала недостовѣрность, невѣроятность многихъ разсказовъ. Но спустя восемь лѣтъ, онъ снова принялся за Прологъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы брать „вѣрное, несомнѣнное, а вѣроятное брать съ оговоркою“ [3]).

Изъ современныхъ проповѣдниковъ о. Родіону служилъ образцомъ въ гомилетическихъ пріемахъ митрополитъ Филаретъ. „Если говорить проповѣди надобно, писалъ о. Родіонъ: то говорить ихъ необходимо такъ, какъ Филаретъ митрополитъ дѣлаетъ. А онъ дѣлаетъ такъ: беретъ текстъ Священнаго Писанія и изъ него все выводитъ, и на него все наводитъ, и въ немъ все находитъ—и предложеніе и доказательство“ [4]). Не избѣгалъ о. Родіонъ и свѣтской литературы. Напротивъ, въ свѣтской литературѣ онъ находилъ то живое слово, которое онъ такъ любилъ. Онъ перечитывалъ всѣхъ русскихъ писателей, поэтовъ, и изучалъ по нимъ геній роднаго языка. Онъ учился у образцовыхъ писателей выражаться просто, ясно и изящно. Особенно онъ любилъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Это, по его мнѣнію, были честнѣйшіе люди; всѣхъ остальныхъ и сравнивать нельзя съ

[1]) Тамъ же 1861 г. апр. 10.

[2]) Тамъ же 1858 г. 24 окт.

[3]) Тамъ же 1854 г. 29 ноября.

[4]) Тамъ же 1859 г. 15 апр.

ними [1]). Кромѣ любимыхъ писателей, о. Родіонъ читалъ свѣтскіе журналы, какіе издавались въ его время. „Думаю о журналахъ, писалъ о. Родіонъ въ одномъ мѣстѣ дневника: какіе выписать. Кромѣ духовныхъ хотѣлось бы получать еще свѣтскіе. По-моему, свѣтскіе необходимы. Въ нихъ собственно настоящая жизнь, духъ, направленіе нынѣшняго времени. Намъ духовнымъ въ свѣтѣ быть нельзя. А свѣтъ намъ знать необходимо. Гдѣ же мы его узнаемъ?—Если не все, то немного о немъ мы можемъ узнавать изъ свѣтскихъ журналовъ“ [2]). „Свѣтскіе какъ-то умѣютъ завлекать или занимать, умѣютъ поговорить, поболтать, посудить. У нихъ свободы больше, чѣмъ у духовныхъ. Духовные и говорятъ и пишутъ точно связанные. Да, въ языкѣ видна жизнь человѣка. Мы говоримъ и оглядываемся. Не наговоришься много, когда непрестанно боишься, чтобы не сказать чего лишняго. Съ нѣкотораго времени и духовные начинаютъ говорить свободно. Но зато въ нихъ, когда они заговорятъ свободно, часто свобода доходитъ до дерзости. Свѣтскіе опередили духовныхъ въ литературѣ, въ словѣ, но вѣдь они и въ жизни вездѣ впередъ идутъ, напереди стоятъ, громче говорятъ“ [3]). Поэтому о. Родіону иногда хотѣлось писать такъ, какъ пишутъ свѣтскіе писатели. „Какъ бы писать такъ, говорилъ онъ: какъ пишутъ свѣтскіе? Думаю, единственное для того средство—какъ можно больше обдумывать то, о чемъ хочешь писать, т. е. вполнѣ обдумай, все то въ мысляхъ заранѣе имѣй, что на бумагѣ хочешь изложить. Это старинное древнѣйшее правило и вѣрнѣйшее средство. Но я всегда нахожу затрудненіе въ томъ, что мнѣ сказать, о чемъ поговорить, чему поучить. Да, меня не то затрудняетъ, какъ сказать, но—что сказать. Свѣтскіе всегда какъ-то находчивѣе, вездѣ найдутся, что сказать, о чемъ поговорить.

---

[1]) Тамъ же 1859 г. мая 6.

[2]) Тамъ же 1860 г. 1 дек.

[3]) Тамъ же 1861 г. 1 дек.

Таковы они на бумагѣ, таковы и въ обществѣ. Да, мы духовные робки, связаны или неразвязны. Отчего? Такъ воспитаны, съ молодыхъ лѣтъ намъ свободы не давали“ [1]). Не нравилось только о. Родіону въ свѣтскихъ журналахъ „манерничанье“ и „вольнодумство“. Онъ любилъ у нихъ искреннее и правдивое. Тѣ же недостатки онъ иногда замѣчалъ и въ духовныхъ журналахъ. Въ 1861 году о. Родіонъ писалъ: „Прошлый годъ я около этого времени былъ недоволенъ всѣми нынѣшними сочиненіями. Нѣтъ жизни въ сочиненіяхъ, нѣтъ искренности. Есть у насъ жизнь—такъ называемая свѣтская, политичная, т. е. люди говорятъ и дѣйствуютъ по одной политикѣ, не отъ души, не отъ сердца, не по убѣжденію, не по сознанію. Подобное нынѣ въ сочиненіяхъ. Сочинители не могутъ ужъ иначе писать, какъ такъ. Въ духовныхъ журналахъ, въ сочиненіяхъ еще больше политики, чѣмъ въ свѣтскихъ. Да, манерности слишкомъ много во всемъ“ [2]). „Нѣтъ ни въ духовныхъ, ни въ свѣтскихъ журналахъ не вижу я искренняго, радующаго, утѣшительнаго. Въ свѣтскихъ журналахъ больно иное читать. Чего-то они, эти свѣтскіе хотятъ? Умъ только хотятъ показать. Вопіющую иные иногда неправду пишутъ... Вольнодумство почему-то изстари между молодыми считается признакомъ хорошихъ дарованій. Да, больно читать свѣтскіе, а духовные досадно; досадно, почему не такъ или не то пишутъ“ [3]).

Такимъ образомъ о. Родіонъ непрестанно трудился надъ развитіемъ своего таланта и пользовался для этого всѣмъ, что давала ему современная жизнь. Труды его увѣнчались успѣхомъ. Талантъ его крѣпъ и росъ. Росла вмѣстѣ съ тѣмъ и слава его, какъ проповѣдника, и любовь къ нему народа. Къ концу его жизни о немъ, какъ проповѣдникѣ, узнали Высочайшія Особы. Въ 1863 году. городъ Рыбинскъ посѣ-

---

[1]) Тамъ же 1861 г. апр. 14.

[2]) Тамъ же 1861 г. мр. 14.

[3]) Тамъ же 1861 г. 20 м.

тилъ наслѣдникъ престола Николай Александровичъ. При встрѣчѣ его о. Родіонъ сказалъ привѣтственную рѣчь и приподнесъ ему книжку своихъ поученій. Рѣчь очень понравилась наслѣднику, и онъ благодарилъ проповѣдника: „Благодарю васъ. Проповѣдь Ваша мнѣ очень понравилась; она пала мнѣ на сердце, и, вѣрьте, словъ вашихъ я не забуду“ [1]). Въ 1867 году Родіонъ Путятинъ былъ снова удостоенъ вниманія Высочайшихъ Особъ. Въ этотъ годъ Рыбинскъ посѣтилъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. При встрѣчѣ цесаревича о. Родіонъ преподнесъ ему книжку своихъ поученій, за что и удостоенъ былъ Высочайшей благодарности. Въ 1866 году Рыбинскъ посѣтилъ великій князь Алексѣй Александровичъ, который при встрѣчѣ его духовенствомъ долго бесѣдовалъ съ о. Родіономъ и, прощаясь, просилъ у него благословенія. Эти моменты въ жизни о. Родіона были самыми счастливыми для него. Это былъ лучъ свѣта, озарявшій трудовую, однообразную жизнь вдовствующаго священника. Это были послѣднія радости, которыя онъ испытывалъ въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, въ продолженіе 25 лѣтъ подтачивавшая его здоровье, окончательно его побѣдила. Въ 1869 году, 4 ноября, онъ скончался. Послѣдніе два года Родіонъ Путятинъ не могъ даже посѣщать богослуженіе. Но дома у себя, хотя и больной, продолжалъ трудиться надъ своими поученіями; за нѣсколько дней до смерти его видѣли работающимъ за письменнымъ столомъ. Такъ протекла жизнь нашего проповѣдника. Среди жизненной борьбы его почти не задѣла ни своя, ни людская злоба; у него не было враговъ; его всѣ любили, какъ добраго и умнаго человѣка, скромнаго до самозабвенія, никогда никому не отказавшаго въ помощи и нравственной поддержкѣ. Это былъ истинный праведникъ. Онъ дѣлалъ добро, какъ бы шутя; его помощь ближнимъ была не обре-

[1]) Брош. при изд. 17-и. стр. 10.

менительна для нихъ, потому что всегда была умно направлена, спокойно, по-братски, съ улыбкой оказана.

К. Ряжскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приходъ и школа.

(Къ вопросу о всеобщемъ начальномъ образованіи).

Что такое приходъ? Точнаго юридическаго опредѣленія этого понятія нѣтъ, но всѣ знаютъ, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ словомъ. Составными, неразрывными частями прихода является—храмъ, какъ видимое на землѣ для извѣстнаго, опредѣленнаго круга людей изображеніе Церкви Божіей; прихожане (люди, *приходящіе* ко храму), какъ члены опредѣленнаго, по мѣсту жительства, общества, объединенные внѣшне однимъ храмомъ, духовно-единою религіозно-нравственною жизнію подъ материнскимъ руководствомъ Церкви, и причтъ (*причетъ* церковный) или клиръ, причтенный къ опредѣленному храму и таковому же обществу людей для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей прихожанъ храма, для исполненія возложенныхъ на него пастырскихъ и нѣкоторыхъ государственныхъ обязанностей по приходу. Всѣ эти составныя части настолько существенны, что приходъ не мыслимъ безъ какой-либо одной изъ нихъ, хотя, повидимому, храмъ имѣетъ преимущественное значеніе, такъ какъ всѣ приходы именуются по храму: послѣдній посвященъ, напр., Введенью во храмъ Пресв. Богородицы и, приходъ называется „Введенскій“ и т. п. Впрочемъ, еще не такъ давно бывали на Руси нерѣдкіе случаи, когда приходы именовались по имени священника,—напр., приходъ „попа“ или отца Ивана, или Николая, что, конечно, больше всего свидѣтельствовало о внутренней близости пастыря съ его пасомыми.

Весь строй земной Церкви является въ той или другой степени совершеннымъ осуществленіемъ заповѣди І. Христа, выраженной Имъ въ обращеніи къ апостолу Петру: „паси овцы Моя“. Въ этихъ трехъ словахъ сказано все, чѣмъ должны быть въ отношеніи къ пасомымъ именующіеся пастырями. Пасти стадо Христово—не значить ли прилагать всѣ заботы къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ этого стада? „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“,—вотъ основа взаимныхъ отношеній всѣхъ людей между собою и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, коимъ вручено *пасеніе* чадъ Церкви Божіей. Уразумѣвшіе и усвоившіе умомъ и сердцемъ эту заповѣдь всегда поймутъ, въ чемъ нужда духовная среди ввѣренныхъ имъ людей, всегда найдутъ и цѣлесообразныя средства для удовлетворенія этихъ нуждъ. Раздѣленные на множество мелкихъ обществъ—приходовъ, христіане пасомые (прихожане) всѣ *находятся подъ единымъ по духу* руководствомъ, всѣ, вслѣдствіе этого, идутъ къ осуществленію на землѣ единой высшей задачи совершенствованія по образу Божію („будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный *совершенъ*“) и тѣмъ самымъ—содѣйствію своего спасенія. Приходъ, такимъ образомъ, является такимъ сообществомъ людей, которое организовано съ нарочитою цѣлію—дать людямъ возможность и всѣ необходимыя духовныя и матеріальныя средства для осуществленія важнѣйшихъ задачъ земной человѣческой жизни. Объединенные единствомъ вѣры, надежды и любви, единымъ мѣстомъ моленій общественныхъ и единымъ духовнымъ отцомъ, прихожане въ одно и то же время и приглашаются „другъ друга тяготы носить“, такъ какъ въ этомъ „исполненіе“ закона Христова „да любите другъ-друга“, и пріобрѣтаютъ достаточно нравственныхъ побужденій и средствъ для нелицемѣрнаго и по возможности всесторонняго выполненія закона Христова.

Только что сказаннаго достаточно, чтобы понять, что приходъ, по основнымъ началамъ своимъ, является одною изъ совершеннѣйшихъ организацій, однимъ изъ лучшихъ

народно-общественныхъ союзовъ, заключающихъ въ себѣ все необходимое для развитія сознательной, свободно-самоопредѣляющейся, на основѣ религіозно-нравственной, духовной жизни. Вотъ почему нельзя не удивляться близорукости тѣхъ людей, которые въ поискахъ „мелкой земской единицы“ никакъ не могли найти „прихода“, какъ уже существующей такой единицы. Совершенство такой общественной организаціи заключается не только въ томъ, что въ основѣ ея лежатъ самыя высшія, непоколебимыя начала, данныя намъ въ Богооткровенномъ ученіи, но и въ томъ, что въ приходѣ объединяются всѣ—и высшіе низшіе, богатые и бѣдные, знатные и худородные, что подъ кровомъ и ветхаго, и великолѣпнаго храма стоятъ и босые, и въ рваныхъ зипунахъ, и въ распитыхъ золотомъ одеждахъ. Въ приходѣ старо-русскомъ—крестились, молились, вѣнчались и погребались и крѣпостные и крѣпостники, и храмъ приходскій былъ одинаково дорогъ какъ для первыхъ, такъ и для вторыхъ,—мало того, онъ дорогъ и для тѣхъ, кто годами, а иногда десятилѣтіями не бывалъ на мѣстѣ, въ приходѣ самомъ. Что влекло и влечетъ къ приходскому храму? Конечно, не одно только сознаніе, что тамъ, около него или гдѣ нибудь не подалеку отъ него лежатъ дѣды и отцы,—нѣтъ, влекло и влечетъ всѣхъ знающихъ приходскій храмъ (къ сожалѣнію, теперь не мало уже лицъ, не знающихъ приходскаго храма) къ этому храму какое-то особое чувство, весьма, весьма близкое къ чувству чистой, возвышенной любви дѣтской къ матери, это чувство не всегда ясно сознается умомъ, но всегда оно живетъ въ сердцѣ и руководитъ отношеніями къ приходскому, къ „своему“ храму какъ тѣхъ, которые сызмлада и безвыѣздно жили и живутъ при храмѣ, такъ и тѣхъ, кои живутъ десятилѣтія оторванными отъ родного села, родной деревни.

Этими внутренними, глубокими, духовно-возвышенными основами приходской жизни объясняется и то, почему приходъ, несмотря на полное пренебреженіе къ нему, какъ

къ общественной организаціи, со стороны государства, несмотря на полное непониманіе сущности приходской жизни даже со стороны тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя призваны вѣдать приходское дѣло,—почему приходъ не только существовалъ и продолжаетъ существовать, но и не лишился окончательно всѣхъ тѣхъ животворныхъ силъ, которыя давали, даютъ и могутъ дать ему все необходимое для дѣятельной и созидательной жизни. Сколько на пространствѣ нашей двухвѣковой новой исторіи возникало и погибало различныхъ, повидимому, весьма полезныхъ для народной жизни учрежденій! Сколько на томъ же пространствѣ временъ приложено было усилій и со стороны правительства и со стороны самого общества для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, народными пороками, и какъ мало сдѣлано въ этомъ направленіи?! Безцѣльными, нисколько зла не уничтожающими оказались всѣ благотворительныя учрежденія, появлявшіяся и существующія внѣ всякой связи съ приходомъ. Много средствъ народныхъ потрачено правительствомъ со временъ Екатерины Великой на устройство народныхъ школъ, еще больше потрачено на тотъ же предметъ и тѣхъ же средствъ народныхъ земствомъ, но народной, въ истинномъ смыслѣ этого слова, школы этими стараніями не было создано. Государство, въ частности земство, смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на простой народъ, какъ на нѣчто безформенное, просто какъ на строительный матеріалъ, которому нужно придать ту или другую форму, или которымъ нужно и можно воспользоваться для тѣхъ или другихъ обще государственныхъ цѣлей, и совершенно забывали, что въ народѣ, какъ и въ каждой отдѣльной личности „живая душа“, ищущая и имѣющая возможность самостоятельнаго самоопредѣленія. „Народъ одухотворенъ личнымъ и общественно-историческимъ самосознаніемъ и бережетъ свою душу, ревниво (добавимъ чаще всего инстиктивно) отстаиваетъ ее отъ внѣшнихъ посягательствъ; въ этомъ причина многочисленныхъ недоразумѣній и столкновеній между народомъ и его просвѣтите-

лями, дающихъ послѣднимъ лишній поводъ завинить нашего крестьянина въ дикости и косности. Иного отношенія народа къ приходящей просвѣщать его школѣ и быть не можетъ. И было бы странно и прискорбно, если бы населеніе, за которымъ есть цѣлая исторія самобытной жизни, съ такими же чувствами встрѣчало появленіе въ селѣ школы, съ какими оно относится къ появленію почтовой станціи, волостного правленія, или винной лавки. Школа затрогиваетъ интересы духа. Вотъ почему съ полнымъ правомъ она еще Ушинскимъ названа *преддверіемъ Церкви*“ [1]). Тоже самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, преслѣдующихъ цѣли нравственнаго совершенствованія народа: они, какъ пришедшія отъинуду, являются чуждыми народной жизни, а потому и безсильными въ борьбѣ со зломъ и для нахожденія добра.

Мы привыкли какъ бы для провѣрки тѣхъ или другихъ началъ нашей общественной жизни и какъ бы для самоубѣжденія въ плодотворности ихъ обращаться къ западно-европейскимъ народамъ, къ ихъ исторіи и современному положенію. Къ сожалѣнію, эта привычка у насъ, т. ск., односторонняя: мы выискиваемъ на западѣ чаще всего только то, что можетъ служить и служитъ отрицаніемъ нашего, родного. Между тѣмъ исторія западно-европейскаго просвѣщенія, особенно англійскаго, нѣмецкаго, сѣверныхъ сканданавскихъ государствъ, даже американскаго,—подверждаетъ, что успѣхами своими народное просвѣщеніе обязано было на Западѣ тѣсному союзу его съ приходскою жизнію, что вообще самая значительная часть успѣховъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ на Западѣ обусловлена въ первичной стадіи своей широкому самостоятельному развитію жизни въ приходской общинѣ. Въ доказательство великаго значенія просвѣщенія народныхъ массъ у насъ часто приводится, что нѣмцы побѣ-

[1]) „Народн. Образованіе“ № 1 1906 г. стр. 5.

дили французовъ въ 1870 году, благодаря широкому развитію народнаго школьнаго обученія („Школьный учитель побѣдилъ"). Мы лично думаемъ, что школа—не для военныхъ цѣлей, не для самоизбиванія людей, болѣе или менѣе успѣшнаго. Но ссылающіеся на „школьнаго нѣмецкаго учителя", какъ побѣдителя французовъ, забываютъ часто узнать, какимъ образомъ создался этотъ „учитель", какъ создалось всеобщее народно-школьное обученіе въ Германіи. Исторія же говоритъ слѣдующее. Послѣ страшнаго тридцатилѣтняго разгрома Германіи (а 30 лѣтняя война окончилась въ 1678 году,—у насъ начало царствованія Алексѣя Михайловича) народная школа въ Германіи была возстановлена и укрѣплена преимущественно заботливостію церковной власти. Германскіе школьные уставы того времени, выработанные этою властію, стали требовать, чтобы всѣ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, и не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, по достиженіи *пяти*-лѣтняго возраста непремѣнно обучались въ школѣ, и *приходскій пасторъ* былъ обязанъ ежегодно представлять списокъ всѣхъ дѣтей отъ 5 до 14 лѣтъ. При обученіи въ школахъ, продолжавшемся, нужно замѣтить, круглый годъ, съ небольшими перерывами во время жатвы (отъ 4 до 6 недѣль), а во время недѣли—два дня (среда и суббота), особенное вниманіе обращалось на религіозное воспитаніе дѣтей, или, что то же, на ихъ нравственность. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что школьное просвѣщеніе въ Германіи быстро развилось, и нѣмцы стали съ теченіемъ времени всѣ грамотными.

То же самое говоритъ намъ и исторія другихъ народовъ. Широкое и благотворное вліяніе на дѣло просвѣщенія такого общественнаго союза, какъ приходъ, наблюдаемое всюду, гдѣ этотъ союзъ выступалъ въ качествѣ главной дѣйствующей силы, въ извѣстной степени наблюдается и у насъ. Какъ бы и кто бы ни смотрѣлъ на церковныя школы, возродившіяся въ 1884 году,—безпристрастная исторія ихъ двадцатилѣтняго существоаанія свидѣтельствуетъ, что эти школы, при всѣхъ

для ихъ развитія неблагопріятныхъ условіяхъ, множились, развивались качественно главнымъ образомъ благодаря своей внутренней связи съ приходскою жизнію. Конечно, среди и этихъ школъ есть достаточное количество такихъ, которыя напоминаютъ „казенныя“, но тѣмъ разительнѣе и доказательнѣе процвѣтаніе другихъ школъ,— именно такихъ изъ этого типа, которыя стали, благодаря заботливости и пониманію существа этихъ школъ со стороны оо. завѣдующихъ, въ самыя близкія связи съ приходскою жизнію. И такихъ школъ изъ общей массы очень и очень много. Извѣстно не мало случаевъ, когда школьная дѣятельность въ приходѣ зачиналась въ видѣ маленькой, почти никому неизвѣстной и для многихъ, пожалуй, совершенно безнадежной школки грамоты съ учителемъ-грамотеемъ изъ мѣстныхъ же крестьянъ или отставныхъ солдатъ; а потомъ, развиваясь на почвѣ той же близости къ приходской жизни, выразилась въ видѣ существованія въ приходѣ нѣсколькихъ вполнѣ благоустроенныхъ школъ; нѣкоторыя школы грамоты въ теченіе перваго же пятилѣтія переродились въ двухклассныя; требованія къ школѣ со стороны крестьянъ-прихожанъ настолько въ теченіе перваго десятилѣтія повысились, что ихъ уже не удовлетворяетъ и программа двухклассныхъ школъ.

Благотворное вліяніе такой общественной организаціи, какъ приходъ, на развитіе всѣхъ сторонъ жизни объединившихся въ эту организацію объясняется, кромѣ указанныхъ причинъ, еще и тѣмъ, что всѣ члены этой организаціи въ большинствѣ случаевъ тѣсно связаны между собою земельными интересами, родственными узами и вообще самымъ близкимъ знакомствомъ другъ съ другомъ. Общность интересовъ, начавшаяся притомъ издавна, жизнь долговременная въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ—создаютъ обыкновенно для большинства членовъ такой общины почти полную тождественность міровоззрѣнія, стремленій и ожиданій. Кому, напр., неизвѣстны случаи, когда „весь приходъ, какъ одинъ человѣкъ“ стоитъ за тѣ или другія учрежденія или за от-

дѣльныхъ лицъ? Такое „стояніе“ часто непонятно для сторонняго наблюдателя и объясняется почти всегда, что „міръ“ „стоитъ“ упорно потому, что онъ является какъ бы единою семьею, дотронуться до части которой—значитъ вызвать боль во всей семьѣ. Весьма характерными являются такіе случаи, какъ отдѣленіе отъ прихода приселковъ и деревень и превращеніе ихъ въ самостоятельные приходы: кому приходилось наблюдать такіе случаи, тотъ долженъ былъ замѣтить, что толки объ отдѣленіи начинались обыкновенно послѣ долговременныхъ „испытаній“, невозможности надлежаще, какъ того требуютъ интересы „прихожанина“, исполнять свои обязанности и пользоваться своими правами,—послѣ того, какъ уже въ значительной степени разрываются внутреннія, духовныя связи приселка и села. Нерѣдко при этомъ бываютъ случаи, что „старики“ изъ вновь образованнаго прихода продолжаютъ до смерти своей „ходить въ свою церковь“. Особенно непріятными для населенія бываютъ случаи, когда тѣ или другіе приселки перечисляютъ отъ одного приходскаго храма къ другому: населеніе иногда предпочитаетъ хожденіе и ѣзду за десять верстъ къ „своему“ приходскому священнику хожденію и ѣздѣ къ „новому“ на протяженіи двухъ-трехъ верстъ.

Опредѣляя значеніе той или другой общественной организаціи вообще, а у насъ въ особенности, мы должны обращать особенное вниманіе на тѣ силы въ этой организаціи, которыя по своему положенію и характеру должны быть и бываютъ руководящими. Въ этомъ отношеніи приходъ, особенно сельскій, поставленъ въ такое положеніе, что главною силою, могущею, способною и обязанною руководить жизнію его, является приходскій пастыря. Поставленный среди сотенъ людей,—и малыхъ и старыхъ,—для удовлетворенія самыхъ насущныхъ и высокихъ нуждъ этихъ людей, пастырь вслѣдствіе этого одного входитъ въ самыя близкія связи съ ними; ему извѣстна жизнь каждаго прихожанина отъ купели и до могилы; ему—всѣ эти сотни людей несутъ всѣ свои

сомнѣнія, недоумѣнія,—„всѣ свои грѣхи и паденія“; предъ нимъ, такимъ образомъ, раскрыта вся душа прихода. Если къ этому присоединить, что въ приходѣ, разумѣемъ—сельскомъ, нѣтъ ни одного человѣка, не только высшаго, но и равнаго священнику по образованію, то мы поймемъ, какую могучую силу представляетъ какъ по идеѣ своего служенія, такъ и по своему положенію приходскій пастырь: приходъ и его пастырь—едино суть, и главой этой единой по существу своему, по внутреннему характеру общины является человѣкъ, всѣ силы ума и сердца котораго направлены главнымъ образомъ на служеніе духовнымъ интересамъ всей этой общины. Разсматривая все это съ идеальной точки зрѣнія, трудно и придумать что-нибудь возвышеннѣе такой общественной организаціи, какъ православный приходъ, что-нибудь совершеннѣе для цѣлей духовно-нравственныхъ, просвѣтительныхъ и даже общественно-экономическихъ, какъ эта мелкая общественная, земская единица: въ ней все есть необходимое для всесторонняго развитія жизни—личной и общественной цѣлыхъ сотенъ людей.

Историческое прошлое и отчасти современное въ нашей церковно-приходской жизни свидѣтельствуютъ, что единеніе между пастыремъ и пасомыми у насъ, въ православномъ русскомъ приходѣ, было и еще существуетъ во многихъ мѣстахъ и весьма нерѣдко выражалось въ самыхъ трогательныхъ формахъ. Намъ извѣстны изъ современной жизни такія явленія, какъ испрашиваніе прихожанами благословенія у своего „батюшки“ предъ каждымъ и на каждое собраніе сельскаго схода, и полное чисто сыновнее преклоненіе предъ авторитетомъ „батюшки“ со стороны всего „міра“. Правда, такія отношенія возникли и укрѣпились потому, что „батюшка“ тридцать лѣтъ безъ перерыва служилъ въ своемъ приходѣ и всѣ тридцать лѣтъ умѣлъ понимать интересы прихожанъ и разумно руководить послѣдними. А былая наша церковно-приходская жизнь развѣ не является свидѣтельницей того же крѣпкаго единенія пастырей съ пасомыми,

искренней любви послѣднихъ къ первымъ? Предъ нами въ настоящее время встаютъ одна за другой картины былой, нерѣдко тяжелой жизни приходскихъ священниковъ среди тоже нерѣдко страждущихъ прихожанъ, когда одними и тѣми же слезами и радости и горя, „туги народной“, омывался каждый день жизни и каждый кусокъ хлѣба, когда не мудро, быть можетъ, даже грубо вмѣстѣ и „отецъ духовный“, и „дѣти духовныя“ обсуждали текущія событія гдѣ-нибудь у ограды церковной, или на „заваленкѣ“ при домѣ батюшки, когда такъ-же не мудро вмѣстѣ веселились, другъ друга жестоко не осуждая... Предъ ними, напр., въ настоящую минуту необыкновенно ярко встаетъ картина проводовъ „батюшки“ на другой приходъ, когда все село со слезами вышло за „околицу“ села, становилось на колѣна, кланялось въ землю предъ уходившимъ по нуждѣ и принимало отъ него такое же земное и слезное „поклоненіе“. Да, много было во всемъ этомъ первобытнаго, примитивнаго, но въ то же время не мало и такого, о чемъ теперь жалѣютъ, о возстановленіи чего теперь на разные голоса хлопочутъ! Было во всемъ этомъ, иногда пріобрѣташемъ грубыя формы, самое главное—единеніе между главными дѣйствующими силами въ приходѣ,—единеніе, которое въ настоящее время во многихъ мѣстахъ уже порвано!

Современное состояніе прихода, дѣйствительно, заставляетъ желать многаго. Жизнь приходская,—и въ прежнее время, не блиставшая какими-либо учрежденіями, но имѣвшая свое оправданіе въ недостаточной подготовленности руководителей своихъ,—въ настоящее время совсѣмъ какъ будто замерла и пріобрѣла характеръ жизни „казеннаго“ учрежденія; вмѣсто довѣрія, взаимной любви между пастыремъ и пасомыми,—любви, почти всегда покрывавшей даже пороки руководителей, все чаще и чаще проявляется вражда, созидающая великое множество доносовъ, жалобъ и всѣхъ другихъ тяжкихъ явленій, отъ которыхъ консисторіи не могутъ, какъ выражаются, передохнуть.

Надъ приходомъ православно-русскимъ уже во многихъ мѣстахъ развивается знамя смерти! Изъ его среды постепенно уходятъ не только любовь и довѣріе, возможность дружной работы во имя общественной жизни, но и люди: разрываются связи съ приходомъ со стороны помѣщиковъ и даже всей той массы населенія, которая уходитъ на фабрики, заводы, города и въ такъ называемые отхожіе промыслы. Вся жизнь приходская выражается только въ богослуженіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, къ которымъ постепенно пріурочивается и совершеніе всѣхъ по возможности требъ, вслѣдствіе чего „батюшки“ старосвѣтскіе постепенно превращаются въ новосвѣтскихъ и всѣмъ уже надоѣвшихъ чиновниковъ для особыхъ порученій по дѣламъ религіознымъ народа! Были надежды, что привлеченіе всего православнаго духовенства къ непосредственному участію и руководству дѣломъ начальнаго народнаго образованія оживитъ пастырскую дѣятельность,—и эти надежды въ извѣстномъ размѣрѣ оправдались, но далеко не въ той степени, какъ этого можно было ожидать, судя по чрезвычайной важности дѣла, къ которому было призвано православное духовенство. Конечно, много было и есть причинъ, объясняющихъ современное оскудѣніе приходской жизни,—причинъ не зависящихъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ и сословій. Но мы далеко не раздѣляемъ мнѣній тѣхъ, которые въ своихъ исканіяхъ лучшаго не хотятъ знать иной причины всѣхъ нашихъ злоключеній, какъ только „старый бюрократическій приказный строй Церкви“, какъ и всего государства. Не отвергая извѣстной доли отрицательнаго значенія за этимъ строемъ, мы не можемъ не обратить вниманія и на слѣдующее, по нашему убѣжденію, важнѣйшее. Если все объяснять несовершенствомъ строя политической и административной жизни, то что же тогда останется на долю личности человѣческой? Никто никогда ни въ чемъ не виноватъ, ибо вина лежитъ внѣ насъ,—и тогда все оправдывается и, что всего пріятнѣе для ищущихъ оправданія,—навсегда, такъ какъ не было и не бу-

детъ на землѣ такого строя общественно-политической жизни, который бы удовлетворялъ всѣхъ и во всемъ; да и вообще вполнѣ совершеннаго, хотя бы въ отношеніи только къ личной или общественной иниціативѣ, строя и быть не можетъ. Нельзя снимать съ людей обязанностей, трактуя только объ ихъ правахъ,—потому что самыя права безъ соотвѣтствующихъ обязанностей, и если они не вытекаютъ изъ послѣднихъ, превращаются обыкновенно въ безправіе для другихъ. Учите исторію, и она на примѣрахъ древнихъ и современныхъ народовъ справедливость сказаннаго подтвердитъ. Въ частности, мы должны помнить, что какъ дѣло пастырскаго служенія по своей сущности, такъ и самый кругъ этого служенія не такъ уже тѣсно связаны съ тѣмъ или другимъ административнымъ и политическимъ строемъ, чтобы быть въ полной и безусловной зависимости отъ послѣдняго. Какъ служеніе преимущественно духовное, идейное, пастырство по преимуществу зависитъ отъ *личныхъ* убѣжденій, отъ личнаго настроенія. Вотъ почему на этомъ служеніи при самыхъ тяжкихъ общественно-политическихъ условіяхъ всегда выдвигались люди, самоотверженно преданные дѣлу своему и потому великое множество добра давшіе и дающіе окружающимъ. И первые вѣка христіанства, и средніе, и новые вѣка европейской исторіи немолчно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Даже болѣе,—исторія намъ говоритъ, что наибольшая ревность по проповѣданію Слова Божія, по жизни истинно-христіанской и по осуществленію въ жизни принятаго на себя долга возгаралась въ людяхъ и даже цѣлыхъ сословіяхъ именно во времена, по видимому, самыя неблагопріятныя, тяжелыя для дѣланія дѣла своего по указаніямъ долга и совѣсти.

Говоря все это, мы, во-первыхъ, не имѣемъ въ виду найти виновныхъ или „вину виновнымъ“ указать (жизнь слишкомъ сложна, а наша русская, благодаря нашему народному характеру,—въ особенности, чтобы можно было въ двухъ—трехъ словахъ уяснить весь ея механизмъ), а во-вторыхъ,

мы не только не отвергаемъ необходимости реформъ вообще, и въ церковно-приходской жизни въ особенности, но искренно желаемъ и глубоко вѣримъ, что онѣ будутъ и внесутъ въ нашу жизнь большую подвижность. Мы только не самообольщаемся въ этомъ отношеніи и думаемъ, что реформами, которыя, несомнѣнно, пойдутъ сверху внизъ, всѣхъ нашихъ бѣдъ, а главное нашего „ничегонедѣланья“ не исправить и жизни на торную дорогу не поставить. Нужно, чтобы быть благовоспитаннымъ, не только и даже *не столько* одежду перемѣнить, но больше всего душу очистить, всему внутреннему человѣку измѣниться. Чтобы возродить жизнь приходскую, наполнить ее удовлетворяющимъ матеріаломъ, нужно проникнуться идеей пастырскаго служенія, величіемъ его, многоплодностію этого общественнаго служенія въ ряду другихъ. Всего же этого нельзя сдѣлать однѣми реформами, чисто внѣшняго характера, обезпечивающими хотя бы и свободу дѣйствованія (но, вѣдь, и ничего недѣланья!), свободу иниціативы (и въ то же время полнѣйшей рутины), свободу отъ всѣхъ административныхъ обязанностей,—въ родѣ веденія метрикъ (и въ той же мѣрѣ и отъ всѣхъ другихъ обязанностей, въ родѣ, напр., церковнаго и школьнаго учительства!). Но какъ „духъ обновить“, духъ приходской жизни оживить? Этотъ вопросъ и является самымъ существеннымъ для нашей современной и грядущей жизни.

Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 18 ноября 1905 года предоставилъ устраивать въ православныхъ приходахъ общія церковно-приходскія собранія и постоянно дѣйствующіе церковно-приходскіе совѣты. Этимъ опредѣленіемъ св. Синода намѣчаются уже пути, пользуясь которыми православное духовенство, несомнѣнно, оживитъ церковно-приходскую жизнь. Какъ осуществятся предначертанія св. Синода о церковно-приходскихъ собраніяхъ и совѣтахъ, въ настоящее время трудно сказать. Несомнѣнно только одно, что они вызовутъ по мѣстамъ, при неумѣньи руководителей и при желаніи послѣднихъ сразу и точно выполнить „приказаіе“, раз-

наго рода недоразумѣнія, даже быть можетъ и серьезнаго характера. На нашъ взглядъ лучше всего начать осуществленіе указаннаго опредѣленія св. Синода съ привлеченія собраній и совѣтовъ къ самому дѣятельному участію въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ въ приходѣ. Дѣло это въ значительной степени уже подготовлено, населеніе уже въ большинствѣ приходовъ заинтересовано имъ, и вопросы объ обученіи и воспитаніи дѣтей въ школѣ и доступны населенію, и не могутъ вызвать другихъ болѣе „острыхъ“ вопросовъ. Есть епархіи, въ которыхъ въ каждомъ приходѣ существуютъ уже школы, и едва ли не большинство епархій въ настоящее время такихъ, гдѣ школы *почти* во всѣхъ приходахъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ получили уже довольно широкое распространеніе церковныя братства, не говоримъ уже о попечительствахъ; западнымъ и въ особенности юго-западнымъ епархіямъ извѣстна дѣятельность братствъ именно со стороны просвѣтительной. Такъ что, если церковно-приходскія собранія и совѣты будутъ направлены въ ихъ первоначальной дѣятельности въ указываемую сторону, то можно надѣяться, что постепеннно и безъ особыхъ потрясеній церковно-приходская жизнь пойдетъ болѣе, чѣмъ теперь, цѣлесообразнымъ путемъ, и многія изъ ожиданій нашихъ благихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ осуществятся.

Для насъ такая именно постановка дѣла и при томъ въ самомъ началѣ его пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Въ ней мы видимъ и источникъ обновленія церковно-приходской жизни, и единственно серьезное и основательное, хотя и не мгновенное осуществленіе цѣлей возможно широкаго развитія народнаго просвѣщенія. Привлекая массы народныя къ сознательному участію въ устроеніи всего дѣла своего просвѣщенія, мы постепенно найдемъ и средства (матеріальныя) для введенія всеобщаго обученія, и истинные пути для развитія культурныхъ силъ русскаго православнаго населенія какъ на окраинахъ, такъ и въ центрѣ. Нельзя забывать того у всѣхъ на глазахъ совершившагося и совершающагося явле-

нія, что церковныя школы, вслѣдствіе своей близости къ народной приходской жизни, вызвали особенный, можно сказать, небывалый приливъ средствъ непосредственно изъ сбереженій народныхъ на дѣло просвѣщенія: въ настоящее время церковныхъ школъ всѣхъ наименованій болѣе 40.000, и цѣнность имущества (въ видѣ земли, зданій, учебныхъ книгъ и пособій, библіотекъ), принадлежащаго имъ, должна быть оцѣниваема въ десяткахъ милліоновъ, при чемъ почти всѣ эти милліоны принесены и даны самимъ народомъ; мы не говоримъ уже о томъ, что вслѣдствіе оживленія этой стороны нашей жизни, внесеннаго церковными школами, значительно усилились матеріальныя средства и другихъ вѣдомствъ, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія. Это обстоятельство, объясняемое нами главнымъ образомъ тѣмъ, что церковныя школы близко стали къ приходской жизни, должно имѣть для насъ особенное значеніе, какъ наглядный показатель того, какимъ путемъ мы должны идти, при нашей государственной бѣдности, къ цѣли—введенія всеобщаго обученія. Вмѣстѣ съ этимъ, школа и всѣ вообще просвѣтительныя учрежденія и мѣропріятія въ приходѣ несомнѣнно будутъ самымъ могущественнѣйшимъ орудіемъ для созданія и цѣлесообразнаго направленія могучихъ культурныхъ силъ въ народѣ, могущихъ обладать всѣми необходимыми качествами не только для самоохраны русскаго населенія отъ покушеній на его поглощеніе со стороны разныхъ инородцевъ, но и для развитія поступательной дѣятельности въ смыслѣ удержанія первенства и руководящаго значенія среди этихъ инородцевъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ не одни только теоретическія соображенія, но исторія борьбы,—борьбы по преимуществу культурной западно-русскаго населенія съ полонизмомъ и еврействомъ. Эта исторія всѣмъ памятна, и ее повторять нѣтъ нужды. Считаемъ нужнымъ только напомнить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ западно-русскаго края, гдѣ братства и школы при нихъ въ періодъ борьбы съ указанными силами не были распространены, населеніе русское жестоко

пострадало и при томъ въ самыхъ существенныхъ сторонахъ какъ своей духовной жизни (религіозно-нравственной и общаго развитія), такъ и матеріальной (достаточно вспомнить былое, да и современное положеніе бѣлоруссовъ).

Та же исторія Западной Руси убѣждаетъ насъ и въ томъ, что населеніе, принявши самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ своего просвѣщенія, не превратитъ ни школъ, ни другихъ учрежденій этого же рода въ орудіе „политики“ и не сдѣлаетъ ихъ игралищемъ личныхъ взглядовъ и различныхъ вліяній. Въ народѣ, простомъ именно народѣ, живѣе всего сохраняются начала истинно-народной жизни, выработанныя какъ геніемъ народнымъ, такъ и исторіей. Вотъ почему школа и другія учрежденія, выросшія на почвѣ церковно-приходской жизни, не будутъ у насъ чужеземнымъ растеніемъ, которое приходится охранять различными искусственными приспособленіями. Укрѣпляясь и развиваясь по мѣрѣ развитія самого народа и его духовныхъ потребностей, просвѣщеніе народное не будетъ идти скачками, то подталкиваемое не въ мѣру услужливыми руками, то задерживаемое не въ мѣру пугливыми умами. Естественность развитія— залогъ крѣпости духовной, самобытной жизни и врагъ смертельный рабскаго преклоненія предъ другими. Надѣемся, что при такой постановкѣ дѣла начальнаго народнаго образованія, если только при самомъ началѣ будетъ устранено все искусственное и на „политикѣ“ основанное, прекратятся сами собою всѣ споры объ основныхъ началахъ образованія и воспитанія въ школахъ, прекратятся и никогда уже въ жизни не появятся и бывшіе еще такъ недавно печальные примѣры антагонизма между вѣдомствами, вставшими у дѣла народнаго просвѣщенія.

Современный приходъ нуждается въ возобновленіи единенія между пастыремъ и пасомыми, а равно между самими пасомыми. Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, какъ и въ томъ, что вообще въ современномъ приходѣ идея его весьма и весьма слабо осуществляется. Привлеченіе къ дѣлу

просвѣщенія въ качествѣ дѣятельныхъ участниковъ и пособниковъ самихъ прихожанъ будетъ способствовать водворенію искомаго единенія и осуществленію въ жизни самой идеи прихода не только въ настоящемъ, но особенно въ будущемъ, когда подростутъ новыя поколѣнія, прошедшія уже школу и видѣвшія на себѣ благодѣтельное вліяніе общей, приходской заботливости. Священникъ, этотъ призванный вождь народа, на пути духовнаго развитія и печальникъ о его нуждахъ, въ своихъ рукахъ содержащій все будущее духовное народа, станетъ въ твореніи этого будущаго въ самыя близкія связи съ самимъ народомъ и, руководя имъ въ дѣлѣ, народу еще мало знакомомъ, и ему, пастырю, прекрасно извѣстномъ, въ два-три поколѣнія достигнетъ самыхъ значительныхъ и, пожалуй, поразительныхъ результатовъ. Просвѣщеніе откроетъ народу глаза на то, что въ его общественной жизни нѣтъ и слѣда истинно-христіанской общественности; что онъ, объединенный храмомъ Божіимъ, въ которомъ постоянно призывается весь христіанскій міръ къ исполненію закона Божія о любви къ людямъ, объ обязанности каждаго члена общества носить тяготы другого,—ни единымъ сознательнымъ дѣйствіемъ не осуществляетъ этого закона. Такъ постепенно, но на вполнѣ сознательной уже почвѣ возникнутъ изъ нѣдръ, такъ сказать, самого приходского общества не только единеніе,—эта могучая сила всякой жизни и дѣла,—но и всѣ виды истинно-христіанской плодотворной жизни въ приходѣ. Тогда и храмъ, какъ это теперь нѣкоторые говорятъ, не будетъ „только проходнымъ мѣстомъ“, въ которомъ человѣкъ только гость, а будетъ центромъ всей жизни; тогда и бѣдные, и обездоливаемые человѣческою несправедливостію найдутъ въ развитомъ и освѣщенномъ свѣтомъ истины сознаніи соприхожанъ состраданіе, любовь и помощь. Сила просвѣщенія—великая сила, но она становится еще грандіознѣе, величественнѣе и плодотворнѣе, когда исходитъ отъ цѣлаго общества, объединеннаго въ созиданіи этой силы.

На этомъ же просвѣтительномъ поприщѣ легче всего объединяются и люди различнаго общественнаго положенія. На помощь школамъ и тѣсно связаннымъ съ нею учрежденіямъ матеріальными средствами, совѣтомъ и трудомъ придутъ живущіе въ приходѣ и не-крестьяне. Опытъ церковныхъ школъ краснорѣчиво говоритъ объ этомъ. Такимъ образомъ незамѣтно и на одномъ изъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ поприщъ произойдетъ объединеніе сословій и вообще лицъ разнаго общественнаго положенія и образованія,—то именно объединеніе, которое такъ нужно, такъ необходимо для русскаго народа.

Мы въ настоящее время съ особенною настойчивостію взываемъ къ православному пастырству о необходимости самаго серьезнаго труда на поприщѣ народнаго образованія. Видите и слышите,—идетъ гроза! Дай Богъ, чтобы она миновала! Но мы должны готовиться къ встрѣчѣ врага, въ какомъ бы видѣ онъ ни явился,—въ видѣ ли анархизма въ области жизни и вѣры, въ видѣ ли коммунизма,—этой прикровенной и научно обоснованной жизни по образу дикарей. Во всякомъ случаѣ мы видимъ и слышимъ, какъ вокругъ насъ разливается море безвѣрія, какъ волны его постепенно проникаютъ въ массы народныя. Кто же станетъ на стражѣ у дверей души народной? Кому болѣе близки по естественному чувству и по Божескому велѣнію интересы духовные народа? Пастырь и пастырю.

Много времени ушло безвозвратно и безслѣдно для цѣлей истиннаго пастырскаго служенія. Много утеряно благопріятныхъ моментовъ для возвышенія пастырскаго авторитета. Много зла вслѣдствіе этого вкралось въ жизнь... Но не все еще взято у насъ, не все еще и мы потеряли. Воспрянемъ духомъ, воодушевимся вѣрою въ святое свое дѣло, приложимъ всѣ наши силы къ этому дѣлу и используемъ всѣ находящіяся въ нашихъ рукахъ средства! И среди этихъ средствъ,—средствъ могучихъ, возвышенныхъ и возвыша-

ющихъ стоитъ въ числѣ первыхъ школа, учительство и руководство ею. Православные пастыри! Берегите школу, заботьтесь о ней, работайте въ ней и надъ ней. *М. Гн.*

Сужденія духовной печати о матеріальномъ обезпеченіи священнослужителей.

(Окончаніе [1]).

Въ вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства есть защитники настоящаго положенія вещей. Впрочемъ, ихъ не много. Они утверждаютъ, что обычай пользоваться доброхотными даяніями приноситъ большую пользу. При истинно-пастырскомъ къ нему отношеніи онъ служитъ прекраснымъ средствомъ для общенія священника съ прихожанами, и отмѣнять существующій порядокъ отнюдь не слѣдуетъ.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать о первомъ и самомъ надежномъ источникѣ обезпеченія, указываемомъ въ словахъ Господа Іисуса Христа: „ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся (т. е. земныя блага) приложатся вамъ“ (Мѳ. 6. 33). Пусть духовенство ревностно ищетъ царства небеснаго для себя и для своихъ пасомыхъ, и тогда Господь, вѣрный въ Своихъ обѣщаніяхъ, изобильно преподастъ ему всякія блага. Не ссылаясь въ подтвержденіе на многочисленныя свидѣтельства изъ жизнеописаній святыхъ, можно указать на живой, стоящій предъ нашими глазами, примѣръ—Кронштадтскаго пастыря. Сколько земныхъ и небесныхъ благъ посылаетъ Господь этому вѣрному рабу Своему? Кто перечислитъ огромныя матеріальныя средства, которыя непрестанно текутъ къ доброму пастырю и даютъ ему возможность проявлять безмѣрную благотворительность? Хотя и скажутъ, что о. Іоаннъ является примѣ-

[1]) См. № 28 за 1906 г.

ромъ единственнымъ въ своемъ родѣ и для другихъ пастырей недосягаемымъ, но правда ли это? Развѣ о. Іоаннъ не имѣетъ одинаковой съ другими человѣческой природы? Развѣ въ таинствѣ священства ему дана особая, въ сравненіи съ другими пастырями, благодать? Пусть семейныя или другія какія-либо обстоятельства мѣшаютъ всецѣло подражать о. Іоанну, но что же препятствуетъ подражать тѣмъ добродѣтелямъ его, которыя вполнѣ доступны для другихъ? Слѣдовать примѣру о. Іоанна—значитъ осуществлять въ жизни идеалъ добраго пастыря, а это—долгъ и обязанность каждаго священника. Чѣмъ ревностнѣе пастыри станутъ выполнять свой долгъ, тѣмъ скорѣе пріобрѣтутъ они благоволеніе у Бога и у людей. Чуткій и отзывчивый ко всему святому, православный русскій народъ скоро распознаетъ добрыхъ пастырей, глубоко уважаетъ ихъ и ничего не жалѣетъ для нихъ. Любимый пастырь—всегда желанный гость для пасомыхъ. Хожденіе его по приходу не пугаетъ, а радуетъ прихожанъ; они не прячутся отъ него, а съ радушіемъ встрѣчаютъ его, какъ дорогого любимаго отца. Истинная любовь пасомыхъ никогда не допуститъ того, чтобы любимый пастырь терпѣлъ матеріальную нужду. Ради любимаго пастыря пасомые проявляютъ нерѣдко даже подвиги самопожертвованія. Сдѣлаться добрымъ пастыремъ и чрезъ то заслужить искреннюю любовь пасомыхъ—такова должна быть первая задача священника. Успѣшно выполнивъ эту задачу, пастырь, несомнѣнно, будетъ матеріально обезпеченъ. Невѣроятно, чтобы казенное жалованье мгновенно переродило злого и лѣниваго пастыря, сдѣлавъ его добрымъ и энергичнымъ. Лѣнивому и нерадивому пастырю сколько ни давай денегъ, онъ не только не измѣнится къ лучшему, а еще ухудшится. Если бы отсутствіе казеннаго жалованья парализовало добрую пастырскую дѣятельность, тогда бы мы никогда не видѣли добрыхъ пастырей, а между тѣмъ они были, есть и будутъ (Курск. еп. вѣд. № 3—4).

Авторъ изложенныхъ мыслей—священникъ Курской губерніи о. Порфирій Амфитеатровъ. [1]). Сторонники назначенія жалованья духовенству, вѣроятно, скажутъ: „пастыря Кронштадтскаго всѣ знаемъ, про о. Амфитеатрова не слышали“.., къ этому, можетъ быть, прибавятъ искреннее пожеланіе ему сдѣлаться во всемъ подобнымъ о. Іоанну.

Въ томъ же родѣ высказывается и другой курскій священникъ о. Валентинъ Мухинъ. Онъ признаетъ, что существующій порядокъ поборовъ унизителенъ для пастырей, самъ по себѣ не симпатиченъ, даже грязенъ и служитъ источникомъ множества непріятностей и недоразумѣній въ Церковно-приходской жизни. Но не сами ли священники создали такое положеніе дѣла? Не сами ли усложнили обстановку своей жизни, ради которой часто игнорируютъ платежную способность крестьянина за свои труды? Какъ бы то ни было, но гдѣ основаніе брать столько, сколько имъ нужно, а не сколько прихожане въ состояніи дать? Говорятъ, что у крестьянина слабо развито чувство чести, а потому онъ не оплатитъ удовлетворительно трудъ пастыря; но этотъ взглядъ основанъ на единичныхъ фактахъ и не можетъ быть приложимъ къ большинству крестьянъ; факты массоваго уклоненія прихожанъ имѣли отъ платы мѣсто только въ приходахъ, вкусившихъ отъ плода революціонной агитаціи. Вообще же доброму пастырю матеріально бѣдствовать, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, едва ли придется. Несомнѣнно, что при добровольной платѣ за требы бюджетъ священника сократится, но не велика бѣда, если придется урѣзать свои потребности и даже потерпѣть нужду. Кто изъ священниковъ не проповѣдывалъ съ церковной кафедры о терпѣніи, христіанскомъ крестоношеніи и о томъ, что не въ личномъ благополучіи истинное счастіе, а въ служеніи на пользу ближняго? Если же собственною жизнію пастыри не будутъ

[1]) Интересно, что противъ назначенія казеннаго жалованья раздаются голоса преимущественно изъ Курской губерніи.

являть „образъ вѣрнымъ“, то и слова ихъ—„мѣдь звенящая или кимвалъ звяцаяй“ (1 Кор. 13. 1). Неужели же имъ жаль пожертвовать пріятнымъ комфортомъ ради заповѣди и спасеніи стада Христова? Ошибочно искать въ казенномъ жалованьи средства для возстановленія нормальныхъ отношеній къ паствѣ. Казенное жалованье облагородитъ способъ матеріальнаго обезпеченія пастырей, избавитъ ихъ отъ многихъ нареканій, но само по себѣ оно безсильно возвратить любовь и довѣріе къ нимъ паствы. А кто видитъ исключительно въ опредѣленномъ солидномъ окладѣ жалованья conditio, sine qua non добраго пастырства, тотъ напрасно связалъ себя священнымъ саномъ. (Курск. еп. вѣд. № 17).

Къ этому примыкаетъ и одинъ курскій „мірянинъ“. Нельзя отрицать, говоритъ онъ, существующей бѣдности духовенства, но оно само во многомъ виновато, и отъ него же зависитъ улучшить свое матеріальное положеніе, не взирая на государственный сундукъ и не облагая никакими обязательными взносами своихъ прихожанъ. Бѣда въ томъ, что пастыри стараются убѣдить себя и другихъ, что они такіе же народные работники, какъ становые пристава, земскіе начальники, учителя и пр., что они тѣ же чиновники въ рясахъ и что поэтому они, какъ и тѣ, должны получать опредѣленное жалованье. Можно бы помириться съ такимъ сужденіемъ „мірянина“, но слышать это изъ устъ священника слишкомъ тяжело, мучительно больно. Да развѣ священство должность? Развѣ это служба? Ужели и священникъ смотритъ на свой пастырскій долгъ, какъ чиновникъ на свои служебныя обязанности? Вотъ на этой-то почвѣ и возникаютъ всѣ недоразумѣнія между причтомъ и прихожанами, усвоившими себѣ взглядъ на клириковъ, какъ на обыкновенныхъ должностныхъ лицъ, а не служителей алтаря. Вѣдь разъ священникъ признаетъ себя только работникомъ, требоисправителемъ, то совершенно понятно, почему и прихожанинъ позволяетъ себѣ торговаться съ нимъ, какъ и со всякимъ наемнымъ работникомъ. Иное было бы, если бы ду-

ховенство поставило дѣло такъ, чтобы всякое приношеніе прихожанина оказывалось не платою причту за требы, а даромъ алтарю, отъ котораго питаются его служители, и съ своей стороны приложило всѣ свои душевныя и физическія силы къ тому, чтобы ихъ служеніе алтарю соотвѣтствовало своему высокому назначенію, чтобы каждый священникъ былъ въ истинномъ смыслѣ отцомъ, руководителемъ, пастыремъ своихъ духовныхъ чадъ и пользовался сыновней любовью своихъ пасомыхъ; тогда и послѣдніе въ свою очередь не пожалѣли бы своихъ средствъ для любимаго батюшки. Нужно отрѣшиться отъ мысли, что священно-церковнослужители такіе же наемные работники, какъ учителя, писаря и пр. Между первыми и послѣдними въ служебномъ положеніи ничего общаго нѣтъ и не должно быть. Если ужь угодно современному духовенству уподобиться кому-либо изъ народныхъ работниковъ, то нѣкоторую параллель можно бы провести между священникомъ и врачемъ; первый врачуетъ душу, второй лѣчитъ тѣло; часто врачъ, какъ священникъ, живетъ исключительно доброхотными даяніями, и посмотрите, какъ прекрасно обезпечены хорошіе вольнопрактикующіе тѣлесные врачи. Какою любовію, а часто и славою, пользуются они въ средѣ общества. Истинные пастыри и служители алтаря нерѣдко пріобрѣтаютъ еще большую любовь своихъ пасомыхъ и такіе священники никогда не нуждаются въ средствахъ. Но чтобы пріобрѣсть любовь къ себѣ, священнику нужно прежде всего самому полюбить свою паству и свое служеніе, и идти на это высокое служеніе не ради куска хлѣба, а для славы Господа Іисуса; пасти свое словесное стадо „не для гнусной корысти, но изъ усердія“ (1 Петр. 5. 2.). При религіозной настроенности нашего крестьянина, при дивной красотѣ нашего богослуженія, при искренней любви къ своему служенію и къ своему духовному стаду, духовенство могло бы имѣть отъ алтаря вполнѣ достаточно средствъ для своего существованія. Ни для кого не тайна, что богослуженіе въ нашихъ сельскихъ храмахъ

совершается далеко не торжественно: убогая обстановка деревенскаго храма, невнятное, часто безсмысленное чтеніе на клиросѣ, отсутствіе хора и т. д.,—все это едва ли можетъ расположить душу молящагося, а слѣдовательно и подвинуть его на болѣе щедрый даръ въ пользу храма и его служителей. Поученія въ храмѣ произносятся весьма рѣдко, по печатнымъ книгамъ на темы, часто не имѣющія никакого отношенія къ жизни даннаго прихода. Отправленіе требъ совершается такъ, что можно удивляться только снисходительности и усердію прихожанъ; не разъ приходится наблюдать священниковъ, совершающихъ подъ рядъ бракъ, молебенъ, крещеніе и панихиду; то же облаченіе, та же монотонно безразличная интонація въ голосѣ и полное безучастіе къ лицамъ, къ ихъ радостямъ или горю; видно, что причтъ „исполняетъ требу“, а не молится съ пришедшими въ храмъ для молитвы людьми. Хожденіе по приходу совершается именно такъ, какъ будто причтъ ходитъ исключительно для собиранія подаяній, а не для молитвенныхъ посѣщеній домовъ своихъ прихожанъ. А что предпринято духовенствомъ на почвѣ сближенія съ пасомыми? „Положеніе о приходскихъ попечительствахъ“ въ теченіе 40 лѣтъ оставалось мертвою буквою. Многіе ли причты проявили заботу объ организаціи хоровъ, объ общемъ хоровомъ пѣніи въ храмѣ, о болѣе толковомъ чтеніи въ церкви и т. д.? Всѣ эти вопросы возникаютъ въ головѣ прихожанъ, и отвѣты на нихъ говорятъ далеко не въ пользу духовенства.... Правда, запросы современной жизни отъ духовенства требуютъ большихъ расходовъ на содержаніе семьи и образованіе дѣтей, но обучаютъ же своихъ дѣтей и фельдшера, и учителя, и даже крестьяне, а вѣдь обученіе въ духовныхъ школахъ обходится гораздо дешевле; къ тому же духовенство, имѣя солидные капиталы въ свѣчномъ заводѣ, эмеритурѣ и пр., при желаніи, могло бы давно ввести безплатное обученіе своихъ дѣтей, или по крайней мѣрѣ понизить плату до минимума (Курск. еп. вѣд. № 12—13).

Курскій „Міряшинъ“—сынъ сельскаго діакона, образованіе получилъ въ духовной семинаріи. Интересно бы знать, почему онъ не пошелъ по дорогѣ своихъ отцовъ? И говорилъ ли бы онъ такъ, если бы былъ сельскимъ священникомъ?

Оренбургскій священникъ о. Симеонъ Васильевъ отстаиваетъ сборы по приходу. Обычай этотъ, по его мнѣнію, можетъ быть весьма полезнымъ для внутренней жизни прихода, лишь было бы истинно пастырское отношеніе къ этой, правда, нелегкой обязанности. Въ своей статьѣ онъ рисуетъ самыя привлекательныя картины своего хожденія по домамъ прихожанъ съ цѣлью показать, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ униженіи священника, о нравственныхъ его мученіяхъ и пр. Картины эти, можетъ быть, и трогательны, но въ дѣйствительности-то онѣ едва ли часто встрѣчаются... Говорятъ—стыдно просить, пишетъ о. Васильевъ. Если и приходится считаться съ этимъ, какъ съ фактомъ, то это стыдъ несомнѣнно ложный, не имѣющій оправдывающихъ его причинъ. Этотъ стыдъ имѣетъ нѣчто общее съ тѣмъ, что иные стыдятся помолиться какъ слѣдуетъ Богу, напр., въ вагонѣ или на пароходѣ. Разъ положенъ сборъ, разъ онъ есть въ нѣкоторомъ родѣ священный обычай, чего же тутъ стыдиться? Обычай-то добръ, да мы худы. Правда, для иныхъ деликатныхъ натуръ хожденіе по приходу для собиранія даяній стыдно и мучительно, и стыдъ этотъ также понятенъ, какъ прямое слѣдствіе особенностей характера, но извѣстно, что деликатныя натуры встрѣчаются очень нечасто (?); если же все-таки въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ приходится слышать „за“ и очень рѣдко „противъ“ отмѣны этого обычая, то это просто-напросто потому, что хожденіе по приходу въ сущности прескучная исторія. Многимъ не столько стыдно, сколько скучно и трудно ходить по приходу. Несомнѣнно, гораздо пріятнѣе безъ хлопотъ получить вмѣсто хлѣбныхъ сборовъ 15—20 рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Опрометчивое признаніе, что хожденіе по приходу есть въ сущности прескучная исторія, позволяетъ заподозрить о. Васильева въ искренности... Не сомнительный выводъ можно сдѣлать и относительно „деликатности натуры“ оренбургскаго батюшки...

Статья заканчивается словами: „Съ отмѣною этого апостольскаго обычая въ очень многихъ приходахъ можетъ порваться послѣднее звено, правда, внѣшнее, но все-же нѣкоторымъ образомъ связующее пастыря съ пасомыми и за отсутствіемъ чисто духовнаго единенія можетъ повести еще къ большему отчужденію между священникомъ и прихожанами. Тѣ же самыя крайне нежелательныя послѣдствія и еще въ болѣе сильной степени, могутъ быть результатомъ замѣны и вообще всего теперешняго порядка за требоисправленія чиновничьимъ жалованьемъ“ (Оренбург. еп. вѣд. № 4).

Оцѣнивая взглядъ, что будто бы обезпеченіе духовенства опредѣленнымъ окладомъ содержанія не благопріятно отразится на добрыхъ отношеніяхъ къ прихожанамъ, нѣкоторые священники приводятъ такія соображенія. Отъ чиновничества, розни съ приходомъ, косности, замкнутости и мертвенности сословіе духовенства не избавляется ни тѣмъ, ни другимъ положеніемъ, будетъ ли оно получать плату въ видѣ доброхотныхъ даяній отъ прихода или въ видѣ опредѣленнаго оклада жалованья, такъ какъ эти явленія зависятъ отъ другихъ причинъ. (Самар. еп. вѣд. № 5). Если бы обезпеченіе духовенства жалованьемъ служило причиною разъединенія между духовенствомъ и прихожанами, то непонятно было бы, почему же не прерываются нравственныя связи между архипастыремъ, получающимъ жалованье, и его паствою, между миссіонеромъ, живущимъ на жалованьи, и людьми, ищущими евангельскаго свѣта и спасенія своей души? Или еще: почему у протестантскихъ пасторовъ и магометанскихъ муллъ, тоже получающихъ опредѣленное содержаніе, не прерываются связи съ пасомыми, а устанавливаются наилучшія отношенія? Совершенно непонятно, почему

только у одного православнаго духовенства должна прекратиться тѣсная связь съ народомъ, если оно не будетъ ходить за сборомъ по домамъ и нищенски протягивать руку за денежной подачкой, а будетъ получать жалованье. Едва ли пастырское дѣло станетъ хуже, если пастырь послѣ совершенія таинства не будетъ протягивать своей руки за подаяніемъ. Всякая денежная подачка послѣ совершенія той или другой требы не походитъ ли на ту плату, какую получаетъ, напр., ремесленникъ за доставленную имъ работу. Совершилъ требу, какъ мастеръ сдѣлалъ столъ,—получи деньги и уходи... (Перм. еп. вѣд. № 40. 1905).

II.

Относительно размѣровъ жалованья, которое должно быть положено духовенству, многіе высказываются весьма различно. Это—понятно, потому что въ каждомъ данномъ случаѣ размѣры опредѣляются мѣстными условіями, а иногда и личными расчетами. Можно указать только, что наивысшимъ окладомъ священника признается 1800 р., а наименьшимъ—900 рублей въ годъ.

Для опредѣленія размѣра обезпеченія свящ. В—нъ въ Тверскихъ епарх. вѣд. (№ 7) приводитъ такой ариѳметическій подсчетъ. Обыкновенно духовенству ставятъ на видъ казенное жалованье въ 300 рублей, получаемое священниками въ малыхъ приходахъ. Слѣдующая роспись расхода этой цифры можетъ быть признана за норму для всѣхъ іереевъ. Вычетъ на пенсію—6 р., содержаніе прислуги, а иногда при многосемейности и двухъ прислугъ съ пастухомъ—80 руб., страховка—10 р., ремонтъ постройки, домашней утвари, сельско-хозяйственнаго инвентаря, отопленіе, освѣщеніе—60 руб.; это неотложныя нужды. Сюда же относится уплата разныхъ обязательныхъ сборовъ на духовно-учебныя заведенія и д. т.—50 руб. Въ остаткѣ 94 р., т. е. менѣе 8 руб. въ мѣсяцъ на прокормленіе, одежду и обувь

какъ для себя, такъ и для семьи (между тѣмъ во многихъ храмахъ сторожа получаютъ по 10 р. въ мѣсяцъ, при чемъ имъ выдается готовый кафтанъ). Понятно, что священникъ въ силу своего положенія, не можетъ довольствоваться однимъ жалованьемъ и вынужденъ брать за требоисправленія. Средняя цифра получаемаго въ годъ вознагражденія за требоисправленія можетъ быть выражена въ размѣрѣ 300 р. въ малыхъ приходахъ и 600 руб. въ тѣхъ приходахъ, гдѣ не получается вышеуказаннаго жалованья. Первая изъ этихъ суммъ (300 р.) безъ остатка расходуется на самыя необходимыя житейскія нужды, при чемъ, если священникъ обучаетъ двоихъ или троихъ дѣтей, изъ коихъ на каждаго въ годъ расходуется около 100—120 р., то ему приходится столкнуться съ острой формой нужды. Такимъ образомъ, весь годовой бюджетъ священника идетъ на покрытіе неотложныхъ нуждъ. Необходимо еще принять во вниманіе всякія случайности, которыя часто преслѣдуютъ духовенство такъ же, какъ и всѣхъ смертныхъ. *Неурожай, пожары, болѣзнь кого*-либо изъ членовъ семьи, переходы и переводы съ одного мѣста на другое по тѣмъ или инымъ причинамъ,—все это такіе удары, которые тяжело ранятъ сердце пастыря, вынужденнаго вѣчно жить заботой о сегодняшнемъ днѣ.

Вычисленія эти довольно правильны, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что обезпеченіе въ 300 рублей далеко недостаточно. Только при увеличеніи его, по крайней мѣрѣ, до 900 рублей будетъ возможно для священника устроить свою жизнь болѣе или менѣе сносно. Въ Минскихъ епарх. вѣд. (№ 3) предлагается окладъ даже въ 700 руб., впрочемъ, для лицъ, получившихъ низшее образованіе. По мнѣнію автора этого проекта, чтобы привлечь въ ряды пастырей достойныхъ кандидатовъ, не исключая и академистовъ, необходимо образовать три оклада жалованья примѣнительно къ образовательному цензу: 1) для получившихъ низшее образованіе и поставляемыхъ по нуждѣ въ іереи слѣдовало бы присвоить годичное жалованье при готовой квартирѣ въ

700 руб.; 2) для лицъ съ полнымъ богословскимъ среднимъ образованіемъ при готовой квартирѣ 1200 р. въ годъ и 3) для академистовъ въ 1500 р.

Достоинства священника, конечно, не могутъ опредѣляться окладомъ жалованья: какъ изъ среды академистовъ могутъ выйти плохіе священники, такъ могутъ быть хорошіе пастыри и изъ лицъ съ низшимъ образованіемъ. Но проектъ этотъ имѣетъ, однако, нѣкоторое основаніе въ томъ, что обыкновенно во всѣхъ вѣдомствахъ размѣры жалованья болѣе или менѣе зависятъ отъ образовательнаго ценза служащихъ. Не будетъ и здѣсь несправедливостію положить увеличенный окладъ человѣку съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, если онъ пожелаетъ быть сельскимъ священникомъ.

За наивысшій окладъ въ 1800 рублей высказался Рижскій съѣздъ (соборъ) духовенства. Постановленіе этого съѣзда таково. Духовенство Рижской епархіи получаетъ значительное содержаніе отъ казны, именно: священникъ 1300 рублей, діаконъ 550 рублей, псаломщикъ 250—300 р. Но если принять во вниманіе все болѣе возрастающую дороговизну жизни въ Прибалтійскомъ краѣ, необходимость воспитывать дѣтей въ городскихъ дорого стоющихъ пансіонахъ (?), то содержаніе духовенства является недостаточнымъ. Нѣкоторые священники изъ получаемаго содержанія тратятъ по тысячѣ рублей на воспитаніе дѣтей ежегодно. Въ виду этого соборъ нашелъ необходимымъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ увеличенін жалованья псаломщику до 600 руб., діакону до 900 р. и священнику 1800 р., прибавляя за каждое пятилѣтіе службы по 50 рублей до 25 лѣтъ (Риж. епарх. вѣд. № 23 — 1905 г.). Характерно, что удовлетвореніе подобнаго ходатайства самъ съѣздъ призналъ безнадежнымъ.

Жалованье въ 1800 р. священнику, а діакону и псаломщику по 900 р. призналъ необходимымъ и съѣздъ духовенства 1-го благочиннического округа Нижнеудинскаго

уѣзда. Вмѣсто этого—уничтожить существующіе теперь поборы: ругу, періодическіе сборы (петровскіе, покровскіе и т. д.), плату за крещенія, браки, исповѣдь, напутствія больныхъ, отпѣванія въ церкви. Признать также безплатными, но обязательными хожденіе съ крестомъ въ дни Пасхи, Рождества, Крещенія и храмового праздника; платными оставить тѣ требы, которыя не вызываются безусловною необходимостію и обязательностію; а именно: совершеніе литургій въ будни, хожденіе съ молебнами, проводы на кладбище. Плата за эти требы необходима, по мнѣнію съѣзда, на томъ основаніи, что отсутствіе ея можетъ вызвать безграничное увеличеніе требъ, для совершенія которыхъ не окажется физической возможности, или потребуетъ значительнаго увеличенія штатовъ, а на такое увеличеніе едва ли можно расчитывать. (Иркут. еп. вѣд. № 8) [1]).

Не имѣя точныхъ данныхъ относительно быта и условій жизни духовенства Рижской и Иркутской епархій, трудно сказать, насколько справедливо желаніе его получать годовое жалованье въ 1800 рублей. Можно съ сомнѣніемъ отнестись только къ тому, что воспитаніе дѣтей въ Рижской епархіи обходится въ 1000 рублей. Расходы по образованію дѣтей почти вездѣ одинаковы.

Въ Самарскихъ епарх. вѣд. (№ 5) свящ. Орловъ предлагаетъ такой проектъ обезпеченія духовенства. Нормальный окладъ жалованья священнику принимается въ суммѣ 1500 р. по слѣдующему разсчету труда. Въ теченіе года священни-

---

[1]) Совершенно противоположная мысль проведена въ журналѣ „Руководство для с. п." за 1905 г. № 3 въ статьѣ „о жалованьѣ духовенству". По мнѣнію автора, совершенно нѣтъ никакихъ основаній бояться, что духовенство, лишенное при жалованьѣ права получать добровольныя даянія, будетъ слишкомъ обременено дѣломъ. Это все равно, что бояться роста медицинской помощи, увеличенія народныхъ школъ, потому что врачамъ и учителямъ прибавится дѣла.

Мысль—заслуживающая вниманія, и тѣмъ болѣе, что она единственная въ своемъ родѣ.

комъ отправляется обязательныхъ службъ для нуждъ всего прихода въ дни праздничные, воскресные, высокоторжественные, дни св. Четыредесятницы 137 или 685 часовъ; необходимыхъ требъ въ приходѣ съ населеніемъ отъ 1000 до 1500 д. м. п.—300 часовъ; на совершеніе молитвословій предъ престольнымъ праздникомъ, въ Рождество Христово, Крещеніе и во св. Пасху, при молебствіи въ поляхъ, на выгонъ скота и по другимъ случаямъ 200 часовъ; на веденіе письмоводства (запись метрическихъ актовъ рожденія и крещенія, браковъ, смерти, исповѣдной росписи, клировой и пр.)—200 часовъ; на преподаваніе Закона Божія въ земской и церковной школахъ (по 100 часов. уроковъ въ каждой)—200 часовъ,—а всего въ теченіе года 1585 часовъ труда. Мѣстное земство оплачиваетъ каждый часовой урокъ законоучителя цѣною въ 1 рубль. Принимая настоящую оцѣнку за нормальную, получаемъ за годовой священническій трудъ сумму оклада нѣсколько болѣе 1500 руб., каковую и слѣдуетъ принять за нормальную для выраженія стоимости труда священника въ приходѣ также средней нормы—отъ 1000 до 1500 душъ м. п.

Въ первые пять лѣтъ службы священникъ получаетъ только 900 рублей. Мотивируется это тѣмъ экономическимъ расчетомъ, что на первое время онъ не обремененъ еще семьею, не нуждается и въ лишней прислугѣ. За все это время, имѣя неотъемлемое право на полную оплату своего труда, онъ ежегодно сохраняетъ себѣ, а на случай смерти вдовѣ и сиротамъ, 600 рублей,—въ пять лѣтъ 3000 рублей. Съ 6—10 г. службы первый окладъ увеличивается прибавкою 300 рублей, выражаясь въ суммѣ 1200 р. ежегоднаго дохода. Составъ семьи можетъ увеличиваться и доходить до 6—8 человѣкъ; соразмѣрно увеличивается расходъ по содержанію дома, по необходимости имѣть лишнюю прислугу; старшія дѣти могутъ учиться въ мѣстныхъ школахъ. Все же священникъ можетъ еще откладывать на черные дни, а по-

этому изъ ежегодныхъ недополучекъ сохраняетъ за обществомъ и государствомъ къ прежнимъ 3000 руб. еще 1500 р.

Съ 11—15 г. службы священникомъ получается окладъ жалованья съ новою прогрессивною прибавкою 300 р. и равняется нормальному окладу 1500 р. Семейныя требованія измѣняются въ томъ отношеніи, что могутъ быть учащіяся дѣти на сторонѣ (одинъ или два), и ежегодный расходъ увеличивается на 200—400 р. На случай смерти, семья имѣетъ право на полученіе единовременнаго пособія въ полной суммѣ 4500 руб. съ причитающимися %, тогда какъ въ предшествующія пятилѣтія получается меньшая сумма по разсчету полныхъ лѣтъ службы, принимая 1/2 г. за 1 годъ.

Съ 16—30 г. службы окладъ священника идетъ въ усиленномъ размѣрѣ, достигая суммы 1800 р. Дѣти въ семьѣ постепенно достигаютъ всѣ учебнаго возраста, и въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ обучаться заразъ отъ 3 до 4 человѣкъ. На случай смерти отца семейства въ этотъ періодъ времени, по разсчету лѣтъ службы, вдовѣ и сиротамъ выдается пенсія или, по жалованью, единовременное пособіе на образованіе дѣтей до 4500 р. безъ %.

Служеніе священника можетъ продолжаться, по желанію, болѣе 30 лѣтъ съ полученіемъ оклада въ 1800 р., а при выходѣ за штатъ—пенсіи въ 900 руб.

По схемѣ оклада жалованья священнику легко опредѣляется жалованье псаломщику, выдача единовременнаго пособія семьѣ на случай смерти его и полученіе пенсіи. Такъ, напр., въ размѣрѣ 1/4 общаго дохода онъ получаетъ первый окладъ жалованья 300 р., второй—400 р., третій (нормальный)—500 р. и усиленный по прослуженіи полныхъ 15 лѣтъ—600 р. и т. д.

Окладъ жалованья діакону въ расчетъ не принимается, такъ какъ въ трудовомъ отношеніи онъ приравнивается къ окладу псаломщика по слѣдующимъ соображеніямъ. Освобождая діакона отъ обязанностей учительства въ церковной школѣ, въ остальномъ мы находимъ напряженіе и количество

труда діакона равнымъ труду псаломщика. За занятія въ школѣ, если то потребуется, діаконъ долженъ получать вознагражденіе изъ спеціальныхъ училищныхъ средствъ, а не изъ средствъ причтовыхъ.

Въ проектѣ этомъ произвольна оцѣнка труда священника, и едва ли правильно высчитано количество рабочихъ часовъ. Веденіе письмоводства и преподаваніе Закона Божія въ школахъ, навѣрное, занимаютъ неодинаковое время. Въ остальномъ проектъ весьма симпатиченъ и, безъ сомнѣнія, былъ бы единогласно принятъ всѣми, за исключеніемъ развѣ оо. діаконовъ, приравненныхъ къ псаломщикамъ.

Окладъ въ 1500 руб. признанъ желательнымъ и на одномъ изъ благочинническихъ собраній Новгородской губерніи. На этомъ собраніи присутствовали церковные старосты и мѣстный земскій начальникъ. Послѣдними былъ возбужденъ вопросъ о необезпеченности православнаго духовенства, о полномъ несоотвѣтствіи съ духовнымъ саномъ и унизительности способа обезпеченія духовенства сборами отъ прихожанъ. Возбужденіе этого вопроса свѣтскими лицами въ собраніи вызвало въ духовенствѣ живую благодарность къ нимъ; вопросъ обсуждалося съ особеннымъ воодушевленіемъ, такъ какъ полное обезпеченіе казеннымъ жалованьемъ духовенства поднимаетъ его престижъ въ глазахъ прихожанъ и избавляетъ духовенство отъ многихъ упрековъ въ жадности. Было постановлено собраніемъ просить мѣстнаго преосвященнаго возбудить ходатайство о назначеніи казеннаго жалованья священникамъ 1500 руб., діаконамъ 1000 руб. и псаломщикамъ 500 руб.; при этомъ духовенство высказало свое мнѣніе о томъ, что за вышеозначенное жалованье оно, кромѣ безплатнаго совершенія всѣхъ таинствъ и погребенія, согласно безплатно обходить три раза въ годъ дома прихожанъ: въ св. Пасху и въ праздники Рождества и Крещенія Господня, а за совершеніе прочихъ службъ въ церкви и на домахъ прихожанъ назначить плату по узаконенной таксѣ (Новг. епарх. вѣд. № 10).

Большинство указываетъ на размѣръ въ 1200 рублей, или вообще отъ 1000 до 1500 р. Такъ въ Вятскихъ епарх. вѣд. (№ 24—1905 г.) свящ. Селюковъ говоритъ, что необходимо дать священнику 1200 руб., діакону 800 р. псаломщику 500 р. и просфорницѣ 150 р. въ годъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что существующее въ нѣкоторыхъ селахъ жалованье духовенству въ 300 рублей есть жалованье стражниковъ, вахтеровъ и лѣсниковъ, а не жалованье священниковъ, „сравненныхъ въ военномъ вѣдомствѣ съ чиномъ штабъ-офицера—капитана“.

Воронежскій священникъ о. Поповъ считаетъ приличнымъ жалованьемъ священнику 1200 руб., діакону 800 р. и псаломщику 400 р. — за совершеніе богослуженія и необязательныхъ требъ, притомъ непремѣнно при церковно-общественной квартирѣ для всѣхъ членовъ причта (Воронеж. еп. вѣд. № 7).

По мнѣнію одного изъ пензенскихъ священниковъ, для жизни, соотвѣтствующей достоинству священника, при существующихъ условіяхъ было бы достаточно жалованье отъ 1000 до 1500 руб. въ годъ, смотря по обширности прихода и числу совершаемыхъ въ немъ требъ (Пенз. № 7).

Смоленскій епархіальный съѣздъ постановилъ желательнымъ содержаніемъ 1200 руб. для священника и 600 р. для псаломщика. Нѣкоторые уѣздные съѣзды Московской губерніи опредѣлили содержаніе священника въ 1500 р. Упомянувши объ этомъ, неизвѣстный авторъ въ Смоленскихъ епарх. вѣд. (№ 7) говоритъ, что обществу такія цифры невольно бросаются въ глаза, такъ какъ (?) уѣздные врачи съ высшимъ образованіемъ получаютъ 1200 руб. Чтобы не подавать повода другимъ думать объ алчности духовенства и самому духовенству чувствовать себя удовлетвореннымъ, достаточно бы желательною нормою для содержанія священника опредѣлить 900 руб. и прочимъ членамъ причта соотвѣтственно. Но при этомъ содержаніи обезпечить священни-

ка, также какъ обезпечены уѣздные врачи, квартирою, отопленіемъ, водою и лошадьми для необходимыхъ разъѣздовъ.

Послѣдній ярославскій епархіальный съѣздъ призналъ необходимость измѣненія способа матеріальнаго обезпеченія духовенства въ смыслѣ замѣны подаяній за требы опредѣленнымъ жалованьемъ еще въ меньшемъ размѣрѣ, именно въ 1000 руб. на двухчленный причтъ (священника и псаломщика), съ тѣмъ, чтобы всѣ таинства и погребеніе совершались безплатно, а необязательныя требы, напр., молебны, панихиды и пр., попрежнему оплачивались добровольно; при этомъ духовенство согласно уступить государству часть церковныхъ земель съ оставленіемъ небольшихъ усадебныхъ участковъ при церквахъ и домахъ церковно-служителей (Пенз. еп. вѣд. № 4).

Въ № 3 „Церковно-общественной Жизни“ (при Казан. дух. академ.) проводится мысль, что норму годового содержанія каждаго члена причта лучше опредѣлить епархіальной власти, сообразно съ извѣстными ей условіями службы въ томъ или другомъ приходѣ. Мысль эта совершенно правильная. Назначать одинаковое жалованье для всѣхъ священниковъ имперіи невозможно; даже въ одной и той же губерніи оно возбудило бы неудовольствіе многихъ; поэтому при назначеніи жалованья необходимо будетъ сообразоваться съ мѣстными условіями. Принимая однако во вниманіе количество наличныхъ доходовъ приходскаго духовенства, „Цер.-общ. Жизнь“ намѣчаетъ приблизительно такія цифры приприходскаго жалованья на причты: въ селахъ отъ 1000 р., въ уѣздныхъ городахъ отъ 1500, въ губернскихъ отъ 2000 рублей, съ оставленіемъ и настоящихъ вспомогательныхъ средствъ—земель, угодій, арендныхъ статей и пр. „Церк.-общ. Жизнь“, кажется, единственный журналъ, который упомянулъ о городскихъ священникахъ.

5-й округъ Ставропольскаго уѣзда полагаетъ достаточнымъ жалованье священнику въ 600 руб., діакону 400 и

псаломщику 200 руб., т. е. такое жалованье, которое опредѣлено уже правительствомъ: если теперь священникъ получаетъ 300 руб. вмѣсто 600 и псаломщикъ 100 руб. вмѣсто 200, то только въ силу синодальнаго распоряженія, имѣщаго цѣлью ассигнуемымъ изъ казны кредитомъ оказать помощь большему количеству нуждающихся, и несомнѣнно, что за удовлетвореніемъ всѣхъ половиннымъ жалованьемъ наступитъ очередь къ назначенію второй половины въ порядкѣ постепенности, сообразно опять таки матеріальному достатку приходовъ (Самар. еп. вѣд. № 9).

Во многихъ случаяхъ духовенство не опредѣляетъ желательной суммы, а просто говоритъ, что жалованье должно быть выдаваемо въ достаточномъ количествѣ, или что жалованье должно быть приличное.

III.

Стараясь разрѣшить наболѣвшій вопросъ по возможности всестороннѣе, духовенство часто принимаетъ на себя трудъ опредѣлить, какимъ именно способомъ было бы легче всего и удобнѣе надѣлить его жалованьемъ. Самое лучшее рѣшеніе вопроса духовенство, говоря вообще, видитъ въ ассигновкѣ нужныхъ суммъ правительствомъ изъ обще-государственныхъ средствъ. Свящ. Орловъ приводитъ такія соображенія въ пользу этого. Плата за физическій трудъ измѣряется количествомъ затраты мускульной силы на производство предметовъ потребленія или степенью мозгового напряженія (трудъ умственный) въ достиженіи опредѣленныхъ цѣлей, признанныхъ необходимыми и полезными обществу. Умственный трудъ оцѣнивается всегда въ нѣсколько разъ дороже труда физическаго на томъ основаніи, что для своей продуктивности требуетъ предварительной значительной подготовки (профессіональнаго образованія) и затраты капитала. Эти затраты (капиталъ) потомъ и возмѣщаются усиленіемъ вознагражденія (платы) по сравненію съ трудомъ физиче-

скимъ. Малоразвитой крестьянинъ, какъ представитель труда физическаго и вмѣстѣ работодатель, не можетъ надлежащіе цѣнить умственнаго трудъ и поэтому имѣетъ всегдашнюю тенденцію уплатить за послѣдній какъ можно менѣе. Отсюда оцѣнку духовнаго труда пастыря слѣдуетъ представить на судъ интеллигентнаго общества и, какъ представителя его,—государства. Такимъ образомъ, государство является единственнымъ источникомъ надѣленія духовенства опредѣленнымъ и справедливымъ окладомъ жалованья. Безразлично, какимъ путемъ правительство будетъ собирать эти деньги, налогомъ прямымъ, косвеннымъ и подоходнымъ; важно, что такой способъ обезпеченія разъ навсегда устраняетъ непріятности во взаимномъ отношеніи съ прихожанами и снимаетъ съ сословія незаслуженные упреки общества (Самар. еп. вѣд. № 5). Въ Курск. епарх. вѣд. (№ 17) свящ. Платоновъ, напротивъ, совѣтуетъ предварительно спросить народъ. Пусть каждый приходскій священникъ соберетъ сходъ и предложитъ своимъ прихожанамъ вопросъ: желаете ли вы, православные, обезпечить духовенство казеннымъ жалованьемъ съ тѣмъ, чтобы оно уже за требы отъ васъ ничего не получало? Послѣ того составить приговоръ и представить его епархіальному начальству. Изъ приговоровъ выяснится желаніе народное. Если рѣшеніе вопроса будетъ отрицательное, то тогда нечего и ожидать казеннаго жалованья, а тѣмъ болѣе пускаться въ безплодныя пренія о немъ. Не стоитъ тогда и утѣшать себя несбыточными надеждами. Но если большая половина приходовъ выразитъ пожеланіе обезпечить духовенство казеннымъ жалованьемъ, тогда духовенство можетъ не мечтать только о жалованьи и желать его, а требовать. Представители духовенства въ Государственной Думѣ тогда съ документами въ рукахъ могутъ настаивать на рѣшеніи вопроса въ положительномъ смыслѣ. Неудобство здѣсь то, что рѣшеніе будетъ составлять простонародье, а простой народъ не можетъ точно расчитать расходы духовенства, а потому не можетъ правильно опредѣлить и вопросъ о жалованьи. Ско-

рѣе всего, онъ смѣряетъ его по собственнымъ потребностямъ, а послѣднія далеко не совпадаютъ съ нуждами и надеждами духовенства. Но лучше получить мало, чѣмъ ничего. Очень возможно, что члены Думы рѣшатъ данный вопросъ невыгодно для духовенства, но, по крайней мѣрѣ, отрицательное рѣшеніе можетъ быть предупреждено общественными приговорами; а безъ этого, можно сказать навѣрное, вопросъ будетъ рѣшенъ Думой отрицательно, такъ какъ въ государствѣ назрѣло столько нуждъ, что о духовенствѣ едва ли и вспомнятъ.

Послѣдняя мысль о наличности другихъ государственныхъ нуждъ, а также отсутствіе денегъ въ государствѣ, даютъ многимъ основаніе не надѣяться на правительство, а рѣшить вопросъ какимъ-либо другимъ путемъ. Нѣкоторые, однако, не соглашаются съ этимъ и говорятъ, что правительство должно дать жалованье, несмотря ни на что. Въ этомъ отношеніи выдѣляется рѣзкая статья священника Смирнова, помѣщенная въ Томскихъ епар. вѣд. (№ 4). Поводомъ къ написанію ея послужило слѣдующее. 4 декабря минувшаго года на пастырскомъ собраніи томскаго духовенства профессоръ Прокошевъ въ своей рѣчи обѣщался при случаѣ протестовать противъ чаяній и желаній духовенства пользоваться казеннымъ жалованьемъ; въ 1-мъ №. епар. вѣд. въ одной статьѣ также былъ высказанъ отрицательный взглядъ на обязанность правительства содержать духовенство. Отвѣтомъ на то и другое и послужила статья свящ. Смирнова. На вопросъ: откуда возьметъ правительство денегъ на жалованье духовенству? Смирновъ отвѣчаетъ: (приводимъ статью почти дословно), а откуда взяты средства на постройку и „оборудованіе“ Дальняго, или „Лишняго“, какъ весьма мѣтко назвалъ русскій народъ г. Дальній, который если и оказался „не лишнимъ“ со всѣми своими дворцами и набережными, то ужъ никакъ не для русскаго народа и его казны? Откуда—и прибавить—для кого и для чего брались средства для „оборудованія“ предпріятій на рѣкѣ Ялу, послужившихъ яблокомъ

раздора между добродушнымъ русскимъ народомъ и японцами, до злополучной войны никогда даже и не виданными, нами за исключеніемъ небольшой горсточки русскихъ, жившихъ на Дальнемъ Востокѣ? Откуда брались средства на проведеніе нѣкоторыхъ лишнихъ желѣзныхъ дорогъ,—лишнихъ потому, что онѣ нерѣдко проводились не тамъ, гдѣ въ нихъ была дѣйствительная надобность, и стоили русскому народу часто дороже дѣйствительной стоимости? Откуда берутся средства на содержаніе чиновниковъ и адмираловъ нашего морского вѣдомства, получающихъ преаккуратнѣйшимъ образомъ свои большіе оклады, между тѣмъ какъ суда флота отъ внѣшней и внутренней войны покоятся на днѣ морскомъ? Откуда взялись средства на ассигнованіе 16 милліоновъ желѣзнодорожникамъ, какъ бы въ награду за ихъ очень убыточную для государства забастовку? Откуда берутся средства на содержаніе военнаго совѣта, членовъ котораго, вмѣсто 18, теперь—и только теперь отыскалось внезапно 41, изъ которыхъ 23 членамъ только въ настоящее время предложено искать другихъ назначеній? Долго ли—коротко ли продлится это „отыскиванье“ новыхъ должностей, сказать трудно, но одно несомнѣнно, что ранѣе-то этимъ „лишнимъ“ 23 членамъ источники на жалованье все-таки находились... За послѣднее время раскассировывается въ центральномъ управленіи желѣзныхъ дорогъ „блестящій“ штатъ чиновниковъ особыхъ порученій, чтобы при помощи разгрузки штатовъ повысить оклады тѣмъ, которые трудятся дѣйствительно съ пользой для дѣла. А можетъ быть—да это несомнѣнно такъ—этихъ „чернильныхъ“ штатовъ отыщется—если, конечно, поусерднѣе поискать— немало и въ другихъ многочисленныхъ русскихъ „совѣтахъ“ и „управленіяхъ“ „благотворительнаго“ характера,—благотворительнаго—иначе какъ назвать тѣ учрежденія, около которыхъ находитъ себѣ „тихое и безпечальное житіе“ масса благополучныхъ, питающихся, но мало трудящихся россіянъ? Выводъ отсюда слѣдующій: еслибы поменьше у насъ занимались „оборудова-

ніемъ“ городовъ въ родѣ Дальняго-Лишняго, или если бы поменьше ,,благотворили“ лишнимъ людямъ въ совѣтахъ и палатахъ, то и не возникали бы подобные вопросы, въ родѣ того: откуда возьметъ правительство средствъ на обезпеченіе сельскаго духовенства жалованьемъ?..

Раздраженный тонъ статьи говоритъ о томъ, что автору жилось, вѣроятно, плоховато. Ошибка же его въ томъ, что почти всѣ указываемые имъ расходы, сдѣланные правительствомъ, можетъ быть, и ненужные, имѣли временный характеръ, тогда какъ для жалованья духовенству необходимъ постоянный источникъ. Если изъ данной наличности хватило на одно—другое, то на третье можетъ и не хватить. Любопытно, что разсужденія свои авторъ называетъ „нытьемъ“ и ,,хныканьемъ“, полагая, что и эти проявленія скорби и недовольства далеко не безполезны для ускоренія рѣшенія вопроса о жалованьи. ,,Во всѣ времена, говоритъ онъ, лѣченью болѣзней предшествовало,,хныканье“ и нытье больныхъ“.

Менѣе рѣзко, но въ томъ же духѣ, высказался протоіерей Поповъ на одномъ изъ собраній Курскаго духовенства. Признавая, что не легко обезпечить жалованьемъ нѣсколько десятковъ тысячъ лицъ духовнаго званія, онъ указывалъ на то, что нужно прежде всего сознать необходимость этого дѣла, нужно серьезно приняться за этотъ вопросъ. Находятъ же возможнымъ платить сидѣльцамъ въ винныхъ лавкахъ по 600 рублей. Находятъ средства увеличивать содержаніе другимъ служащимъ; почему же не найти ихъ для духовенства? Государство должно обезпечить жизнь своихъ служащихъ и при томъ въ такой мѣрѣ, чтобы, безъ всякой растраты силъ въ заботахъ о существованіи, возможна была всецѣлая преданность задачамъ и интересамъ избраннаго ими служенія. Служа Церкви, духовенство вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ государству. Нельзя допустить раздѣленія Церкви отъ государства. Послѣднее всегда находилось и должно находиться въ столь тѣсной связи, тѣсномъ единеніи съ Православною Церковію, потому, что дѣло нравственнаго воздѣйствія, укрѣпленія по-

рядка и правды въ Русской землѣ немыслимо безъ содѣйствія Православной Церкви, въ лицѣ ея какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства (Курск. еп. вѣд. № 6).

Однако есть и принципіальныя возраженія противъ обезпеченія духовенства государствомъ. Сущность ихъ такова. По отзывамъ свѣтской и духовной печати, духовенство за весь 200-лѣтній періодъ обмірщенія Церкви чиновничьимъ бюрократизмомъ было лишь слѣпымъ, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти, благословляло и санкціонировало ея учрежденія, восхваляло и воспѣвало ея иногда небезупречные акты,—словомъ, видя не видѣло, и слыша не слышало. Теперь же, когда съ Высочайшаго престола прозвучали великія слова, повелѣвающія всѣмъ снять съ себя маски лицемѣрія, неправды и низкопоклонничества,—духовенству было бы непростительно возвратиться на прошлую, кривую дорогу. Жизнь Церкви въ государствѣ должна быть настолько самостоятельна, насколько самостоятельна душа, обитающая въ тѣлѣ и его оживляющая. Она должна давать духъ и направленіе государственной жизни, а не отражать ее только въ себѣ, въ лучшемъ случаѣ—подобно холодному зеркальному стеклу. Если же такъ, то страшно и опасно входить въ матеріальную зависимость отъ государства, опасно въ томъ смыслѣ, что какъ бы не оказаться его слугами не по совѣсти и убѣжденію, а за страхъ, изъ-за куска хлѣба... (Новг. еп. вѣд. № 10). Конечно, съ принципіальной точки зрѣнія, всякое даяніе благо, отъ кого-бы оно ни исходило, но при условіи, что даяніе это не будетъ сопровождаться неумѣстнымъ вмѣшательствомъ дающаго въ дѣла и жизнь Церкви. Между тѣмъ, можно ли ожидать того, чтобы и государство или точнѣе господствующая партія въ немъ отказалась отъ услугъ Церкви ей, и, съ другой стороны, чтобы и на церковныхъ дѣятеляхъ не оправдалась справедливость древнееврейской пословицы: „позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего“. Во избѣжаніе такихъ послѣдствій и по чисто принципіальнымъ требованіямъ необходимо стре-

миться къ наименьшей зависимости служителей Церкви отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Служителямъ Церкви и въ средствахъ содержанія самое лучшее зависѣть отъ Церкви. (Сам. еп. вѣд. № 5).

Не возлагая по тѣмъ или другимъ причинамъ надежды на государство, другіе предлагаютъ, для упрощенія дѣла, чтобы не правительство, а сами прихожане собирали извѣстную сумму и передавали причту и такимъ образомъ, чтобы сами прихожане заботились о своихъ пастыряхъ, доставляя все потребное для ихъ содержанія. Обязанность же по этимъ сборамъ возложить на попечительства и попечительскіе совѣты. Съ возстановленіемъ прихода и предоставленіемъ вѣдѣнію его всѣхъ функцій церковно-общинной жизни, на обязанность приходского общества прежде всего ложится забота о приличномъ обезпеченіи духовенства. Для сего каждый членъ прихода облагается извѣстнымъ сборомъ, на подобіе земскихъ повинностей, и этотъ сборъ хранится на рукахъ приходскаго совѣта, который и вѣдаетъ его выдачею (Нов. еп. вѣд. № 10). Подушнымъ сборомъ облагаются прихожане обоего пола съ 18 лѣтняго возраста, когда мужчину или женщину, по крайней мѣрѣ въ сельскихъ приходахъ, можно считать способными къ заработку. Количество подушнаго обложенія для каждаго лица должно быть предоставлено опредѣлять самой приходской общинѣ (Церк.-общ. Жизнь № 3).

Противъ этой мысли можно возразить, что при такомъ порядкѣ вещей духовенство окажется опять въ порабощеніи у прихожанъ и попечительствъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ оказаться и совершенно безъ средствъ. Предсѣдателемъ попечительствъ, или самымъ вліятельнымъ членомъ ихъ будетъ священникъ. На него, главнымъ образомъ, и обрушится забота о жалованьи. Что же изъ этого выйдетъ? Своимъ постояннымъ напоминаніемъ о жалованьи священникъ только разстроитъ попечительское дѣло, вселитъ въ народѣ подозрѣніе, что попечительства для того и изобрѣтены, что-

бы духовенству легче было „разбогатѣть“, какъ уже выражаются сектанты (Курск. еп. вѣд. № 17).

Въ Пензенскихъ епарх. вѣд. (№ 7) свящ. Добронравовъ предлагаетъ указанную обязанность возложить лучше на земство. Его главная мысль—перевести сельскаго священника на положеніе земскаго врача. Послѣдній лѣчитъ всѣхъ больныхъ своего участка безплатно, но зато получаетъ достаточное жалованье. Священникъ—духовный врачъ—будетъ совершать всѣ требы въ приходѣ безплатно, но также получитъ достаточное для жизни жалованье. Теперь многіе прихожане расходуютъ на свои требы не одинъ рубль въ годъ. Тогда же достаточно будетъ, если съ каждой души въ годъ установить дополнительнаго сбора на содержаніе всего духовенства только по 50 коп. въ годъ, что и составитъ со 120 милліоновъ сельского населенія требуемые 60 милліоновъ рублей. При этомъ не только религіозное чувство не будетъ оскорбляться, какъ то бываетъ въ моментъ расплаты за требу, но и справедливость много выиграетъ, потому что теперь иной бѣднякъ за случившіеся въ его семьѣ похороны и крестины уплатитъ нѣсколько рублей, тогда какъ другой, болѣе состоятельный, не уплатитъ и 50 коп. за цѣлый годъ. Сборъ и выдача жалованья ближе всего могли бы быть возложены на земство, которое, производя законнымъ порядкомъ сборъ, получало бы также отъ консисторій суммы, составляющія теперь казенное жалованье.

Въ такомъ же смыслѣ сдѣлано постановленіе одного изъ пастырскихъ собраній Симбирской губерніи: „Считая настоящій способъ содержанія духовенства печальнымъ пережиткомъ..., необходимо назначить казенное приличное жалованье, а въ виду категорическаго отказа Хозяйственнаго синодальнаго управленія и Оберъ-Прокурора въ пособіи отъ казны, духовенству, чтобы не очутиться въ жалкомъ и совершенно безвыходномъ положеніи, необходимо коллективно обратиться къ помощи земства“. (Симб. еп. вѣд. № 4).

Свящ. Аполлосовъ въ епарх. вѣд. (№ 3) указываетъ, что было бы хорошо, если бы жалованье духовенству было назначаемо изъ Государственнаго казначейства. Но при разноплеменномъ и разновѣрномъ составѣ нашего отечества вопросъ о выдачѣ православному духовенству жалованья отъ казны необходимо(?) придется поставить въ связь съ назначеніемъ казеннаго жалованья духовнымъ лицамъ остальныхъ вѣръ и народностей Россіи, что представляется прямо-таки непосильнымъ для денежныхъ ресурсовъ государства. Обезпеченіе духовенства жалованьемъ должно быть предоставлено обновленному всесословному земству, причемъ не слѣдуетъ забывать, что все въ этомъ дѣлѣ будетъ зависѣть отъ самого духовенства, его отзывчивости на вопросы времени, его энергіи и жизнеспособности. Въ противномъ случаѣ, „оно трупъ, не заслуживающій какихъ-либо заботъ о себѣ со стороны другихъ".

Противъ предоставленія земству заботъ о жалованьи духовенству въ Самар. вѣд. (№ 9) приводится единственное возраженіе, что подобное средство ненадежно, такъ какъ успѣхъ всякаго земскаго дѣла весьма часто колеблется въ зависимости отъ взгляда и энергіи тѣхъ дѣятелей, что стоятъ у кормила правленія. Можно добавить, что успѣхъ зависитъ отъ этого не только въ земскомъ, но и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Возраженіе, слѣдовательно, не по существу.

Изъ другихъ способовъ обезпеченія духовенства, предлагаемыхъ на страницахъ епархіальныхъ вѣдомостей, можно привести еще слѣдующіе.

Одинъ изъ самарскихъ священниковъ полагаетъ возможнымъ составить фондъ для жалованья духовенству такими путями. Во-первыхъ, церковь, или, говоря конкретнѣе, ожидаемый помѣстный соборъ, можетъ употребить на это дѣло прежде накопленныя ею средства (главнымъ образомъ хранящіяся въ монастыряхъ). Во-вторыхъ, она должна и всегда можетъ ввесть въ обычай спеціальную на этотъ предметъ жертву (на подобіе динарія Ап. Петра въ католической церк-

ви). Затѣмъ церковь можетъ обязательно отчислять извѣстный % на этотъ предметъ изъ церковныхъ доходовъ. Наконецъ, можно бы употреблять на это дѣло извѣстный обязательный % со всякихъ, даже спеціальныхъ жертвъ на храмъ. Насилія здѣсь надъ жертвователями, разъ объ этомъ заранѣе объявлено, не будетъ, какъ не было насилія въ тѣхъ ветхозавѣтныхъ жертвахъ, гдѣ жертва Богу соединялась обязательно съ жертвою жрецамъ (напр., при всесожженіи жрецамъ давалась кожа). Напротивъ, этою мѣрою церковь углубила бы и расширила бы нынѣшнее поверхностное и узкое пониманіе значенія жертвъ на храмы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это истинно-христіанское отношеніе къ дѣлу, строить, напр., большія колокольни, а служителей храма помѣщать въ лачугахъ,— не жалѣть денегъ на тысячепудовые колокола и заставлять духовенство или нищенствовать, или устанавливать обязательныя таксы на требы sic (Самар. еп. вѣд. № 3).

Сужденія автора поверхностны. Указываемый имъ источникъ для образованія фонда носитъ слишкомъ случайный характеръ. Богатства монастырей, по крайней мѣрѣ многихъ, еще сомнительны и отчужденіе ихъ не такъ-то просто. Что же касается обязательнаго отчисленія извѣстнаго % съ спеціальныхъ жертвованій, во-первыхъ, невыполнимо, а во-вторыхъ, все же будетъ нѣкоторымъ насиліемъ, несмотря на предупрежденіе. Кромѣ того, суммы, полученныя при помощи этихъ отчисленій, будутъ весьма незначительны, такъ какъ жертвы въ общемъ не выражаются въ громадныхъ цифрахъ.

Свящ. С. Лукинъ въ Курскихъ епарх. вѣд. (№ 6) говоритъ, что расчитывать на правительство нельзя въ виду затруднительнаго положенія государственныхъ финансовъ. Скорѣе можно ожидать, что лишатъ и того содержанія, которое получаютъ бѣднѣйшіе приходы. Гдѣ же тогда искать средствъ? Можно указать три источника для составленія жалованья духовенству. Первый—казенное пособіе тамъ, гдѣ оно есть. Второй источникъ—церковныя суммы, изъ которыхъ можно выдавать жалованье духовенству въ размѣрѣ 400

руб. на двухчленный причтъ. Есть церкви богатыя, которымъ не трудно платить эту сумму, но есть и бѣдныя. Для такихъ церквей сумма должна быть уменьшена. Но самый главный источникъ средствъ слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ и теперь,— въ народныхъ массахъ. Приходъ долженъ, съ своей стороны, дать содержаніе причту въ томъ же размѣрѣ. Изъ этихъ трехъ источниковъ составится слѣдующая сумма для священника: 300 жалованья, 300 отъ церкви и 300 отъ прихода, а всего 900 рублей. Въ добавокъ къ этому земля и нѣкоторые доходы за необязательныя требы. Тамъ, гдѣ нѣтъ казеннаго жалованья, недостающее слагаемое слѣдуетъ возложить на приходъ и церковь, тѣмъ болѣе, что казеннаго жалованья не положено въ болѣе богатые приходы. Для проведенія же въ жизнь упомянутыхъ началъ нужно примѣнить такое средство. До сихъ поръ при освобожденіи мѣста священника, діакона или псаломщика объ этомъ печаталось въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Находился кандидатъ, мѣсто закрывалось—вотъ и все. „На будущее время слѣдовало бы при открытіи вакантнаго мѣста объявить чрезъ благочиннаго прихожанамъ, что если они желаютъ имѣть у себя причтъ, пусть назначатъ опредѣленное жалованье, и не замѣщать мѣста до тѣхъ поръ, пока приходъ не обяжется удовлетворить предложеніе“. Вѣдь находятъ же прихожане добровольно средства на постройку новой церкви и нарѣзаютъ причту пропорцію земли въ 33 десятины, зная, что безъ этого къ нимъ не назначатъ особаго священника; почему же имъ не ассигновать изъ своихъ средствъ и опредѣленнаго жалованья духовнымъ взамѣнъ существующаго побирательства?

Средство хотя и рѣшительное, но довольно рискованное. Редакція Курскихъ вѣдомостей не безъ основанія замѣчаетъ: „А если въ это время придетъ волкъ и распудитъ овцы (Іоанн. 10. 12), тогда кто будетъ отвѣчать за овецъ?“

Въ Полоцкихъ епарх. вѣдомостяхъ (№ 10—11, 1905 г.) предлагается улучшить матеріальное положеніе духовенства бѣдныхъ приходовъ чрезъ уравненіе средствъ содержа-

нія всѣхъ причтовъ епархіи. Многіе причты пользуются средствами болѣе чѣмъ достаточными. Такъ, кромѣ узаконенной пропорціи земли, имѣютъ: 1) излишекъ ея, иногда весьма значительный; 2) оброчныя статьи, въ видѣ озеръ, лавокъ, % съ капиталовъ. Уравнять причты въ средствахъ содержанія хотя бы относительно требуютъ справедливость и чувство братской взаимопомощи для блага Церкви. Это уравненіе средствъ можно было бы произвести такимъ образомъ: всѣ причты одинаково и бѣдныхъ и богатыхъ приходовъ освободить отъ взноса поземельнаго съ узаконенной пропорціи для каждаго причта, а получавшуюся сумму со всего количества земли въ епархіи разложить на излишекъ земли; всѣ причты бѣдныхъ приходовъ освободить отъ всякихъ взносовъ и, если возможно, отъ части взносовъ въ погребальную кассу, а причитающуюся съ нихъ сумму также разложить на причты, пользующіеся оброчными статьями и излишкомъ земли. „Такой переворотъ въ пользованіи причтовъ мѣстными средствами, поднялъ бы духъ тружениковъ бѣдныхъ приходовъ и, быть можетъ, искоренилъ бы замѣчаемую другими въ духовенствѣ вражду и зависть другъ къ другу, а также далъ бы возможность многимъ усилить свою пастырскую дѣятельность“.

Можно безошибочно сказать, что авторъ живетъ въ бѣдномъ приходѣ... Но осуществленіе проекта привело бы какъ разъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Что причты бѣдныхъ приходовъ согласились бы съ этимъ проектомъ несомнѣнно, но богатые причты едва ли бы остались имъ довольны. Во всякомъ случаѣ, улучшать положеніе однихъ насчетъ блогосостоянія другихъ—дѣло сомнительное. Уравненіе приходовъ, конечно, весьма желательно, но достигнуть этого нужно какими-либо другими способами.

Оставляя въ сторонѣ вопросы о жалованьи, нѣкоторыя лица изъ духовенства стараются отыскать другіе способы для улучшенія своего матеріальнаго положенія. Но всѣ

указываемые способы явно не достигаютъ цѣли, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Таковы, напр., эмеритурныя и др. кассы. Операціи ихъ никогда не будутъ обширны и никогда не создадутъ постоянный фондъ для приличнаго жалованья духовенству. Подробный проектъ кассы разработанъ, напр., въ статьѣ свящ. Худяковскаго въ Омскихъ епарх. вѣд. (№ 8—9). При разсмотрѣніи его дѣлается очевиднымъ, что касса въ лучшемъ случаѣ будетъ оказывать только временныя пособія и давать пенсіи, а не можетъ служить источникомъ постояннаго самообезпеченія духовенства. Авторъ присоединяетъ сюда еще образованіе страхового общества, со страхованіемъ не только жизни и трудоспособности,но и случаевъ серьезной болѣзни, содержанія дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, выдачи дочерей замужъ и пр. Въ такой широкой постановкѣ дѣло взаимнаго страхованія хотя и очень заманчиво, но настолько сложно и трудно, что браться за него сразу не приходится.

Въ видѣ печальнаго курьеза можно отмѣтить предложеніе нѣкоторыхъ священниковъ упразднить діаконовъ для улучшенія быта іереевъ. Честь открытія этого способа принадлежитъ, кажется, священнику Конокотину. Говоря о безполезности діаконской должности, онъ (въ Смоленскихъ е. в.) посылаетъ такіе упреки по адресу лицъ этой степени священства: церковной школѣ они мало пользы принесли, ибо, получивъ санъ, всемѣрно стараются увильнуть отъ должности учителя,—отсюда часто они числятся то учителями пѣнія, то законоучителями и т. п. А сколько они принесли расхода духовенству, сколько поотняли средствъ и отъ безъ того бѣдныхъ священниковъ и псаломщиковъ, умножили сиротъ въ духовенствѣ, а дать ничего не дали ни духовенству, ни обществу.

Странно, что мысль о. Конокотина нашла сучувствіе у другихъ лицъ и вызвала нѣсколько статей, посвященныхъ обсужденію этого легчайшаго способа улучшенія матеріальнаго быта духовенства. Въ Курскихъ епарх. вѣд. (№ 45—46 1905 г., № 5 1906) о. Тимофеевъ говоритъ: въ діаконахъ

въ настоящее время нѣтъ никакой необходимости; они сильно умаляютъ доходность священника, почти ничего не дѣлаютъ и очень часто воинствуютъ съ своими священниками. Разъ діаконство является одною роскошью и притомъ же очень обременительною для братской кружки, а подчасъ и вредною для блага и мира іереевъ, то выводъ ясенъ: упразднить діаконовъ; чрезъ это увеличатся кружечные и земельные доходы священниковъ и псаломщиковъ. А еще выгода та отъ упраздненія о.о. діаконовъ, что государство скорѣе обезпечитъ двухчленный клиръ казеннымъ содержаніемъ.

Подобнаго рода открытіе, замѣчаетъ свящ. Амфитеатровъ въ тѣхъ же вѣдомостяхъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ открытіемъ крестьянъ громилъ, „упраздняющихъ“ для своего благополучія помѣщиковъ. Ярославскія епарх. вѣд. (№ 6) признаютъ упраздненіе діаконскихъ мѣстъ въ видахъ поднятія матеріальнаго благосостоянія клира коммерческимъ расчетомъ, унижающимъ священнослужительскую духовную среду. Даже міряне, доставляющіе доходъ клиру, никогда и нигдѣ не выражали протестовъ противъ діаконовъ, а напротивъ изыскивали иногда для нихъ средства независимо отъ причтовой кружки. Если ужъ улучшать матеріальное положеніе свое іереи хотятъ въ духѣ, предположенномъ въ Смоленскѣ, то можно рекомендовать по упраздненіи діаконскихъ вакансій избрать и на должность псаломщиковъ какихъ-н. отставныхъ солдатъ или церковныхъ сторожей и платить имъ по усмотрѣнію,—тогда на долю священника падетъ вся церковная кружка.

Въ Минской и Пензенской епархіяхъ вооружаются противъ псаломщиковъ. Въ Минскѣ на Епарх. съѣздѣ въ прошломъ году о.о. депутаты такъ выражались о штатныхъ псаломщикахъ: „ У каждаго священника есть домашній врагъ—псаломщикъ. Псаломщики компрометируютъ духовенство безобразною жизнію и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются исключительно доносами на священниковъ“ (ИзъКурск. еп. вѣд. № 5). „Мы не находимъ сколько-н. серьезныхъ

основаній къ тому, чтобы обременять причтъ и приходъ псаломщиками", пишетъ священникъ Пензенской епархіи о. Соколовъ (Пенз. еп. вѣд. № 2).

Поистинѣ „освободительное движеніе"! Что же будетъ за клиръ, освобожденный отъ діаконовъ и псаломщиковъ! Грустно слышать, пишутъ Пенз. еп. в. (№ 3), о распряхъ среди духовенства въ наше тяжелое время, когда Церковь Христова требуетъ напречь всѣ силы, неустанно и дружно работать въ борьбѣ съ невѣріемъ, индиферентизмомъ. А у насъ кипитъ своя борьба, создаются проекты не объ охраненіи стада Христова, а объ охраненіи и возвращеніи въ карманъ пресвитера $^1/_3{}^0/_0$ дохода, будто бы отнятаго у него діакономъ.

Есть и еще одинъ проектъ, вѣроятно, плодъ долгихъ думъ въ тиши сельскаго уединенія. Свящ. Колкачскій въ Новгор. епарх. вѣд. (№ 17), „не рѣшаясь" разсчитывать на казну въ данный критическій для нашего отечества моментъ, указываетъ на слѣдующій источникъ содержанія духовенства. Священникъ по Закону Божію, діаконъ и псаломщикъ по пѣнію въ церковно-приходскихъ школахъ занимаются совершенно безмездно. За этотъ трудъ каждому изъ нихъ нужно положить приличное вознагражденіе, на которое употребить содержаніе, идущее наблюдателямъ. Должность же наблюдателя упразднить. Приблизительно о. законоучителю слѣдуетъ дать не менѣе 50 к. за урокъ, а псаломщику не менѣе 25 к.; о. діаконъ, какъ учитель, долженъ получать такой же окладъ жалованья, какъ и прочіе учителя. „Тогда какъ будетъ пріятно работать пастырю въ школѣ!"

Все бы хорошо, но только о. Колкачскій не расчиталъ, что изъ указываемаго имъ источника на долю всего причта пришлось бы рублей по 10 въ годъ, а то и менѣе.

IV.

Не слѣдуетъ ли духовенству отказаться отъ земли въ пользу государства или крестьянъ? Большинство голосовъ въ духовной печати высказалось за то, чтобы и при назначеніи

жалованья земля осталась во владѣніи священниковъ. Другіе настаиваютъ на отчужденіи земли. Въ послѣднемъ смыслѣ дѣлались даже постановленія на нѣкоторыхъ обще-епархіальныхъ съѣздахъ, напр., ярославскомъ, (Церк. Вѣд. № 5). На пастырскомъ съѣздѣ въ г. Казани, по сообщенію „Церк.-общ. Жизни“ (№ 14) доцентъ Казанской духовной академіи И. М. Покровскій прочиталъ докладъ о матеріальныхъ средствахъ церкви и обезпеченіи духовенства. Основное положеніе доклада состояло въ томъ, что церковный причтъ долженъ получать отъ казны или приходскаго общества опредѣленное денежное жалованье, при чемъ размѣръ этого жалованья для сельскаго священника опредѣленъ въ 1200 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается сохранить за церковнымъ причтомъ и существующій нынѣ земельный надѣлъ. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Многіе изъ присутствовавшихъ на собраніи пастырей вполнѣ раздѣляли мнѣніе докладчика и доказывали, что непремѣнно слѣдуетъ настаивать на сохраненіи за духовенствомъ пахотной земли. Занятіе хлѣбопашествомъ, говорили они, способствуетъ объединенію и сближенію пастырей съ пасомыми; оторванный отъ земли священникъ является въ глазахъ крестьянина какимъ-то бариномъ, бѣлоручкой. Кромѣ того, земля всегда представляетъ самый надежный источникъ для содержанія причта; если по какимъ-либо обстоятельствамъ причтъ не получитъ отъ приходской общины жалованья или руги, то онъ можетъ прокормиться надѣльною землею. Другая часть пастырей не находила возможнымъ настаивать на земельномъ надѣлѣ для причта. Если бы сельскій священникъ сталъ получать 1200 руб. въ годъ, то едва ли справедливо желать для него еще надѣла пахотною землею. Сближеніе пастыря съ пасомыми на почвѣ занятія хлѣбопашествомъ не достижимо по той простой причинѣ, что причтъ весьма рѣдко самъ обрабатываетъ землю. Напротивъ, здѣсь можно ожидать не сближенія, а разъединенія пастыря съ пасомыми. Такъ какъ причтовая земля или сдается

въ аренду за условленную плату, или отдается исполу кому-нибудь изъ прихожанъ, или обрабатывается путемъ найма, то естественно, что въ эксплоатированіе земли причтомъ вносится совсѣмъ нежелательный элементъ торгашества, который унижаетъ высокую идею пастырства и роняетъ въ глазахъ крестьянъ авторитетъ священника. Помимо всего сказаннаго, въ настоящее время духовенству трудно надѣяться на сохраненіе за собою земельнаго надѣла; выдвинутый на первый планъ аграрный вопросъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что, для увеличенія площади крестьянскаго земельнаго надѣла, придется прибѣгнуть къ передачѣ въ пользу крестьянъ не только государственныхъ и удѣльныхъ, но и церковныхъ земель.

Ни къ какому опредѣленному рѣшеніе собраніе не пришло.

Въ Полоцкихъ епар. вѣд. (№ 9) В. А. приводитъ такія *соображенія противъ пользованія землею.* Занятіе земледѣліемъ стѣсняетъ пастырскую дѣятельность, приноситъ только хлопоты и очень мало пользы. Всѣ жалуются на тягость и неблагодарность труда по уходу за землею. Сколько всякихъ волненій и невзгодъ переживаетъ хозяинъ отъ убытковъ по хозяйству, отъ столкновеній съ прихожанами и тѣхъ униженій, которыя неразрывно связаны съ нимъ только по одному тому, что онъ имѣетъ дѣло съ землею. Хозяйство не только не сближаетъ священника съ прихожанами, а напротивъ, разобщаетъ его съ ними, порождаетъ взаимную иногда непримиримую вражду, которая часто матеріализируется въ форму доносовъ и жалобъ. Причтовыя земли внушаютъ крестьянамъ какую-то имъ только свойственную зависть. И это совершенно понятно; живя одною только землею, крестьяне количествомъ и качествомъ ея считаютъ всѣ житейскіе прибытки. А ужъ гдѣ зависть, тамъ какая любовь? Не даетъ земля и нравственнаго удовлетворенія. Занятіе хозяйствомъ только унижаетъ священника и непремѣнно ставитъ его въ зависимость отъ прихожанъ. Пастырская служба и хозяйство—это

два разныхъ господина, и если одного изъ нихъ возлюбишь, то о другомъ начнешь нерадѣть. Искушеній для этого слишкомъ много.

Трудно повѣрить, чтобы хозяйство не было помѣхою священнику въ его прямомъ дѣлѣ. Если заниматься хозяйствомъ, то надо заниматься имъ какъ слѣдуетъ, а при этомъ невозможно добросовѣстно относиться къ исполненію пастырскихъ обязанностей. Сомнѣнію подлежитъ и „та „истина“, что крестьяне болѣе довѣрчивы и близки къ тому священнику, который занимается хозяйствомъ. Дѣло здѣсь не въ хозяйствѣ, а въ самомъ священникѣ. Почему крестьянинъ не будетъ близокъ къ священнику, если послѣдній не занимается хозяйствомъ? Каждый долженъ ходить въ томъ званіи, къ которому призванъ и прежде всего исполнять обязанности, соединенныя съ этимъ званіемъ. Судья судитъ, учитель учитъ, а священникъ пусть священствуетъ; дѣла здѣсь такъ много, что о хозяйствѣ и подумать некогда. Правда, что одною духовною пищею нельзя питаться человѣку, нуженъ ему и физическій трудъ. Но для этого достаточно надѣлить священника 3—4 десятинами земли. Здѣсь онъ могъ-бы отдохнуть душею, потрудиться въ мѣру возраста и выгоду какую-н. получить, но потрудиться не столько ради прибытка, сколько для отдыха и развлеченія. Только неумолимая нужда заставляетъ священника заниматься хозяйствомъ въ томъ видѣ, какъ это дѣлается теперь, и если бы не эта нужда, первый сторонникъ хозяйства непремѣнно оставилъ бы его.

Въ Волынскихъ епарх. вѣд. (№ 26—1905 г.) священникъ Лавровъ къ этому прибавляетъ, что типъ пастыря, платящагося своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ ради идеальныхъ цѣлей, неизмѣримо выше типа священника—примѣрнаго помѣщика. Сказано: „Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“ (1 Тим. 4. 12), а не земледѣльческими и промышленными предпріятіями. Земное влечетъ къ земному и отвлекаетъ отъ небес-

наго. Въ этомъ смыслѣ высказался и волынскій архіепископъ, замѣтивъ, что „священники малороссійскаго края настолько искусные хозяева, что эта отрасль жизни дѣлаетъ ихъ менѣе усердными проповѣдниками и богомольцами“ (Вол. еп. вѣд. 1905 №7 стр. 216). Ссылка на авторитетъ ап. Павла, какъ извѣстно, собственнымъ трудомъ поддерживавшаго существованіе свое и близкихъ къ нему, неосновательна. У первоверховнаго апостола физическій трудъ стоялъ, конечно, уже не на первомъ, а на безконечно послѣднемъ планѣ; дѣланіе палатокъ, которымъ занимался св. Павелъ, несравнимо съ чисто промышленными предпріятіями современнаго духовенства.

Защитники пользованія землею приводятъ слѣдующіе доводы. Прежде всего, отказъ духовенства отъ земли не принесетъ существенной выгоды крестьянамъ. Среднее количество десятинъ въ приходѣ 40, среднее число прихожанъ 800 душъ [1]). Отъ добровольной жертвы духовенства земельное благосостояніе крестьянъ увеличится на $^1/_{20}$ часть десятины, или но 140 квадр. саженъ. Если это количество разбить на три клина, то получится величина микроскопическая. Съ другой стороны, если Дума захочетъ оцѣнить жертву духовенства и возмѣстить ее, то все же не можетъ дать много. Принимая стоимость церковной земли по самой высокой оцѣнкѣ въ 4000 руб. и исчисляя эту сумму по 4%, полу-

---

[1]) Въ изслѣдованіи Н. А. Любенецкаго „Землевладѣніе церквей и монастырей Имперіи“, Спб. 1890, по офиціальнымъ даннымъ Св. Синода за 1890 г“. приводятся точныя данныя, показывающія общее количество земельныхъ владѣній русскихъ церквей и монастырей. Всего за 30,993 церквами Россіи въ 1890 числилось земельныхъ угодій 1,863,943 десятины, въ томъ числѣ неудобной земли 154,366 д. За 697 монастырями, имѣющими земельные надѣлы, числилось всего 496,308 д., въ томъ числѣ неудобной 75,900 д. Т. о. общее количество церковныхъ земельныхъ владѣній равняется 2,360,251 д, изъ которыхъ 230,266 д. неудобной. Среднимъ числомъ на каждую земельную церковь включая и монастрскія земли, приходится около 60 д.

чимъ 160 руб. Достаточна ли эта сумма, чтобы возмѣстить все то, чего лишится причтъ чрезъ отказъ отъ церковной земли? Если даже назначать духовенству жалованье—во что плохо вѣрится—то и это все-таки не возмѣстить блага земельнаго владѣнія. Нужно имѣть въ виду, что цѣна деньгамъ мѣняется. Съ теченіемъ времени количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи увеличивается, жизнь, какъ говорятъ, дорожаетъ, а самыя деньги дешевѣютъ. Духовенство, лишенное земли и надѣленное жалованьемъ, достаточнымъ въ настоящее время, чрезъ 20—30 лѣтъ окажется въ бѣдственномъ положеніи. А примѣры конституціонныхъ государствъ (Греціи, Румыніи и др.) показываютъ, что народные представители не бываютъ щедрыми къ духовенству. Можно сказать, что то же самое повторится и у насъ: тщетно будетъ духовенство взывать къ членамъ Государственной Думы и не получитъ отвѣта. Между тѣмъ пользованіе продуктами земли, остающейся во владѣніи духовенства, будетъ ослаблять остроту періодическихъ лишеній, вызываемыхъ законами денежнаго обращенія и надолго избавитъ отъ необходимости поднимать вопросъ объ улучшеніи положенія. Духовенство, отказываясь отъ земли, отказывается не только за себя лично, но и за все будущее потомство и тѣмъ принимаетъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность (Калуж. еп. вѣд. № 23). Послѣ несчастной войны, пишетъ свящ. Желѣзняковичъ (Минск. еп. вѣд. № 9), послѣ тяжкой внутренней смуты и чрезвычайнаго увеличенія государственнаго долга по внѣшнимъ займамъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія расчитывать православному духовенству на значительное увеличеніе содержанія отъ средствъ Государственнаго казначейства; расчитывать же на увеличеніе содержанія отъ земствъ или приходовъ при нерасположенности къ Церкви и духовенству первыхъ и скудости средствъ вторыхъ, оцѣнивающихъ трудъ священника очень дешево, едва ли будетъ основательно и благоразумно. Восторжествовавшая при выборахъ въ Госуд. Думу партія конституціоно-демократовъ, вдохновительница

такъ называемаго освободительнаго движенія, едва ли не пожелаетъ освободить православное духовенство не только отъ церковной земли, но и отъ получаемаго духовенствомъ скуднаго казеннаго жалованья. Потому не дорожить духовенству главнымъ источникомъ своего содержанія—земельными надѣлами, преувеличивать невзгоды владѣнія землею, желать отчужденія земли, хотя бы и при увеличеніи отъ казны жалованья, не только невыгодно для Церкви и духовенства и неразумно, но и дѣйствительно преступно предъ потомствомъ, или будущими священнослужителями Православной Церкви.

Земля необходима священнику. Пользованіе землею составляетъ одно изъ такихъ обстоятельствъ, которыя дѣлали до сего времени сносною жизнь сельскаго духовенства среди невозможныхъ матеріальныхъ и бытовыхъ условій. Имѣя землю, члены причта имѣютъ возможность не покупать для себя и прислуги жизненныхъ продуктовъ, держать для дѣтей коровъ, имѣть свое домашнее молоко, яйца, мясо и пр. Далѣе, нельзя представить себѣ исправнаго сельскаго священника безъ собственной лошади. Нужно съѣздить и въ деревенскую школу, нужно посѣтить отдаленную деревню для молитвословія, нужно съѣздить къ благочинному, на съѣздъ и пр. Нанимать лошадь невозможно, а содержать ее безъ земли прямо немыслимо (Калуж. еп. вѣд. № 23).

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, земля служитъ именно связующимъ звеномъ между пастыремъ и пасомыми. Народъ видитъ въ лицѣ своего пастыря дѣйствительнаго члена своей деревенской семьи съ ея нуждами, тревогами и заботами трудового дня. Отрѣшенный отъ почвы земли и дѣйствительной жизни деревни, сельскій пастырь неминуемо превратится въ чиновника-бюрократа, который, въ концѣ концовъ, невольно похоронитъ себя въ четырехъ стѣнахъ своего канцелярскаго кабинета. Чужда народу будетъ жизнь такого пастыря. Наконецъ, въ нынѣ призванной къ возрожденію и обновленію церковно-приходской сельской общинѣ можетъ-ли пастырь,

не знающій трудовой жизни прихожанъ, ихъ нуждъ и заботъ трудового дня, явиться вполнѣ компетентнымъ и незамѣнимымъ ея членомъ, гдѣ безусловно будутъ обсуждаться вопросы объ окружающей дѣйствительной и трудовой жизни? Не будетъ ли тогда сельскій пастырь, отрѣшенный отъ дѣйствительной и трудовой жизни деревни, имѣть въ той всесторонне обоснованной общинѣ такой же голосъ, авторитетъ и вліяніе на народъ, какими нынѣ пользуются у народа всяческіе чиновники? (Церк. Вѣд. № 5).

Занятіе земледѣліемъ служитъ часто источникомъ горя и непріятностей для причтовъ. Это правда. Но если стоять на этой точкѣ зрѣнія, то пришлось бы отказаться наличнымъ пастырямъ отъ своего званія и принятыхъ ими на себя обязанностей. Вѣдь если все оцѣнивать только со стороны радостей и скорбей, то пастырскія скорби куда тяжелѣй всякихъ иныхъ скорбей. Помѣщики и землевладѣльцы не въ лучшемъ относительно этого положеніи, но не бросаютъ земель. Что же касается того, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ будто бы отвлекаетъ духовенство отъ исполненія его прямыхъ обязанностей, служитъ тормазомъ его пастырской дѣятельности, то это невѣрно. Неоспоримо, что сельское хозяйство требуетъ для себя отъ пастыря и вниманія и времени, но не надобно забывать, что у человѣка есть злой врагъ—праздность и порожденіе ея—скука. У священниковъ не столько же прямого дѣла, чтобы они имъ были подавлены; свободнымъ временемъ они располагаютъ достаточно, особенно въ лѣтнее время. Чѣмъ заполнить досугъ? Чтеніемъ въ цѣляхъ самообразованія... Но это занятіе серьезное. Явится мысль о развлеченіи. Въ развлеченіяхъ-то и корень зла для пастырей. Чѣмъ въ деревняхъ развлекаться? Составить компанію, играть въ карты, устраивать попойки, ходить по гостямъ. Это все и будетъ практиковаться у тѣхъ, кто, при отчужденіи земли, будетъ скучать. Занятіе хозяйствомъ уже тѣмъ хорошо, что представляетъ смѣну и разнообразіе въ дѣлахъ; оно соединено съ удовольствіемъ и интересомъ

и полезно въ отношеніи сохраненія здоровья, такъ какъ даетъ возможность работать на открытомъ воздухѣ (Костром. епарх. вѣд. № 15).

„Христіанская Жизнь“ (приложеніе къ Херс. епарх. вѣд. № 2) весьма рѣзко выражается по поводу воззванія духовенства Балашовскаго у. Сарат. г., которое приглашаетъ все русское духовенство отказаться отъ владѣнія церковною землею: „Мы плохо вѣримъ въ подлинность такого воззванія. Вѣроятно, это плодъ досужей фантазіи какого-либо соціалиста. А если дѣйствительно нашлись и между балашовскимъ духовенствомъ сторонники отчужденія церковной земли, то можно усумниться въ культурномъ равновѣсіи душевнаго состоянія такихъ духовныхъ отцовъ“...

Въ заключеніе обзора мнѣній по вопросу о содержаніи духовенства можно привести сужденіе объ этомъ IV отдѣла предсоборнаго присутствія. На засѣданіи отдѣла 20 марта собраніе единогласно нашло нынѣшній порядокъ содержанія причта путемъ полуобязательныхъ или добровольныхъ „подачекъ въ руку“ ненормальнымъ и обиднымъ для духовенства и признало желательнымъ обезпеченіе служителей алтаря или а) казеннымъ жалованьемъ, или б) жалованьемъ отъ приходской общины—посредствомъ приходскаго самообложенія по договору прихожанъ съ причтомъ. При этомъ голоса раздѣлились. Одни опасались, чтобы съ казеннымъ жалованьемъ духовные пастыри не обратились въ чиновниковъ, и полагали, что было бы цѣлесообразнѣе и съ канонической стороны вѣрнѣе, чтобы „служащіе алтарю отъ алтаря и питались“, только, конечно, не „подачками въ руку“, а опредѣленнымъ содержаніемъ отъ общины, для чего доходы причта отъ прихода слѣдовало бы только фиксировать въ опредѣленную сумму, которая по соотвѣтственной раскладкѣ на приходъ вносилась бы въ церковь (по возможности—безъ вмѣшательства гражданской власти) на содержаніе священно

и церковнослужителей (за совершеніе таинства и обязательныхъ требъ). За заказныя службы: заупокойныя обѣдни, панихиды и молебны—плата особая—по взаимосоглашенію причта съ прихожанами. Другіе указывали на то, что приходъ въ такомъ случаѣ можетъ довести жалованье причту до такого минимума, что возможно будетъ опасаться оскудѣнія образованнаго священства: скажутъ: не угодно ли вамъ, батюшка, служить за 300 рублей въ годъ, а не желаете, такъ мы возьмемъ-де какого-нибудь послушника изъ монастыря, онъ и на меньшее согласится. По голосованіи вопроса, большинство членовъ собранія высказалось за жалованье чрезъ государственное казначейство, въ каковомъ смыслѣ и признано желательнымъ ходатайствовать чрезъ Соборъ предъ государственной властью.

При сужденіяхъ о нынѣшнемъ порядкѣ содержанія духовенства, однимъ изъ членовъ собранія сдѣлано не безъинтересное въ бытовомъ отношеніи сообщеніе, какъ въ одномъ изъ приходовъ Тамбовской губ. священникъ мудро отвергъ претензію прихожанъ на счетъ высокой якобы платы за повѣнчаніе. Къ батюшкѣ приходятъ мужички уговариваться на счетъ вѣнчанія; „дорого, говорятъ, батюшка, берешь за вѣнчанье, сбавить-бы надо“. Хорошо,—отвѣтилъ священникъ,—я согласенъ взять за повѣнчанье по рублю съ каждаго выпитаго вами на свадьбѣ ведра водки; ни ведра ни выпьете,—даромъ повѣнчаю“. Мужички замялись. Отошли посовѣтоваться, и вернулись съ отвѣтомъ: „нѣтъ, батюшка, пусть ужъ будетъ по-старому“.

Коснувшись вопроса о церковныхъ земляхъ, собраніе въ цѣломъ составѣ высказалось противъ передачи ихъ въ другое вѣдомство. Земля—самый прочный и лучшій источникъ дохода церковнаго клира. Кромѣ того, батюшка, занимаясь землей, можетъ быть учителемъ населенія и по веденію болѣе культурнымъ способомъ сельскаго хозяйства, и прихожане, видя, что ихъ пастырь тоже трудится и учитъ ихъ трудиться, будутъ ближе и роднѣе чувствовать себя къ

нему. Однимъ изъ членовъ секціи высказана даже мысль, что церковная земля должна быть такою же неотчуждаемою собственностью церкви, какъ и самый храмъ, церковные сосуды и прочая утварь св. алтаря, и что отчужденіе ея должно быть трактуемо какъ святотатство. *Е. Р*

Изъ области украинскихъ народныхъ религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій.

Давно и, можно сказать, безслѣдно прошли уже тѣ времена, когда произведенія *народной* словесности считались низкими и недостойными вкуса образованныхъ людей, „подлыми“, какъ называлъ Тредьяковскій народныя пѣсни. Еще въ царствованіе Екатерины II начали у насъ *знакомиться* съ народной словесностью, при чемъ сама императрица сдѣлала даже небольшой сборникъ пословицъ, подъ заглавіемъ: „Выборныя россійскія пословицы“. Съ конца XVIII в. начинаютъ также появляться сборники народныхъ пѣсенъ, хотя собиратели, какъ, напр., Чулковъ, находятъ нужнымъ, приспособляясь къ вкусамъ и языку современнаго образованнаго общества, *передѣлывать* ихъ и *исправлять* въ нихъ „не только разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлять оные съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало“ [1]). Особенно усилилось стремленіе къ изученію народныхъ произведеній въ началѣ XIX вѣка, послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина и побѣдоносно закончив-

[1]) Сахаровъ. „Сказанія русскаго народа“, т. I, кн. 1, стр. 28.—Богдановичъ, издавшій въ 1785 г, по желанію имп. Екатерины II, „Русскія пословицы“ (въ *трехъ* частяхъ), счелъ нужнымъ „переложить“ въ *свои стихи* даже эти совершеннѣйшіе образцы богатства, силы и красоты народнаго чистаго языка, эти „перлы мысли въ драгоцѣнной оправѣ прекраснаго слова“.

шейся для насъ трудной и тяжелой Отечественной войны, въ большой мѣрѣ способствовавшихъ пробужденію въ русскомъ обществѣ чувства народности. Имена Калайдовича, Сахарова, П. Кирѣевскаго-Снегирева останутся незабвенными для всякаго русскаго образованнаго человѣка.

Серьезное отношеніе къ народнымъ произведеніямъ нѣсколько ослаблено было на короткое время появившеюся въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ нашей литературѣ теоріей такъ называемой „художественной эстетической критики", признававшей значеніе только за тѣми произведеніями словесности, которыя, выражая общечеловѣческія идеи, заключаютъ въ себѣ общечеловѣческій интересъ. Буслаевъ, которому русская литература наиболѣе обязана распространеніемъ здравыхъ научныхъ воззрѣній на значеніе и методъ разработки народной словесности, такъ характеризуетъ отношеніе къ этой послѣдней художественной эстетической критики: „Самое вредное въ этихъ эстетическихъ руководствахъ было, такъ сказать, *аристократическое* ихъ направленіе. Не только съ точки зрѣнія эстетической, но и *исторической*, изслѣдователь обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства, и именно къ свѣтиламъ первой величины: выставлялъ великія достоинства Данта и Шекспира, Ломоносова или Державина, и, съ высоты своего эстетическаго трибунала,—вооруженный мнимо безпристрастною критикою,—величаво раздавалъ мелкія награды прочимъ писателямъ, которыхъ удостоивалъ своей эстетической оцѣнки. Что за дѣло было такому выспреннему критику до нашихъ народныхъ пѣсенъ, оскорблявшихъ его утонченный вкусъ, воспитанный въ аристократической обстановкѣ такъ называемыхъ образцовыхъ академическихъ произведеній? Что за дѣло было ему до нашихъ старинныхъ сборниковъ XV, XVI или XVII в., наполненныхъ поученіями и повѣствованіями на ломаномъ болгаро-русскомъ и польско-русскомъ языкѣ, наполненныхъ сочиненіями, которыя, можетъ быть, вполнѣ удовлетворяли нашихъ грубыхъ предковъ, но къ которымъ нельзя было

приложить формулы объ отношеніи художественной идеи къ формѣ, опредѣляемомъ законами его эстетики?—И такіе теоретики-критики не только не хотѣли знать нашей письменной старины и народности, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той, ни другой, и, своими выспренними взглядами становясь будто бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку, довольно распространенному еще и теперь, будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи русской литературы на изученіи позднѣйшихъ писателей, начиная отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности“ [1]). Главный представитель художественной эстетической критики В. Г. Бѣлинскій даже прямо заявлялъ, что „*одно* небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше *всѣхъ* произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ“ [2]).

Господство теоріи художественной эстетической критики было недолговѣчнымъ въ нашей литературѣ. Изъ художниковъ *художникъ-поэтъ* А. С. Пушкинъ еще нѣсколькими годами раньше несправедливо-презрительнаго отзыва о народныхъ произведеніяхъ нашего знаменитаго критика писалъ брату (въ концѣ октября мѣсяца 1824 г.) въ письмѣ изъ с. Михайловскаго: „Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ И въ литературѣ и въ наукѣ нашей, начиная съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія, возникло и быстро начало крѣпнуть національно-историческое направленіе. Народныя поэтическія произведенія признаны были весьма важ-

---

[1]) „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, т. I, стр. 402.

[2]) Собраніе сочиненій, т. V, стр 32—33.

ными памятниками прошлой народной жизни; ихъ усиленно стали собирать и издавать *въ подлинномъ видѣ*, со словъ народа, и подвергать серьезному изслѣдованію. Къ прежнимъ сборникамъ прибавился длинный рядъ новыхъ—Аѳанасьева, Якушкина, И. В. Кирѣевскаго, П. Н. Рыбникова, Варенцова, В. И Даля, П. Безсонова, Е. В. Барсова, Л. Н. Майкова, проф. Гильфердинга и мн. др. Появился рядъ капитальныхъ изслѣдованій объ этихъ произведеніяхъ—Аѳанасьева, Буслаева, Пыпина, Тихонравова, проф. Ор. Миллера и мн. др. При этомъ первоначально изслѣдователи, увлекшись *лингвистической теоріей миѳологіи*, а затѣмъ *теоріей миѳологіи природы*, чуть не въ каждомъ народномъ произведеніи старались найти и указать если не полный какой-нибудь древній миѳъ, то, по крайней мѣрѣ, хотя обломокъ его.

Въ послѣднюю четверть XIX столѣтія возникла новая историко-литературная школа, основанная на сравнительномъ изученіи народности и подкрѣпленная надежнымъ руководствомъ сравнительной грамматики и сравнительной миѳологіи индо-европейскихъ народовъ. Она пришла къ убѣжденію, что „всѣ существенныя основы языка, быта семейнаго и племеннаго, миѳологическихъ и поэтическихъ преданій составляютъ нераздѣльную собственность всей группы народовъ индо-европейскихъ, или арійскихъ, и именно *въ ту отдаленную эпоху*, живая память о которой сохранилась до нашихъ временъ въ древнѣйшихъ гимнахъ и обрядахъ священныхъ книгъ древне-индійскаго племени, извѣстныхъ подъ именемъ *Ведъ*“ [1]). Эта отдаленная эпоха, когда слагались отдѣльныя народности, выдѣлявшіяся изъ общей арійской,—эпоха, скрывавшая въ себѣ истинныя основы дальнѣйшаго литературнаго развитія народа, получила въ глазахъ изслѣдователей народности высокое значеніе, и ея характеристика сдѣлалась существенною частію, необходимымъ введеніемъ

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ. „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“. „Русскій Вѣстникъ“, т. CI, стр. 653—654.

въ исторію языка и литературы народа. Основанная на данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, сравнительной миѳологіи и быта арійской семьи, такая характеристика разъясняетъ древнѣйшія судьбы извѣстной народности, ея первобытную культуру, тѣ основы народности, изъ которыхъ развилась и которыми опредѣлялась послѣдующая историческая жизнь народа. Исторія народной словесности въ настоящее время немыслима внѣ этой связи съ отдаленной національной стариной, внѣ ея связи съ исторіею языка съ одной стороны, съ миѳологіею—съ другой. По мнѣнію Макса Мюллера, „въ первобытную эпоху между народами и религіями существуетъ такая же тѣсная связь, какая существуетъ между народами и языками: языкъ и религія составляютъ для него истинные элементы, необходимые для образованія народности“ [1]). Начало и характеръ народной словесности опредѣляются этими главными факторами народности. И вотъ появился въ послѣднее время цѣлый рядъ—иногда довольно большихъ—ученыхъ сравнительно-этнографическихъ работъ, во главѣ которыхъ по всей справедливости должны быть поставлены весьма капитальныя изслѣдованія академика проф. Веселовскаго, являющіяся богатымъ вкладомъ въ изученіе фольклора.

Вполнѣ естественно при этомъ, что главное вниманіе собирателей народныхъ произведеній и ученыхъ изслѣдователей было обращено на литературу, болѣе имъ близкую, именно—московскую, такъ называемую великорусскую. Правда, и сборники украинскихъ народныхъ произведеній, не только ни въ чемъ не уступающихъ произведеніямъ великорусскимъ, но, по своему историческому и художественному значенію, несомнѣнно превосходящихъ ихъ, начали появляться почти одновременно съ сборниками народныхъ произведеній великорусскихъ. Первымъ изъ нихъ былъ сборникъ кн. Н. А. Цертелева, вышедшій въ свѣтъ въ 1819 г., иодъ загла-

[1]) „Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft“, I Hälfte, S. 130—131.

віемъ: „Опытъ собранія малороссійскихъ пѣсней“. Затѣмъ слѣдовали сборники: М. Максимовича, П. А. Лукашевича, И. Срезневскаго, П. Кулиша, А. Метлинскаго, П. Чубинскаго, Н. Маркевича, Д. Мордовцева, М. Драгоманова, Номиса (М. Симонова), Я. Головацкаго, П. Иванова, В. Иванова, Б. Гринченко и в. мн. др. Такимъ образомъ, *сырого* этнографическаго матеріала собрано уже весьма значительное количество томовъ, часто, притомъ, довольно увѣсистыхъ [1]); не мало предвидится ихъ и впереди, такъ какъ сокровищница украинской народной поэзіи является едва ли не одною изъ самыхъ богатыхъ, да къ тому же, какъ показали наблюденія послѣдняго времени, украинское народное творчество не только не изсякаетъ, а еще даже пытается пробиваться на новые пути.

Къ сожалѣнію, за собирателями не шли объ руку изслѣдователи съ своими сравнительно-этнографическими работами, и украинская народная литература слишкомъ мало привнесла еще отъ себя въ богатую сокровищницу научной разработки фольклора, который съ конца прошлаго столѣтія, по красивому образному выраженію проф. Н. Сумцова, „струится въ видѣ множества живыхъ ручейковъ по главнымъ національнымъ и научнымъ теченіямъ,—ручейковъ, далеко еще не слившихся въ спокойныя и величавыя рѣки широкаго сравнительно-этнографическаго изученія жизни народовъ“ [2]). Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что этнографическая наука вообще сравнительно пока еще очень молода, хотя въ послѣднія два 10-лѣтія она растетъ въ высшей степени быстро, при поддержкѣ антропологіи, археологіи и филологіи. Съ другой стороны, украинская литература все время находилась у насъ, вслѣдствіе чисто политическихъ соображеній правящей администраціи, подъ силь-

[1]) Указатель „Литературы украинскаго фольклора“, составленный Б. Гринченко, занимаетъ 296 стран. и заключаетъ въ себѣ 1763 №№; между тѣмъ, составитель указателя далекъ отъ мысли о полнотѣ его.

[2]) „Кіевская Старина“, 1890 г., октябрь, стр. 67—68.

нымъ гнетомъ различныхъ цензурныхъ и другихъ стѣсненій, равно какъ отчасти и все, что касалось раскрытія тѣхъ или другихъ сторонъ жизни украинскаго народа. Вотъ почему украинскіе ученые наши предпочитали спеціализоваться въ области *собственно-русской* литературы, и дѣло дошло до того, что когда Академія Наукъ предприняла составленіе научныхъ программъ по различнымъ нарѣчіямъ русскаго языка и говорамъ языка великорусскаго, то для составленія программы по украинскому языку не нашли ни въ одномъ изъ университетовъ, стоящихъ на украйнской территоріи, ученаго „офиціальнаго“ спеціалиста и обратились... къ бухгалтеру пивовареннаго завода—большому, впрочемъ, знатоку украинскаго языка [1]).

Въ настоящее время обстоятельства совершенно измѣнились. Какъ извѣстно, въ нѣкоторые южно-русскіе университеты поступили уже петиціи съ выраженіемъ желанія, чтобы въ этихъ университетахъ учреждены были особыя каѳедры украинской литературы, языка, исторіи, этнографіи и обычнаго права—и притомъ, чтобы лекціи по этимъ предметамъ читались на украинскомъ языкѣ. Политическая сторона вопроса, а также рѣшеніе о языкѣ, на которомъ должны читаться лекціи по новымъ предметамъ, будетъ главнымъ образомъ зависѣть, надо полагать, отъ Государственной Думы; что же касается стороны его академической, то судя по газетнымъ сообщеніямъ, совѣты университетовъ пойдутъ съ готовностью навстрѣчу петицій.

Но подготовлено ли *русское* общество къ возрожденію отчасти все же сиднемъ-сидѣвшаго украинскаго богатыря? не является ли безспорно даровитый украинскій народъ для него только лишь веселымъ разсказчикомъ смѣхотворныхъ сценъ изъ малороссійскаго быта, одѣтымъ въ вышитую „сорочку“ съ длинной яркой „стёжкой“, въ широкія шаровары,

[1]) Проф. В. Перетцъ. „Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ“.—„Отголоски жизни“, 1906 г., № 122.

заткнутыя въ голенища, да въ высокую барашковую шапку? знаетъ ли оно его помимо театральныхъ подмостковъ въ жанровыхъ пьесахъ изъ того же малороссійскаго быта, такъ какъ нѣсколько *сочиненныя* „идейныя“ пьесы послѣдняго времени не дошли еще до большихъ городовъ Великороссіи?.. Боимся, что на поставленные вопросы придется дать отрицательные отвѣты.

Да и самимъ украинцамъ нужно твердо помнить, что всякое поступательное движеніе народа по пути прогресса не только обусловливается, но и всецѣло основывается на его жизни предшествующей; а потому, необходимо, такъ сказать, предварительно „самоопредѣлиться, выяснить себѣ настоящее status quo, прежде чѣмъ устремляться *безъ оглядки* впередъ, что уже и успѣло довольно рѣзко выразиться въ нѣкоторыхъ крайнихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ партіи украинофиловъ. Украинская интеллигенція совершенно почти оторвалась отъ своего народа, при чемъ многіе даже *обрусили* самыя свои фамиліи, оканчивавшіяся на *о*, прибавленіемъ, какъ замѣтилъ еще Гоголь, „слога *въ*“. Б. Д. Гринченко, въ „Предисловіи“ къ Ш-му тому изданныхъ имъ весьма цѣнныхъ „Этнографическихъ матеріаловъ“, заключающему въ себѣ 1704 пѣсни и 233 варіанта къ нѣкоторымъ изъ нихъ, совершенно справедливо говоритъ: „Собранныя здѣсь, онѣ (пѣсни) являются вызовомъ къ намъ, людямъ, живущимъ интеллектуальной жизнью по преимуществу,—вызовомъ на помощь народу въ дѣлѣ его умственнаго развитія, въ дѣлѣ его духовнаго творчества, которому (?) мы такъ много обязаны. Если среди всего этого матеріала мы здѣсь или тамъ замѣчаемъ тлетворное вліяніе, ложное направленіе, то къ кому же мы должны предъявить по этому поводу претензіи, какъ не къ намъ самимъ прежде всего? Что мы сдѣлали для того, чтобы сохранить въ народной средѣ лучшіе образцы народнаго творчества? Чѣмъ мы помогли народу въ исканіи имъ новыхъ путей въ этой сферѣ? Какія мѣры принимали

съ цѣлью устранить уклоненіе отъ истинной дороги? Какой новый матеріалъ внесли въ сознаніе народа для расширенія его кругозора, для могучаго возбужденія работы народной мысли и чувства,—возбужденія, обусловливающаго развитіе оригинальнаго и яркаго творчества? Мы, правда, накопили большіе запасы фольклорнаго матеріала, мы роемся въ этихъ запасахъ, выхватываемъ изъ нихъ ничтожныя крохи—для того, чтобы полюбоваться ихъ художественностью, или чтобы пристегнуть ихъ къ той или иной гипотезѣ о происхожденіи того или иного сюжета,—этого требуетъ наука, и когда-то мы пожнемъ плоды этихъ кропотливыхъ изслѣдованій,—но массѣ-то, которая дала намъ всѣ эти запасы, что ей отъ этого? Бросаетъ ли это въ ея сознаніе какой-либо свѣтлый лучъ? Подвигаетъ ли это ее на созданіе новыхъ твореній, лишенныхъ (чуждыхъ?) уже мистически-суевѣрной основы первобытной мысли и являющихся прогрессивными по содержанію и прекрасными по формѣ?—Этотъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые такъ очевидно-отрицательны, мучительно встаетъ въ сознаніи всякаго, стремящагося дать себѣ отчетъ въ дѣлѣ изученія народной жизни".

Не считаться съ господствующимъ въ народѣ міровоззрѣніемъ, съ установившимся укладомъ жизни и съ ея прямыми и естественными запросами ни въ коемъ случаѣ нельзя ни передовымъ дѣятелямъ вообще, ни пастырямъ Церкви въ частности, если только эти послѣдніе желаютъ быть не *наемниками*, а *непостыдными дѣлателями* на нивѣ Христовой. А такъ какъ міровоззрѣніе народное и устои жизни его складываются и твердо покоятся на его религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ, то мы и рѣшились предложить благосклонному вниманію читателей рядъ очерковъ по этому предмету, которые читателямъ-украинцамъ, надѣемся, хотя нѣсколько помогутъ оріентироваться въ сложномъ дѣлѣ изученія души народной, а читателей-неукраинцевъ ближе познакомятъ съ кровнымъ по духу братомъ, бывшимъ до сихъ поръ для нихъ „таинственнымъ незнакомцемъ". Пускаться

въ сравнительныя учено-литературныя изслѣдованія, въ виду указанной прямой цѣли очерковъ, не будемъ. Сказанія украинскія будемъ приводить, для удобства читателей, въ переводѣ на русскій языкъ. Чтобы не пестрить, при этомъ, изложенія постоянными ссылками на источники, заранѣе заявляемъ, что будемъ пользоваться почти исключительно этнографическими матеріалами, собранными Кулишомъ, Драгомановымъ, Чубинскимъ, П. Ивановымъ, В. Ивановымъ и Д. Гринченко. Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ, совсѣмъ не имѣвшихъ и въ свое время доступа въ широкую публику, теперь представляютъ большую библіографическую рѣдкость, и намъ стоило многихъ хлопотъ и труда разыскать ихъ. Мѣстами будемъ приводить особенно любопытные варіанты изъ „Кіевской Старины“, „Этнографическаго Обозрѣнія“ и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданій. Всюду будемъ имѣть въ виду только украинцевъ, входящихъ въ составъ нашего отечества, такъ что совершенно не коснемся богатѣйшихъ *галицко-русскихъ* этнографическихъ матеріаловъ, издаваемыхъ „Науковымъ товариствомъ імени Шевченка“ въ Львовѣ (вышло уже 12 томовъ).

Малороссы, или южноруссы, или *украинцы* [1]), на какомъ названіи *особенно* настаиваетъ въ настоящее время партія

---

[1]) Источниками для настоящаго и двухъ слѣдующихъ за ними очерковъ служили статьи и изслѣдованія: проф. *Д. Н. Анучина* („Энциклопедическій Словарь“ изд. проф. Брокгауза и Ефрона), д-ра *І. Франко* (тамъ же и „Памятки украінско-русскоі мови і літератури“), проф. *О. Бусслаева* („Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, т. I и II; „Мои досуги“, ч. 1 и 2, „Народная поэзія“), академика *А. Н. Пыпина* („Исторія русской литературы“, т. I; „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“), академика *А. Н. Веселовскаго* („Южно-русскія былины“; „Разысканія въ области духовнаго стиха“; „Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ... Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада“), проф. *Н. С. Тихонравова* „Сочиненія“, т. I), проф. *И. Парфирьева* („Апокрифическія сказанія о ветхозаветныхъ лицахъ и событіяхъ“); проф. *И. Сумцова* („Очерки исторіи южнор. апокриф. сказаній и песень“), проф. *Н. И. Петрова* („Южнорусскія легенды“ и „О народныхъ праздн. въ югозап. Россіи“—„Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1877 и 1871 г.) и нѣк. др.

„украинофиловъ“, представляютъ собою одну изъ *трехъ* русскихъ народностей, которая по численности своей въ 4 раза превышаетъ бѣлоруссовъ, но въ $2^1/_3$ раза уступаетъ великоруссамъ [1]). Первые вѣка государственной жизни успѣли прочно, органически связать названныя *три* народности въ одно національное цѣлое; этнографическія отличія между ними въ древнѣйшую пору, по мнѣнію ученыхъ, были совсѣмъ незначительны. Но послѣдующая исторія поставила эти три *доли* русскаго племени въ слишкомъ различныя условія. Въ XIII вѣкѣ на Русь обрушилось всею своею тяжестію страшное татарское нашествіе. Въ 1240 г. взятъ и разрушенъ былъ первопрестольный Кіевъ, а самая страна подверглась такому безпощадному опустошенію, что почти все оставшееся въ живыхъ населеніе Южной Руси бѣжало на западъ. Здѣсь въ Галиціи и на Волыни, и сложилась, повидимому, *малорусская народность* (Малая Россія), выступающяя уже отчетливо, съ особенностями своего языка, въ XIX вѣкѣ. Отсюда она заселила, мало-по-малу, все Приднѣпровье, давши начало различнымъ украинскимъ говорамъ. Сперва были заселены болѣе безопасные сѣверные предѣлы—отъ Припети и Стыри до Кіева, вся нынѣшняя Черниговская губернія на югъ отъ Десны и сѣверная часть Полтавской. Эта сѣверная полоса украинскаго нарѣчія граничитъ съ областью полѣсскихъ говоровъ, съ Припетскимъ Полѣсьемъ и Задесеньемъ, населеніе которыхъ, по языку, представляетъ переходы отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому на западѣ и отъ малорусскаго къ великорусскому на востокѣ. Въ XVII вѣкѣ притѣсненія польскаго правительства и пановъ, а также войны имѣли слѣдствіемъ массовое переселеніе малороссовъ за Днѣпръ—въ Полтавскую и даже—въ Харьковскую и Воронеж-

[1]) Нѣкоторые видятъ въ малороссахъ потомковъ древнихъ полянъ, угличей, тиверцовъ, древлянъ и другихъ южнорусскихъ племенъ; но, повидимому, большинство этихъ племенъ исчезло еще въ началѣ русской исторіи, подвергшись разоренію и смѣшенію съ тюркскими кочевниками (половцами и др.).

скую губерніи, а также заселеніе Подольской губерніи. Въ XVIII вѣкѣ, съ завоеваніемъ Новороссійскаго края, малороссы распространяются и по губерніямъ Херсонской, Екатеринославской и Таврической, переходятъ въ 1792-мъ году, въ лицѣ черноморскихъ казаковъ, на Кубань, проникаютъ затѣмъ въ Ставропольскую губернію, даже за Волгу и въ Сибирь.

Такимъ образомъ, „украинцы“ (какъ и бѣлоруссы) представляютъ собою отрасль того же корня, отъ котораго идетъ и отрасль великорусская, и только по истеченіи довольно продолжительнаго періода отдѣльной другъ отъ друга ихъ жизни сравнительно слабые первоначально племенные оттѣнки выступили довольно рельефно и ярко и дали начало хотя и отдѣльнымъ, но слишкомъ близко родственнымъ народностямъ. Отсюда—и первоначальная духовная жизнь, и первоначальная, безыскусственная ихъ поэзія, служившая вѣрнымъ отраженіемъ и выраженіемъ ея, были въ древнѣйшую пору и вплоть до нашествія татаръ *общими*.

Какъ же шло развитіе безыскусственной русской, а слѣдовательно—и украинской, народной поэзіи?

Безыскусственная поэзія русскаго, какъ и всякаго вообще, народа, восходя своими началами къ эпохѣ до исторической, даже первобытной, и до настоящаго времени носитъ на себѣ явственные признаки своего миѳическаго происхожденія. Первыя начала народной поэзіи теряются въ до историческомъ созиданіи самой миѳологіи, въ такъ называемомъ *миѳологическомъ процессѣ* духовной жизни народа. При такой совокупной нераздѣльности художественнаго творчества съ развитіемъ миѳическихъ народныхъ вѣрованій, надобно видѣть въ древнѣйшемъ миѳическомъ эпосѣ не только внѣшнюю сторону, или поэтическую форму религіозныхъ убѣжденій народа, но одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ въ самомъ созиданіи народной миѳологіи. Чѣмъ болѣе проникался народъ своими вѣрованіями, чѣмъ обильнѣе накоплялись они въ его творческой фантазіи, претворенныя въ живые образы,—тѣмъ неотразимѣе чувствовалъ онъ потребность

уяснить для себя эти вѣрованія и образы и представить ихъ какъ живыя созданья, въ цѣломъ родѣ эпическихъ разсказовъ. Такимъ образомъ, поэзія является необходимою, естественною посредницею между темнымъ, еще не развитымъ, вѣрованіемъ и между народнымъ сознаніемъ: она уясняетъ и распредѣляетъ въ осязательныхъ образахъ созрѣвшее вѣрованіе, какъ скоро оно вышло изъ смутной области неопредѣленнаго чаянія и гаданія.

Ни одинъ народъ не помнитъ начала своимъ сказкамъ и пѣснямъ. Ведутся онѣ испоконъ-вѣку и передаются изустно изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ священный завѣтъ старины. Пѣсня всегда обыкновенно поется не для одного только развлеченія, а вмѣстѣ и для того, чтобы ее, какъ преданіе, молодое поколѣніе переняло и затвердило, а потомъ, въ свою очередь, передало своимъ потомкамъ,—поется „старымъ людямъ на послушанье, а *молодымъ людямъ для памяти*“, какъ заканчивается извѣстный стихъ „О Голубиной книгѣ“. Теряющееся въ незапамятной древности происхожденіе поэзіи въ понятіяхъ народа соединялось съ началомъ знанія, чародѣйства и заклинанія, а также права и языческихъ обрядовъ.

По мѣрѣ того, какъ народъ становился внимательнѣе къ историческимъ судьбамъ своимъ, онъ чувствовалъ потребность замѣчать въ памяти важнѣйшія событія, оставившія слѣды въ его жизни. Тогда къ чистому миѳу присовокупляются сказанія о дѣлахъ людей. Но такъ какъ въ создавшихся до этого времени поэтическихъ народныхъ разсказахъ дѣйствующими лицами всегда выводились боги, то всего легче было для нашихъ предковъ-язычниковъ приписать богамъ дѣла людей, а судьбы народа выразить въ различныхъ похожденіяхъ тѣхъ же боговъ. Переходомъ отъ боговъ къ людямъ своего рода полубоги—герои, богатыри. Не будучи одарены властью и другими качествами боговъ, они, тѣмъ не менѣе, довольно рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ людей многими преимуществами, сообщаемыми имъ главнымъ образомъ сверхъ-

естественною силою, при чемъ преимущества эти они получаютъ извнѣ, отъ существъ миѳическихъ; самое рожденіе ихъ часто сопровождается необычайными явленіями въ мірѣ физическомъ.

Преданія о древнѣйшихъ столкновеніяхъ народовъ расширили и видоизмѣнили сказанія. Чужеземные враги до исторической эпохи оставили по себѣ въ памяти народа смутный и притомъ мрачный образъ и перешли въ его поэзію въ видѣ великановъ. Такъ какъ великаны были существа не человѣческія, то сказаніе, весьма естественно, могло представлять ихъ и въ образѣ животныхъ. Отсюда произошло повѣрье, основанное, безъ сомнѣнія, на представленіи объ *оборотняхъ*, о нѣкоторой таинственной связи между народами и различными животными; отсюда, далѣе, сохранившіеся еще и по настоящую пору народные преданія и разсказы объ „упиряхъ“, или „волкодлакахъ“—украинскихъ „вовкулакахъ, т. е. оборотняхъ въ волковъ. Древнѣйшими насельниками Русской земли, по изображенію стиха „О Егоріи Храбромъ“, были „волки рыскучіе“, „змѣи лютые“, „звѣри могучіе“, „звѣри рогатые“, т. е. различные враждебные народы, съ которыми народъ русскій велъ упорную и продолжительную борьбу за территорію.

Какъ древнѣйшіе великаны, такъ и богатыри вообще впослѣдствіи превратились въ скалы („окаменѣли“), иногда въ рѣки и озера (Днѣпръ, Донъ, Дунай, Волховъ, Ильменъ-озеро и др.), которыя скрыли въ своихъ водахъ слѣды чародѣйства и безчеловѣчія.

Но не въ однѣхъ только поэмахъ и сказкахъ народъ сохраняетъ свои эпическія преданія, а и въ отдѣльныхъ изреченіяхъ, краткихъ заговорахъ, пословицахъ, поговоркахъ, загадкахъ, примѣтахъ и вообще въ такъ называемыхъ суевѣріяхъ. Всѣ эти разрозненные члены одного общаго сказочнаго преданія, взятые въ своей совокупности, составляютъ то цѣлое, которое хотя и не высказалось во всей полнотѣ и нераздѣльности ни въ одной народной поэмѣ, однако всѣми чув-

ствовалось и сознавалось, какъ родное достояніе предковъ. Ни одинъ изъ разрозненныхъ членовъ баснословнаго преданія не живетъ въ народѣ отдѣльно, самъ по себѣ: всѣ они взаимно переходятъ другъ въ друга, связываются крѣпкими узами повѣрья, сцѣпляются и перемѣшиваются, подчиняясь игривой фантазіи народа, изобразительной и художественной. Загадка часто переходитъ въ цѣлую поэму, и поэма сокращается въ загадку; пословица рождается изъ сказанія и становится необходимою частью поэмы, хотя и ходитъ въ устахъ народа отдѣльно; клятва и заговоръ, составляя оторванный членъ преданія, развиваются въ цѣлое сказаніе, или составляютъ обычный пріемъ въ этическомъ разсказѣ; даже примѣта, обыкновенно подразумѣваемая, а, не высказываемая, иногда является обильнымъ источникомъ для этическаго вымысла.

Древнѣйшія народныя словесныя произведенія имѣютъ самое разнообразное содержаніе, обнимая собою всѣ умственные и нравственные интересы народа. Эпическія сказанія съ повѣствованіемъ о похожденіяхъ героевъ соединяютъ миѳическія преданія о происхожденіи боговъ, объ устройствѣ міра и о переворотахъ, въ немъ происшедшихъ, нравственныя поученія, а также и наставленія опытной мудрости, которая, удивляя насъ проблесками замѣчательнаго здраваго смысла, нерѣдко заставляетъ и улыбнуться, когда входитъ въ суевѣрныя, младенческія понятія о природѣ, образчикъ которыхъ можно видѣть въ примѣтахъ, заклятіяхъ, наговорахъ. Изображая жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, повѣствуя обо всемъ, что народъ знаетъ великаго и важнаго, эпическая народная поэзія имѣетъ своимъ предметомъ весь міръ и все человѣчество—разумѣется, въ томъ тѣсномъ объемѣ, въ какомъ умѣла она понять и міръ и человѣчество.

Важнѣйшимъ двигателемъ древней народной поэзіи является *эпическое чудесное*, воспитанное чарованіями, примѣтами и разными другими суевѣріями и господствовавшее въ народной фантазіи, несмотря на всѣ благочестивыя усилія

разсѣять его, даже еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Это эпическое чудесное удовлетворяло всѣмъ душевнымъ стремленіямъ суевѣрной старины. Въ немъ искала отвѣта пытливая любознательность; къ нему прибѣгали въ немощи и нуждѣ за врачеваніемъ, колдовствомъ и заклинаніями; поэзія же въ немъ черпала свое вдохновеніе. Такимъ образомъ, въ эпическомъ сказаніи чудесное составляло необходимый элементъ потому, что служило основою самой жизни, когда образовалось такое сказаніе. Съ одной стороны, оно было существеннымъ дополненіемъ къ убѣжденію въ справедливости эпическаго разсказа; съ другой—являлось поэтическимъ идеаломъ, такъ какъ суевѣрная фантазія своимъ вымысламъ давала колоссальные размѣры и одѣвала ихъ таинственнымъ покровомъ. Народная сказка, какъ затѣйливое сплетеніе разсказовъ о быломъ съ небылицами, дотого сглаживаетъ въ своемъ повѣствованіи всякое различіе между обыкновеннымъ и необычайнымъ, что слушатель незамѣтно переходитъ отъ одного къ другому и даже снисходительно допускаетъ всякую небылицу, не безпокоя своей наивной довѣрчивости ни малѣйшимъ сомнѣніемъ въ искренности и правдивости разсказчика.

Миѳическій эпосъ полагаетъ первыя основы нравственнымъ убѣжденіямъ народа, выражая въ сверхъестественныхъ существахъ, въ богахъ и герояхъ не только религіозные, но и нравственные идеалы добра или зла. Вотъ почему эти идеалы народнаго эпоса—болѣе, нежели художественные образы: это—рядъ ступеней народнаго сознанія на пути къ нравственному совершенствованію. Это—не праздная игра фантазіи, а рядъ подвиговъ религіознаго благочестія, стремившагося въ лучшихъ своихъ мечтаніяхъ сблизиться съ божествомъ, узрѣть, такъ сказать, его непосредственно. Отсюда понятно то громадное значеніе, какое имѣли для народа въ старину—да отчасти имѣютъ и теперь еще—его поэтическія произведенія: они замѣняли собою и школу и науку. Подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ протекала вся жизнь

человѣка, отъ колыбели до гроба. Младенецъ у груди своей матери уже прислушивался и привыкалъ къ колыбельной пѣснѣ, которую, въ свою очередь, будетъ онъ потомъ пѣть своимъ дѣтямъ. Провожая въ могилу покойника, близкіе и родственники оплакивали его въ обрядовыхъ причитаніяхъ— и были твердо увѣрены, что въ свое время и ихъ проводятъ съ тѣми же причитаньями. Два крайніе возраста человѣческой жизни—старость и дѣтство—любовно встрѣчались на сказкѣ: поколѣніе отживающее передавало преданіе поколѣнію народившемуся. Старикъ или старуха разсказываютъ сказку и поучаютъ,—дѣти слушаютъ и поучаются. Первые припоминаютъ въ сказкѣ прошедшее,—вторыя гадаютъ по ней о будущемъ, содержаніе же самой сказки—захватывающее: чудесные подвиги богатырей, разные битвы и страхи и въ заключеніе, какъ желанный конецъ тревогамъ, женитьба на красавицѣ-царевнѣ, съ цѣлымъ царствомъ въ приданье; идея сказки—та прекрасная средина человѣческаго вѣка, та бодрая возмужалость, которая для слушающихъ дѣтей еще недоступна, какъ отдаленное будущее, а для стариковъ-разсказчиковъ является уже невозвратнымъ прошедшимъ,—тотъ идеалъ, который во всѣ вѣка уноситъ человѣка изъ дѣйствительности къ чему-то лучшему и совершеннѣйшему, и который въ сказкѣ такъ наивно сулитъ разныя несбыточныя диковинки.

Поэзія служила народу какъ утѣхою въ трудѣ, такъ и забавою праздника; тогда-то особенно разыгрывалась досужая фантазія—и хороводъ и пѣсня сопровождали древній обычай, удержавшійся въ памяти, вмѣстѣ съ преданіями, отъ незапамятной эпохи. Поэтому, какъ выраженіе преданія, пѣсня и обрядъ были не только потѣхою и забавою, но и дѣломъ значительнымъ. Поэзія, которой обыкновенно посвящалось все свободное отъ работъ и занятій время, была надежнымъ хранителемъ чистоты мыслей и чувствъ. Какъ въ языкѣ слово „правда“ служитъ синонимомъ слова „истина“, такъ и эпическая поэзія добро всегда представляетъ разумнымъ, а зло—

глупымъ. Въ сказкахъ всѣхъ народовъ и временъ люди добрые и сострадательные обыкновенно „дурачатъ“ и обманываютъ колдуновъ, вѣдьмъ, великановъ и вообще издѣваются надъ нечистою силою. Народная поэзія часто забавляется глупостями нечистой силы, которая такъ легко довѣряется хитростямъ простодушнаго добряка.

Вообще надобно замѣтить, что нравственное чувство весьма значительно воспитывается поэзіею, вслѣдствіе чего слушателя всегда живѣе увлекаютъ вопросы нравственные, чѣмъ художественная идея разсказа; люди простые и дѣти даже теперь еще, не умѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ въ сказкѣ или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о дурномъ и зломъ. Желая похвалить эпическій разсказъ, слушатель изъ простонародья никогда не скажетъ: „хорошо“ или „прекрасно“, *какъ принято въ образованномъ обществѣ* выражать одобреніе ходужественному произведенію, а скажетъ: „правда“.

Если бы народная поэзія ограничивалась одними эстетическими интересами, она бы давно уже изсякла въ своихъ источникахъ и съ теченіемъ вѣковъ даже совсѣмъ бы исчезла. Но, какъ старина и преданье, какъ вѣрованье и обычай, она выше всякаго вымысла, питающаго только праздное эстетическое чувство; она внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и намѣренномъ обманѣ. Хотя пословица и говоритъ объ одномъ видѣ народной, безыскусственной поэзіи, именно о *сказкѣ*, что „сказка—складка, а пѣсня—быль“, но такой приговоръ о ней сдѣланъ потому только, что „замышленіе большей части сказокъ относится къ слишкомъ ужъ отдаленной эпохѣ, вслѣдствіе чего народъ не успѣлъ удержать ихъ въ формѣ *былины* и передаетъ не въ связной формѣ стиха: а въ болѣе свободной, позднѣйшей формѣ—прозаической.

Высшей степени своего развитія народная, безыскусственная поэзія достигаетъ въ исторической пѣснѣ. Здѣсь уже поэзія сливается съ исторіею, при посредствѣ, къ тому же, искренняго вѣрованія, которымъ освѣщаются нравы и обычаи, убѣжденія и привычки и все житье-бытье предковъ.

Такъ возникла и развивалась безыскусственная поэзія у всѣхъ народовъ, такъ возникла и развивалась она и у народа русскаго и составляющаго органическую отрасль его южнорусскаго, или малорусскаго, или украинскаго племени.

Среди полнаго разгара творчества народнаго поэтическаго генія, въ концѣ X столѣтія, при св. равноап. кн. Владимірѣ, Русь приняла христіанство. Принятіе христіанства, строго говоря, было первымъ важнымъ событіемъ въ *культурной* исторіи Руси. Съ него началась у насъ письменность, началось образованіе, открывшее возможность литературнаго развитія.

Съ принятіемъ христіанства Русь вошла въ тѣсныя дружественныя сношенія, прежде всего, съ Византіей. Отсюда, если только не изъ болѣе близкаго Корсуня, или греческаго Херсонеса Таврическаго, она получила произведенія религіознаго искусства, свое первое духовенство и священныя и церковно-богослужебныя книги. Отсюда же она получила массу поучительной и назидательной литературы, а также литературы исторической въ формѣ хроникъ и хронографовъ. Византія, затѣмъ, дала намъ въ разныхъ святоотеческихъ писаніяхъ, „шестодневахъ“ и т. п.—довольно скудныя, впрочемъ, свѣдѣнія изъ области естествознанія. Отъ нея же идутъ образцы изящной словесности какъ въ отрывкахъ религіозной гимнологіи, вошедшихъ въ церковныя пѣснопѣнія, такъ и въ повѣстяхъ и пѣсняхъ мірского содержанія. Эти послѣднія сочиненія, переводившіяся въ самую раннюю эпоху нашей письменности, не только удовлетворяли потребность нашихъ предковъ въ чтеніи поэтическихъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ давали готовые образцы и мотивы для собственныхъ произведеній въ подобномъ же родѣ. Къ сожалѣ-

нію, Византія не дала намъ систематической, приспособленной для образованія широкихъ массъ, школы, которой, впрочемъ, и сама, собственно говоря, не имѣла; не дала также намъ знакомства съ древне-классической литературой и наукой, потому что и въ ней самой эти традиціи были въ загонѣ, да и Русь не была еще способна принять ихъ.

Не менѣе сильнымъ было въ это время вліяніе на Русь и восточныхъ славянъ—сербовъ и въ особенности болгаръ, которыхъ соединяло съ нашими предками единство вѣры въ формѣ православнаго исповѣданія и единство церковно-литературнаго языка. Древній періодъ литературы болгаръ, сербовъ и русскихъ, до самаго XIV столѣтія, представляетъ полное единство по своему церковно-византійскому характеру и по основному содержанію своему, чему способствовали: 1) общія церковныя книги, 2) частыя церковныя сношенія, приводившія къ русскимъ болгарское и сербское духовенство, 3) связи съ Аѳономъ, гдѣ каждое изъ этихъ племенъ имѣло свои монастыри и своихъ представителей—подвижниковъ и переписчиковъ книгъ, и 4) единство условнаго старо-славянскаго языка, ставшаго языкомъ ихъ общей литературы.

Между прочимъ, какъ изъ Византіи, такъ и изъ Болгаріи перешли къ намъ во множествѣ апокрифы и апокрифическія сказанія, которые скоро сдѣлались едва ли не самою пріятною духовною пищею для новопросвѣщенныхъ предковъ нашихъ.

Апокрифическія сказанія составляютъ обширную область религіозныхъ сказаній, возникшихъ во времена глубокой древности на почвѣ религіознаго вѣрованія, подъ вліяніемъ священныхъ библейскихъ книгъ. Первоначальною основою апокрифическихъ сказаній были древнія преданія, которыя существовали у іудеевъ не только до начала письменности, но и во время самой письменности, сохранились до сравнительно позднѣйшихъ христіанскихъ временъ и перешли въ христіанскія книги. Возникнувши въ древнія времена, они сначала переходили отъ одного поколѣнія къ другому путемъ

устной передачи, а потомъ собраны были въ отдѣльныя книги. Ревностное собираніе древнихъ преданій началось у іудеевъ особенно послѣ плѣна Вавилонскаго; оно сосредоточивалось преимущественно въ школахъ раввиновъ, и имъ занимались особые учителя, которые извѣстны съ начала III в. до Р. Х. подъ именемъ *танаимовъ*, а съ конца II в. до Р. Х.—подъ именемъ *амораимовъ*. Собранныя такимъ образомъ преданія вошли въ Талмудъ, книги каббалистовъ, книгу Яшаръ и во многія другія іудейскія книги.

Къ какому именно времени относится появленіе первыхъ апокрифическихъ книгъ, опредѣлить трудно. Первое указаніе на нихъ обыкновенно видятъ въ 47—48 стихахъ 14-й главы 3-й книги Эздры, гдѣ, кромѣ 24-хъ древнихъ *каноническихъ* книгъ, упоминаются еще *70 книгъ новыхъ и послѣднихъ*, подъ которыми писатели первыхъ вѣковъ христіанства разумѣли древне-іудейскіе апокрифы.

Нѣкоторыя изъ апокрифическихъ сказаній по своему характеру довольно близки къ библейскимъ сказаніямъ; таковы, напр., нѣкоторыя сказанія объ Авраамѣ, Іосифѣ и Моисеѣ, помѣщенныя въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія и въ книгѣ Яшаръ. Другія же составляютъ плодъ ухищренныхъ толкованій Свящ. Писанія и преданій іудейскихъ раввиновъ. Во всѣхъ апокрифическихъ сказаніяхъ послѣдняго рода выражается усиленное стремленіе какъ можно болѣе возвысить еврейскую исторію въ полномъ ея объемѣ отъ начала и до конца. Отсюда, въ нихъ на каждомъ шагу замѣчается невѣроятное преувеличеніе, переходящее всякія границы; всѣ лица и событія дотого украшаются, что совершенно теряютъ свой подлинный библейскій типъ и являются вполнѣ баснословными. Тамъ, гдѣ Свящ. Писаніе разсказываетъ о простомъ событіи, іудейскіе апокрифы видятъ непремѣнно чудо, въ совершеніи котораго принимаютъ непосредственное участіе ангелы, духи и демоны; гдѣ же Свящ. Писаніе дѣйствительно говоритъ о чудѣ, тамъ въ апокрифахъ является столько преувеличеній и украшеній, что чудо теряетъ свое высокое

достоинство и представляется явно недостовѣрнымъ. Источникъ чудеснаго, которымъ такъ переполнены апокрифическія сказанія, ааключается часто не во всемогуществѣ Божіемъ, а въ разныхъ волшебныхъ предметахъ, иногда въ силѣ духовъ. Всѣ толкованія Свящ. Писанія, изъ которыхъ выводятся эти сказанія, и которыми они подтверждаются, отличаются или чрезвычайною мелочностью, привязывающеюся къ буквѣ, къ отдѣльному выраженію, къ одному слову, или запутанностію, страннымъ мистицизмомъ и хитрымъ символизмомъ. На нихъ, какъ и на самыхъ сказаніяхъ, ярко отразились тѣ свойства, какія, естественно, должны были развиться въ іудейскомъ народѣ, когда онъ, лишившись водительства Божія чрезъ пророковъ и подпавши вліянію другихъ народовъ, сталъ жить подъ руководствомъ своихъ раввиновъ, которыхъ Спаситель охарактеризовалъ, назвавши „слѣпыми вождями слѣпыхъ“ (Матѳ. 23, 16). Эти слѣпые вожди и привели іудеевъ къ самымъ невѣжественнымъ представленіямъ почти обо всѣхъ ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, при чемъ нѣкоторыя апокрифическія сказанія явно проникнуты уже духомъ позднѣйшаго іудейства, въ нихъ рѣзко отражаются слѣды персидскаго и особенно греческаго вліянія.

Изъ іудейскихъ книгъ и іудейскихъ преданій апокрифическія сказанія съ самыхъ же первыхъ временъ христіанства начали переходить въ христіанскія книги. Христіанскіе апологеты, защищая новозавѣтное ученіе въ связи съ ветхозавѣтной исторіей, часто обращались къ сочиненіямъ іудейскихъ писателей, особенно къ сочиненіямъ Филона и Іосифа Флавія, и заимствовали изъ нихъ нѣкоторыя сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; христіанскіе экзегеты, при изъясненіи священныхъ книгъ, также не рѣдко ссылались на тѣ сказанія, какія они встрѣчали въ устныхъ преданіяхъ, апокрифахъ и другихъ іудейскихъ книгахъ; лѣтописцы и историки, излагая древнюю исторію по Библіи, въ дополненіе къ библейскому разсказу приводили и апокрифическія сказанія.

При переходѣ въ христіанскія книги многія апокрифическія сказанія, естественно, должны были измѣниться и получить другой—уже христіанскій колоритъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ христіанской Церкви образовались и свои апокрифы. Благочестивое чувство и воображеніе христіанъ первыхъ вѣковъ не удовлетворялось тѣми краткими сказаніями о жизни и дѣлахъ Спасителя, Богоматери и св. апостоловъ, какія заключались въ каноническихъ книгахъ Новаго Завѣта, и старались дополнить эти сказанія разными подробностями изъ преданій. Преданій же этихъ въ первыя времена, когда христіанское просвѣщеніе распространялось не столько посредствомъ книгъ, сколько чрезъ изустные наставленія и разсказы, было, конечно, очень много. При отсутствіи образованія, въ разсказахъ не всегда могли отличить истину отъ вымысла, а страсть къ чудесному и стремленіе во всемъ видѣть особенный смыслъ готовы были принять за истину даже самое невѣроятное сказаніе. Отдѣльная мысль Свящ. Писанія, часто краткое выраженіе его или даже одно слово, подъ вліяніемъ возбужденнаго воображенія, превращались въ цѣлое событіе.

Нѣкоторые апокрифы имѣютъ своимъ предметомъ сказанія о мученикахъ, исповѣдникахъ, подвижникахъ и учителяхъ—этихъ герояхъ вѣры и Церкви, поражавшихъ воображеніе современниковъ и послѣдующія поколѣнія своими подвигами и высоко-благотворною дѣятельностью на пользу вѣрующихъ.

Наконецъ, нѣкоторые апокрифы обязаны своимъ происхожденіемъ разнымъ еретикамъ, которые составляли ихъ съ тою цѣлію, чтобы защитить и распространить свое лжеученіе. Такъ произошли: „Евангеліе Никодима“, „Евангеліе Іакова“, „Переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ“, „Путешествія апостоловъ“, „Путешествія евангелистовъ“, „Плачъ Богородицы“, „Дѣянія Апостольскія“, „Апокалипсисы“ и др.

Наиболѣе благопріятную почву для себя среди славянскихъ племенъ апокрифы нашли въ Болгаріи. Здѣсь, въ

X вѣкѣ, при царѣ Петрѣ, появилась ересь *богомиловъ*, распространившаяся затѣмъ и въ другихъ славянскихъ странахъ. Составляя отрасль манихейства, богомилы, подобно манихеямъ, приняли близкое къ древне-персидскому религіозному дуализму ученіе о двухъ началахъ міра—добромъ, Богѣ и зломъ, Сатанаилѣ. Бога они признавали творцомъ только невидимаго, духовнаго міра; созданіе же видимой природы и самаго человѣка по тѣлу, или тѣлесной природы человѣка, приписывали Сатанаилу. Представляя весь древній періодъ, отъ начала міра до явленія Спасителя, временемъ полнаго владычества Сатанаила въ родѣ человѣческомъ, они отвергали Ветхій Завѣтъ, какъ произведеніе злого начала, и порицали законъ Моисея и писанія пророковъ. Но, отвергая писанія Моисея и пророковъ, богомилы пользовались апокрифическими сказаніями и книгами, и сами составляли такія книги. По крайней мѣрѣ, основателю секты—попу Іереміи, по прозванію Богомилу, въ „Индексахъ“ ложныхъ, *отреченныхъ* книгъ приписываются слѣдующіе апокрифы: „О древѣ крестномъ“, „О Св. Троицѣ“, „О Христѣ, какъ его въ попы ставили“, „Какъ Христосъ плугомъ оралъ“, „Сказаніе о томъ, какъ Провъ Христа другомъ назвалъ“, „Вопросы Іереміи къ Богородицѣ“, „Вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ“ и *лживыя молитвы* о *Трясовицахъ* и *нежитахъ* [1]). По содержаніе всѣхъ указанныхъ апокрифовъ, кромѣ молитвъ о *Трясовицахъ* и *нежитахъ*, основанныхъ на народныхъ славянскихъ вѣрованіяхъ, показываетъ, что они—не оригинальныя произведенія, а только передѣлка или переработка апокрифическихъ сказаній, существовавшихъ въ византійской письменности.

Все значеніе апокрифовъ по отношенію къ Библіи ограничивается только тѣмъ, что въ нихъ усматриваются нѣко-

[1]) „Нежитъ“—демоническое существо, олицетворявшее собою понятіе болѣзни и вообще всякой напасти.

торые слѣды древнихъ истинныхъ преданій; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ заключающихся въ нихъ сказаній подтверждаются свидѣтельствами самихъ новозавѣтныхъ книгъ. Съ другой стороны, апокрифы раскрываютъ предъ нами внутреннюю жизнь своего времени; въ нихъ чрезвычайно ярко отражается общій складъ и идеальное настроеніе тѣхъ давно минувшихъ эпохъ, когда они сложились. Апокрифы показываютъ намъ, въ какомъ свѣтѣ представлялись въ древнія времена священныя лица и событія, какъ они настраивали воображеніе народа, какія воспитывали въ немъ чувства и стремленія; характеризуютъ вообще религіозно-нравственное міросозерцаніе древняго времени.—Особенно же важное значеніе апокрифическія сказанія имѣютъ въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ. Въ общей массѣ своей они представляютъ обширную и богатую область древняго религіознаго эпоса, созданнаго живымъ, теплымъ вѣрованіемъ и благочестивою фантазіею Востока,—религіознаго эпоса, въ которомъ, среди разныхъ заблужденій и анахронизмовъ, встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ, проникнутыхъ часто назидательными нравственными наставленіями. Вотъ почему апокрифы, не смотря на запрещеніе и преслѣдованіе ихъ, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ религіозныхъ народныхъ понятій. Содержаніе апокрифическихъ сказаній было таково, что не могло не увлекать благочестиваго и любознательнаго читателя: въ основѣ многихъ изъ нихъ лежало готовое народное преданіе, а если работала личная фантазія составителя, то работала въ духѣ того же религіозно-поэтическаго творчества. Разъ занесенное въ книгу, сказаніе легко распространялось въ средѣ, такимъ же образомъ настроенной,—особенно въ тѣ времена, когда ка-

ническое и не каноническое еще мало различались. Сильно подкупало въ пользу апокрифовъ и то, что многіе изъ нихъ повторяли авторитетную форму книгъ самого Свящ. Писанія. Въ надписаніи ихъ стояли священныя имена (патріархи, Моисей, Давидъ, Соломонъ, пророки, апостолы и др.). Тонъ былъ библейскій и евангельскій—та же возвышенная простота, то же важное пророческое, иногда загадочное слово. Самые разсказы представлялись какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ тому, что̀ не было досказано въ библейскихъ книгахъ, и что̀ было, однако, исполнено величайшаго интереса для вѣрующаго, который естественно стремился ближе узнать тайны Божественнаго міроправленія. Тамъ, гдѣ библейскій или евангельскій разсказъ былъ кратокъ, и гдѣ невольно возникалъ вопросъ, апокрифъ являлся, чтобы досказать то, чего не было въ священной книгѣ, и предлагалъ множество самыхъ завлекательныхъ, часто поразительныхъ и обыкновенно наглядныхъ подробностей. Міротвореніе, судьба первыхъ людей, патріарховъ, царей іудейскихъ разсказаны въ Ветхомъ Завѣтѣ очень кратко, или оставляли неразъясненными много вопросовъ, волновавшихъ религіозное любопытство,—и ветхозавѣтные апокрифы подробно разсказывали объ Адамѣ и Евѣ, ихъ грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая; разсказывали объ Энохѣ, Мельхиседекѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, о царяхъ Давидѣ и Соломонѣ. Ветхій Завѣтъ не говорилъ о томъ, какъ древніе люди устраивали свою жизнь, получали первыя знанія, изобрѣтали различныя искусства,—обо всемъ этомъ сообщали „Малое Бытіе“ и „Сказаніе объ Адамѣ и Евѣ“. Не менѣе прошедшаго интересовали вопросы о будущемъ, —и апокрифическія книги увѣренно говорили о пришествіи Мессіи, о будущихъ временахъ, о блаженствѣ праведниковъ и мученіяхъ грѣшниковъ („Сказанія о праведномъ Энохѣ“, „Откровенія Авраама“, „Восхожденіе Исаіи“). Представленіе о томъ преобразованіи, какое связываетъ Ветхій Завѣтъ съ Новымъ дало поводъ въ сказаніи „О крестномъ древѣ“ провести цѣлую исторію этого древа отъ временъ

Адама до построенія Соломономъ храма Іерусалимскаго и затѣмъ до самой Голгоѳы. Новозавѣтные апокрифы тономъ полной достовѣрности и нерѣдко съ неподдѣльной поэзіей сообщаютъ много подробностей о дѣтствѣ Христа Спасителя и разныхъ событіяхъ Его земной жизни („Евангелія“ Іакова, Никодима, Ѳомы), о Пресв. Богородицѣ и Ея материнемъ заступленіи за грѣшный родъ человѣческій предъ Своимъ Божественнымъ Сыномъ („Слово о рождествѣ Пресв. Богородицы“, „Слово Іоанна Богослова“ и др.). Исторія апостоловъ также имѣла свои апокрифическіе памятники. Таковы— „Обходы (путешествія) апостольскіе“, извѣстные въ рукописяхъ подъ заглавіями: „Слово святыхъ апостоловъ Петра и Андрея, Матѳея и Руѳа и Александра“, „Дѣянія и мученія апостоловъ Петра и Павла“, „Дѣянія апостола Павла и великомученицы Ѳеклы“, „Дѣянія апостола Филиппа“, „Дѣянія и мученіе апостола Ѳомы“, „Апокалипсисы“ разныхъ апостоловъ и мн. др. Длинный рядъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній посвященъ вопросамъ эсхатологическаго характера („Хожденіе Богородицы по мукамъ“, „Слово о видѣніи апостола Павла“, „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ“ и др.).

Такое захватывающее содержаніе апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній невольно увлекало простодушныхъ благочестивыхъ и любознательныхъ читателей на всемъ громадномъ пространствѣ христіанскаго міра — отъ Палестины и Малой Азіи до крайняго запада Европы и отъ Эѳіопіи до скандинавскаго и русскаго сѣвера. *Г. Булашевъ.*

Какъ быть?

(Изъ дневника сельскаго священника).

Трудно положеніе интеллигентнаго человѣка, забравшагося на жительство въ глушь. Для окружающихъ интеллигента онъ—чистый кладъ, онъ руководитель, совѣтникъ, судія,

лично же для себя—онъ безпомощное существо. Человѣкъ не всевѣдущъ, онъ не можетъ знать всего, у него часто являются недоумѣнные вопросы, рѣшать которые приходится самому.

Въ такомъ положеніи находятся многіе изъ сельскихъ батюшекъ, закинутыхъ въ глухія села и деревеньки необъятной матушки Россіи. И жизнь, и пастырская практика задаютъ нерѣдко батюшкамъ такіе вопросики, что нужно или имѣть мудрость Соломонову, чтобы рѣшить ихъ, или совсѣмъ отказаться отъ рѣшенія. Неимѣніе мудрости Соломоновой и полная невозможность отказываться отъ рѣшенія, такъ какъ обстоятельства требуютъ рѣшенія, заставляютъ тотчасъ изощряться и такъ или иначе рѣшать эти вопросы.

Укажу нѣсколько случаевъ подобнаго затруднительнаго положенія какъ изъ своей личной практики, такъ и изъ практики знакомыхъ мнѣ коллегъ-іереевъ. Я живу вдали отъ „центровъ“. Вѣсти о событіяхъ чрезвычайной важности доходятъ до меня не скоро. Дѣло было въ годъ кончины Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича. Эта вѣсть мнѣ была передана служащими сосѣдней фабрики, узнавшими о кончинѣ Наслѣдника отъ нарочнаго фабрики, посланнаго въ городъ. Фабричные просили меня отслужить панихиду о скончавшемся Великомъ Князѣ. Я отказалъ имъ, такъ какъ не имѣлъ объ этомъ офиціальнаго увѣдомленія и въ то же время послалъ мѣстному благочинному рапортъ съ запросомъ, какъ быть? Слышалъ чрезъ того же нарочнаго, что въ городѣ панихида о Великомъ Князѣ уже отслужена согласно полученной тамъ телеграммы. Проходитъ недѣли двѣ. Получаю отъ о. благочиннаго отвѣтъ, гдѣ рекомендуется мнѣ ждать офиціальнаго увѣдомленія... И вотъ я, зная, что Великій Князь уже умеръ, въ ожиданіи *офиціальнаго увѣдомленія*, за службами въ церкви чуть ли не цѣлый мѣсяцъ на соблазнъ знающей публики долженъ былъ поминать о здравіи того, кто уже умеръ... Не странно ли! Выходитъ, что мы—жители деревни, не должны смѣть свое сужденіе имѣть, а

дожидаться, какъ намъ прикажутъ. Ждешь, ждешь (а дѣло-то не терпитъ!), да и начинаешь дѣлать по-своему.

Помнится мнѣ случай съ однимъ изъ младшихъ священниковъ собора въ уѣздномъ городкѣ М. Обращается къ этому батюшкѣ прихожанинъ съ просьбой повѣнчать глухонѣмого его родственника. Батюшка начинаетъ „рыться“ во всевозможныхъ руководствахъ для пастыря и находитъ лишь одно, что „глухонѣмыхъ можно вѣнчать по удостовѣреніи въ ихъ здравомыслiи“. Какъ понимать это опредѣленіе? Кто удостовѣритъ здравомыслiе глухонѣмого. Идетъ батюшка къ одному изъ старѣйшихъ коллегъ іереевъ за совѣтомъ. Тотъ отвѣчаетъ, что въ его практикѣ такихъ случаевъ не бывало. Идетъ къ другому,—результатъ тотъ же. Вспомнилъ батюшка, что въ одной изъ городскихъ церквей служитъ батюшка, до сего времени много лѣтъ служившій въ селѣ, что говорило за его многоопытность. Приходитъ къ нему и разсказываетъ дѣло. Опытный батюшка говоритъ: „Да, въ моей практикѣ былъ случай повѣнчанія глухонѣмого. Къ архiерею обращаться было далеко, я обратился за совѣтомъ къ знаменитому во дни оны протоiерею Я—ву. Я—въ посовѣтовалъ повѣнчать, взявши удостовѣреніе въ волостномъ правленiи о здравомыслiи жениха. Въ волостн. правленiи отвѣчаютъ: „Уже мы повѣнчали бракъ одинъ такой, а черезъ мѣсяцъ этотъ „здравомыслящiй“ зарубилъ топоромъ свою жену“... Что дѣлать? Кто-то посовѣтовалъ недоумѣвающему батюшкѣ обратиться по вопросу о здравомыслiи жениха къ лицамъ компетентнымъ, каковы врачи. Обращается батюшка къ городскому врачу, популярному и доступному для населенія. Тотъ и радъ бы подать совѣтъ и помощь, да самъ оказался несвѣдущимъ. „Я поищу разъясненія по этому вопросу въ своихъ руководствахъ, отвѣтилъ городской врачъ, а вы, батюшка, обратитесь къ земскому врачу. Земскiй врачъ отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства, относя это дѣло къ вѣдѣнiю уѣзднаго врача. Посылаетъ батюшка официальную бумагу уѣздному врачу. Этотъ послѣдній, разсказывалъ посыльный,

получивши бумаги, тотчасъ же свернулъ ее, подалъ обратно посыльному и сказалъ: „Скажи, братецъ, батюшкѣ, что мнѣ некогда: я сейчасъ уѣзжаю въ уѣздъ“. Похлопоталъ, похлопоталъ батюшка,—видитъ, что толку нигдѣ не добьешься.—взялъ да и рѣшилъ на свой рискъ устроить дѣло. Предложилъ онъ роднымъ жениха взять удостовѣреніе въ благонадежности и здравомыслiи жениха, и, заручившись этимъ удостовѣреніемъ, батюшка взялъ подписку съ родныхъ жениха въ томъ, что они ручаются за его здравомыслiе; взялъ подписку съ родныхъ невѣстиныхъ и съ самой невѣсты въ томъ, что первые выдаютъ, а вторая идетъ въ замужество за жениха, извѣстнаго имъ за здравомыслящаго. Послѣ этого батюшка повѣнчалъ бракъ. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, молодые имѣютъ кучу ребятъ и поживаютъ себѣ по добру, да поздорову. Будь батюшка такой же формалистъ, какъ и коллеги и врачи, быть бы глухонѣмому одинокимъ и мыкать свою нерадостную жизнь одному.

Подобные случаи недоумѣній нерѣдки и въ деревнѣ, гдѣ батюшкѣ ужъ совсѣмъ не съ кѣмъ посовѣтоваться.

Въ приходѣ у о. В. проживаютъ выходцы изъ разныхъ губерній. Проживалъ и дезертиръ австрійскихъ войскъ Василенко. Года два былъ извѣстенъ о. В. дезертиръ, какъ ревностный христіанинъ, очень аккуратно исполнявшій всѣ христіанскія обязанности. Нужно сказать, что Батюшкѣ Василенко былъ извѣстенъ не какъ дезертиръ а какъ прихожанинъ изъ временнопроживающихъ.

Однажды Василенко приходитъ къ батюшкѣ и проситъ его повѣнчать съ мѣстной жительницей дѣвицей Т. Батюшка въ просьбѣ не отказываетъ, но предлагаетъ Василенко представить документы. Василенко разсказываетъ батюшкѣ свою исторію и говоритъ, что его документы въ канцеляріи губернатора. О. В. пишетъ епархіальному начальству рапортъ, гдѣ, сообщая о Василенкѣ, какъ православномъ христіанинѣ, проситъ потребовать изъ канцеляріи губернатора нужныя для брака свѣдѣнія о Василенкѣ и разрѣшить повѣнчать бракъ.

Епархіальное начальство, препровождая о. В. просимыя свѣдѣнія, разрѣшаетъ повѣнчаніе брака, но въ то же время предписываетъ о. В. сообщить, на какомъ основаніи онъ считаетъ Василенка православнымъ, когда по заявленію самого же Василенка, данному при поимкѣ его въ предѣлахъ Россіи, онъ—грекоуніатъ? Батюшка недоумѣваетъ. Призываетъ Василенка и дѣлаетъ ему допросъ. Василенко объясняетъ, что онъ признаетъ себя истинно православнымъ, каковымъ родился и каковымъ былъ съ родными въ Галиціи, въ подданствѣ Австріи. „Въ Австріи", повѣствовалъ Василенко, „наши священники такъ же, какъ и вы, одѣваются при службѣ, только служатъ на другомъ языкѣ".—„А папу за службой поминаютъ?" спросилъ о. В. „Какъ же, поминаютъ!" отвѣчалъ Василенко. „А слыхалъ ты, что бы и я поминалъ за службой папу?" спросилъ о. В. „Какъ будто нѣтъ", отвѣчалъ, немного подумавши, Василенко.—„Вотъ, голубчикъ, въ томъ и разница, что мы, православные христіане, папы не признаемъ, какъ католики и уніаты", сказалъ батюшка. Послѣ этого Василенко далъ подписку, что онъ признавалъ и признаетъ православіе за истинное христіанское вѣроисповѣданіе и намѣренъ слѣдовать ему. По совершенію обычныхъ формальностей бракъ Василенка былъ повѣнчанъ.

Когда о. В. донесъ епархіальному начальству обо всемъ, онъ получилъ такую резолюцію: „Священнику В. предлагается быть впредь осмотрительнымъ и незнакомыхъ ему лицъ не принимать на исповѣдь". Значитъ, о. В. долженъ теперь у каждаго исповѣдника предварительно допуска къ исповѣди спрашивать паспортъ, а не довольствоваться его личнымъ заявленіемъ... Совсѣмъ какъ въ пограничной таможнѣ!

Свящ. *М. Бурдуковъ.*

Письмо въ Редакцію.

Я обратился къ своему епископу съ рапортомъ такого содержанія.

„Церковныя правила запрещаютъ допускать до св. Причащенія лицъ, живущихъ явно блудно, сводомъ. Исполняя это правило, я ежегодно встрѣчаю неудовольствія и непріятности со стороны лицъ, которымъ, въ силу этихъ правилъ, приходится отказывать въ Причащеніи. Недовольные указываютъ на повсемѣстную практику священниковъ, не дѣлающихъ въ этомъ случаѣ различія. Такъ какъ выдѣленіе одного священника изъ ряда общей практики іереевъ епархіи ставитъ такового въ непріятное положеніе, навлекая на него со стороны прихожанъ нарекапія въ излишней строгости и въ выдумываніи якобы несуществующихъ правилъ, то поэтому осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство благоволить разрѣшить и мнѣ, во избѣжаніе непріятностей, допускать ко св. Причащенію всѣхъ вообще лицъ, независимо отъ подобнаго образа жизни“.

Далѣе, въ письмѣ въ редакцію авторъ рапорта—священникъ N-ской епархіи приводитъ упреки, которые то и дѣло приходится слышать ему отъ недовольныхъ.

—„Ты развѣ больше знаешь, чѣмъ нашъ покойный духовникъ о. N, или вотъ заслуженный городской протоіерей о. N?“—„Или ты только одинъ знаешь такое правило, а другіе сотни священниковъ въ губерніи не знаютъ?“ —„Ты въ прошедшій разъ Н—ву отказалъ, а онъ пошелъ да у твоего сосѣда о. N причастился, который его и раньше причащалъ безъ препятствія“.—„Въ с. П—мъ вотъ уже много лѣтъ живетъ крестьянинъ О—въ со вдовой своего родного брата, имѣетъ отъ нея дѣтей, ежегодно говѣетъ и причащается, и мы не слыхивали, чтобы отказалъ ему отъ причащенія кто-либо изъ священниковъ, которыхъ въ приходѣ за это время перебывало не мало“.

Что сказать на подобныя возраженія священнику, не желающему „бросать бисера предъ свиньями?“ Каково его положеніе?! Въ особенности злосчастные нападки вызываетъ такое различное отношеніе священниковъ къ величайшей святынѣ со стороны раскольниковъ и сектантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые однажды сказали священнику: — „ты бы взялъ съ него больше, и причастилъ“...

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую Редакцію не отказать напечатать сообщаемую копію съ моего рапорта,—чтобы этимъ самымъ побудить епархіальное начальство къ должному разъясненію,—ибо опасаюсь, какъ бы и на этотъ разъ этотъ рапортъ мой не остался безъ отвѣта, какъ остался безъ отвѣта точно такого же содержанія рапортъ мой, поданный пять лѣтъ тому назадъ другому епископу (викарному же). Впрочемъ, черезъ годъ (кажется, этотъ мой рапортъ и вызвалъ) былъ указъ консисторіи, который обязывалъ священниковъ, „во избѣжаніе злоупотребленій св. Причащеніемъ со стороны лицъ, запрещенныхъ за блудное житіе“, выдавать отправляющимся на богомолье свидѣтельство въ томъ, что они не состоятъ (подъ епитиміей) въ запрещеніи отъ духовника“. Но никто, конечно, изъ священниковъ не исполняетъ этого указа, да и не имѣетъ возможности исполнить: богомольцы большею частью уходятъ безъ вѣдома священника, да и для послѣднихъ это было бы непосильнымъ обремененіемъ. И все у насъ сводится на бумажечку, а совѣсть-то человѣческая гдѣ?—въ особенности іерейская?.. Ужели величайшее христіанское Таинство—Тѣло и Кровь Господни, средство и залогъ нашего спасенія, не стоитъ того, чтобы наша духовная бюрократія (?) вступилась за честь и святость его и указала духовенству должное къ нему отношеніе?..

Съ почтеніемъ подписчикъ.

По поводу настоящаго письма Редакція можетъ сказать слѣдующее.

Каноническія правила относятся весьма строго къ лицамъ, состоящимъ въ беззаконномъ сожитіи. По 59 правилу св. Василія Великаго, *блудникъ седмь лѣтъ да не причастится Св. Таинъ...;* а *прелюбодѣйствовавшій*—говорится въ 58 правилѣ того же св. отца—*пятьнадесять лѣтъ да не пріобщается...* Но эти и подобныя имъ каноническія правила о продолжительномъ отлученіи отъ св. Причащенія и въ древней Церкви не примѣнялись безусловно, а нынѣ и совсѣмъ не примѣняются въ церковной практикѣ, и могутъ служить только руководствомъ для опредѣленія тяжести того или другого грѣха. „Не непремѣнны суть о епитиміяхъ каноны,—читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ,—но разсужденію отца духовнаго оставлены, который долженъ есть смотрѣти, кто и каковъ есть кающійся, и можетъ умножать и умалять время и количество епитиміи и едину епитимію перелагати на другую. Собственно же и именно оную, въ древнемъ обычаѣ бывшую епитимію, еже на долгое время лишати причастія Св. Таинъ, (въ настоящее время) оставити, и къ тому не употреблять подобаетъ“ (Прибавл. § 14).

Вопросъ о томъ, какъ должно относиться къ явнымъ блудникамъ, прелюбодѣямъ и т. п., въ настоящее время особенно смущаетъ пастырей-духовниковъ. Дѣло въ томъ, что въ современномъ обществѣ беззаконныя сожитія не только лицъ свободныхъ, но и связанныхъ брачными узами, и открытое нарушеніе супружескихъ обязанностей—явленія почти обыкновенныя, и грустно особенно то, что теперь не только люди свѣтскіе, но и многіе даже священники смотрятъ на эти грѣхи равнодушно, не предпринимая противъ нихъ никакихъ мѣръ, и тѣмъ еще болѣе способствуютъ распространенію и укорененію ихъ. Само собой понятно, что истинно преданные своему дѣлу священники не должны поступать такимъ образомъ. На основаніи знакомства съ практикой наиболѣе опытныхъ священниковъ можемъ сказать, что всего

лучше поступаютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ тѣ пастыри-духовники, которые не сразу примѣняютъ крутыя мѣры и сильныя средства. Напротивъ, если къ священнику приходитъ на исповѣдь человѣкъ, который сознается, что онъ пребываетъ въ незаконномъ сожитіи, то духовникъ долженъ сначала благоразумно и съ пастырски-отеческою настойчивостію убѣждать такового оставить оное, или покрыть законнымъ супружествомъ, если это возможно, и если кающійся согласится на то или другое, священникъ можетъ со спокойною совѣстію разрѣшить его и удостоить св. Причащенія. Если же грѣшникъ и послѣ этого не исправится, то на слѣдующей исповѣди священникъ долженъ пригрозить ему судомъ Божіимъ, а въ случаѣ надобности—и отлученіемъ отъ св. Причащенія, и потомъ для опыта даже на время отлучить его, благоразумно предваряя, что, въ случаѣ исправленія, онъ снова получитъ разрѣшеніе и будетъ допущенъ къ причащенію. Но когда и это не подѣйствуетъ, то священникъ немедленно долженъ обо всемъ довести до свѣдѣнія епархіальнаго преосвященнаго, чтобы потомъ уже дѣйствовать по его усмотрѣнію. А долгъ преосвященнаго—неукоснительно преподать вопрошающему пастырю-духовнику подлежащія руководственныя указанія.

П. И. Линицкій († 12 іюня с. г.).

Всѣ, кому суждено было пройти Кіевскую академію въ теченіе послѣдняго сорокалѣтія (1867—1906 г.), помнятъ этого серьезно-сосредоточеннаго, спокойнаго и авторитетнаго профессора одного изъ серьезнѣйшихъ предметовъ общаго образованія. Терминъ „философа“ въ обычномъ словоупотребленіи въ положительномъ отношеніи является синонимомъ серьезности въ научномъ знаніи, твердости и опредѣленности общаго міросозерцанія, стойкости проведенія убѣжденій въ практическую жизнь; но этотъ же терминъ часто употребляет-

ся и въ отрицательномъ значеніи: имъ большею частью хотятъ намекнуть на какую-нибудь необычную форму общественныхъ отношеній, обособленность и нѣкоторую замкнутость этихъ профессіональныхъ „философовъ“, полную непрактичность въ устроеніи всего, касающагося житейски-практическихъ выгодъ и проч. На П. И. болѣе, чѣмъ на комъ-либо, оправдалось обоюдное употребленіе термина. Всѣмъ должно быть памятно, съ какою любовью и высшимъ интересомъ покойный самъ штудировалъ (и другихъ училъ тому же) все, относящееся къ избранному имъ, какъ послѣдняя цѣль жизни, (не преувеличивая, говоримъ) предмету, какою необычайною эрудиціей, какимъ богатствомъ и полнотою сообщаемаго вѣяло отъ всѣхъ его лекцій! Не будетъ ошибкой сказать, что покойный училъ и учился цѣлую жизнь свою. Но штудированіе многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ философскимъ вопросамъ, не могло, конечно, найти въ философской головѣ покойнаго только одно объективно-отражающее зеркало; не могъ онъ при продолжительныхъ и усидчивыхъ работахъ въ опредѣленной сферѣ вопросовъ, не выработать путемъ критическаго разсмотрѣнія всевозможныхъ направленій научно-философской мысли, собственнаго философскаго міросозерцанія, сквозь призму котораго приходили бы и пріобрѣтали бы своеобразное освѣщеніе тѣ многоразличныя теоріи, которыя ему приходилось излагать предъ своей аудиторіей. Помимо интереса чисто—профессіональнаго, и личная, индивидуальная жизнь каждаго мыслящаго, а особенно того, чья мысль движется въ сферѣ философскихъ вопросовъ, должна наталкивать и наталкивала серьезнаго мыслителя на вѣковѣчные вопросы жизни и знанія,—тѣ вопросы, гдѣ философія, религія и поэзія объединяются, какъ изъ одного родника текущіе источники; еще частнѣе—вопросъ о религіи Христа, отношеніи ея къ философствующему разуму, многочисленныя коллизіи этого послѣдняго съ нею; примирительное отношеніе (сравнительно у немногихъ) съ одной стороны, и многочисленные подчасъ рѣзкіе, доходящіе

прямо до издѣвательства и рѣзкаго порицанія и отрицанія—нападки съ другой,—все это, естественно, будило мысль покойнаго философа, устремляло его отъ общихъ метафизическихъ размышленій и изысканій къ вопросамъ характера богословско-философскаго и соціально-этическаго. Помнимъ, какъ покойный мечталъ объ основаніи богословско-философскаго журнала, и какая искренняя, неподдѣльная радость охватила его, когда покойный преосвященный харьковскій Амвросій основалъ такой журналъ „Вѣра и Разумъ“ (кажется, не безъ дѣятельнаго участія въ совѣтѣ по обсужденію программы со стороны покойнаго профессора); въ этомъ журналѣ покойный и началъ энергично работать, не покидая, впрочемъ, страницъ и академическаго журнала. Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ покойный профессоръ выступилъ со статьею весьма крупнаго общественно-философскаго значенія подъ заглавіемъ „Критическое обсужденіе взглядовъ и сужденій о разныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства“, въ которой, какъ на то намекаетъ заглавіе, разсмотрѣлъ всю нетвердость, неустойчивость, постоянное логическое противорѣчіе такъ называемыхъ „обычныхъ“ взглядовъ и сужденій, о логической слабости которыхъ (чтобъ не сказать болѣе) большинство, конечно, не задумывается, а между тѣмъ какіе грѣхи жизненно-практическіе, какая фальшь является результатомъ примѣненія къ жизни подобныхъ недоносковъ, по ошибкѣ называемыхъ идеями и даже принципами, а не то и убѣжденіями! Цѣлью философскаго образованія покойный считалъ именно пріобрѣтеніе, выработку такихъ твердыхъ убѣжденій, а средствомъ къ этому—воспитаніе критическаго разума, умѣющаго ориентироваться среди всевозможныхъ *измовъ*, не раболѣпствующаго ни предъ какимъ научнымъ авторитетомъ, какимъ бы сильнымъ ни казался онъ, какъ бы ни импонировалъ на коснѣющую въ догматическомъ снѣ массу. Какъ бывшій профессоръ исторіи философіи (съ 1887-го года П. И. перешелъ на каѳедру логики и метафизики), П. И. долженъ былъ чувствовать на-

стоятельную потребность внести свою точку зрѣнія въ тотъ богатый матеріалъ, который онъ съ такою любовью излагалъ не разъ предъ своею аудиторіей; результатомъ этого явился обширный его трудъ (подъ общимъ заглавіемъ „Идеализмъ и Реализмъ"), вначалѣ помѣщенный на страницахъ того же журнала „Вѣра и Разумъ" и впослѣдствіи вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ. Въ послѣдніе годы большая часть статей покойнаго профессора централизуется около вопроса о вѣрѣ и знаніи, о вѣрѣ и жизни, гдѣ ему приходилось касаться и современныхъ теченій философской мысли какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи.

П. И. свѣтомъ философствующаго разума всегда старался освѣщать наиболѣе волновавшіе общественную мысль вопросы: когда въ достопамятную эпоху царствованія Александра III Русь старалась вернуться на свою старинную, самобытную дорогу въ нѣсколькихъ областяхъ жизни и общественнаго устройства, то многіе усмотрѣли въ этомъ „попятное движеніе", ретроградство (что было на руку славянофиламъ и до болѣзненности раздражало либераловъ-западниковъ). Въ такую пору въ высшей степени важно было критически обсудить идейную сторону того и другого соціально-политическаго направленія, взвѣсить всѣ доводы pro и contra ихъ, разсмотрѣть выдающіеся труды тѣхъ и другихъ и представить свое освѣщеніе тѣмъ основамъ, на которыхъ зиждутся эти противоположныя направленія. Результатомъ работъ покойнаго П. И. въ этой области явился его солидный трудъ „Славянофильство и либерализмъ", появившійся на страницахъ академическаго журнала и впослѣдствіи вышедшій отдѣльною книгою.

Изъ другихъ трудовъ покойнаго заслуживаетъ вниманія его „Ученіе Платона о Божествѣ"—докторская диссертація, въ которой профессору пришлось разбираться въ подлинности платоновскихъ діалоговъ, въ разнорѣчіяхъ и разногласіяхъ, по важнѣйшему выбранному имъ для изслѣдованія ученію, однихъ діалоговъ съ другими, а также и съ различ-

ными до противоположности мнѣніями западно-европейской философской критики по этому вопросу.

Когда въ 70-хъ годахъ въ духовныхъ семинаріяхъ былъ введенъ курсъ „Обзора философскихъ ученій“, то покойный профессоръ составилъ свой учебникъ по этому предмету, гдѣ съ нѣкоторою сжатостью изложенія сумѣлъ соединить полноту, основательность и точность отвѣтовъ на вопросы программы.

Мы проходимъ молчаніемъ многочисленныя другія статьи покойнаго профессора, появлявшіяся въ академическомъ журналѣ („Труды Кіевской духовной Академіи) и другихъ изданіяхъ (извѣстна намъ, напр., его статья въ „Кіевскихъ епарх. вѣдом.“ подъ заглавіемъ „Нравственная статистика“) или представлявшія собою рефераты, читанные покойнымъ на засѣданіяхъ Археологическаго Общества (извѣстны намъ, напр., рефераты, „Любовь, какъ принципъ жизни“, „Девятая симфонія Бетховена“ [1]).

На каѳедрѣ П. И. производилъ впечатлѣніе строгаго до суровости, какого-то формально-сухого, недоступнаго; но нужно было узнать его ближе, получить доступъ къ его богато-одаренному духу, чтобы невыгодныя впечатлѣнія отъ его личности исчезли безслѣдно. Простота, доступность, даже веселость, мѣткій подчасъ юморъ были чертами, характеризующими личность покойнаго въ интимномъ небольшомъ кругу его знакомыхъ. Какой юношескій духъ онъ сохранялъ отчасти вслѣдствіе постояннаго отрѣшенія въ мірѣ мысли отъ всякой житейской прозы и грязи, а отчасти въ силу

[1]) Тема послѣдняго реферата объясняется чрезвычайною любовью покойнаго къ музыкѣ вообще и въ особенности къ произведеніямъ великаго маэстро въ области сонатной и симфонической музыки. Сонаты и симфонія Бетховена были любимѣйшими сочиненіями покойнаго профессора; онъ даже любилъ, когда ихъ (сонато) разучивали въ его присутствіи; частое по необходимости повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ давало возможность ему положительно какъ бы штудировать дивныя созданія генія—философа и постигать ихъ необычайныя красоты.

своего темперамента и регулярнѣйшаго образа жизни! Кромѣ музыки у себя дома и рѣдко въ театрѣ (симфоническіе вечера), бесѣды въ небольшомъ кругу знакомыхъ, да посѣщенія немногихъ знакомыхъ, едва ли допускалъ какія-либо развлеченія покойный профессоръ. Всегда казалось, что „друзей" настоящихъ, которые были бы ему вполнѣ по сердцу, у него не было; не хотѣлъ ли онъ ихъ имѣть по особенной организаціи своей натуры, или не могъ найти ихъ среди окружающихъ его, трудно сказать. Между тѣмъ жизненный крестъ выпалъ не легкій на долю покойнаго; въ семьѣ ему пришлось не мало претерпѣть огорченій, которыя онъ по особенностямъ своей натуры складывалъ глубоко въ сердцѣ; онѣ-то—эти огорченія и дали тотъ ужасный осадокъ, который послужилъ почвой для тяжкой болѣзни. Не сомнѣваемся ни на минуту, что „освободительное" движеніе, проникшее какъ извѣстно, и въ стѣны нашихъ духовно-учебныхъ заведеній (въ частности духовныхъ академій) не мало способствовало усиленію и развитію гнѣздившейся давно болѣзни. Время пересмотра всѣхъ „цѣнностей", отъ великихъ до малыхъ, время ниспроверженія всякихъ авторитетовъ и всякой власти чуть ли не до родительской включительно, не могло не отразиться на отношеніяхъ профессоровъ къ студентамъ и обратно. Профессоръ, прослужившій около сорока лѣтъ любимому дѣлу, составившій себѣ извѣстныя убѣжденія въ правѣ, думаемъ, оцѣнивать всѣ событія текущей жизни съ своей точки зрѣнія, какова бы она ни была, и учащимся можно было бы посовѣтовать (о если бы юность знала!) прислушиваться къ мнѣнію маститаго профессора, умѣть терпѣливо отнестись къ такимъ или инымъ взглядамъ (не скроемъ, быть можетъ, прямолинейно до рѣзкости выраженнымъ), не требовать тамъ, гдѣ слѣдовало просить, не протестовать тамъ, гдѣ слѣдовало бы выслушать и подчиниться. Какое глубокое горе долженъ былъ испытывать маститый профессоръ, постоянно видѣвшій, что его авторитетъ поколебленъ, что его хотятъ учить; какая ужасная пытка должна была быть для него, чувство-

вавшаго, что онъ—сила и сила не малая? Жить когда всѣ начала, оживлявшія и свѣтившія старику въ теченіе его долговременной и многоплодной дѣятельности, разбиты и ниспровергнуты, когда о трудѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова не знаютъ и не хотятъ знать,—жить въ такую пору возможно ли, не отказавшись отъ самой сути своего „я“?—да это смерть при жизни! И не вынесла сильная натура такого крушенія дорогихъ принциповъ; пусть другіе „приспособляются“ къ новымъ теченіямъ и вѣяніямъ, пусть уступаютъ и поступаются, если угодно, а покойному судьба рѣшила вмѣсто упорной борьбы, которая могла его ожидать, тихую и холодную могилу. Мы слышали, какъ учащіеся въ академіи надъ гробомъ покойнаго возвеличивали заслуги покойнаго. Пусть это не будутъ слова одни! пусть образъ истаго, талантливаго, серьезнаго труженика-профессора, учившаго и ихъ, вѣроятно, такому же отношенію къ дѣлу, глубоко на всю жизнь запечатлѣется въ ихъ юной душѣ и научитъ ихъ серьезно мыслить, энергично трудиться и (не ошибемся, если прибавимъ) молиться. *П. Калачинскій.*

За Редактора Преподав. Кіевск. Духовной Семинаріи **Н. Пальмовъ.**

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.